

СМЕНА

июль
2000

С. Бешужева - Лада Звезды астрологии

■ Милдред Дэвис Комната наверху

ВМЕСТЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

«ЛУКОЙЛ» ориентируется на потребителя и выпускает широкий ассортимент масел как для двигателей подержанных автомобилей, так и для двигателей последнего поколения.

«ЛУКОЙЛ» ценит свой товарный знак поэтому качество масел контролируется в течение всего процесса изготовления, и каждая партия продукции перед отправкой проверяется и сопровождается паспортом качества.

ТЕЛЕФОН: (095) 207-1441.
ТОЛЬКО ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ.

ТОВАР СЕРТИФИЦИРОВАН

ЛУКОЙЛ

Главный редактор*Михаил Кизилов***Редколлегия:****зам. главного редактора***Борис Данюшевский**Николай Левинев***зам. главного редактора***Сергей Попов***главный художник***Виталий Федоров***редактор отдела
литературы и искусства***Шамара Чингина*

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

62000
июнь (1628)

Сдано в набор 14.4.2000.
Подписано к печати 18.5.2000.
Бумага газетная.
Печать офсетная.
Заказ №1225
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14,
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
Факс (095) 250-59-28.
E-mail: smena@garnet.ru
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Reg. № 014832

**Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"
Отпечатано в типографии
ОАО ПО "Пресса-1"
В случае полиграфического брака
обращаться в типографию
ОАО ПО "Пресса-1"
257-42-29
257-41-03

Журнал распространяется
на самолетах "Аэрофлота".

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2000.

40 *Владимир Павлов*
КРОПОТКИНСКАЯ, 17
 Мистический рассказ

130 *Милдред Дэвис*
КОМНАТА НАВЕРХУ
 Детектив

6 *Лина Шархова*
ВОЗМЕЗДИЕ ИЛИ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

18 *Галина Александрова*
ЗА ВСЮ РОССИЮ

36 *Дмитрий Шеваров*
ПОД КРЫЛЬЯМИ
БЕЛОЙ НОЧИ

64 *Лора Великанова*
МАРАФОН ДЛИНОЙ
В 12 ЛЕТ

Николай
 232 *Александров*
ЛОВУШКА ВРЕМЕНИ

242 *Василий Песков*
БЕЛЫЕ ЖУРАВЛИ

250 *Леонид Репин*
ЧЕЛОВЕК
ПОБЕЖДАЮЩИЙ

264 *Юрий Акопян*
КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ
ПОРТРЕТ...

июнь '2000

6

В НОМЕРЕ:

стр. 122

стр. 104

28 *Лариса Кривцова:*
**"ГЛАВНОЕ — ВЕРИТЬ
 В СВОЮ ЗВЕЗДУ"**

54 *Леонид Лернер*
ЦАРЬ ОПЕРЫ

76 *Любовь Русева*
РАЗБОЙНИКИ

Светлана
 90 *Бестужева-Лада*
ВЕЛИКАЯ АВРОРА

104 *Лидия Байрамова*
ШИШКИН

259 *Шатъяна Секридова*
**КРУТАЯ МУЗЫКА
 КРУТОГО**

4 *Давид Самойлов*

Алексей Ашеев
МАРА

Новоявленный
 "бизнесмен" Валерий
 Десяткин, торгующий
 старой рухлядью и гордо
 именующий себя
 антикваром, по совету
 старого знакомого
 отправляется в
 заброшенную деревеньку
 Чернотал, где якобы у
 местных жителей
 хранится много ценных
 старинных предметов. По
 дороге туда — то ли
 наяву, то ли в грезах —
 он встречает прекрасную
 девушку по имени Мара.
 Эта встреча стала для
 героя мистической
 повести роковой — после
 нее он попадает в самые
 невероятные и
 необъяснимые ситуации...

Юрий Кричевский
**О, КАЗИНО,
 КАЗИНО!**

Знаете ли вы, что
 ежемесячно московские
 казино посещают свыше
 250 тысяч человек? Что в
 казино можно прийти с
 50 долларами, а уйти с
 выигрышем в тысячу и
 больше? И наоборот —
 за один вечер проиграть
 не только тысячу, но и
 квартиру, дачу, машину?
 Десять лет прошло с того
 дня, как в Москве
 открылось первое казино,
 а сегодня их уже 36.
 Придя в казино, вы
 играете только с колесом
 фортуны. Нравственно
 или безнравственно такое
 времяпрепровождение —
 вы узнаете, прочитав
 очерк нашего журналиста
 и игрока.

стр. 264

10 ЛЬ '2000

АНОНС:

Давид САМОЙЛОВ

из неопубликованного

КАЗАКИ

*Слегка грустит весенний паводок,
Овраги водами полны.
И казаки спускают на воду
Свои высокие челны.*

*И поплывут они, грудастые,
Вздымая веслами волну,
По морю синему, по Каспию,
Туда, в Персидскую страну.*

*Туда за золотом, за шаялями,
За сталью твердой, как алмаз,
Чтоб только ждали вы, да ждали бы —
Молили Господа за нас.*

*А мы-то пьяные да грешные,
Марая брагою усы,
Гуляем с девками нездешними
Вдали от вас и от Руси.*

*Но только птица мимолетная
Пройдет над нами высоко,
Мы под надутыми полотнами
Челны расставим косяком —*

*И на весло наляжем разом мы,
Вздымая белую волну,
И запоем про Стеньку Разина
И про персидскую княжну.*

1946

РОМАНС

*Последний раз я плакал на вокзале
Тому назад почти уже пять лет.
Какими равнодушными глазами
Вы поезду тогда смотрели вслед!*

*Я глаз не видел. Я тот холод чувал.
Он как декабрь студил наверняка.
И после, долго по свету кочуя,
Его я ощущал издалека.*

*Вы не любили? Нет, за то не судят.
И я любви не требовал от вас.
Но пожалей Господь, кого остудит
Безмерный лед таких, как ваши, глаз!*

Середина 40-х

* * *

*Ночь дымится метелью, как прорубь.
Герод, как обледенелый короб.
Дымно клубится снег за окном.
Свет расплывается жирным пятном.*

*(Надо ли ехать дальше в какой-нибудь город другой?
Там тоже мороз позванивает бубенчиком под дугой.
Там тоже ночь распластана в окне за полштыка.
Узором стекла заспаны, как женская щека.)*

*Ночь в дуду дудит в трубе
О моей, солдатской, судьбе.
Хозяйка с тулупом идет за печь,
Чтоб мне было теплее лечь.*

*(Как хорошо, что до света осталось четыре часа.
Горсть сухого снега бьется в стекло, как оса.)*

*Я погружаюсь в оттепель
Медленно, как в мазут.
Сны — крылатые кони —
Уже удила грызут.*

*...Ночь, черная, как чугуи,
Звонкая, как чугуи.
Переулки звенят на каждом шагу.
На Красную площадь
В озерную рябь
Кремль выплывает —
Старинный корабль.
Иду, аки по суху мимо поста,
Часовые не спрашивают паспорта.*

1946

* * *

*Все равно будут матери плакать —
Никуда им печали не деть.
Все равно будут в раннюю слякоть
Сквозь туманные окна глядеть.*

*Не приедут желанные гости,
Не вернутся в поту и в пыли.
Где-то по свету желтые кости
Разметались, быльем поросли...*

1947

Публикация

Александра ДАВИДОВА

Воз

или

стра

**Что
нужно сделать,
чтобы
наши дети
не пополняли
ряды
преступников?**

**Знаете ли вы,
что такое
ювенальная
юстиция?**

Это было на одной из пресс-конференций. Представитель МВД России рассказал журналистам, в каком печальном положении находятся сегодня многие наши дети, ознакомил с вопиющими фактами, а в конце показал фотографию славной девчонки с неровной челной.

— А вот вам одна частная судьба, — сказал он. — Я получил у этой девушки разрешение рассказать о ней и хочу это сделать.

История, последовавшая за этим, леденила душу. Ире (имя здесь вымышленное, хотя подлинное было названо) семнадцать лет, живет на Урале. Восемилетнюю ее изнасиловал отец и делал это потом при каждом удобном

Мездие

ВЕДЛИВОСТЬ

случае. Мать, которой девочка после года терзаний решилась рассказать об этом ужасе, обвинила дочь во лжи и прогнала прочь, к полуслепой бабушке.

Можно ли ожидать от ребенка в такой ситуации — одиночество, отсутствие сочувствия и поддержки взрослых, нищета, — что он поведет себя паинькой? Ира, понятное дело, оказалась на панели, стала наркоманкой, недавно обнаружилось, что она ВИЧ-инфицирована. Много раз ее задерживала милиция. В московском детприемнике открылось, и это было новостью и для самой девочки, что она хорошо рисует. За месяц жизни под милицейской крышей она извела всю бумагу и все краски, какие нашлись у воспитателей.

В приемнике же была устроена выставка ее работ. Ира чувст-

вовала себя звездой. Размечталась: стану художницей! Но что могли сделать для этого истерзанного жизнью существа люди в погонах? Только подержать у себя недолго, не больше месяца. А затем ее обязаны отправить домой, то есть в лапы тому самому папочке, к той самой матери-ехидне.

Журналисты разглядывали фотографию Иры. Какой же дан этой девочке запас душевного здоровья, что она, проститутка поневоле, наркоманка, ВИЧ-инфицированная, смотрит в объектив (в мир) с такой радостной надеждой!

Молодая тележурналистка, получив в руки снимок, тут же деловито распорядилась, чтобы оператор переснял ее для эфира.

— Какое вы имеете право, — не выдержала я. — Показать девочку на экране, назвать имя, ме-

сто, где она живет, страшный диагноз... Это же все равно, что уничтожить ее. Представьте только, как ее встретят дома соседи!

— Ничего не знаю, — отрезала молодая коллега. — Девочка же сама разрешила о ней рассказать!

— Да что она может понимать в свои семнадцать лет! Если бы вы жили во Франции, вам пришлось бы отвечать за разглашение подобных сведений в уголовном суде.

— Но мы же не во Франции!

Оператор навел на фотографию объектив, и камера застрекотала.

Как жаль, что мы не Франция, не Англия и не какая-нибудь другая цивилизованная страна, где права детей надежно защищены... Там нашу тележурналистку действительно вызвали бы в суд. За нарушение принципов ювенальной, то есть детской, юстиции.

"С разумением" и "без разумения"

Как известно, законы нужны для того, чтобы каждый из нас мог жить в обществе в безопасности и взаимном уважении. Законы запрещают или обязывают, защищают или наделяют правами. Они адресованы всем гражданам, и взрослым, и несовершеннолетним, которые тоже имеют и обязанности, и права.

Поскольку дети — племя не только младое, но и всегда незнание, в силу возрастных особенностей часто не способное разобратся, где добро, а где зло, чаще всего не представляющее себе всех последствий своих поступков, в развитых странах издавна

принято издавать для детей специальные законы, которые как раз и учитывают все названные особенности. С "детскими" законами работают специальные, "детские" судьи, ведущие дела несовершеннолетних в особом, щадящем режиме. А чтобы не допустить детей до встречи с Фемидой, с детьми из групп риска работают социальные и воспитательные службы. **Все это вместе взятое и составляет систему ювенальной юстиции.**

Кстати, дореволюционная Россия также имела подобную систему (первый суд для малолетних был учрежден в Санкт-Петербурге в 1910 году), и принципы, положенные в ее основу, считались весьма прогрессивными. В уголовном законодательстве того времени были зафиксированы некоторые охранительные нормы для детей, преступивших закон. Суд, например, различал преступления "с разумением" и "без разумения". В то время судебному преследованию подвергались дети от 10 лет. Для тех, кто совершил преступление "без разумения", предусматривался льготный режим уголовной ответственности. По сравнению со взрослыми все малолетки имели некоторое преимущество. Так, если за преступление совершеннолетнему полагалась смертная казнь, каторжные работы, лишение гражданских прав или ссылка — то детям от 10 до 14 лет, даже и согрешившим "с разумением", эти виды наказаний заменялись на лишение свободы, содержание в специальных отделениях при взрослых тюрьмах и арестных домах. В некоторых случаях дело и вовсе заканчивалось помещением ребен-

на в монастырь. То есть Россия начала века имела юридические нормы, направленные на повышенную защиту несовершеннолетних по сравнению со взрослыми преступниками.

Однако с 1917 года мировая юридическая мысль, а также и практика, и советская юриспруденция устремились в строго противоположных направлениях. В ведущих странах принципы ювенальной юстиции развивались, в России же исчезло само понятие суда для малолетних. В отношении детей и подростков позиция закона резко ужесточилась и остается такой по сей день. И к взрослому, и к ребенку принят единый — карательный — подход. Сегодня какого-нибудь мальчишку могут посадить за решетку за кражу куска колбасы или хомячка.

Правда, положение начинает меняться и в России. У нас есть юристы, которые работают над созданием в стране системы ювенальной юстиции. Они в начале долгого пути, и взгляды их в поисках позитивного опыта устремлены, в частности, на Францию, чья ювенальная система считается одной из самых эффективных. Французские дети настолько осведомлены о своих правах, что запросто могут подать в суд на отца или мать, если недовольны тем, как "предки" справляются со своими обязанностями. Впрочем, это крайность, курьез. А познакомить читателя с принципами французской ювенальной системы, думаю, будет полезно.

Франция, как и все страны мира, в свое время тоже переболела карательным подходом. Еще

в начале века несовершеннолетних французов судили на тех же основаниях, что и взрослых. Со временем малолеток отделили от старших, для детей были построены воспитательные и трудовые колонии. Те настолько не соответствовали своему назначению, что получили наименование каторги для детей. В 1934 году в стране произошло знаменательное событие — попавшие за решетку Гавроши одной из колоний подняли восстание. Они требовали улучшить условия содержания.

В обществе поднялась волна сочувствия и возмущения. Разгорелись дискуссии юристов, криминологов, педагогов об истоках детской преступности. Принципы отношения общества с ребенком, преступившим закон, были пересмотрены. Итогом дискуссии стал закон, учредивший во Франции ювенальное судопроизводство. В его тексте есть знаменательные слова: "Франция не настолько богата детьми, чтобы позволить себе пренебрегать всем тем, что может сделать из них здоровых людей".

Это был только первый шаг — закон касался правосудия для несовершеннолетних преступников и провозгласил приоритет мер воспитательного воздействия над карательными.

Следующий принципиально важный шаг был сделан много позже, когда в поле зрения ювенальной юстиции закон ввел не только юных правонарушителей, но и законопослушных детей, которые находятся в опасности.

Ребенок в опасности — кто это? Это, например, девочка Ира, о которой рассказано в начале.

Только вот для ее защиты российских законов пона не придумано.

Этот судья не выносит приговоров

80 — 5 — 15. Цифры эти имеют прямое отношение к ювенальной юстиции, которая первейшей своей обязанностью считает защиту детей, находящихся в опасности. И это — такова общемировая практика — составляет 80 процентов дел ювенального судьи. Только 5 процентов связаны с непосредственным наказанием ребенка-правонарушителя. Остальные 15 процентов проходят по части "разное".

У ребенка возникли проблемы, над ним нависла опасность. Кто и что должен в этой ситуации предпринять? Согласно французскому законодательству, любой человек, узнавший о таком ребенке, обязан проинформировать об этом представителей власти. Если он этого не сделает, ему грозит уголовное преследование. Сам ребенок или его родители могут обратиться в администрацию, в полицию либо к ювенальному судье, который обязан его защитить.

А как судья поступит с подростком, который, допустим, что-то украл или затеял драку? Такой судья никогда не выносит приговоров — его задача не карательная, а "помогательная". В любом случае меры, предписываемые ювенальным судьей, будут иметь воспитательный характер. Ну, скажет читатель, на наших деток такие меры уже не действуют. Но старый термин получил в последнее время новое наполнение. Кроме обычных методов воспитания, у ювенальных работников Запада

есть сегодня целый спектр современных технологий ресоциализации (возвращения в социум). Педагогам, психологам, воспитателям они дают неограниченный простор для творчества.

Предлагаются порой самые неожиданные меры воздействия на проблемных детей. Мальчишка развлекался ложными вызовами пожарных. Его поймали, изучили характер, особенности психики и... поручили в течение трех недель чистить обувь тех пожарных, которых он вытаскивал своими звонками в бессмысленные поездки. Подросток увидел, как эти парни приезжают с пожара — усталые, чумадые, кто с ожогом, кто с травмой... Есть надежда, что он уже никогда не захочет повторить свою идиотскую шутку.

А вот другой пример "приговора". В США хулиганов приводят в морг, где лежат изувеченные в драках и перестрелках тела. Заставляют смотреть: вот до чего вы рискуете донатиться с вашими выходными. Говорят, такая экскурсия здорово отрезвляет.

Предусматривая различные некарательные меры воздействия на малолетних правонарушителей, законодатели исходили из того, что щадящий режим, и это доказано на тысячах примеров, не развращает, а наоборот, помогает ребенку сохранить веру в справедливость. А вот карательный подход, как заметила известная российская специалистка по теории ювенальной юстиции Эвелина Мельникова, является источником все новых и новых проблем у ребенка, формирует конфликтный характер. И наоборот, щадящее отношение помогает оступившим-

ся скорее вернуться к нормальной жизни.

Преступник или жертва?

И все-таки — так ли уж это правильно? Ведь кулаки сжимаются, сердце сбивается с ритма, когда узнаешь, на какую жестокость способны нынешние дети. Сажать их надо, насильников и убийц в коротких штанишках — это первое, что приходит в голову нашему человеку. Но если хладнокровно и беспристрастно (нет, пристрастно, дети оттого и становятся "отморозками", что не чувствуют страстной заинтересованности в себе) проанализировать судьбу любого малолетнего уголовника, всегда окажется, что на скамью подсудимых надо бы посадить отца-алкоголика, мать-проститутку или соседа-рецидивиста, которые развратили, заставили воровать, приучили к мысли, что чужая жизнь — тьфу, ничто.

В Москве живет мальчик, который в шесть лет убил отца. Молотком. Пьяный папа издевался над мамой, и однажды детское сердце не выдержало. Никто из взрослых не хотел или не смог остановить негодяя. Мальчику пришлось защищать маму самому, и он сделал это, как мог. У кого язык повернется назвать ребенка преступником, а не жертвой?

Вот еще аргумент в пользу более гуманного подхода к малолетним правонарушителям. В странах, где ювенальная юстиция утвердила свои позиции давно, проблема детской преступности стоит куда менее остро, чем у нас. В 1987 году в СССР несовершеннолетними было совершено 150 убийств. Одиннадцать лет спустя,

в 1998-м, число таких убийств только по России возросло в 10 раз. И что самое опасное — негативная тенденция сохраняется, причем в криминал вовлекаются дети все более младших возрастов.

Один из активнейших сторонников ювенального подхода к малолетним правонарушителям — известный юрист, проректор Института международного права профессор Вячеслав Ерманов. Много лет уже доказывает он, как нам необходима "детская" юстиция. И даже добился некоторых практических результатов. Правительство приняло решение о подготовке проекта закона об основах ювенальной системы. Руководителем рабочей группы назначен профессор Ерманов.

В сфере профилактики детской преступности, считает Ерманов, все у нас поставлено с ног на голову. Возьмем самый мелкий пример. Ребенок разбил стекло. Или ругался. Кто дает этому оценку? Чаще всего милиционер. Он приходит к нарушителю домой или в школу и говорит: воздействуйте на этого хулигана. А то и на учет сразу поставит. То есть милиционер выступает и судьей, и психологом, и воспитателем. Но он же во всем этом не специалист!

С "начинающими" хулиганами должны разбираться в первую очередь воспитатели и врачи. Только они могут решить: этого мальчишку надо подлечить, нарушения в его поведении связаны с нездоровьем. А другого — срочно изолировать от семьи, а третьего просто подучить, ведь он школу бросил. А уж если кого-то из оступившихся подростков и надо передать под присмотр милиции, то

только из рук ювенального работника, со всеми необходимыми рекомендациями по обращению с ним.

Остров безопасности

Пока юристы думают над законами, ростки ювенальной юстиции пробиваются к жизни. В разных городах появляются "детские", то есть специализирующиеся только на делах малолетних, судьи. В Санкт-Петербурге, где когда-то был учрежден первый в России ювенальный суд, создана судебная коллегия по делам несовершеннолетних. В Москве тоже создается практическая модель ювенальной службы.

Проект является продолжением московской программы "Дети улиц", патронирует его Детский фонд ООН-ЮНИСЕФ, а реализует — благотворительный фонд НАН ("Нет алкоголизму и наркотикам"). Однако какая может быть связь между "белой смертью", "зеленым змием" и вопросами ювенальной юстиции? Президент Фонда Олег Зыков так объясняет, что заставило его, нарколога, заняться этими проблемами:

— Все очень просто. Наркомания, алкоголизм — всего лишь вариации асоциального поведения. Пока мы не научимся социально грамотно защищать детей, они будут нам мстить — пить, колотиться, убивать других и себя.

По заказу московского Центра "Дети улиц" фонд НАН разработал так называемую концепцию реабилитационного пространства (РП). Ювенальная служба, которую предстоит создать, должна стать для ребенка неким островом безопасности, на котором он

будет чувствовать себя защищенным и от уличного хулигана, и от тяжелого на руку отца.

Олег Зыков: — Неблагополучный ребенок чаще всего одинок. В семье у него драма, милиционер ругает и пугает. Единственный, кто мальчишку понимает и защищает, — лидер уличной группы. До сих пор все усилия взрослых направлялись на то, чтобы уличного кумира заменил казенный человек — милиционер или инспектор ОППН. В то время как рядом с подростком должен стать социальный работник. Вот такой институт социальных работников и создается сегодня в рамках РП. Идеи, на которых выстроена наша концепция, таковы: нельзя рассматривать несовершеннолетнего наркомана или правонарушителя вне условий его реальной жизни, защита ребенка может быть эффективной только при отказе от репрессивного подхода, контакт с ребенком должен быть доверительным и абсолютно ненасильственным.

Итак, создаваемая в Москве модель ювенальной службы на первое место ставит интересы ребенка, и прежде всего ребенка. Уже в течение двух лет она практически осуществляется в пяти районах Юго-Западного округа Москвы. И уже можно увидеть результаты этой работы.

Во всех пяти районах действует социальная служба, имеющая два подразделения: "Ребенок на улице" и "Ребенок дома". Ребятам из пяти московских районов помогают в разрешении их проблем социальные работники на улице и социальные работники в семье. Поскольку опыт работы с неблагополучными семьями известен

всем и давно, рассказу о совершенно новом направлении работы с детьми, за которое отвечает социальный работник на улице.

Рабочее место у него — именно улица, где он и знакомится со своими подопечными. Он должен знать свою рабочую территорию лучше, чем двор собственного дома, должен найти способ заглянуть в каждый подозрительный уголок. Труд этот может оказаться довольно опасным, но пределы риска четко определены — с криминальными группами социальные работники в контакт не вступают, это не их контингент. И своих "клиентов" хватает — нюхателей клея, матерщинников, ворисек, бродяжек, вполне комфортно чувствующих себя в грязных подвалах и на чердаках. От всех взрослых, которые занимаются такими детьми, социальные работники отличаются тем, что не читают морали, ничего не требуют, не запугивают. Страх и так было достаточно в жизни этих ребят.

Слова "социальный работник" еще недавно ассоциировались с человеком серой, унылой внешности, не слишком молодым, не очень везучим. Сегодняшние представители этой профессии — современные молодые люди, ориентированные не на прозябание, а на успех. Социальных работников готовят несколько столичных вузов, в их числе Московский социальный университет, Московский педагогический университет. С последних курсов этих вузов, а также гуманитарных факультетов МГУ, и были тщательно отобраны кадры в социальную службу. Эти молодые люди (обычно работают по двое — юноша и девушка) при-

влекательны внешне, современно одеты, они легко вступают в контакт с незнакомыми детьми и подростками, знают все их "примочки" и при необходимости могут объяснить с ребятами на их языке.

Трудовой день работника на улице начинается вечером — когда на улицах, в своих излюбленных местах собираются уличные тусовщики. Каждая пара социальных работников имеет карту района, где отмечает места сбора всех уличных групп. Первое, что они делают каждый день — обходят самые горячие точки. Как-то двое работников на улице — Катя Гладышева и Алексей Феденнов взяли меня на дежурство. Они отвечают за Ломоносовский район (в каждом экспериментальном районе действует по одной паре работников на улице и в семье). На его территории живет примерно 1500-1700 ребят групп риска. Понятно, что даже познакомиться со всеми нереально. Активно работают с 150-200 особо проблемными детьми и подростками.

У угла дома Катя увидела группу незнакомых мальчишек.

— Привет, — сказала она, приблизившись. — Я социальный работник. А это Алексей. Мы помогаем ребятам.

Первое общение не должно быть долгим. Задав несколько самых обычных вопросов, Катя покидает группу, вручив напоследок каждому календарик с телефоном 128-47-69. Это бесплатный информационный телефон помощи детям.

— Будут проблемы, позвоните.

Мальчишки скептически смотрят девушке вслед. Скорее всего, календарики они потеряют, но у

ного-то он сохранится, и в тяжелую минуту подросток наберет нужные цифры. И попросит помощи, как это делают десятки его сверстников.

Иногда карманы Нати и Алексея набиты пригласительными билетами — на футбольный матч в районе, на театральное представление, на вечер в одном из здешних клубов.

Так же легко и непринужденно, как проходят они Ленинским проспектом, лазают Катя и Алеша по подвалам. Меня они туда не взяли — побоялись, что присутствие постороннего помешает разговору с ребятами.

Катя и Алексей должны убедить: мы не враги, мы хотим помочь. Убедить того, кто давно не верит взрослым. При этом возможности их строго ограничены, и ограничены сознательно. Со всей молодой энергией вмешаться в жизнь подростка нельзя — вмешавшийся будет немедленно отвергнут. А задача-то стоит прямо противоположная — при любых условиях сохранить с ребенком контакт, именно это позволит когда-нибудь помочь девчонке или мальчишке. Когда он сам того захочет. Прямое вмешательство разрешается только в одном случае — когда ребенку грозит реальная опасность.

На пейджер Алексея Феденкова пришло сообщение: "Алеша, ты добрый, но жрать хочется. Слава". Алексей сжал кулаки. Послание, как легко можно было догадаться, означало, что Славна, полгода удерживавшийся от краж, залез в какой-нибудь ларек и что-то утащил.

Полтора года занимаются им Алеша и Катя. Слава живет со

старшим братом в коммуналке, отец — алкоголик, дома почти не бывает. У матери от горя опустились руки. Даже прокормить сыновей ей не по силам. Дворовые мальчишки братьев бьют. Одни просто из озорства, тем более что заступиться некому, парни постарше, из тех, с кем Слава раньше воровал, бьют, чтобы не выдал, держал язык за зубами.

Больше трех лет Слава не учился в школе. Подолгу жил на улице, освоился там и находил в этой жизни кайф. Им занималась школа, милиция, результаты — нулевые. И все отступились, оставалось одно: кое-как дожидаться Славиного совершеннолетия. Когда его можно будет с легкой душой отправить в тюрьму. Что повод для этого найдется, никто не сомневался.

И тут с ним познакомилась Катя и Алексей. Пригласили мальчишку в подростковый клуб, где можно поиграть в настольные игры и вообще неплохо провести время. И самое главное — в этом клубе безопасно, туда не смеет ходить местная шпана.

Он долго не появлялся, но все-таки пришел, очень ему в клубе понравилось. Через какое-то время Катя предложила пойти с группой ребят в турпоход. Походы, организуемые социальными работниками, не обычные, их тактика замешана на педагогике сотрудничества.

В тот первый раз к месту стоянки прибыли поздним вечером. Был ноябрь, с неба валил снег. "Новарные" взрослые специально подгадали, чтобы темень и холод, и нужно быстро-быстро что-то делать. Слава так рассказал мне о своем состоянии в тот момент:

"Сижу на мокром пенъке и ругаю себя: зачем сюда потащился? Лезжал бы сейчас в теплом подвале, кругом свои пацаны, за клею бы кто-то сбежал. Найф! Тут один парень меня в бок толкает: "Замерз? Если сейчас быстренько организовать костер, сразу согреешься".

Это был найф, может, посильнее, чем от "Моментал" — горячая картошка в теплой палатке! Были потом и другие походы, где Славка проявил и смекалку, и выдержку, и отчаянную смелость, после чего его удалось, наконец, убедить самому явиться в ОППН, где на него давно заведено было дело за кражи. В милиции отказывались верить своим глазам, когда фигура Славки возникла на пороге. Разговор состоялся вполне конструктивный. Слава решил вернуться к учебе, хотя очень уж стыдно было ему, 14-летнему, садиться за парту с пятиклашками. Чтобы окончательно направить его жанду приключений в цивилизованное русло, социальные работники постарались устроить мальчишку в детскую сенцию наскадеров, узнав, что есть такая под Москвой.

Концепция РП работает уже два года. Каковы результаты сделанного? Можно было бы привести множество цифр — сколько детей вернулось в школу, сколько вышло из подвалов, снято с учета в ОППН. Но назову только две: в пяти районах, где действовала социальная служба, детская преступность в 1999 году снизилась на 7 процентов, в то время как в остальных семи районах Юго-Запада она выросла на 14 процентов. Счет явно в

пользу щадящего, заинтересованного отношения к ребенку, какой предлагает ювенальная юстиция.

Ювенальный судья из Гагаринского района

В реабилитационном пространстве все приобретает нетрадиционное содержание. И деятельность суда, занимающегося детскими и подростковыми делами, получает несколько иное наполнение.

Здесь страж закона имеет специальное звание — ювенальный, здесь необычна форма исследования уголовных дел. Перечень пока, к сожалению, больше нечем дополнить. И все-таки тот факт, что в Москве, в Гагаринском районе работает ювенальный судья — хоть и небольшой, но все же шаг вперед.

Зовут судью Елена Афонина. Эксперимент начался год назад, когда судье стал помогать не следователь-милиционер, а социальный работник, до начала судебного разбирательства изучавший личность правонарушителя, его семью и близкое окружение. Материалы такого исследования помогали Афониной в каждом конкретном случае вынести наиболее справедливое решение.

Но сначала следует рассказать, с чего для судьи эта работа началась — ее вместе с социальным работником послали в Лион изучать опыт французской ювенальной юстиции.

Московские гости были поражены увиденным до глубины души и продолжают пребывать в таком состоянии до сих пор. Во Франции действует такая развитая систе-

ма воспитательных учреждений, что попасть в тюрьму подростку — задача почти неосуществимая. "Я спросила, что нужно для этого натворить, — рассказывала Афонина. — В ответ только пожимали плечами. Ну, говорю, а если в Лувре подросток что-нибудь укрдет, тогда его посадят?" — "Сначала мы должны понять, почему он это сделал. Возможно, пережил какой-то стресс. Ведь это ребенок!"

В общем, говорит Афонина, ювенальный судья там "отдыхает". После совершения малолетним преступления в работу включаются сразу несколько служб. Особенность ювенального судопроизводства: одновременно заводится сразу два дела — на подростка и на его родителей. Социальный работник одной специализации изучает личность правонарушителя, другой — матери и отца. Обоими делами займется ювенальный судья, который, и это еще одно отличие от нашего порядка судопроизводства, облечен правом вести дела и уголовные, и гражданские. Допустим, за хулиганство или разбой задержан подросток. Изучение истории жизни парня показывает, что толкнули его на преступление родители, опустившиеся люди. Становится ясно, что этого папашу и эту мамашу следует лишить родительских прав (хотя делают это неохотно, только в крайнем случае). И уголовное дело о разбое, и гражданское о лишении прав будет вести один человек. У нас эти дела попадут к разным судьям. И один, приговаривая подростка к лишению свободы, не будет знать, что толкнуло его на преступление. А другой, не видя и не зная мальчишки, не сможет

толком понять, нужно ли лишать родительских прав данных родителей.

Что ждет французского мальчишку, чьи родители лишены своих прав? Если не обнаружатся родственники, которым его можно было бы передать, нарушитель будет помещен в одно из многочисленных воспитательных заведений, имеющих самые разные степени свободы. Есть и воспитательные дома, где дети живут вместе с родителями под наблюдением социальных служб.

Московский служитель закона увидел суд не как орудие наказания, а как механизм включения в действие тех социальных элементов, которые обеспечат реабилитацию оступившегося, механизм взаимоотношений правонарушителя и общества, готового понять и отстаивать его интересы.

Непривычное отношение к малолетнему преступнику бросалось в глаза на каждом шагу. Когда Афонину пригласили в зал судебных заседаний, она не сразу поняла, куда, собственно, пошла. Во-первых, в зале не было обязательной у нас железной клетки, где содержится во время процесса подсудимый. (В самом деле, разве это не ужасно? Подросток еще не назван преступником, его еще могут оправдать, а он, точно зверь в зоопарке, уже в клетке сидит.) Во-вторых, помещение походило скорее на детский или подростковый клуб, повсюду лежали книжки, мячи, игрушки.

Надо еще заметить, что московскую гостью пригласили в пустой зал. Ни на один процесс ее не допустили, так наглухо закрыта процедура слушания дела. Чтобы

дети, чьи дела слушаются в суде, даже случайно не могли встретиться с кем-либо из знакомых, в здании суда для них существует специальный выход.

Насколько же эффективна система, которая так печется о малолетних правонарушителях? Можно ли, например, гулять по улицам Лиона ночью, не боясь быть ограбленным или избитым? Разумеется, во всяком городе есть специфические кварталы, куда человек, не ищущий приключений, не пойдет. Но в остальных местах можно прогуливаться спокойно. Французы рассказали: если в каком-то районе становится неблагополучно, туда отряжают группу социальных работников. Они изучают обстановку, анализируют причины, донапываются до корней. Чаще всего драки и прочее хулиганство возникают от скуки, неумения себя занять. Значит, надо выяснить, чем бы ребята хотели заняться, и дать им такую возможность. Нужен мальчишкам футбол? В районе оборудуют футбольное поле. Волейбол, теннис? Будет несколько площадок. И сами социальные работники пойдут играть с подростками в теннис, волейбол. Содержание ювенальной системы обходится французской казне, а также многочисленным благотворителям, недешево. И все-таки профилактика детской преступности куда более выгодна, чем борьба с самой преступностью.

Что из увиденного московская гостя могла перенести на свою землю? Пока — немного. Наш Уголовный кодекс предусматривает альтернативные лишению свободы виды наказания, но

только теоретически, не разработан еще механизм их применения. И потому за украденный батон колбасы подросток может запросто угодить за решетку. Если это первое преступление, у судьи есть выбор — дать срок условный или реальный. Раньше, наблюдая подростка в зале заседания всего в течение нескольких часов, Афонина должна была полагаться только на свой жизненный опыт и интуицию: оставить этого нарушителя на свободе — не оставить? И всегда рисковала ошибиться. Сейчас, опираясь на материалы, которые готовит ей социальный работник, судья принимает решение на более веских основаниях.

Уже несколько десятков дел рассмотрено в суде при участии социального работника. По всем этим делам, за единственным исключением, был вынесен максимально мягкий приговор. И, уверена Афонина, по справедливости. Знание личности правонарушителя, понимание его семейных обстоятельств убеждают ее в этом.

На скамейке в зале заседаний, где ведет дела Афонина, вырезано: "Свободу Петяне!" И рядом вечное: "Маша плюс Дима = любовь". Кто из этих двоих сидел в железной клетке, а кто выцарапывал перочинным ножом признание? И как давно это было? Хорошо, если в то время эксперимент в Гагаринском суде уже начался, и нарушитель мог рассчитывать на адекватное его действительной вине наказание. Принципы ювенальной юстиции — самое справедливое, что может предложить общество своим оступившимся детям. ■

за ВСЮ РОССИЮ

*отвечает
представитель
“АЭРОФЛОТА”
за рубежом*

Под бомбами в центре Европы

— А мы плевали на натовские ракеты и бомбы, которые сыпались на Белград, и занимались любовью. Я собираюсь пригласить Клинтона на крестины нашей дочери, которая родилась в нынешнем феврале. — весело кричит мне в телефонную трубку Николай Иванович Яцунь, представитель компании “Аэрофлот — россий-

ские международные авиалинии” в Югославии. — Правда, когда начались бомбежки, я все же хотел отправить жену в Россию, но Инна категорически отназалась уезжать. Признаюсь, мы с ней ни разу даже не спустились в бомбоубежище.

Надо полагать, в югославских представительствах других авиакомпаний вряд ли в начале этого года был демографический взрыв — все они перед войной покинули страну. Уехали немцы, англичане, швейцарцы, греки, болгары, австрийцы, итальянцы...

Аэрофлот остался (и
остается до
с и х

Вячеслав
Марнович
Новальчук.

пор) единственной иностранной авиакомпанией в Белграде. Говорят, югославы готовы молиться на Яцуня, поскольку только благодаря Аэрофлоту до сих пор не закрыт столичный аэропорт Сурчин. Причем самолеты из Москвы теперь летают не только по привычному маршруту — в Белград, но и освоили новый — в жемчужину Адриатики Черногорию.

О Яцуне в Москве сотрудники Аэрофлота рассказывают взахлеб, впрочем, как и о большинстве представителей авиакомпании за рубежом, доказывая, что там работают люди незаурядные. Николай Иванович пятнадцать лет (в советские еще времена) представлял Аэрофлот в Африке и на Ближнем Востоке, где пережил несколько переворотов, в том числе военных. Работал в Кении, Иордании, Сьерра-Леоне... Непросто сложилась его личная жизнь. Овдовев в девяносто четвертом, Яцунь через несколько лет встретил в Тайланде свою будущую жену Инну — "русскую кореянку" из Омска. В Аэрофлоте не за-

бывают подчеркнуть, их Яцунь значительно старше своей супруги. Вот, мол, какие мужики у нас работают — знай наших!

О том, как надо понимать это "наших", — разговор отдельный. Назалось бы, "наш" — понятие сугубо корпоративное, "наш" — человек из нашей авиакомпании. Но и те, кого нелегкая занесла в Югославию перед войной и кому Николай Иванович помог оттуда выбраться, говорят о нем так же — "наш Яцунь".

В самом деле, к кому обратиться за советом в Белграде добровольцу-нелегалу, кем-то завербованному на войну и брошенному в чужой стране на произвол судьбы? С вопросом, как устроиться там на работу, пацан пришел в представительство Аэрофлота, и Николай Иванович этому не удивился. Такие посетители здесь не редкость. Хотя самолеты из Москвы несколько месяцев во время прошлогодней войны сюда не летали, офис Яцунь не закрывал ни на один день. Немало бывших москвичей (жителиниц Киева и Одессы, Питера и Свердловска...), когда-то вышедших замуж за югославов и переехавших сюда жить, теперь искали спасения от бомб и ракет. Куда бежать, где найти соотечественников (бывших или нынешних), которые поймут, посоветуют, что делать? Попавшие в беду люди первым делом искали офис Аэрофлота в Белграде, надеясь найти там помощь. И не обманывались в своих надеждах.

К Яцуню пришла, например, русская женщина — жена югослава с парализованным ребенком на руках. Поделилась своей бедой: "дитятко" ее могла спасти только каная-то уникальная и

страшно дорогая операция в Москве, денег на которую не было. Этот разговор в представительстве Аэрофлота в Белграде для отчаявшейся матери, как и для многих других посетителей, — последняя надежда. Надежда на человеческую доброту и сострадание. Надежда на Россию. И Аэрофлот для них, ни много ни мало, — олицетворение России, как бы пафосно это ни звучало. Стоит ли говорить, что бывшая россиянка полетела с больным сынишкой в Москву бесплатно — самолетом Аэрофлота? Авиакомпания помогла попасть в Россию и группе югославских ребят из города Крагуевац, подвергшегося в войну жесточайшим ракетно-бомбовым ударам. Дети ехали в Россию на шахматный турнир по приглашению орловского губернатора. Большую группу югославских школьников пригласила после войны в гости одна из школ Екатеринбурга. Николай Иванович позаботился о том, чтобы поездка в Россию для переживших бомбежки ребятни стала реальностью (не помоги авиакомпания — лететь им сюда было бы не на что). Словом, Яцунь, как и 130 представителей Аэрофлота в семидесяти странах мира, чувствует себя своего рода полпредом России за рубежом.

Восток — дело тонкое...

Так же ощущает себя и генеральный представитель Аэрофлота в Объединенных Арабских Эмиратах Вячеслав Марнович Новальчук. Ведущий арабист Аэрофлота, в совершенстве владеющий арабским языком, он представлял авиакомпанию в Кувейте, Ливии, Бахрейне...

В Абу-Даби Новальчук появился в июле восемьдесят первого года в соронапятиградусную жару — в белой рубашке, костюме-тройке и при галстуне. Вячеслав Марнович не только был "при полном параде", но и не сомкнул глаз в полете — он вез двадцать пять тысяч долларов наличными. Ему предстояло оформить вид на жительство, снять квартиру, найти офис, нанять местных служащих... Новальчук начинал с нуля — тогда в ОАЭ еще не было ни посольства, ни консульства нашей страны. Представитель Аэрофлота стал здесь первым и единственным русским. Перевез семью — и "колония" русских увеличилась в три раза. Ближайшее советское посольство — в Кувейте. Раз в месяц Вячеслав Марнович летал туда из Абу-Даби (дорога в один конец — полтора часа)... на партсобрания. Два с половиной года он оставался в представительстве Аэрофлота "всеми: инженером, экономистом, бухгалтером, и даже... консулом, послом". Со временем в Эмиратах появились "совгражданки", так называли их партийные начальники Новальчука, — русские жены арабов, получивших образование в Советском Союзе. Вячеславу Марновичу "было указание никаких контактов с ними не поддерживать". Но куда денешься от рыдающей женщины, умоляющей утихомирить мужа-дебошира? Увы, не все москвички нашли свое счастье в мусульманской стране. Их мужья нередко гуляли, поколачивали жен. Когда дело доходило до драк, те бежали за помощью... в представительство Аэрофлота — Новальчук действительно "был всем". Он нарушал инструкции, помогая "совграждан-

кам" не только наладить мир в семье, но и оформить визы на родину или переправить туда письмо. Да и как мог он уважать партийные указания, когда его куратор из ЦК КПСС на Старой площади интересовался во время "инструктажа": "Как там живут-то? Вода там хоть есть?" — "Что вы, — отвечал Новальчук, — это цивилизованная страна. Прекрасная медицина. Бесплатное образование". — "Не может быть! Только у нас бесплатное."

Только факты

Аэрофлот сегодня — это акционерное общество открытого типа, 51 процентом акций которого владеет государство. Авиакомпания имеет более 130 представительств за рубежом и в России. Самолеты Аэрофлота летают в 124 города 70-ти стран мира. На его долю приходится более двух третей международных перевозок, выполняемых всеми российскими авиакомпаниями. Воздушные рейсы Аэрофлота связывают Москву почти с 40 городами России, СНГ и Балтии.

В конце восьмидесятых в Москве шло расчленение Аэрофлота. На внутренних авиалиниях на его месте возникло около трех сотен карликовых авиакомпаний — частных акционерных предприятий. Некоторым из них при дележке досталось два-три видавших виды самолета. Новорожденные авиакомпании всеми правдами и неправдами нинулись "завоевывать мир". Впрочем, для большинства из них "мир" сузился до нескольких популярных у челноков стран Ближнего и Дальнего Востока. У нас уже свободно выдавали зарубежные паспорта, визы. На вещевые рынки России хлынули

товары из Турции и Эмиратов. По Москве ходили легенды о баснословно дешевых товарах в ОАЭ, о сумасшедших барышах при торговле ими. Челноки стремительно осваивали Восток. Частные грузовые авиакомпании, призванные обслуживать их, росли, как грибы после дождя. Все они хотели иметь за рубежом свои офисы.

— Но мне приходили молодые неопытные ребята с просьбой помочь открыть представительство фирмы, авиакомпании в Эмиратах, оформить юридические документы, — рассказывает Ковальчук. — Все через меня прошли, всех учил уму-разуму. Через год смотрю — оперились, тание крутые стали, в несколько раз больше моего получают, на "мерседесах" ездят. Ну, думаю, все это — до поры до времени. Многим, открывавшим в Эмиратах офисы, я объяснял, что они там не потянут. В 96-97-м годах был пик пассажирских и грузовых перевозок, ежедневно я встречал по три Ил-86, которые прилетали с интервалом в полчаса — почти одновременно в аэропорт прибывало больше тысячи человек. Если "ломалась" погода или ломался самолет у наной-либо новорожденной авиакомпании, не поверите, ее представитель просто прятался от пассажиров, не появлялся в аэропорту. И сегодня происходит то же. Сломалась машина — 350 человек сидят в зале ожидания. Аэрофлот в такой ситуации может другую машину из Москвы прислать, а у частных "другой" просто нет. Мы в случае непогоды ведем пассажиров в хорошую гостиницу, организуем добротное питание, разрешаем людям в Россию позвонить — все за наш счет. Небольшие частные компании, как

правило, ведут себя иначе. Народ пришел в аэропорт — самолета нет. Толпа томится в зале, никто не понимает, что делать, как добраться домой. Возмущенные пассажиры с руганью звонят в... Аэрофлот. Начинаю выяснять: "Вы каким рейсом прилетели? Понимаю, что утром, но кто вас привез? Посмотрите в билете". "N-ские авиалинии, — наконец доходит до человека. — Вот и ищите N-ские авиалинии". — "А где их найти?!" Те, у кого есть деньги, покупают новые авиабилеты — уже на рейсы "старого доброго Аэрофлота".

Дошло до того, что для таких "убойных" ситуаций, как говорит Ковальчук, его авиакомпания была вынуждена придумать специальный тариф — "ультрадешевый". "Всех денег не заработаешь, а людей-то жалко," — поясняет Вячеслав Марнович. Так что благодаря Аэрофлоту десятки попавших в ловушку россиян смогли вовремя вернуться домой.

Однако, благодаря своему названию, в ловушку попал и сам "старый добрый Аэрофлот". Глава его пресс-службы Александр Лучанинов обратил мое внимание на то, что сегодня слово "Аэрофлот" ассоциируется у нас со всей гражданской авиацией. И это действительно так! Трудно подсчитать, какие колоссальные убытки это приносит авиакомпании. Мне самой довелось услышать фразу "Ты каким Аэрофлотом летишь — Домодедовским или Внуковским?" Когда я рассказала Александру Васильевичу, какое дрянное обслуживание на их рейсе в один из городов России, начальник пресс-службы авиакомпании устало объяснил, что в этот город их самолеты... не летают. Но, когда я садилась в са-

Николай Иванович Яцунь.

лет, я видела слово "Аэрофлот" на его борту! Оказывается, это одна из больших проблем. Карликовые авиакомпании под различными благовидными предложениями не спешат перекрашивать серебристые машины. В самом деле, "Аэрофлот" — известная всему миру марка, а кто знает какие-нибудь "Жмеринка-эирлайнс" или гордое "Урюпинск-лайн"? В том-то и дело... Большинство подобных "...лайнс", если и не лопнули, то впадают жалкое существование.

После "семнадцатого августа", по словам Ковальчука, например, почти все частные авиакомпании из Эмиратов ретировались. Осталось два перевозчика, не считая нескольких региональных, которые едва держатся на плаву. Словом, конкуренты приходят и ухо-

дят, а Ковальчук (читай — Аэрофлот) остается. Когда, прогорая, закрывались русские гостиницы, рестораны, казино, Вячеслав Марнович помогал "крутым" ребятам выбраться из Эмиратов, нередко вызволяя их из тюрем, куда новоиспеченные бизнесмены попадали за неуплату налогов, хлопотал за них перед властями. Ему приходилось вытаскивать из тюрем и "девочек", которых целыми самолетами доставляли в Абу-Даби частные авиакомпании из Киргизии, Казахстана, Узбекистана... Нередко Ковальчук спасал туристов, привезенных в Дубай турфирмами-однодневками.

Только факты

В авиационном парке Аэрофлота 118 самолетов, в том числе четыре Боинга-767-300, одиннадцать аэробусов А-310, шесть дальнемагистральных Ил-96-300, тринадцать грузовых Ил-76ТД, один грузовой DC 10/30F. Боин-

ги-777 летают в Нью-Йорк, Пенин и Бангкок, авробусы — в Рим, Вашингтон, Сингапур, Париж, Бангкок, Токио, Мехико, Монреаль и другие города, Боинги-737 — в Вену, Женеву, Амстердам, Цюрих, Нарловы Вары, Стокгольм, Нопенгаген, Брюссель, Мюнхен, Омск, Новосибирск, Екатеринбург, Уфу...

Долгое эхо Родины

Те, кто оказался за пределами нашей Родины в 68-м, во время ввода советских войск в Чехословакию, особенно хорошо представляют себе, какое это тягкое бремя — отвечать за всю Россию. Антриса Инна Чурикова однажды вспоминала, как в Праге ее грубо вытолкнули из лифта за то, что она — из России. Аэрофлот тоже пытались вытолкнуть, и не однажды. Из разных стран. Из жизни. Если для наших соотечественников, оказавшихся за рубежом, Аэрофлот — кусочек Родины, что-то свое, родное, то для иностранцев он — сама Россия. И ему приходится отвечать не "за всю Одессу" — за всю страну. Вплоть до того, что в 83-м году, когда случилась громкая история со сбитым корейским самолетом, корейское посольство в ОАЭ с соответствующей нотой, адресованной советскому правительству, обратилось в... представительство "Аэрофлота".

Когда в декабре 79-го советские войска вошли в Афганистан, у представительства Аэрофлота в Нью-Йорке прогремел взрыв, начались ежедневные антисоветские демонстрации. Аэрофлоту был объявлен бойкот: к его самолетам не подавали трап, их не разгружали. В конце концов рейсы Аэрофлота в Нью-Йорк вообще прекратились, а через некоторое

время Аэрофлоту разрешили полеты в Вашингтон. Но и там продолжалась та же история: экипажу приходилось подниматься в самолет по приставной лестнице, а пассажиров подвозили к нему на автобусах с подъемниками.

С тех пор прошло уж двадцать лет, казалось бы, чего ворошить прошлое? Но для Аэрофлота это самое что ни на есть настоящее — любые трения между Россией и каким-либо государством мгновенно отражаются на авиакомпании. Осенью прошлого года, когда началась война в Чечне, в Париже три человека в масках залили красной краской витрину агентства Аэрофлота на Елисейских полях, разбросали у его входа куски сырого мяса и листовки на французском языке. Вот и подумай: радоваться или огорчаться тому, что авиакомпании воспринимают как часть и символ России? По-разному складываются судьбы представителей Аэрофлота за рубежом. Они похожи в одном — им не бывает легко. Показательный пример — недавняя история представителя авиакомпании в Луанде Арнадия Хрипливого.

На ту пору, когда он там появился, ангольская сторона задолжала Аэрофлоту несколько миллионов долларов. Арнадий Александрович добросовестно взялся за возвращение долга. Ему начали угрожать, его запугивали, шантажировали, ограбили офис. В конце концов против россиянина была организована провокация, сфабриковано обвинение, его задержали и бросили в яму размером не более четырех квадратных метров, где уже сидели с десятком невольников. Потом была намеря с сотней уголовников. Двадцать шесть

сутки без-
винно провел в лун-
дской тюрьме представи-
тель Аэрофлота, пона его не вы-
звали соотечественники. По сло-
вам Аркадия Александровича, его
"брали на ангольский излом". Он
уверен, что в такой же ситуации
сегодня может оказаться любой
сотрудник Аэрофлота, работаю-
щий за рубежом. Однако, если и у
нас — не дай Бог — там возникнут
непредвиденные проблемы, мы, не
сомневаясь, первым делом вспом-
ним о "старом добром Аэрофлоте",
кинемся за помощью к ним — его
представителям за кордоном. И бу-
дем надеяться на них. А на кого
же еще?

Только факты

92 экипажа допущены к поле-
там третьей категории сложно-

сти, что позволяет
им выполнять полеты при
нижней кромке облачности 15
метров и видимости на взлетно-
посадочной полосе до двухсот ме-
тров. В других российских авиа-
компаниях экипажей с таким
уровнем подготовки нет.

В Аэрофлоте работают 14 ты-
сяч человек, в том числе 2,5 ты-
сячи бортпроводников. Новую уни-
форму для стюардесс — в красно-
черной гамме — разработал зна-
менитый российский нутриец Ва-
лентин Юдашкин. ЗАО "Аэромар"
предлагает пассажирам в полетах
около 500 наименований питания
и более 100 вариантов десертов.
При бронировании авиабилета
пассажиры Аэрофлота могут за-
казать, например, диетическое
или вегетарианское питание, но-
шерное или мусульманское, а при
регистрации на рейс подтвердить
свой выбор.

Полпреды России

С чем только не идут в представительства Аэрофлота по всему миру! Что, на них свет клином сошелся? В конце концов есть за рубежом наши торгпредства, офисы новорусских фирм, корпораций, я уж не говорю о посольствах и консульствах. Короче, найти нашего соотечественника почти в любой стране мира сегодня — не проблема. Но случись что (далеко не всегда связанное с необходимостью лететь куда-то самолетом) — люди спешат в Аэрофлот. По-моему, это чисто российский феномен. Аэрофлот воспринимается нами как часть и символ державы, этаний привет от несуществующего Союза Советских..., нечто безусловно "наше", родное до слез. На ум приходит только один мировой аналог — американский Макдональдс — вроде как символ Америки. Однако Макдональдс — символ, скорее, отрицательный, чем положительный, символ американской экспансии, стандартизации жизни. Думаю, вряд ли американцам в трудной ситуации приходит в голову мысль мчаться за помощью и поддержкой в Макдональдс. Аэрофлот для россиян — совсем другое дело.

Поехала на заработки в Южную Америку группа цирковых артистов, но что-то у них не заладилось и тамошние менеджеры бросили россиян на произвол судьбы. До Родины — двадцать девять часов лету. Денег на дорогу заработать не успели. Артисты — в российское посольство. А откуда у дипломатов для таких горемык лишние деньги? Тогда незадачливые цирначи-шабашники никуда не поехали в Аэрофлот. Его предста-

витель в Чили Василий Федорин пожалел соотечественников и занялся этой "цирковой историей", что, понятное дело, никак не вошло в его "должностные обязанности". По одному, выискивая малейшие возможности, отслеживая каждое свободное место в самолетах, отправлял Федорин гастролеров в Россию. Не обязан был и представитель Аэрофлота в Гонконге Евгений Аршенинов решать проблему какой-то российской барышни, что умудрилась провезти в Гонконг своего любимого... кота. Когда она застряла в аэропорту, за помощью обратилась, конечно же, в родной Аэрофлот. Девушка летела на работу в Тайбэй. Впрочем, она уже нигде не летела, поскольку из транзитной зоны аэропорта ее с котом нигде не выпускали. Евгений Владимирович звонил в фирму, где москвичка собиралась работать, во властные структуры и общественные организации. Аршенинов попытался решить проблему "невъездного кота" даже через российское генконсульство в стране. Увы, все было тщетно. Тогда летчики Аэрофлота согласились отвезти кота назад, в Москву, обязуясь береечь драгоценное животное, как зеницу ока. Таких историй в Аэрофлоте вам расскажут десятки. И, увы, не все они столь забавны.

— Иду я по аэропорту в Дубаи, — вспоминает Вячеслав Новальчук, — передо мной на колени падает немолодая женщина. Рыдает, хватая за ноги, пытается поцеловать ботинки: "Сынок, ты русский, ради Бога, помоги отсюда выбраться..." Оказалось, наслушавшись рассказов о легких заработках в Эмиратах, наивная

провинциалка приехала сюда "за длинным рублем", как ни глупо это звучит. Ничего, конечно, не получилось. Виза у нее оказалась просроченной. По законам этой страны, чтобы женщину выпустили на родину, ей надо было уплатить штраф — несколько сотен долларов.

Ковальчук пошел хлопотать за тетку в эмиграционную службу, стал звонить консулу... На этот раз ему хоть не пришлось оставлять в залог собственные документы, а ведь случалось и такое. Однажды кто-то позвонил ему из аэропорта в Абу-Даби — мол, пожилая русская там навзрыд плачет. Вячеслав Марнович поехал на выручку. Бабушка, увидев его, залилась слезами пуще прежнего: "Сыночек, помоги. Дочка моя, дура, вышла замуж за бахрейнца, пригласила в гости, а меня к ней не пустили, только через стекло показали... Я, старая, что скажу в деревне? Поехала к дочке за границу и вернулась ни с чем. Обманула всю деревню". Оказалось, дочь с зятем не успели выправить для матери визу, поэтому старушку не выпустили из транзитной зоны в аэропорту Бахрейна и отправили назад, в Абу-Даби, куда она прилетела из Москвы. Но и здесь, в силу всяких там юридических тонкостей, бабу не имели права выпустить из аэропорта! Короче, Вячеслав Марнович забрал несчастную бабушку к себе домой, оставив в эмиграционной службе в качестве залога собственный паспорт и кучу документов, на свой страх и риск договорившись полуофициально с властями. Ставший "родимым" для старушки, Ковальчук не только поселил

ее у себя дома, но и показал город — чтоб было что рассказать в деревне. Вячеслав Марнович нашел по телефону бабушкиного зятя в Бахрейне, который через пару дней и прилетел в Абу-Даби "на свидание" к теще.

Наверное, из подобных негромких эпизодов и складывается такая хрупкая вещь, как репутация компании, ее авторитет. Нынче у всех на слуху другое слово — имидж. Не секрет, что его можно создать "на голом месте", любой новорожденной фирме, "дутой" компании, пустому, ничемному человеку. Нехитрые пиаровские технологии, которые нынче стремительными темпами осваивают российские бизнесмены, позволяют сделать это достаточно быстро и успешно. Авторитет же не создается нем-то "со стороны", он — завоевывается. Шаг за шагом, капля за каплей. Можно стены всех аэропортов мира оклеить слоганами о том, что в вашей авиакомпании работают самые душевные люди и полет вместе с ними будет вам просто приятен, но нельзя предусмотреть вот такую немощную бабушку, на старости лет Бог знает какими превратностями судьбы заброшенную в чужую страну. Вот эта не слишком грамотная бабушка в итоге и решит репутацию вашей фирмы — когда десяток крутых ребят пройдет мимо, а один остановится и потратит свои силы и время на то, чтобы помочь безвестной старухе, зная, что на следующий день об этом не напишет ни одно издание. Мне кажется, в этом отличие имиджа от авторитета. На создание имиджа тратят деньги, на репутацию — силы и время, жизнь. ■

**Лариса
КРИВЦОВА:**

Она умна, красива, образованна. Она с одинаковой уверенностью водит машину и ездит верхом на лошади, она живет в самом центре Москвы, работает на телевидении и успешно занимается бизнесом. Она вышла замуж по страстной любви и у нее растут дети. Этакий баловень судьбы...

**"главное –
верить
в свою
звезду"**

Галина КАЛИНИНА

—Лариса, вы так смело беретесь за новые неожиданные проекты, рискуете. Не боитесь провалиться?

— Я просто не помню, чтобы я, начав что-то делать, провалилась.

Она не помнит? Три года назад, накануне шумного празднования юбилея столицы — а Лариса вела тогда цикл еженедельных программ "Московское время 850" и ежемесячные пятчасовые марафоны на разные темы — ее с треском, со скандалом в одночасье уволили с Московского телеканала.

Она не помнит! Полгода ее студия "А" делала программу "Не для мужчин, или Женская территория". Они заняли большие деньги, сняли помещение, зане-

зали декорации, пригласили людей, провели съемки... Не было еще "Женских историй", которые ВИД выпустил позже, но, как объясняет Лариса, "понимаешь, телевидение — это такая сложная вещь, с одними людьми мы вроде бы перед съемками договорились, а с другими — нет..." Короче, передачу у студии "А" не купили.

Она не помнит... Театральное училище, в котором Лариса ждала учиться, осталось без нее — родители запретили туда идти, и, не посмев их послушаться, она поступила в педагогический. Мужчина, в которого она была влюблена, женился на другой. Даже после того, как она попала-таки в знаменитое театральное училище — при Волковском театре в Ярославле (триумфально попала — по личному приглашению декана сразу на третий курс), Москва все равно оставалась несбыточной мечтой: Кривцову "распределили" в Калининград.

По четвергам с шести до девяти утра Лариса ведет "Доброе утро" на ОРТ. Впрочем, "ведет" она его с пяти вечера в среду до часу ночи четверга. Сначала — запись бесед с некоторыми гостями, потом, с десяти вечера — "живой эфир", как здесь говорят, по "Орбитам" на восток страны. Москвичи, понятное дело, видят "Доброе утро" в записи. Кстати, однажды в три часа ночи Кривцову переполошил телефонный звонок Ирины Мирошниченко: "Ларочка, я потеряла собаку. Объяви утром о пропаже — может, найдется?" — "Ира, я два часа назад попрощалась со зрителями, толь-

но что добралась домой...» Знаменитая антриса с трудом поверила в это: «Как же так? Я же тебя утром такую свежую смотрю?»

Как-то я стала свидетельницей записи её интервью с руководителем Московского центра для бездомных Александром Кожемякиным. Что-то там не сложилось в операторской, и режиссер попросил Ларису с Александром после беседы минуточку посидеть, молча глядя друг на друга. Кожемякин растерялся: «Если я так долго буду на вас молча смотреть, я могу влюбиться». Ларису это трогательное признание несколько не смутило. Недостатка в мужском внимании она никогда не ощущала. Впрочем, это пришло не сразу и не вдруг. Когда шестилетний мальчик Андрюша, который ей нравился в детском саду, сломал руку, Лариса его так жалела, так хотела обратить его внимание на себя, что начала падать — для того, чтобы тоже поломать руку. И у нее это получилось. Мама вразумила дочь: «Лариса, ты не волнуйся, всегда найдется мужчина чуть-чуть старше тебя, которому ты будешь нравиться». Она эти слова всегда помнит, они у нее «в башне сидят, а когда во что-то веришь, то это всегда происходит». Больше Ларисе рук ломать не понадобилось.

В сущности Ларисино счастливое замужество, карьера, приход на ОРТ, создание студии «А», реализация успешных проектов — это история про безоговорочную веру в себя, в свою звезду. Про интуицию, которую Лариса умеет слушать и слышать. Про умение доверять жизни и себе.

История про замужество

— Это просто ужас — я его знаю тыщу двадцать два года. Он учился с моей двоюродной сестрой в Минске, а я приезжала туда отдыхать. Он был очень умный, отличник, весь из себя такой правильный-правильный. Он поступил в Московский физтех, потом закончил аспирантуру и остался там преподавать. Я его любила, а он меня — нет. Он считал, что я ветреная девушка и потому не хотел брать меня в жены. Мы встречались каждый год, но мне никак не удавалось его... переубедить. Он женился. Не на мне. И мы расстались...

Я не знала, что я его дождусь. И вообще я не знала, что мы еще когда-нибудь в этой жизни встретимся. Я тоже вышла замуж. Мы не виделись пятнадцать лет. И однажды совершенно случайно меня пригласили в одну компанию. Когда поднималась туда на лифте, у меня внутри что-то... целкнуло. Почему-то пришло в голову, что он сейчас может оказаться здесь. С какой стати? Я помню огромный стол, за которым — много людей. Я вхожу — он сидит напротив входа. Мы встречаемся глазами и... Вот бывает так в жизни, когда ты внезапно понимаешь, что все, вот оно, произошло. И это произошло. Как в сказке или в кино.

Когда мы встречались в юности и я видела, что он от меня уходит, у меня было такое ощущение, что мы все равно будем вместе. Может, это передалось ему на каком-нибудь психологическом уровне? После того вечера мы уже больше не расстались. У каждого из нас была се-

мья, дети, но мы не смогли расстаться.

— Лариса, а часто бывает, когда внутри "щелкает" в предчувствии чего-то?

— Если чего-то в жизни хочешь, обязательно "щелкнет" — сбудется. Я твердо уверена: главное — что-то очень захотеть и понять, что именно это тебе в данный момент нужно. По-настоящему захотеть, а не так: "неплохо было бы раскрутить проект", "хорошо бы попасть на телевидение"... Я всю жизнь хотела работать на телевидении — я работаю здесь. Я хотела жить в Москве — я живу в самом центре столицы. Я хотела работать на первом канале — я работаю здесь.

Кажется, Бернард Шоу утверждал, что есть только две трагедии: одна — когда не можешь осуществить заветную мечту, вторая — когда она осуществилась. Никогда не знаешь, какая гримаса судьбы ждет за поворотом. Может, поэтому мы просто боимся "по-настоящему чего-то захотеть"?

Она оставалась без работы трижды. Позади не просто "фиаско" — крах, крушение карьеры, полный обвал. Однако это история не про "борьбу с трудностями". Лариса пластична, как вода. И не случайно этот образ постоянно присутствует в ее разговорах. А попробуйте бороться с водой, ударяя по ней железом — получите ржавый металл. По воде же разве что круги пойдут — и она забудет про вас.

— Что самое трудное в работе на телевидении?

— Сложнее всего научиться плавать в одном аквариуме с акулами. Тебе здесь никто, никогда, ни в чем не помогает — это про-

сто не принято. Тебя, как котенка, бросают в воду: выплывешь — греби, не выплывешь — значит, так тебе и надо.

Можете себе представить, как смотрят на Кривцову коллеги, когда она отдает часть времени в своем эфире молодой красивой девочке, чтобы та попробовала себя в качестве ведущей.

История про то, как Кривцова училась плавать

— Я хорошо помню, как меня первый раз посадили в прямой эфир. В приказном порядке. Я тогда на Московском телеканале работала репортером, занималась детскими домами, брошенными детьми, ребятами, которые незаконно попадают в психиатрические больницы. На студию пришел новый директор, вызвал меня и сказал: "В субботу вы будете вести "Добрый вечер". — "Я не могу, это не моя профессия и вообще я в субботу буду на Соловках". — "В пятницу прилетите". Прихожу на эфир, группа со мной не разговаривает (это обидно, когда на место ведущего сажают неизвестную провинциальную девочку, которая в Москве работает всего год), куча гостей (Золотухин, Лиханов, какая-то политика...) У меня зубы стучат, я не знаю, как одеться, не вижу, как смотрюсь в кадре, потому что операторы к камерам не подходят. Работаю в вакууме, ловлю на себе только недоброжелательные взгляды, все время хочется плакать, страшно, жутко... В голове одно: "Боже мой, мамочка родная! Забиться бы куда-нибудь под стол, где меня никто не достанет". Те четыре безумных часа

прямого эфира я вспоминаю, как страшный сон.

После этого на летучке один за другим вставали коллеги и говорили о том, как я непрофессиональна, провинциальна, неинтересна... Говорили так "доброжелательно", "по-доброму", такими красивыми словами, что оставалось разве что повеситься. Меня вообще перестали выпускать в эфир. В то время в онкологии умирал отец, и я хотела сделать из больницы маленький сюжет о врачах, но мне ни одна группа не давала намеру даже для такого случая — места в эфире для меня не было. Я оставалась в штате, получала зарплату, но мне ничего не давали делать, со мной мало кто разговаривал ("так и надо этой выскочке"), на все мои предложения ответ был один — "спасибо, не нужно".

Каждый удар судьбы странным образом превращался для нее в подарок. Нет, Лариса не делала из лимона лимонад, как советует Карнеги. Напротив, тот ее первый "живой эфир" на Московском телеканале закончился для нее какими-то воспалительными заболеваниями на нервной почве, микроинсультом, больницей. Помоему, Лариса от природы обладает умением... испить кризис до дна как некий необходимый жизненный этап, умеет каким-то звериным чутьем поймать момент этого "дна" и сказать себе "Пора!". А затем вынырнуть, оставив все прошлое в прошлом. В связи с этим мне кажется очень характерным ее самое раннее детское воспоминание.

Лариса вообще хорошо помнит детство. Она дочка кадрового офицера, за голову которого,

кстати, в Литве в пятидесятые годы "лесные братья" обещали большие деньги, поэтому в доме Кривцовых даже стоял пулемет, и у них была охрана. Впрочем, Лариса про это знает только по рассказам. В годовалом возрасте родители отвезли ее на ярославщину к бабушке — чтобы болезненный ребенок набирался сил на молоке, на свежем воздухе. Здесь малютку едва не сразу же посадили на лошадь. По крайней мере, Лариса себя, пятилетнюю, помнит уже на коне, причем, без седла. Не случайно и сегодня у нее в доме живут то собачки, то кошки, то хомячки, то крысы...

А самое раннее Ларисино воспоминание, так поразившее меня, — про то, как ее крестили в полуторагодовалом возрасте. Она помнит тот день очень ярко, зримо, просто "ощущает" его. Церковь. Закончилось крещение. Батюшка взял девочку на руки и что-то ей говорит, говорит. Лариса его дергает за бороду и останавливает: "Ну, хватит!".

Я всегда удивлялась тому, что в буддийских монастырях медитации монахов часто прекращаются не мелодичным звоном колокольчика, как можно было бы предположить, а резким ударом колотушки. Потом где-то прочитала: это делается для того, чтобы понять абсолютную неизбежность перемен, научиться закрывать дверь, оставляя позади прошлое. Удар в колотушку звучит как требование — время пришло! Пора взглянуть в лицо новому мгновению.

Итак, первый "живой эфир", провал, вакуум. И дальше по полной программе: больница, кризис. И вот однажды... Мне кажется, я

вижу, как Лариса говорит судьбе, словно тому бородатому батюшке из церкви, которого для убедительности она еще и дернула за бороду: "Ну, хватит!" И приходит в общественно-политическую редакцию первого канала, что называется "с улицы" (без рекоммендаций, связей, знакомых), — предлагает идею. Опальная журналистка с Московской телестудии придумала программу "Аукцион", которую хочет вести здесь, на центральном телевидении, да еще в прямом эфире. И тогда судьба, оторопев, растерянно (или удовлетворенно?) отвечает: "Ну, хватит — так хватит". И Ларисе идут навстречу, дают деньги, студию, время в эфире. Ее идея пришлась ко двору, оказалась кстати. И Кривцова вынырнула. Выплыла. Программа получилась. Был успех, высокий рейтинг. На следующий день ее вызвал директор: "Ну, что же ты где-то на стороне делаешь свои проекты? Возвращайся в эфир. Завтра ведешь "Добрый вечер", набирай группу..." Лариса стала одним из "лиц" Московского телевидения. Но накануне юбилея Москвы в телекомпании пришла новая команда.

— Ее поведение ничего кроме возмущения и обид не вызывало, — рассказывает Кривцова. — Многие боялись, что их уволят. Мне опасаться было нечего, но мне стало обидно за коллег. И я ответила за всех в прямом эфире — просто рассказала о проектах, которые мы делали, о людях, с которыми работали. Я дала понять новым начальникам, что они пришли не на пустое место, что и до них тут были профессионалы. Меня уволили на следующее утро. Без ра-

боты оказалась и вся моя бригада — полтора десятка человек.

И тогда она сказала: "А давайте попробуем сами что-нибудь создать, вырулить". Так появилась студия "А". Там реализовали тот самый "женский" проект. Над ним они работали почти на голом энтузиазме полгода. Но программу у Кривцовой не купили. Это было крушением всех надежд. После трехдневного добровольного заточения в квартире с выключенным телефоном Лариса собрала команду: "Мы потерпели фиаско. Я не знаю, что делать". Она пообещала, что еще не вечер, они выплывут вместе, вот только она соберется с силами, пораскинет мозгами... Она ощущала себя выбитой из колеи, раздавленной. Надо было как-то выплывать.

История про то, как Лариса клин клином вышибала

— У меня впервые появилось желание опаздывать не просто на природе или рядом с природой, а вместе с ней — в ней. Я уехала в Поленово на Оку. Там работает замечательная женщина, директор Поленовского музея Наташа Поленова. Она, видя мое состояние, сказала: "Лариса, иди искупайся в Оне." — "Наташ, ты сдурела что ли? Холодно, снег, мороз градусов десять". Она говорит: "Искупайся — вода все с тебя унесет". Я ей обреченно ответила: "Пошли". Нончался ноябрь, лежал снег, рена частично уже схватилась льдом. Мы подошли к Оне, был вечер. Наташа говорит, раздевайся догола, все равно никто не видит, а то потом в мокром белье холодно идти, можно замерзнуть. И я разделась. Темень, толь-

но звезды светят, там нет фонарей, это же не набережная, а просто такая излучина, где когда-то высадился Репин сотоварищи. Белый снег, река во льду, огромная прогалина-полюнья, не успевшая замерзнуть. И я вошла туда. Это было мое первое в жизни вхождение в зимнюю реку. Меня обонгло. Ощущение невероятное. Я чуть-чуть проплыла. Потом вышла, накинула на голое тело шубу и мы побегали к дому. Затопили камин, выпили водки. Наташа спросила: "Тебе легче?". Я ответила: "Да, мне легче".

И они собрались-таки вместе! "Я знала, что это произойдет, — рассказывает Кривцова, — только не знала, за что буду хвататься и с какой стороны я из этой жизни вылезу. Мне казалось в тот момент, когда говорила о фиаско, что у меня нет никакой возможности, не было ни одной зацепки".

Да, ее "женский" проект не приняли, но ее увидели как ведущую и пригласили на ОРТ. После чего студия "А" предложила пушкинский проект, который по достоинству оценил "сам" Константин Эрнст. У нее программа на ОРТ, свое дело — студия "А", ее детище — программа "Наш Пушкин" (помните, как политики, домохозяйки, академики, учителя... по строчке прочитали всего "Евгения Онегина" в телеэфире?). Викторины "Ай, да Пушкин" (книжная, шоколадная, видеоверсии, радиовариант...), "Россия: колокола судьбы" — тоже ее рук дело. Ее студия готовит к запуску художественный фильм — "мыльную оперу", в которой, по слухам, возможно, снимется и сама Кривцова. Не боится ли она провала? — этот вопрос, на

который Лариса уже отвечала, снова готов сорваться с моих губ. Бог мой, да о чем это я? Да, родители непустили ее в театральное училище — а Лариса, поступив в педагогический, стала там... главным режиссером знаменитого студенческого театра. Да, ее со скандалом уволили с Московского телеканала — Лариса с единомышленниками начала свое дело. Да, ее проент "Женская территория" действительно оказался невостребованным — в итоге она сделала программу "Мужики!" Как там у Пастернака? "Но поражение от победы ты сам не должен отличать..."

Как утверждает телережиссер Роман Карапетян, "для Ларисы нет проблем". "Она знает какие-то психологические тонкости, нюансы, знает, куда надо надавить, чтобы у человека полностью изменилось настроение, располагает людей к себе очень быстро", — рассказывает ассистент режиссера Олег Протасов.

Ее умению работать в прямом эфире действительно стоит удивляться. В течение одной передачи она интервьюирует бомжа, академика, знаменитого режиссера, внучку маститого художника и, наконец, патриарха Всея Руси. Перед академиком она — прилежная студентка, в глазах режиссера — талантливая актриса, с бомжем — женщина, которая могла бы жить в доме, на лестничной площадке которого он ночует... Она же профессиональная актриса! Она не только задает вопросы, но и умеет "работать от партнера", как говорят в театре.

— Каждая встреча с гостем программы — своеобразный раунд, это как пинг-понг: получит-

ся — не получится? Я как бы хватаю эмоциональную волну собеседника, пытаюсь им заразиться и полюбить как партнера на сцене. Его состояние интуитивно ловлю.

Быть может, ее сумасшедшая интуиция — от деда, который знахарил в Сибири? Он был лесником, многое умел предвидеть, умел лечить. Ларисино воображение в детстве потрясла его кладовая с припасами, травами. Она считала деда колдуном.

Однажды Лариса "ни с того ни с сего" почувствовала, что через три года будет на грани смерти. Даже сказала о своем предчувствии близким. Прошло почти три года. Почти... Оставалось два месяца. После неудачно сделанной операции Кривцова действительно оказалась на грани смерти. Лариса уже летела в бездну и слышала, как врачи кричали: "Она уходит, уходит..." "Это был не тоннель, а будто труба из воздуха — не плотная, но такая спрессованная, светлая... И я ощущала, как вихрь меня туда затягивает, затягивает..."

Ее когда-то уже затягивало в бездну. Наяву. Я помню, как она рассказывала о начале своей телевизионной карьеры: "Здесь много подводных течений, нанихто закулисных игр, и если ты по-

падешь в этот водоворот, — все, ты пропал, тебя затащило в омут".

— А нет соблазна нырнуть туда?

— Я уже прошла этот этап, меня затягивало. Теперь — нет. Сейчас я стою над этим, потому что у меня много всяких проектов, возможностей.

Она говорит о телепроектах, журнале, "мыльном" сериале, радиовикторинах, Женском клубе... Она давно мечтает объединить умных, талантливых, красивых женщин, способных что-то сделать.

— Лариса, а какой проект — самый любимый?

— Я говорю своему сыну: "Женя, ты — мой инвестиционный проект: все, что я делаю, — для того, чтобы вложить это в тебя, в твою дурную башку".

В детстве Лариса хотела быть министром культуры. Когда умерла Фурцева, девочка расстроилась: "Ой, мама, я еще маленькая, я же еще не могу быть министром".

— Сейчас я не хочу быть министром культуры, — смеется Лариса. — Но я хочу, чтобы у меня было свое телевидение, свой канал.

— Это из серии "хотелось бы..." или "хочу и будет"?

— Я надеюсь, что это будет когда-нибудь. ■

ПОД КРЫЛЫЕ БЕЛОЙ НОЧИ

Дмитрий ШЕВАРОВ

В белые ночи Петербург куда-то плывет... Фасады дворцов колыхнутся, когда мимо пронесется трамвай, полный света и одиночества.

Нет теней, нет сна, нет прочности ни в мыслях, ни в теле, ни в земле под ногами. Но льняное выбеленное небо, подпертое шпилем, обтекает покойно, как белье во дворе, и хочется лицом утннуться в него, почувствовать на бьющемся виске его холод...

Я вспомнил того, кто в воронешской тоске по Ленинграду написал: "Не мучнистой бабочкою белой..." А до этого он написал: "Я вернулся в мой город, знакомый до слез..."

Мне вспомнилось, как я первый раз читал Мандельштама июньским вечером в пустом читальном зале, как у меня забрали синий том, а я пошел домой, унося на губах привкус петербургского прихотливого слова. И незнакомое доселе ощущение, что жизнь хрупка, как фарфоровое блюдце в бабушкином серванте. Если посмотреть на донышко блюдца, то можно увидеть молочный свет, и похоже, что в блюдце застыла белая ночь.

...Около Эрмитажа художники рисуют портреты случайных прохожих. "Хотите шаржик смешной?" — "Нет, не хочу". В такую ночь не хочется быть смешным, хочется быть серьезным и чувствовать, что жизнь — это всерьез и надолго.

Я шел по пустой Мойне, мимо дома Пушкина, там, на дверях, я прочитал объявление о презентации книжки "Пуговица Пушкина". Я пошел дальше, глядя под ноги.

фото Александра Лыскина

Мне тоже захотелось найти пуговицу Пушкина и размышлять над ней потом всю жизнь.

И тут из открытого подъезда одного дома на меня вдруг дохнуло такой горькой сыростью, что я оглянулся туда. В темноту. Там была черная ночь, здесь — белая. Там был необитаемый провал, здесь все говорило, шепталось от прикосновений света, воды, стекла, неба... Дом был оставлен на

ры. На мостике бродили две девушки. Атланты смущенно глядели на свои невероятно огромные босые ноги. Милиционеры бережно подносили к губам рации.

Вечером старушка контролер в Летнем саду предлагала мне понюхать веточку жасмина, а потом читала стихи: "И ваше платье цвета белой ночи мне третий век забыться не дает..." На этом месте ее сбивали, спрашивая про туалет громким шепотом, и всем она отвечала: "Детка, смело идите направо..."

Начаются лебеди на пруду, сидит на своем месте близорукий дедушка Крылов. Еще в апреле открыли укрытые на зиму статуи, сняли с них деревянные футляры и серую холстину, и лошади увезли все это хозяйство на склад. Статуи умыли теплой водой с детским мылом. А осенью лошади вновь привезут футляры, и холст укутает озябшие ноги Терпсихоры. Падет снег, и будет зима, и что-то

ремонт, заброшен, покинут, окна забиты фанерой. Я посмотрел в подворотне — нет ли еще одного куска фанеры или доски. Надо было чем-то заслонить, закрыть провал выбитого подъезда, чтобы чернота не пробивалась на свет...

Неподалеку от Атлантов, тех самых, что "держат небо на каменных руках", стояли милиционе-

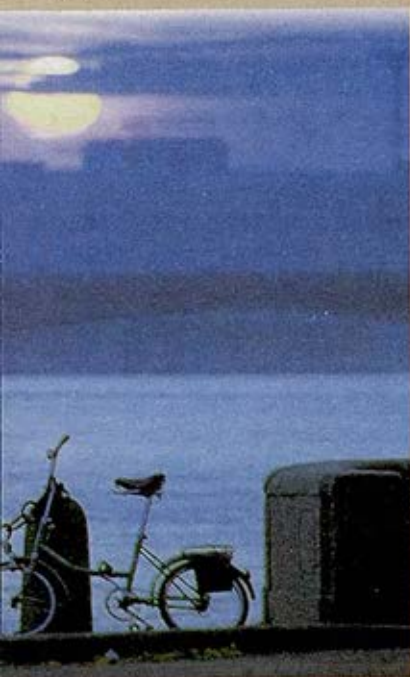

будет с нами. Но что бы ни случилось — за решеткой Летнего Сада снова будет весна, и опять будут футляры, холст, детское мыло и белые ночи.

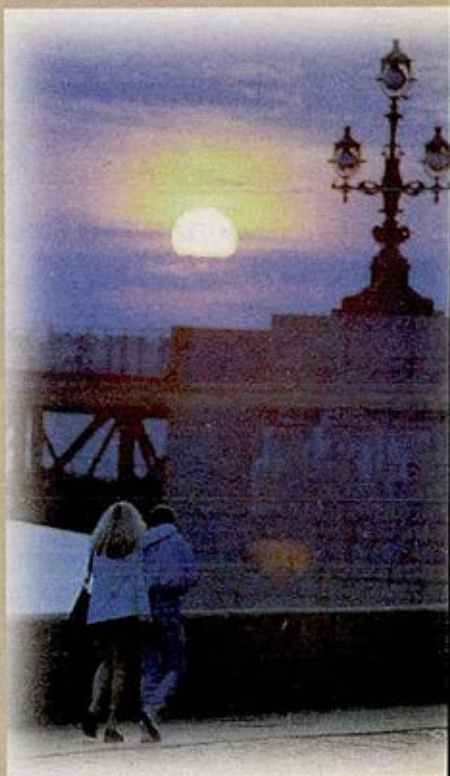
Традиция обертывания и укрытия на зиму скульптур Летнего Сада повторяется уже сто пятьдесят пять лет. Правда, был перерыв на две блокадные зимы.

Говорят, что раньше ко времени развода мостов собирались многие сотни людей — влюбленных, веселых, беззаботных. Сейчас приходят немногие. Редко кто может позволить себе роскошь бессонной ночи. Слишком трудные пошли дни.

Воздух дрожит (и я отчего-то дрожу). Зябко. А небо похоже на тонкую кожицу листка мать-и-мачехи, его обратной стороны, бархатистой, белесой. Вдруг подумалось о рае. Ведь в раю не должно быть глухой тьмы. Даже ночью. Там должны быть белые ночи...

Мосты, как всегда, пропустят корабли и сомкнут свои пролеты под утро, когда ласточки беспокойно и твердо перечеркнут небо над гулкими дворами. В булочную привезут горячий хлеб. Всё хоро-

шо, все рядом и не было никакой войны и быть не может, и надо только сбежать за хлебом, сжимая мелочь в руке.

И еще ночью был дождь, и всем стало легче. Мы нуда-то причалили, и причал нам знаком. И хочется крикнуть встречающим, как Настенька в "Белых ночах" Достоевского: "Простите нас, помните и любите..." ■

Кропоткинская

Владимир ПАВЛОВ

17

В одном из московских журналов осенью 1837 года была опубликована фантастическая повесть, написанная отставным гусарским полковником Н. Мухановым. Пройдя рогатки цензуры, она была напечатана, но номер журнала, еще до поступления в продажу, попался на глаза начальнику департамента Министерства народного просвещения и вызвал страшный переполох, больший, чем известное философическое письмо Чаадаева. Весь тираж был уничтожен на глазах ближайшего помощника и доверенного начальника 3 отделения Его Императорского Величества Собственной канцелярии.

По иронии судьбы один экземпляр злополучного журнала уцелел. Книга эта считалась самой крамольной за всю историю России. Ибо речь в ней шла о будущем, описанном вполне достоверно, но несколько в шутовском тоне.

Хранилась она, как величайшее сокровище, в семье N, передавалась от отца к сыну, другие же о ее существовании не знали.

К сожалению, книга эта погибла по нелепой случайности в пожаре, и чудом уцелели лишь первые две страницы повести.

Но один из героев настоящего повествования, являющийся потомком N, успел прочитать ее лет двадцать назад, немало был поражен ею и внезапно оказался участником истории, описание которой впервые появилось на свет в 183... году.

превозводителем
наштору Москва
в Лондону
в Лиге

Вин

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ
СВЯЗИ
И
КОММЕРЧЕСКАЯ
ТЕХНИКА
И
ПРОМЫШЛЕННЫЕ
ПРЕДПРИЯТИЯ
И
УЧРЕЖДЕНИЯ
И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
УЧРЕЖДЕНИЯ
И
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
УЧРЕЖДЕНИЯ
И
ПРОМЫШЛЕННЫЕ
ПРЕДПРИЯТИЯ
И
УЧРЕЖДЕНИЯ
И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
УЧРЕЖДЕНИЯ
И
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
УЧРЕЖДЕНИЯ

Любезный читатель, надеюсь, извинит меня за то, что я отнимаю у него драгоценное время, но события, о которых я хочу рассказать, настолько невероятны, что я не могу умолчать о них.

Я приехал в Москву по делам своего имения и, изрядно соскучившись по приятелю генералу Р., решил отправиться к нему. Его дом, который он в течение года безуспешно пытался продать, находился на Пречистенке.

Смеркалось. Выйдя из ресторанчика, я направился к дому генерала, благо он находился недалеко. У ворот его дома я заметил странного вида экипаж без лошадей и кучера. Он был необычной, довольно приземистой формы и фиолетового цвета. В окно его высунулась крайне удивленная физиономия и уставилась на меня во все глаза.

Я не привык к подобной дерзости и уж вознамерился прочесть незнакомца, как он скрылся в глубине экипажа.

Мною овладело любопытство, и, подойдя к нему, я взялся за блестящую ручку.

Вдруг я услышал низкий гул. Яркая зеленая вспышка ослепила глаза. Непонятная сила сковала меня, и я не мог пошевелить даже пальцем.

Гул и свет внезапно исчезли, а я по-прежнему стоял перед домом своего приятеля. Но что-то было не так. В воздухе пахло чем-то отвратительным, перед подъездом — ни одного экипажа, и двор, обычно полный людей, был пуст. Но не это меня поразило.

На стене у парадной двери висели две доски. На одной из них, из серого мрамора, был изображен мой приятель, изрядно приукрашенный, надо сказать, а подпись под ним гласила, что он, выдающийся поэт и герой кампании двенадцатого года, жил в этом доме с 1835 по 1837 год.

А на другой доске красного цвета было написано совсем непонятное — буквы-то русские, а кроме слова “комитет”, я ничего не понял.

Хотя Р. большой шутник и оригинал, я был всерьез озадачен и даже встревожен, поэтому стал громко стучать в дверь и звать хозяина.

Но тут на мое плечо легла чья-то рука, и громкий голос произнес: “Гражданин!”

“Это что за французские шуточки?”, — подумал я и оглянулся...

*Начальнику отделения милиции
майору Кувалдину*

Рапорт

Докладываю, что 25 марта с. г. в 9 часов 15 минут мною задержан у здания райисполкома — Кропоткинская улица, дом

17, подозрительного вида гражданин, по-видимому, в состоянии алкогольного опьянения. Этот гражданин ходил вокруг здания, стучал в окна и дверь предметом, похожим на трость, и громко кричал: "Денис, открывай!". Упомянутый гражданин был странно одет: на голове блестящий черный цилиндр, фиолетовый фрак, в руке массивная черная трость с набалдашником из белого металла.

В ответ на мое предложение не кричать, предъявить документы и ответить, что ему надо в райисполкоме, он обозвал меня нецензурным словом и сказал, чтобы я срочно бежал за хозяином по фамилии Давыдов, поскольку был приглашен к нему, и при этом добавил, что какой-то Денис сошел с ума, а я никуда не годный лакей. На предложение пройти в отделение, он категорически отказался, и при попытке задержать его, хотел ударить меня тростью. Мною был вызван дежурный автопатруль, и гражданин был отправлен в отделение. При задержании оказал сильное сопротивление и выражался.

Старший сержант Иванов

Начальнику отделения милиции
майору Кувалдину

Рапорт

Довожу до вашего сведения, что, ввиду странного вида и поведения, к гражданину, задержанному старшим сержантом Ивановым возле здания райисполкома, был вызван дежурный психиатр, и после осмотра задержанный отправлен в психиатрическую больницу. Номер наряда 23-15.

Дежурный по отделению старший лейтенант Юрасов

Протокол обыска задержанного за мелкое хулиганство При обыске обнаружено:

1. Массивная деревянная трость с набалдашником из белого металла.

2. Карманные часы, старинные, из желтого металла с цепочкой.

3. Десять монет царской чеканки.

4. Два листа бумаги

— 1 лист с текстом на русском языке;

— 2 лист с текстом на французском языке.

5. Носовой платок с монограммой Н. М.

Обыск производил дежурный по отделению милиции
старший лейтенант Юрасов.

Поняты: Белов, Горкин

Запись врача приемного отделения психиатрической больницы.

Доставлен дежурным психиатром по городу из отделения милиции. Контакту не доступен. Агрессивен, ударил санита-

ра, угрожает врачу и всему медперсоналу. Заявил, что завтра же будет жаловаться генерал-губернатору.

Речь и манеры вычурны, пользуется старинными оборотами речи. Назвал себя старым гусаром. Абсолютно не критичен.

Диагноз: параноидная шизофрения. Назначения: строгий надзор! Аминазин и сульфозин по 6,0 в\м.

Врач Шаров

Рассказ Дедушкина Юрия Павловича, 1943 г.р., сварщика.

Эх, хорошо дома, Нинуля! Сколько меня не было, не помнишь, конечно, а я вот точно скажу — тридцать пять дней.

И интересно было в этот раз. Не поверишь, но там такие дела творились!

Нет, ты послушай, я ведь сейчас трезвый и не на пьяную голову все это выдумал. В общем, горячка и все такое, ты сама знаешь, около недели. Где-то дней 6-7 я на капельнице был и к койке привязан — это точно. То, что я ничего не помню из этих дней, тоже факт. Но вот дальше...

Короче, через неделю прихожу в себя, и через сутки меня переводят в обычную палату. Я еще слаб, конечно, сознание прояснилось, на усиленных витаминах. Страна родная любит нас, алкашей. Я уже по стеночке хожу, тренируюсь. Дела идут на поправку. В нашей палате таких, как я, четыре человека, два шизика и трое солдат на экспертизе, от армии косят. В общем, обычный ограниченный контингент.

Дело было вечером. В воскресенье. В отделении тишина и порядок. Туалет в конце коридора, а там дым коромыслом, парламент наш заседает, но в столовой их не слышно, наиболее сознательные "Время" смотрят.

А я кроссворды любимые отгадываю. "Родственник" из шести букв. Угадай! Правильно, братан.

Вдруг часов в десять слышу сильный шум, крики. Выглядываю в коридор, а там трое санитаров тащат связанного, здорового мужика и прямиком его в наблюдательную палату. Тут же следом прибегает дежурный доктор и дает команду влить ему шесть кубов аминазина и сульфозина. Скажу тебе, это не слабо. Такая доза аминазина лошадь свалит, а вот сульфозин! Если и есть порядок в нашем бардачном государстве, так это только в дурдоме. И все благодаря желтому маленькому пузырьку. Потому что бунт на корабле должен подавляться быстро и беспощадно, и делают это сульфой. За грубость с персоналом, за трехэтажный родимый, за драки и т.д. и т.п. Сразу тебя на кушетку — и укол в четыре точки. Через час-полтора температура к 40° подскакивает, трое суток ни спать, ни лечь, ни сесть от боли. Я на себе его испытал в первый раз по незнанию и невоспитанности своей — ни один гад не предупредил. А мужик оказался крепкий — часа три

еще бушевал. Мы всем отделением ходили на него смотреть, и было на что — здоровый такой шкаф, с бакенбардами и усами. Ни на психа, ни на алкаша не похож. Трое суток всех подряд поливал и грозил, но как-то странно, я еще такого не слышал.

У нас и там есть любители права качать: в газету пишут, в ЦК, Брежневу жалуются. Пишите, пишите, граждане, — тайна переписки охраняется законом. Все на стол к заведующему попадает и аккуратненько подшивается в историю болезни.

Ну, а этот все про конюшни орал, что всех заперет и как куропаток постреляет. Да еще вдобавок генерал-губернатора вспоминал и насчет какого-то Дениса больше всего прохаживался. Потом кричал, что он старый гусар, брал Париж, а не что-нибудь, с государем императором, мол, пульку расписывал — ну, дает мужик, вот загнул. Слова какие-то иностранные, похоже, французские, всю дорогу вставлял. Мы его гусаром так потом и прозвали.

В общем, буянил он в таком роде дня три-четыре, сульфю ему больше не делали, а аминазин кололи исправно. Потом он перестал права качать, начал прислушиваться, присматриваться. Мы его даже своим признали — думали, что все-таки перепил мужик, с кем не бывает, и белую горячку заработал. Да нет. Все-таки он со своим сдвигом был.

Вот, помню, присел он как-то раз к нам, а в это время чемпионат мира по хоккею шел. Мы канадцам прилично вложили, ну, тут, понимаешь, переживания, Озеров охрип, а он вдруг задает вопрос, что, мол, такое хоккей, и как называется шайба? Представляешь, спрашивает еще, кто такие Михайлов, Харламов, и что за фамилия такая Голкипер? Ну, дела! Хохот стоял такой, что мы и не заметили, как Петров последнюю шайбу канадцам вlepил. Но зато в карты гусар играл, как Карпов в шахматы. В общем, мужик нормальный. Любил на гитаре поиграть, романсы старинные пел, да так, что блатные сразу затихали. Как-то у него очень чувствительно получалось.

Недели через две перевели его в другую палату. В отделении к нему привыкли. Выступал он мало, а все больше прислушивался к нашим разговорам. Сдружился с одним тихим бородастым очкариком.

Стали они как два закадычных корешка. Все время проводили вместе, очкарик ему постоянно какие-то книги давал. Так Петрович (такое отчество у него было) глотал их как сумасшедший. Меня вскоре перевели в другое отделение на профилактику, а он здесь остался.

Я потом видел его пару раз, когда территорию подметал, трудотерапией это называется, он с очкариком гулял в саду их отделения, и оба от возбуждения руками даже размахивали. О

чем они разговаривали, я не слышал, но один из наших (алкаш-дипломат) говорил, что они по-французски трепались.

А еще через пару недель гусар ноги сделал, и такой переполох поднялся, какого, как говорил персонал, здесь никогда не было. Вся больница на ушах стояла. Приехали три "Волги" с ментами, среди них даже генерал был, и еще машина со штатскими. Они целый день рыскали по территории, допрашивали врачей, сестер, да так ни с чем и уехали.

Молодец, гусар, недаром Париж брал, так им и надо!

Из истории болезни

27. 03. Анамнестические сведения по состоянию обратиться не удается. Больной утверждает, что происходит из старинного дворянского рода Мухановых. Родился в 1794 году в родовом поместье Муханово в 10 верстах от Москвы. Образование получил домашнее, имел гувернеров: француза и англичанина. В 1810 году поступил в Московский университет. Бросил его в 1812 году и поступил на службу в лейб-гвардии гусарский полк. Принимал участие в кампании 1812 года, участвовал в Бородинском сражении. В 1813 году брал Париж. В дальнейшем службу проходил в Петербурге и имел обширный круг знакомств. Называет в числе своих приятелей Пушкина, Дельвига, Дениса Давыдова и многих декабристов. По его словам, в 1830 году вышел в отставку в чине полковника и женился. С тех пор поселился в своем имении. Являясь владельцем 600 крепостных, периодически наездами бывал в Москве и Петербурге, где навещал своих друзей и сослуживцев. Клянется, что все сказанное им истинная правда, угрожает расправой и жалобой графу Бенкендорфу. Абсолютно не критичен к своим бредовым высказываниям, отказывается сообщить свое настоящее имя, возраст, адрес, место работы и должность. Задает вопрос, что такое прописка и зачем она нужна. Считает, что сейчас 1836 год, интересуется, почему на персонале белые балахоны.

5. 04. Больной заявил, что сейчас у него в имении идет подготовка к полевым работам и ему надо ехать в деревню проследить за порядком. Услышав, что сейчас 1980 год, сказал, либо он сошел с ума, либо его заколдовали, но в колдовство он не верит. Неоднократно повторяет во время беседы, что направлялся к Денису Давыдову, от которого получил письмо, но письмо у него отобрали в полиции.

11. 04. Острых психотических расстройств нет. Спокоен. Бредовые переживания несколько поблекли. Некритичен к своему состоянию. Переведен на спокойную половину.

27. 04. По консультации старшего врача больницы Ковригина В. Д. больному проведено амимтал-кофеиновое "растормаживание". Дополнительных сведений о больном получить не удалось.

Консультация профессора Гердера А. Д.

4. 05. Параноидальная шизофрения, типичная форма, паранойяльный синдром. Рекомендуются после проведения курса лечения перевод в больницу для психохроников.

8. 05.

Рапорт дежурного врача

Сегодня ночью, в три часа, совершил побег из 5-го отделения больной Муханов. Обстоятельства побега неизвестны. Больной Муханов был одет в больничную одежду. О побеге сообщено дежурному районного отделения милиции.

Дежурный врач Майский

Телефонограмма

Внимание всех дежурных райотделов, подвижных милицеских групп и постов ГАИ.

08. 05. с.г. в три часа ночи из психиатрической больницы сбежал особо опасный больной Муханов Николай Петрович. Приметы: рост 180-185 см, сложения атлетического, волосы темно-русые, нос прямой, носит усы и бакенбарды. Возраст: приблизительно 40-45 лет. Особые приметы — шрам длиной 4-5 см на левом виске. В момент побега был одет в больничную пижаму темно-синего цвета. При задержании может оказать активное сопротивление.

Приказываю принять срочные меры к задержанию больного Муханова.

*Начальник Управления ГУВД г.Москвы
генерал-майор Куликов*

Заключение экспертизы

1. Предъявленные для производства экспертизы карманные часы яйцевидной формы желтого металла с цепочкой из такого же металла по устройству механизма относятся к первой половине XIX века. Корпус и цепочка сделаны из золота 96 пробы. Механизм часов в хорошем состоянии. Изношенность 30%.

2. Предъявленные на экспертизу 10 монет желтого металла относятся к XIX веку, эпохе царствования Николая I. Из них шесть монет достоинством 5 рублей (так называемый полуимпериал) чеканки 1826 года. На лицевой стороне изображен двуглавый орел с короной на голове и надпись: монета 5 рублей и 1826 год. 3 монеты достоинством по 10 рублей (империал) выпуска 1836 года аналогичной чеканки. 1 монета достоинством один рубль 1834 года, называемый александровский, в честь установления Александровской колонны. На лицевой стороне изображен Александр I, на оборотной стороне изображена Александровская колонна и надпись 1 рубль. Встречаются исключительно редко.

3. Представленные на экспертизу два листа бумаги с текстом на французском и русском языках содержат:

Первый лист — отрывок из первого философического письма П. Я. Чаадаева на французском языке. Второй лист — письмо на русском языке, написанное по правилам старинной орфографии.

Проведенная графологическая экспертиза, по материалам, предоставленным Центральным Государственным Архивом литературы и искусства, установила полную идентичность почерков представленного текста и рукописей Дениса Давыдова.

Оба листа бумаги слегка желтоватого цвета с золотым обрезами изготовлялись в Лондоне в первой половине XIX века.

Примечание: В связи с тем, что графологическая экспертиза установила автором письма Д. Давыдова, оно передается на хранение в ЦГАЛИ.

Письмо Дениса Давыдова

Благодарствую, душа моя, за любезное послание. Сам же пишу тебе, крепко напившись. Что это вздумалось тебе писать такое премеланхолическое письмо? Впрочем, оным меня сейчас не удивить.

Да, кстати, неужто и у тебя появился зуд в руках, и ты мечтаешь прослыть литератором? Только не стихи! Занятие неблагодарное. Слишком многие взялись за них, да после Пушкина нам здесь делать нечего, разве лишь Баратынский, но ему сам Бог велел.

Теперь что касается дел твоих. Я с охотой взялся бы помочь — тебе нужно тридцать тысяч, но я могу дать только пятнадцать. На остальные у меня есть пара векселей, но срок им уже истек, а по причине дурных оборотов дел моих должников я ничего с них пока получить не могу.

Дом свой я продать тоже пока не могу. Башилов, подлец, молчит, ну, так я челобитную к Пушкину в “Современник” послал. Читай в третьем номере. И если найдется какой дурак купить “за сто тысяч дом богатый”, то я тебе сей же час и выдам все деньги разом. А, впрочем, приезжай в Москву, на месте виднее будет, что-нибудь придумаем. Да, не вздумай останавливаться в “Англии”, а непременно ко мне, у меня хоть тараканов меньше. Ну, прощай, брат, кланяйся от меня жене и детям.

Твой Денис

Протокол допроса Мещерякова А. П.

Следователь. Назовите вашу фамилию, имя, отчество, дату рождения, должность и место работы.

Мещеряков. Мещеряков Андрей Павлович, 1922 года рождения, старший научный сотрудник Института истории русской литературы.

С. Место рождения?

М. Петроград.

С. Не Петроград, а Ленинград.

М. Тогда еще Петроград.

С. Назовите фамилии и имена ваших родителей, место рождения, социальное происхождение.

М. Отец — Павел Николаевич Мещерский, 1890 года рождения, родился в собственном имении в Тверской губернии, социальное происхождение — из князей. Мать — Ольга Александровна Мещерская, урожденная Бакшеева, дворянка, родилась в 1896 году в Москве.

С. Они живы?

М. Мать умерла в 1922 году, вскоре после родов, в Петрограде. Отец, известный историк, либерал. Слава Богу, товарищ Троцкий выслал его в 1922 году вместе с двумя сотнями порядочных и умных людей из России. Так что он умер в своей постели в 1949 году в Париже.

С. Почему у вас фамилия Мещеряков, а не Мещерский?

М. Был такой оригинальный лозунг — сын не отвечает за отца. Вот поэтому я и Мещеряков.

С. Образование?

М. Высшее. Московский университет, филологический факультет.

С. Привлекались к судебной ответственности?

М. Естественно.

С. Когда, кем и за что?

М. В 1949 году, вашим уважаемым заведением, в рамках «культурной революции».

С. У нас не заведение.

М. Виноват, карающий меч революции. Получил 10 лет по 58 статье, отпущен в 1955 году.

С. Отпущен?

М. Реабилитирован, было такое модное словечко.

С. Хватит иронизировать. Вас пригласили сюда с тем, чтобы получить сведения по делу, имеющему государственное значение. Предупреждаю об ответственности за дачу ложных показаний. Когда и где вы познакомились с гражданином, называющим себя Мухановым?

М. В сумасшедшем доме, где же еще? Числа не помню, но где-то в начале мая.

С. Почему именно с вами общался Муханов?

М. Я думаю, что у нас возник обоюдный интерес.

С. Конкретнее.

М. Боюсь показаться нескромным.

С. А вы не бойтесь.

М. Хорошо. Я неплохой специалист по истории и литературе России XIX века, и естественно, что наш контакт был чрезвычайно интересен нам обоим.

С. Почему разговоры велись по-французски?

М. Да так, знаете ли, приятно поговорить после долгих лет перерыва. Последний раз говаривал настоящим французским с одним уцелевшим предводителем дворянства в 1950 году в лагере.

С. О чем вы разговаривали?

М. Два сумасшедших беседовали о судьбах государства Российского, его истории, литературе. Где же еще говорить об этом, как не в “желтом доме”?

С. И что же вы выяснили?

М. Даже докторам это было не интересно.

С. Речь идет о деле чрезвычайного значения, и вы выступаете, можно сказать, экспертом.

М. Однако, какая честь! Хотя до кого-то дошло, что он не больной. Жаль только упущенных возможностей для специалистов, да и всей нашей культуры и истории. Ведь этот человек лично знал Пушкина, Давыдова, Дельвига, Жуковского. Он — бесценный свидетель прошлого. Другой такой возможности уже никогда не будет. И все из-за параноичности наших самых передовых психиатров. Только до вас и дошло, кто он такой. К счастью, он к вам не попал.

С. Не все еще потеряно.

М. Нет, потеряно, навсегда. Он уже в своем времени.

С. Откуда вам это известно?

М. Муханов опубликовал повесть о своих приключениях в нашем времени.

С. Этого не может быть!

М. Что, испугались? Начитались фантастики. Ход истории не изменился, хотя и у меня была такая шальная мысль. История не имеет сослагательного наклонения. А Муханова в свое время тоже объявили сумасшедшим, как Чаадаева, и сослали, правда, без огласки. Журнал, в котором напечатали его повесть, был полностью уничтожен, уцелел только один экземпляр, да и он сгорел лет тридцать назад. Осталось всего полторы страницы.

С. Откуда вы это знаете?

М. Я его читал.

С. Он у нас практически ничего не видел...

М. Он многое успел прочесть, кое-что увидел. Кроме того, многое услышал.

С. От вас?

М. Естественно.

С. И что же вы ему сообщили?

М. Разумеется, не “Краткий курс”. Я рассказал ему, что видел и пережил сам, и все, что знаю.

С. Вы отдаете себе отчет в содеянном? Ведь это преступление!

М. Разве рассказать правду — преступление?

С. Вы что, забыли, где живете?

М. Я подписки о неразглашении не давал. Да и потом, для эмоций нет оснований, все осталось на своих местах. Вы в своем кабинете, и, самое главное, я сижу перед вами. Мир не изменился. Такое может случиться только у фантастов.

С. А откуда вам известно, что с ним было потом, ведь следов-то не осталось?

М. Это уже по семейной линии. Мой дядя приходился ему внучатым племянником. Но он этого не знает. Я не решился ему об этом рассказать.

С. И кто же занимался его судьбой там?

М. Предшественник вашего начальника — я говорю об Александре Христофоровиче Бенкендорфе. А как вы догадались, что он лицо подлинное? Не психиатры же вам сообщили?

С. Естественно, не они. Экспертиза, а они уже нам сообщили.

М. Я думаю, что Муханова подобная участь постигла бы в любой стране. Человечество, в силу своей ограниченности и сомнения, не доросло до понимания подобных вещей, несмотря на миллионы экземпляров фантастических книг о путешествиях во времени. Мне, к несчастью, не удалось предупредить Муханова, чтобы он ничего не публиковал и постарался бы забыть. Это единственное, что я мог сделать для него, но не успел.

С. Вот я вам и советую все забыть. Вы же благоразумный человек.

М. Благодарю, но такое забыть трудно, хотя мне вряд ли кто поверит. Как говорится, это для внутреннего потребления.

Письмо Муханова Мещерякову

Любезный Андрей Павлович! Простите великодушно, но у меня нет времени, пишу второпях.

Чувствую себя виноватым перед Вами, но иначе поступить я не мог. Обстоятельства сложились так, что выбора не было — мне стало известно об участии, которая меня ожидает.

Я бежал в больничной одежде, рискуя, что понатыканные на каждом углу полицейские поднимут тревогу, но для себя я твердо решил — меня им не взять. В ваш век насилия мне тоже пришлось к нему прибегнуть — раздел пьяного, чтобы одеться и не привлекать к себе внимания.

Три дня и три ночи я бродил по Москве, стараясь запомнить все, что видел и слышал. Я ведь до конца так и не мог поверить тому, что узнал от Вас.

От вашего времени у меня осталось двойное впечатление. Цивилизация, наука сделали чудеса, но человек... Чем он живет и дышит? К чему стремится? И существует ли сейчас вообще русский человек? Неужели колоссальные жертвы в России, да и во всем мире, принесены на алтарь пошлости и всеобщего оглушения? Я возвращаюсь в свое время, не буду писать, каким способом, — это не моя тайна. У себя, в 1836 году, я поста-

раюсь описать увиденное, конечно, с известными предосторожностями. Может быть, это будет фантастическое путешествие, ну, скажем, на манер Гулливера, но надеюсь, что сумасшедшим, как здесь, меня не объявят.

Не знаю, сетовать ли мне на свою судьбу и проклинать ее, или же благодарить за случившееся. Покидая Вас, я могу назвать себя счастливейшим человеком своего времени, ибо узнал то, что моим современникам не дано знать. Я говорю о русских гениях: Достоевском, Толстом, Чехове, Блоке, Булгакове и многих других.

Но мои знания об ожидающей Россию трагедии лежат за пределами моего разума. Неужели ничего нельзя изменить?

Жалею только об одном, Андрей Павлович, что возвращаюсь без Вас. От этого мира и времени надо бежать, особенно таким людям, как Вы.

Ну, прощайте. Да Хранит Вас Бог!

Резолюция Государя Императора

Прочитав повесть отставного гусарского полковника Муханова, нахожу, что содержание оной есть смесь дерзостной и богопротивной бессмыслицы, ставящей под сомнение существующий государственный порядок и достойной умалишенного.

Считаю нужным принять по отношению к автору самые строгие меры, а также не оставить без последствий оплошность цензора и редактора журнала, не умышленную, полагаю.

Николай

Его превосходительству генерал-губернатору Москвы князю Голицыну.

Ваше Сиятельство!

Вам, без сомнения, уже известна повесть, написанная отставным гусарским полковником Мухановым, которая, будь она опубликована, могла бы возбудить в жителях Москвы сильнейшее удивление и негодование.

В ней говорится о России, народе русском, его истории и будущем государства с таким презрением и безумными предположениями, что непонятно даже, каким образом русский, дворянин старинного рода, предки которого столь доблестны и самоотверженно доказали свою преданность Вере, Престолу и Отечеству, мог унизить себя до такой степени, чтобы подобное написать. Те немногие лица, коим довелось ознакомиться с этим сочинением, несомненно обладающие здравым смыслом и патриотизмом и будучи преисполнены чувством достоинства Русского народа, тотчас постигли, что подобная повесть не могла быть написана человеком, сохранившим свой рассудок, и поэтому не только не обратили своего негодования против господина сочинителя, но даже изъявили полное свое сочувствие и сожаление о постигшем его рас-

стройстве ума, которое одно могло стать причиной подобных нелепостей и басен.

Вследствие этих обстоятельств Государю Императору угодно, чтобы Ваше Сиятельство, по долгу звания Вашего, приняли надлежащие меры к господину Муханову.

Государь Император повелевает выслать Муханова для поправки здоровья под строгим надзором в его имение и поручить лечение от сумасшествия, временного, полагаю, искусному доктору, находящемуся при господине Муханове постоянно, и каждый месяц докладывать о состоянии его здоровья и рассудка мне лично. Употребить все средства к восстановлению его здоровья.

Начальник 3 отделения

*Его Императорского Величества Собственной канцелярии
граф Бенкендорф.*

Николай Муханов прожил в своем имении под строгим надзором около трех лет. Ежемесячно в Петербург посылались отчеты о состоянии здоровья и поведении отставного гусара. В последний год в отчетах робко говорилось о наметившемся выздоровлении поднадзорного.

Но высочайшего повеления об освобождении не предвиделось, а даже совсем наоборот, вынашивалось решение о ссылке Муханова в Сибирь.

Предвидя все более мрачные перспективы, глухой октябрьской ночью Муханов крепко напоил и связал чиновников, представленных к нему, и, строго наказав выпустить их только через три дня, заложил бречку. Затем поцеловал жену и спящих детей и тронулся в путь.

Спустя несколько месяцев он объявился в Париже. Князь Шаховской, видевший его там, говорил, что Муханов собирался отплыть в Америку, но далее его след оборвался.

В 1848 году бывший сослуживец Муханова, участвовавший в подавлении венгерского мятежа, рассказывал, что отставной гусар командовал одним из отрядов восставших. ■

В тридцатых, учась в ГИТИСе, он сидел за одной "партой" с Георгием Товстоноговым. Но был единственным студентом-режиссером, готовившим себя в оперу.

Товстоногов создал Большой Драматический в Питере, Покровский — свою оперу в Москве, в самом Большом театре страны. И если учесть, что в Большом поют уже более двух веков, то пятую (!) часть этого времени поют и играют в операх, поставленных Борисом Покровским. Назалось бы, одного этого достаточно, чтобы навсегда войти в историю оперного искусства. Но, став эпохой в Большом, получив признание во всем мире, Борис Покровский вдруг спустился со своего пьедестала, чтобы в новых муках и радостях создать еще один оперный театр — Камерный музыкальный.

Сорок лет в Большом и почти тридцать в Камерном! Такого творческого долголетия не знали до сей поры ни драматическая, ни оперные сцены. Но ведь и эти фантастические цифры — еще не итог оперной жизни Мастера.

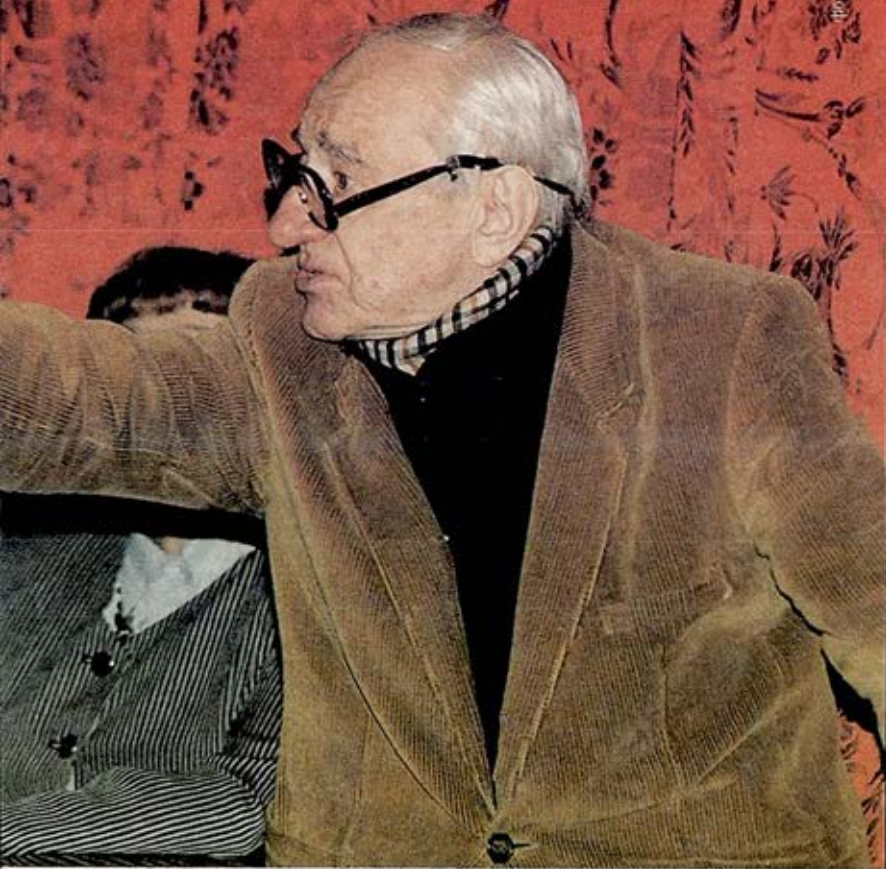
Увертюра без... дирижера

...Опираясь на палку, стоял он на сцене нового Камерного, груст-

**Леонид
ЛЕРНЕР**

ЦАРЬ

ОПЕРАРЫ

Судьбы 55

но, но и с радостью глядя в зал. Ему было грустно, оттого что покидал старенький подвал на Соколе. Ему было радостно, потому что его театр, единственный в своем роде, вышел, наконец, из подвала и перебрался в самое сердце столицы — на Никольскую.

Здесь все символично: и шумная старинная улица — любимая с детства, принявшая Камерный так, будто именно его здесь и не хватало; и, конечно, ближайший сосед — "Славянский базар", где сто лет назад состоялась знаменитая встреча двух корифеев театра, которых Борис Покровский боготворит... Там, на Соколе, остался другой базар — уличный, неумолчно галдевший под окнами театра. В теплые дни из его открытых окон на головы коробейников выплескивалась музыка Моцарта. А бывало, и сам Дон Жуан, уже одетый в свой камзол, выснакивал из театра, чтобы купить букетик фиалок. "Нигде больше нет такого Дон Жуана", — с удовольствием думал старый режиссер. Видевший эту оперу во многих театрах мира, Покровский убедился, что только в его Камерном Дон Жуан поет, по-настоящему играя на настоящей мандолине. Только в его театре оркестр может сыграть увертюру к "Дон Жуану" без дирижера!

Я спросил молодого скрипача из оркестра Камерного — в чем тут "штука": увертюра без дирижера? "В нашем театре мы не только музыканты, — ответил он. — Мы участвуем в спектакле. И "штука" в том, что, по замыслу режиссера, играем увертюру прямо в зале, на ходу. Ни в одной зарубежной опере об этом не может быть и речи".

Как-то после открытия Камерного на Никольской я зашел в театр на репетицию. Играли чеховскую "Свадьбу" на музыку Холминова.

Репетиция шла без премьерного анжотажна, без деспотичных выкриков режиссера, будто его и вовсе не было в зале. Но все ощущали каждой клеточкой, всеми фибрами души — он здесь. И когда он, словно дирижер, поднял руку, призывая свадебный хор разразиться скандалом, над сценой зазвенело, как сигнал к действию: "Позвольте вам выйти вон!" Два десятка артистов, являющих разноликие чеховские персонажи, были в то же время необычайно слаженным и звучным хором, певшим с яркими драматическими интонациями. И, давно знакомый с Камерным, я знал, что этот удивительный ансамбль потому именно так своеобразен, что в нем заняты не просто хористы, но лучшие артисты театра. Так Борис Покровский воспитывает своих артистов-певцов: сегодня ты поешь в хоре, завтра — исполнишь главную роль.

А все же самое уникальное в Камерном — сам Покровский. Каждый раз, сидя в крошечном, едва стоместном, зальчике на Соколе, я вспоминал необъятный и роскошный зал Большого с царственными ложами, с позолоченными дугами амфитеатров, ниспадающими на бархатный партер, кипящий морем людей. И поражался: каким творческим мужеством, какой преданностью искусству и отсутствием суетного тщеславия должен обладать режиссер, чтобы из театра, которым грезит весь мир, из зала, вмещающего тысячи людей, со сцены,

на которую в своей "Псковитянке" Покровский выводил целые толпы людей и всадников на живых лошадях, — спуститься в подвал, на сцену без подмостков, к горсточке зрителей... В том, незабываемом 1972-ом, Борису Покровскому было уже за шестьдесят. Но Господь, оценив этот вдохновенный поступок, помог ему создать театр, подобного которому не было ни в России, ни в мире.

Я поинтересовался, что он покажет своим зрителям в новом году. И был просто ошеломлен блистательным разнообразием богатейшего репертуара: 25 опер, в том числе "Женитьба" Мусоргского, "Нос" Шостаковича, "Жизнь с идиотом" Шнитке, "Гименей" Генделя, "Байка" Стравинского... Две дюжины спектаклей — от "Эвридики" Якоба Пери, первой в мире оперы, созданной 400 лет назад, до "Художника и четырех девочек" Эдисона Денисова — композитора XXI века!

Тайна оперы

— Что есть опера? — задал я мастеру, быть может, наивный вопрос.

— Опера — это одухотворение жизни, — не колеблясь, ответил Борис Александрович. И (волшебник, которому Господь поручил "одухотворять") разъяснил для простого смертного: — В драматическом спектакле, пусть это даже Чехов или Островский — писатели с душой и сердцем, важно прежде всего действие, событие, факт. Для оперы — красота действия, душа факта. В драме, к примеру, два человека просто обедают за столом — в опере в это же время разбиваются их сердца!

— Так, может, это и есть подлинная правда?

— Это такая правда, которая не объясняется, а рождается в сердце. Вы слушаете музыку, и у вас вырастает чувство красоты. Причем способность слушать музыку не в том, чтобы уметь рассуждать о ее достоинствах. А либо заплакать от внезапного ощущения счастья, либо, уйдя с оперы домой, проснуться ночью и стать... другим. Вы спрашиваете — что есть опера? Представьте себя мальчином, который упал, разбился, ему больно, он плачет. Куда он бежит? К маме. Или к бабушке. И что же бабушка? Обнимет, укачает, споет про серого волка, который утащит в лес, где леший и ведьмы... А мальчик-то улыбается. Вот мудрость! Искусство оперы — это и есть та самая "мама". В опере умирают, изменяют, убивают, война, дуэли, кровь: красавица Кармен погибает, Ленский, всеми любимый — сражен на дуэли... Но все идет на эти спектакли, как на праздник. И все облагораживаются. Страдание, одухотворенное музыкой, облагораживает. И чрезвычайно важно именно то, что это — красивое страдание! Не ненавистное, бытовое — скажем, повышение цен, когда все в занудной тоске, или страшный террористический акт, вызывающий страх, ненависть и отвращение. Опера — это величайший катарсис, очищение души светлым страданием. Мы подсознательно становимся чище и после гибели Кармен, и после смерти Виолетты из "Травиаты"... Потому что все эти герои ведут себя благородно.

Я слушал Покровского, затаив дыхание, стараясь понять, что же

в нем так сильно притягивает и убеждает. С одной стороны, жизнь этого человека, буквально слитая с оперой, растворившаяся в ней без остатка. С другой, тот фундамент, на котором возшла его первая и последняя — оперная любовь. Я говорил с человеком вена, вышедшим из той загадочной и прекрасной России, в которой еще вчера жил Толстой, в которой еще пел Шаляпин, в которой Блок еще шел за своей "Незнакомкой"... И где еще звучала знаменитая частная опера Зимина — та самая, где маленький Боря Покровский впервые услышал живые оперные голоса, певшие волшебную музыку Кюи в "Сыне Мандарина".

Путь в оперу

— У нас в семье никто не рисовал, не пел, не писал стихов. Но был граммофон, пластинки. По воскресеньям, после обеда, слушали Шаляпина, Нежданову. Отец, учитель словесности, преклонялся перед Чеховым, Станиславским.

— О Станиславском слышали еще в детстве?

— Каждый день о нем слышал: МХАТ был очень уважаем. Любимых артистов называли по имени-отчеству. Говорили: Василий Иванович — значит, Началов. Иван Михайлович — значит, Москвин... Все понимали: эти люди, как воздух, нужны России! А наша семья была частью России.

Покровские были не просто частью — плоть от плоти русские. Борин дедушка со стороны отца служил священником в церкви Боголюбской Божьей Матери на Варварке. Мать вышла из большой купеческой семьи. Быт соот-

ветствовал положению отца, инспектора частного реального училища: квартира в пять комнат, прислуга, нянька для детей. Однако "господ" Покровских советская власть не тронула. Причиной тому — законопослушный характер главы семьи, который, как полагает Борис Александрович, перешел и к нему по наследству.

— То была не рабская покорность, а врожденное уважение к власти. Отец никогда не высказывал претензий ни к Николаю II, ни к Керенскому, ни к Ленину. Он считал: его Россия — его судьба. Помню, в двадцатом, объявили, что нужно сдать велосипеды. И, несмотря на мои слезы, он сдал мой велосипед, хотя многие этого не сделали. И когда всех начали уплотнять, не стал ждать, когда ему приведут жильцов, а пригласил в нашу квартиру своих коллег-учителей, которые нуждались в жилье. Вот такой был мой отец: все делал так, чтобы ему не мешали заниматься любимым делом — учительствовать. И это оценили: бывшего инспектора реального училища назначили директором Первой Трудовой советской школы. Его отношение к жизни стало и моим — никогда не был бунтарем.

И в самом деле, не был. Даже в самые горькие минуты, когда "звезды" Большого подняли бунт против своего режиссера и учителя, Борис Покровский не стал с ними воевать, сохранив достоинство человека культуры, воспитанное в семье настоящего русского интеллигента. В кабинете его отца висел портрет Чехова. И так было во многих других семьях того времени, где свято чтити об-

разы артистов, художников, музыкантов, литераторов...

Он вспоминает, как начинался его путь в оперу.

— В нашем доме было и пианино, на котором, впрочем, никому не играл. Появился я и стал стучать по клавишам, что-то подбирал, сам кое-как выучился играть. И когда я всем ужасно надоел, отец сказал: "А не показать ли нам кому-нибудь Боречку?" Ему подсказали: есть две очень музыкальные дамы, две сестры — Елена Фабиановна и Евгения Фабиановна Гнесины, у них школа на Собачьей площадке. Меня привели туда зимой, посреди учебы. Но Елена Фабиановна любезно нас приняла. Спросила, что я играю. От волнения я все забыл и расплакался. По натуре очень строгая, Гнесина ласково успокоила меня. Так я попал в школу, а потом и в училище Елены и Евгении Гнесиных — величайших педагогов России, воспитавших многих знаменитых русских музыкантов. Но мне это, впрочем, не относится. Я был непоседа, очень нетерпелив, строгой игре предпочитал импровизации. Мне достаточно было посмотреть на картину — и тут же сыграть свое впечатление, замыслить ту или иную музыкальную сцену. Думаю, во мне уже зарождался режиссер.

Любимец Неждановой

— Если взглянуть на мою жизнь со стороны, то, конечно, я сделал большую карьеру. Глупо отзывать себя. Но в том-то и парадокс, что я ее не делал!

— Что же, она сделалась сама?

— Да. Так нужно было судьбе. Считают, что надо вовремя по-

мочь человеку выбрать профессию. Скажу наоборот: не человек выбирает профессию, а профессия выбирает нужного ей человека. Я понадобился опере. Когда я был еще начинающий, никому не известный, известнейшие дирижеры выбирали меня. Я им был нужен. Была такая оперная традиция: человека, который нужен, звали к себе домой "чайку попить". Помню, я только приехал в Москву, только приступил к репетициям, и ... сам Голованов (перед которым я с юности преклонялся) Николай Семенович зовет меня к себе "пить чай". Я, трепеща, прихожу, и он звонит Неждановой, которая жила рядом: "Антонина Васильевна, у вас, я знаю, в холодильнике сыр есть (а время было военное!) — ко мне пришел ваш любимый Борис Александрович". Любимец Неждановой — сказка! Она уже не пела, но, слава Богу, была жива... А потом я — в гостях у Самуила Абрамовича Самосуда, с которым репетировал свою первую оперу в Большом.

— Было время, — замечаю я. — В одном театре сразу два великих. А нынче?

— Трагедия! Нет уже больших дирижеров в опере. Где, к примеру, последние из могикан — Рождественский и Светланов? Откололись? Нет, их откололи! Таких музыкантов надо хранить, как бриллианты. Но у нас не знают, что такое настоящее добро. По нашему, добро — это чиновник, будь он, как вчера, в ЦК, или, как сегодня, в Белом Доме. И вот лучшие наши музыканты работают за границей, но нельзя их винить: работают там, где нужны.

— Как вы попали в Большой?

— Работал в Горьком, поставил "Юдифь". Она произвела такое впечатление, что местные власти решили выдвинуть меня на Сталинскую премию. Приехал Комитет по премиям: Сталинскую не дали. Но решили, что мне надо работать в Москве. И ведь это тоже судьба. Страна в огне. Москва окружена. Немцы в бинокль разглядывают Кремль. И в это время в Горьковский театр оперы и балета приходит правительственная телеграмма с приказом Покровскому — прибыть в Москву, чтобы работать в Большом.

Когда выгоняют из Большого

Сорок лет "правил" в Большом Борис Покровский, поставил за это время более пятидесяти блистательных спектаклей, объехал с ними весь мир, воспитал целую плеяду оперных "звезд"... С тех пор утекло немало воды. Появился Намерный музыкальный театр, с рождением которого многие до сих пор связывают якобы вполне органичный уход Покровского из Большого. И вот, словно гром прогремел, вышла книга Бориса Покровского "Когда выгоняют из Большого".

То был отнюдь не жалобный крик человека, отдавшего весь свой талант театру и сурово поплатившегося за свою любовь и верность. То был блестящий исторический и публицистический анализ состояния оперного дела в России, написанный кровью сердца, но столь объективно, что, думается, ни у кого не вызвало сомнения: так искренне, с такой любовью к Большому и к русской опере, с такой надеждой на ее будущее может говорить толь-

ко человек, далекий от личных обид.

"Кирилл Кондрашин", "Галина Вишневская", "Мстислав Ростропович"... Таковы названия глав этой пронзительной книги, имена великих жертв Большого театра, сделавших для него так много и выгнанных из него с такой беспощадностью. Эти люди работали плечом к плечу с главным режиссером Большого тех лет Борисом Покровским, были его друзьями и единомышленниками. Естественно, судьба его соратников вскоре стала и его судьбой.

— Теперь меня часто спрашивают: "Как вам удалось, оставаясь главрежем Большого при Сталине, Хрущеве и Брежневле, не вступить в партию?" Принципиальность? Нет, профессиональный эгоизм. Страх перед тем, что меня, как коммуниста, вызовут на партном, где я буду обязан перед уборщицей, хористкой и слесарем-политагитатором дядей Васей раскрыть свою концепцию постановки оперы "Аида". Я не раз писал заявления с просьбой освободить меня от должности Главного. Но это до поры не входило в планы Старой площади. Когда же явилась жажда разгрома театра во имя горстки "любимых народных артистов", освобождение состоялось без всякого заявления. Притом не освобождение, а грубый выгон!

"Из античности к нам пришло предостережение: более всего бойтесь своих учеников, — читаю у Покровского. — Даже ученики Христа не оспорили этой формулы".

И вот собрание бывших учеников объявляет создание нового худсовета театра, который закрывает

вает очередной спектакль учителя, как недостойный Большого, а его постановщик увольняют "ввиду его малой квалификации" (!) Далее все как по-писаному: раздается звонок министра культуры СССР Демичева, который мягко и дружески предлагает Покровскому "срочно приехать". Тот приезжает. Пишет под диктовку краснеющего от стыда и разводящего руками ("Поймите, я бессилен!") министра заявление о своем уходе из Большого. И, проработав в театре четыре десятка лет, в течение одного дня "выходит на свободу".

"Есть хорошо протоптанные дорожки мировых знаменитостей, — напишет Покровский в будущей книге. — Оперные шлягеры западных сцен. Большой театр — прекрасная база для тренажа ходовых на всемирном оперном рынке партий. Даешь "Сельскую честь", "Паяцы", "Вертера"! Долой "Натерину Измайлову", "Мертвые души", "Семена Котко"!

А, значит, и долой режиссера, "навязывающего" театру современную оперу, в которой "звезды" не смотрятся. Жажда выгодных контрактов и заграничных гастролей доводит до маразма: "звезды" желают петь только в классических спектаклях, идущих в театре по 20-25 лет и не подлежащих ни малейшим изменениям. К таким "неприкасаемым" принадлежал, к примеру, "Борис Годунов". Объездил весь свет, стал богат, монументален, привычен. Попробуй, тронь-на! "Я, будучи главным режиссером, — пишет Покровский, — не смел подвергать его критике. "Это наш золотой фонд" — твердили мне. А за мое желание поставить по-новому "Ев-

гения Онегина", то есть освежить свой же старый спектакль, и вовсе получил по рукам: "Не позволим Покровскому уничтожать наш золотой фонд!"

И не позволили. Принятые в салонах главных партийных бонз, "любимые артисты" могли позволить себе куда больше, чем тот, кто сделал их знаменитыми.

"Читай Плутарха, — сказала ему мудрая жена, знаменитая певица Ирина Масленникова. — И успокойся. Вспомни судьбу Мефистокла, спасшего Афины от персов, Камилла, защитившего Рим от галлов, скульптора всех времен и народов Фидия: достаточно было клеветы его же подмастерья и вот уже кричат — "В тюрьму его!"

Нет, не успокоят его эти примеры.

Есть одна испытанная мера врачевания сердечных ран — репетиция. Но боль остается даже на репетициях Камерного. Боль грызет его даже в Вероне, в знаменитом веронском "Коллизее", где он ставит оперы со "звездами" всего мира. Он не мог ходитьazole Большого, не мог даже смотреть на его изображения. При этом Большой остался для него святым домом, в котором временно свила себе гнездо мерзость предательства.

Да. Временно. Ибо спустя шесть лет его снова позвали в Большой. И он пришел. Но душа его была уже в Камерном, в театре, где Покровский сумел-таки осуществить свою главную мечту — открыть дорогу в оперу талантливой современной музыке. Когда-то Анна Ахматова обронила: "Человек, не знающий и не понимающий современной поэзии,

не способен понять Пушкина, Тютчева, Фета". Борис Покровский сказал по-своему: "Театр, пренебрегающий современной оперой, не в состоянии глубоко проникнуть ни в Гайдна, ни в Моцарта. Более того — он обречен".

"Какой "Нос" у русских!"

В 1972-м, за одиннадцать лет до ухода из Большого, будучи еще его фаворитом, Покровский создает Камерный. Что это — интуиция? Предугадал — что его ждет? Безусловно. Но главное в другом: Покровскому давно уже была нужна своего рода студия, где он мог наглядно донести, что именно опера — синтез всех искусств; ему понадобился свой театр, в котором он без всяких помех мог ставить все, что захочет.

Камерный музыкальный стал уникальным сплавом старинного и современного оперного искусства. И это произошло уже тогда, когда "бродячая" труппа Покровского еще искала какое-нибудь пристанище. Считания закончились у Сокола. Но даже за этот подвал пришлось бороться с помощью таких авторитетов, как Тихон Хренников и Дмитрий Шостакович. Шостакович добавил еще один подарок — много лет пролежавшую в его столе оперу "Нос". "Нос", в свою очередь, привлек в театр выдающегося дирижера Геннадия Рождественского. И, поставленный Борисом Покровским, стал первой оперой Камерного, покорившей мир.

"Все певцы Покровского — выдающиеся артисты, — отмечала японская газета "Майнити". — Никогда еще так ясно не чувствова-

лось, что опера — это самый главный театральный жанр. Сцена Камерного музыкального театра, словно перевернутый ящик с чудо-игрушками, дает зрителю счастливое детское наслаждение". "Вам нужно пойти на "Нос" Шостаковича в исполнении московской Камерной оперы, — сообщала парижанам "Нотидьен де Пари". — Спектакль выдающегося театрального и музыкального уровня, перед которым трудно устоять..."

Восторженные рецензии известнейших газет: венецианской "Унита" — "Наной великолепный "Нос" у русских!"

"Борис Покровский — царь оперы!" — подытоживает общий восторг "Фигаро".

Недавно я просматривал записи Покровского в оперном журнале Камерного:

"Дон Жуан": "Я твердо верю, что наша любовь и преклонение перед гением Моцарта будут и дальше способствовать счастливой жизни этого спектакля. Я верил в вас — и не ошибся. Пусть "Большие" такое смогут".

"Ростовское действо": "Вот это — театр! Но ... Не снижать. Не скучать. Не стареть".

"Граф Калиостро": "Спектакль игрался отлично. Но где текст? Где слова? В погоне за сценической свободой (она достигнута!) потеряно дыхание, опора для звука, особенно в речи. Всем обратить внимание на посыл звука в зал..."

О любви и чести

— Вы прожили почти весь двадцатый. Ваши ощущения вена?

— Огромное смятение. И в этом смятении — трагедии преда-

тельств, обманов, мелких интриг и жульничества: словом, — всех атрибутов "рынна". Вот и нас разворачивают к рынку, не понимая, что для русского человека рынок — не просто способ экономии, но образ.

— Известно, что страны, давно исповедующие рыночную экономину, живут куда лучше нас...

— Рынок — это преступление в принципе, выиграл тот, кто обманул. Один продает — другой покупает. Здесь можно купить все, что угодно — даже любовь и честь. Слава Богу, я еще застал и честь Мундира, и святое отношение к женщине. А нынче... Чувство чести во всем мире уничтожено рынком. На рынке честь не нужна — вы с ней только проиграете.

— Выходит, опера — один из последних форпостов человеческого достоинства? Место, где за любовь и честь люди по-прежнему идут на смерть? Может ли современный человек здесь обрести себя?

— Может. Если у него еще открыта душа. И есть уши, которые еще не заткнули пошляки. Иначе в опере уже нет потребности. Сласти человека для оперы, а опера — для человека могут только честные условия жизни и законы, высокая и органичная система образования. Вся организация нации должна быть подчинена этому.

— Вы поставили в Камерном "Сын Мандарина" — первую оперу, которую вы видели в детстве, в начале века. Век кончается. Чем интересна эта опера нынешнему юношеству? Ведь они совершенно другие.

— Да, другие. Но я совершенно уверен, что им, современным, надо давать то, что когда-то видели мы. "Сын Мандарина" Кюи — опера очень доступная, высочайшего класса и вкуса. Это подлинный русский вкус — той России, которую мы теряем. Но которую нельзя потерять. ■

Как утверждают социологи, каждая третья российская семья сегодня распадается. Значит, две из трех все-таки сохраняются. Я решила провести собственное исследование, построенное не на "массовых данных" и не на средних цифрах, как у социологов, а на пристальном внимании к одной, отдельно взятой семье. Как, благодаря чему удастся счастливым сберечь семейное взаимопонимание, создать и сохранить теплоту, неповторимость своего дома, его притягательную силу?

Представляю такую семью. Людмила и Александр (фамилию не называю, имена и факты подлинны) — ровесники, им по 36 лет. Живут в браке 12 лет, имеют двоих детей: Артема (11 лет) и Сонечку (3,5 года).

Александр — инженер-строитель, работает в строительной компании, Людмила — учитель музыки в школе. Он полурусский — полуеврей, она полурусская — полутатарка. От такого "коктейля" дети получились очень красивыми.

Их жизненные пути могли бы никогда не пересечься. Он — коренной москвич из очень обеспеченной, даже элитарной (в прошлом) семьи: дедушка был заместителем министра. Она из Елабуги. Круглая сирота.

Так случилось, что оба приехали — Людмила после окончания музыкального училища, Александр после строительного института — на работу в город Нижнекамск.

Там и познакомились. Почитайте внимательно их исповеди. Убеждена: они были искренними.

марафон

Первой, с кем я довольно долго беседовала, была Людмила.

— Как вы познакомились? Почему стали мужем и женой? Скажите откровенно, сыграло ли тут какую-то роль то, что он был "столичной штучкой", что брак с ним означал в конце концов переезд в Москву?

— Я увидела Сашу на празднике. Он подлетел к нашему столу в фирменном джинсовом костюме с какой-то девичьей, что-то наболтал, утащил со стола бутылку шампанского, и они исчезли. Я подумала: какой наглец! Я вообще тогда очень не любила пиджонов, особенно москвичей. У меня был комплексы, я считала, что они думают, раз мы из провинции, значит с нами можно не церемониться. Потом мы год не виделись, и я про него забыла.

длинной в 12 лет

А через год, опять же на праздничном вечере, он пригласил меня танцевать. "Вы, — спрашивает, — какую стройку осчастливили?" Я ответила, что работаю в школе. "Ведете английский язык?" "Нет, — говорю, — я музыкант". "Играете на пианино?" "Нет, на смычковом инструменте". "На скрипке?" "Нет". "На виолончели?" Я была потрясена. Ни один мой знакомый не мог бы догадаться, на каком инструменте я играю, если бы я сама не назвала его. А он догадался. И сразу меня этим покорило.

Но, надо сказать, что я все-таки внутренне ему сопротивлялась. И в кино не пошла, сказала, что занята, и "проводаться" не стала. Еще не запал он тогда мне в душу, не хотела я брать его в голову. Но Александр сам решает, кто возьмет его в конце концов и в душу,

и в голову. Через некоторое время он меня нашел, хотя знал только имя и то, что я музыкальный работник в школе. Я никак не ожидала. Зачем я ему? Ясно, что просто так. Человек приехал, чтобы заработать стаж и вернуться домой. Не жениться же ему в Нижнекамске. А мне — почти 24 года, о замужестве уже надо было думать.

Саша стал каждый вечер приходиться за мной после уроков, я до восьми работала, и провожать меня домой. Это, конечно, было приятно. И привлекало вовсе не то, что он москвич, что из какой-то там семьи (об этом тоже слухи ходили) — с ним просто было очень интересно. Ребят-то у меня всегда хватало, но разговоры у них какие? Про вечеринку, про то, кто, сколько и чего выпил. А потом сразу — обниматься-цело-

ваться... Другой программы они не знали.

Саша много читал. И всегда заводил со мной разговор о книгах. "Хемингуэя читала? Ремарка читала?" Я, конечно, ничего этого тогда не читала. И первая книга, которую он мне принес, была "Три товарища". Потом — "Иностранную литературу". Мы с ним стали читать Ирвина Шоу. Он привлекал тем, что знал гораздо больше меня. Это было основным.

— Вы любили друг друга?

— Ответить на этот вопрос очень сложно. Лично я считала, что любила тогда Сашу больше, чем он любил меня. Хотя еще, может быть, и не знала, как сильно уже любила его.

Был, например, у нас такой момент. Он пришел ко мне в школу и принес билеты в кино. А я говорю: "Пойти не могу". Я действительно не могла, мне надо было сделать контрольные по английскому и отправить в институт (я заочно училась), еще день и было бы поздно. Но Саша не поверил, жутко разозлился и ушел. Провожать меня не стал.

Я, помню, расплакалась. Мне показалось, что он меня бросил, больше никогда ко мне не придет. Потому что я его обидела. И тут я не выдерживаю и на следующий день (была суббота) сама к нему прихожу и говорю: "Извини, что я так некрасиво поступила". Он оценил это. Хотя подруга мне категорически запрещала: "Если ты пойдешь, будешь дура. Ни в коем случае не ходи". А я пошла. И до сих пор уверена, что поступила правильно.

А потом я нашла у него письмо. Он пошел в киоск за газетой, я осталась в его комнате и стала

просматривать книгу. А там письмо. Оно уже было вынуто из конверта и лежало так: "Целую Алла..." Ну, конечно, чужие письма нехорошо читать, но кто бы устоял? Я не устояла, прочла: "...была у твоей мамы, принесла ей персик..." У меня руки так задрожали, что мне пришлось их под себя засунуть, чтобы он, когда придет, ничего не заметил.

Конечно, ему я ничего не сказала. Но про себя решила: все. Книги, которые он мне давал, на следующий день принесла к нему домой и оставила у соседа из квартиры напротив. Попросила: "Передайте, пожалуйста, Александру". И быстро ушла. Иду домой и говорю про себя: "Все, все...Крест. У него есть невеста, больше ни разу с ним не встречусь..." Подхожу к своему подъезду, а он стоит. "Что случилось?" — спрашивает. Оказывается, он пришел домой, ему передали книги, и он тут же побежал ко мне.

— Сознались?

— Ни в коем случае. Что-то другое наплела. Мы погуляли с ним, на нарусели понружились. И, кажется, тогда начали договариваться, что поедем на юг. Я решила: поеду, но все это несерьезно. Хорошо, что подготовила себя. Когда мы приехали к морю, Саша мне в первый же день сказал: "Люда, а ты знаешь, я ведь жениться на тебе не собираюсь..." Я сохранила самообладание. Говорю ему: "А с чего ты взял, что я собираюсь за тебя замуж? У меня жених в Душанбе, мы с ним уже договорились". Я не врала. В Душанбе я заканчивала институт культуры заочно и поклонник там у меня был, предлагал выйти за него замуж. Поговорили вот так, и я ре-

шила: "Ну и хорошо, прекрасно. Все встало на свои места. У нас прощальная гастроль... Я отдыхаю".

И стали отдыхать. А потом поехали в Нижнекамск через Москву. Ходили в гости к его родным, Сашина мама зачем-то возила меня к себе на работу. Я вела себя всюду спойно, не надо было думать, как я выгляжу, что говорю. То есть я была, какая есть: нравлюсь — хорошо, не нравлюсь — до свидания.

Уехала из Москвы я раньше, чем Саша. Нижнекамским друзьям сказала, что отдохнула прекрасно и на Саше поставила крест. Потом он возвращается. Привозит от мамы какие-то подарки, говорит, что очень соснучился. Я, конечно, не устояла, и все пошло у нас по-старому.

О том, что хочет жениться на мне, Саша начал говорить только через год, но все онончательно решилось, когда я поняла, что беременна и сказала ему об этом.

— Я знаю, что рожать вы приезжали в Москву, жили со свекровью. Как вам жилось? У нее, насколько мне известно, характер — не сахар.

— Она обо мне заботилась, хотя особой любви не питала, желала, наверное, лучшую партию для сына. Но, зная, что я ношу Сашиного ребенка, оберегала его. И меня заодно. Поэтому до родов я не помню, чтобы она меня обидела, чтобы я плакала. А вот когда родился Тема, начался настоящий сумасшедший дом. Надо же иметь в виду, что я абсолютно ничего не знала и не умела.

— Вы продолжали жить со свекровью, а муж все еще оставался в Нижнекамске?

— Да, я очень уставала, ходила с синяками под глазами в поллица. Мне надо было и за Темочкой ухаживать, и еду готовить к приходу свекрови вечером с работы, и квартиру убирать. Я не справлялась, и мне очень попадало. Когда Саша приехал в отпуск, стало еще трудней, потому что у мамы с сыном очень непростые отношения. Я-то могу смолчать, стерпеть, уйти, где-то попланать и все. У них же чуть что — скандал на весь дом. А когда я вижу, как близкие люди ссорятся, мне еще тяжелее. Так что в то время я много натерпелась. Моя мама рано умерла, меня воспитывал чужой человек, отчим. Поэтому еще с детства приучила себя сдерживаться, не планать. Во всяком случае, чтобы никто не видел, что плачу, переживаю. Здесь же, чуть что, — жуткий крик.

— Что его вызывало?

— Всякая ерунда. Например, помню, торопилась и положила ножи в отделение, где лежат ложки. Свекровь открывает ящик, с ходу не может найти то, что ей надо. Вышвыривает и разбрасывает по кухне все, и кричит. Я понимаю, что виновата, но не настолько же. Ухожу в нашу с Темой комнату. Руки у меня ходуном ходят, потому что выхода-то нет. Я не могу в ответ накричать, я просто не умею.

— А потом вы опять, как ни в чем не бывало, разговариваете?

— Нет, я молчу. Отвечаю только, если меня спрашивают. Помню, однажды спички у меня подмокли. Начался такой ор! "Свинство какое, — кричала она, — спичек в доме нет!" Я не знала, куда деться от страха, от ужаса, от обиды. Особенно поразило слово

"свинство" — выходило, что я грязнула, что безобразно дом держу. Думаю: "Господи, я, конечно, не ангел, но я же стараюсь, все делаю". И вот, забрала я Тему, одела его (была зима), и мы ушли. Ходили часа два, грелись в магазинах (заодно я купила целый блок спичек), пока в себя приходила. А дома была уже паника. Свекровь перепугалась, стала обзванивать всех: "Людка пропала". Я как-то обмолвилась, что терплю долго, но в один прекрасный день могу сорваться и уехать навсегда. В общем, когда мы пришли, свекровь уже не знала, как заглядеть скандал. Я Темочке свои переживания никогда, конечно, не передавала. Наоборот, всегда: "Твоя бабушка лучше всех", какие бы ситуации между нами ни возникали. Потом мы уехали в Нижнекамск, к папе.

— И как пошла ваша жизнь с Александром?

— Очень трудно было, потому что и там мне пришлось учиться всему заново. В Нижнекамске, как и всюду, стали появляться диковинные для таких, как я, продукты: онорочка, селедочка в винном соусе, спагетти. Я такие макарены прежде в глаза не видела и как с ними обращаться, естественно, не знала. Свекровь их не употребляла, а Саша, оказалось, очень любит. Но в кастрюлю-то они не лезут, откуда мне было знать, что их просто надо чуть поддержать в кипятке, они станут мягкими и войдут в нее? Я же их просто наломала и отварила, как обычные. А Саша есть эти макарены не стал. Выбросил в унитаз. Сказал: "Я люблю длинные, короткие есть не буду". И все. Мои круглые глаза, вопросы: "Саша,

ты что? Какая разница?" не произвели на него никакого впечатления. Ответил только: "Или научись, или..."

То же самое было с рисом. Я вообще человек не привередливый. Если уж я в нижнекамских столовых питалась, то могу есть все. Нет, у Саши рисинки должны натиться по столу. А у меня, по его мнению, выходила рисовая каша. И он ее тоже спускал в унитаз. Потом, конечно, научилась, стала очень прилично готовить.

— Каков у вас бюджет? Денег хватает?

— Саша часто винит меня в том, что слишком много денег уходит неизвестно куда. Периодически он берет семейный бюджет в свои руки. А мне выдает каждый день минимум, "на обед". Это началось уже в Москве. В первый раз я очень обиделась. Прежде мы всегда клали деньги на полочку и брали по мере надобности. Мне было всегда непонятно, как люди живут, не доверяя друг другу. А тут выходило, что он мне именно не доверяет. Как будто я наши деньги на себя тратила, на платья или на французские духи. Но как я ни дулась, он настоял на своем. Потом семейный бюджет вырос...

— И деньги водворились на полочку?

— Водворились. Но наступали какие-то провалы, и Саша на некоторое время снова брал хозяйство в свои руки.

— Все это как-то отражалось на ваших взаимоотношениях?

— По-моему, нет. Понимаете, мы никогда деньги не копили, всегда жили на то, что имеем. Правда, имеем мы сейчас достаточно, Саша зарабатывает вполне

прилично. Уже несколько раз ездили отдыхать за рубеж, брали с собой Сонечку. Зимой Саша ездил с Темой в горы, учил его кататься на лыжах. Но лишних денег у нас нет, то и дело приходится одалживать у свекрови.

— Как вы считаете, что вам помогает столько лет сохранять друг к другу интерес?

— Мне всегда казалось, что я люблю Сашу сильнее, чем он меня. Чуть что — бегу к нему: "Саша!..", потому что он такой умный, так много знает. Что ни спроси, он помнит, он читал. Но на первом этапе семейной жизни, назову его нижненамским, мне было очень трудно. Ему частенько ни к чему оказывались мои эмоции, переживания, он как бы отталкивал: "Не суетись".

К тому же Саша продолжал учить меня своими методами. Однажды я попросила его помочь мне отвезти в прачечную чемодан с бельем. Прачечная в Нижненамске была тогда одна и расположена практически за городом. Саша сказал: "Только позвони, узнай, до какого часа она открыта". Я позвонила. Мне сказали: "До семи". А когда мы привезли белье, прачечная оказалась закрытой. Вышел сумрачный сторож: "Не знаю, с кем ты говорила. Мы до пяти". Я что-то начала лепетать, доназывать, вдруг Саша ставит на землю чемодан с бельем и говорит: "А вот обратно, дорогая, ты повезешь его сама". Поворачивается и уходит.

Время позднее, на улице темно, я стою около огромного чемодана, рядом — сумрачный парень. Он-то и помог мне дотащить чемодан до автобуса. А Саша так ни разу и не оглянулся.

Когда я добралась до дома, он встретил меня любимым: "Проси прощения". За то, что после работы голодный тащился в прачечную, за то, что я такая бестолковая. Отчим, узнав про все, сказал мне: "Твоя мама была добрый человек, но она бы такого не потерпела. Как можно?" Не знаю. Я смогла, каким-то образом себя пересилила.

— Чем-то, видимо, он искупал такую жестокость?

— Да, конечно. Наступил момент, когда все вдруг перевернулось. Сейчас такое ощущение, что Саша любит меня больше, чем когда был молодой. Он старается купить мне красивые вещи, даже говорит, что я его меньше люблю, чем он меня. То есть те же слова говорит, что 10 лет назад я говорила ему обиженно.

Я его, конечно, меньше любить не стала. Но обычно все бывает по-другому. Сначала парень носит жену на руках, она веревки из него вьет, а через три года, когда родится и чуть подрастет ребеночек, он ее бросает. Разлюбил. У нас было иначе, и я думаю, что благодаря мне.

— Своя, мужская жизнь у него есть? Стадион? Рыбалка? Встречи с приятелями?

— Да, хотя я знаю, что мои подруги вряд ли стали бы это терпеть. Но я почему-то Саше верю. Мне кажется, он не изменяет.

— Детей вместе воспитываете?

— С детьми, считаю, у нас не просто. Здесь мы не очень сходимся. Он к Артему очень строг. Часто отмахивается от него: "Устал, отстань". Я очень переживаю. Но вообще-то детей любит, гордится ими: красивые, симпа-

тичные. В основном для них построил дачу: детям нужен воздух. Вместе с ребятами ездим летом на Сенеж (от нашей дачи это недалеко), катаемся на серфе, ходим гулять. И дома вечно игры: шашки, карты, нарды, "Эрудит", "Монополия", компьютер. И всегда на какой-то интерес, с азартом. Но и при этом Теме попадает: "Балбес, мало читаешь", "ничего не соображаешь", еще что-нибудь.

— Наверное, отец так воспитывает у сына мужской характер.

— Да, конечно. Но я переживаю.

— Не жалеете, что завели двоих детей?

— Не жалею. Ребята у нас замечательные, без них было бы скучно. Что касается материальной стороны жизни, то здесь я на мужа очень надеюсь. Он хорошо работает и достойно нас обеспечивает. Я тоже стараюсь, вношу свою лепту. Так что не пропадем.

Потом у меня была двухчасовая беседа с Александром. Вопросы я задавала те же, что и Людмиле, а ответы получала совсем-совсем другие. И это, как я понимаю, совершенно естественно.

— Почему ваш выбор пал все-таки на Людмилу. Разве не хватало невест-москвичек?

— Невест хватало. Но главным критерием для меня, когда я решил жениться было: смогу ли я с этой женщиной жить и через 10 лет? Ни одна из девиц, с которыми я встречался в Москве, испытания этим вопросом не выдержала. А вот Людмила — каким-то своим особым характером — да, именно характером, меня покорила. Другой такой у меня не было. Характер, я считаю — самое важ-

ное для жены. Красивая? Да. Умная? Скорее разумная. Но красота и разум встречаются куда чаще, чем такая редность, как хороший — спокойный, уравновешенный — характер. Я понимал, что и через 10 лет он останется таким же.

— А что-то еще, кроме спокойствия и уравновешенности, есть в ее характере? Одного этого вроде бы маловато.

— Это не рассудочное спокойствие — как у шахматиста, считающего ходы. У нее характер ровный в том плане, что ты знаешь, чего ждать тогда, когда ты сделал какую-то гадость и когда сделал что-то хорошее.

— Я правильно поняла: она человек очень естественный?

— Да, у нее на любые внешние события нормальная, естественная реакция. У меня характер непростой. Могу вдруг сорваться из-за ерунды. А здесь я знаю, что за чем последует. Предположим, я пришел с работы слишком поздно. Скандала не будет, будет укоризна. Укоризны я заслужил, так как не предупредил, не позвонил и теперь постараюсь как можно быстрее наладить наши отношения. У Люды хорошее чувство юмора. Если на вопрос: "Где ты был?" я отвечу: "Спроси лучше, где я не был?", и она не станет допытываться, не разозлится, а улыбнется, отдаст дань моей находчивости.

— Значит обидчивость ей не свойственна?

— Не совсем так. Обиды она помнит. Обиды большие — не забывает. Теперь, через столько лет семейной жизни, я научился распознавать, когда ее гнетет обида, о которой сам я и думать забыл

или на которую вообще не обратил внимания. Но важно, что она незлопамятна. Она просто памятлива. Ее очень обидели, когда совсем маленькая была, в начальных классах училась. Подруга пригласила на день рождения, а когда она пришла, мать подруги не допустила ее до гостей. Сунула в коридоре кусок пирога и отослала домой. Классический случай: Люда из очень бедной семьи, а подруга из богатой. Эту подлость она не может забыть.

Уже со мной была такая история. Когда мы только встречались, Людмила случайно прочла письмо, которое прислала моя московская девушка. Из письма поняла, что мы с этой девушкой были близки, что продолжаем переписываться, и очень на меня обиделась. Но обиделась как бы "про себя". Ни слова не сказала, скандала не устроила и только через несколько месяцев я узнал, в чем дело, почему она изменила мне отношение, стала холодней.

— Выходит, в это время у вас было несколько женщин, по крайней мере, две — одна в Москве, другая в Нижнекамске?

— Я понимал, что это не совсем честно, но в то время я еще не имел серьезных намерений жениться ни на Люде, ни на той девушке.

— И когда же эти серьезные намерения возникли?

— Постепенно, по мере того, как я узнавал Люду все лучше. Кстати, большую роль в моем решении жениться сыграли люди, которых я уважал, считал умнее, опытнее себя. В частности, тот, кто позвал меня работать в Нижнекамск. Он первый, познакомившись с моей Людмилой, сказал:

"Не будь дураком, женись". Потом еще один момент: мы поехали на юг, к морю, где первый раз у нас было длительное — 24 дня — общение 24 часа в сутки — утром, днем, вечером и ночью.

— Не надоели друг другу за это время? Или, наоборот, Люда сумела еще больше приблизить, привязать к себе вас, человека в ту пору, судя по всему, достаточно легкомысленного? И, кстати, хоча спросить вас о том, какое место среди семейных приоритетов вы отдаете сексуальной гармонии между супругами?

— Сначала отвечу на второй вопрос. Сексуальная гармония, считаю, обязательно должна быть в настоящей семье, но гарантии сохранения семьи сексуальное соответствие с женой, как мне думается, не дает. Хороший секс можно получить и с другой женщиной.

Что касается моего легкомыслия, то оно никогда не проявлялось в вопросах, связанных со стратегической линией жизни. В выборе профессии, например, или при создании семьи. Я считал, что семья имеет для меня особо важное значение, поскольку мои родители рано разошлись.

— Очевидно, со стратегической линией жизни был связан и отъезд в Нижнекамск? Стройки то есть и в Москве, зачем понадобилось ее покидать?

— Чтобы обрести самостоятельность. В Москве я рисковал оставаться "шестерной" (дедушка, который мог бы помочь, умер, когда я был на четвертом курсе), а там я за три года проскочил от мастера до начальника участка.

— Было трудно?

— Нелегко. Особенно после "кремлевки", после поликлиники 4-го управления. Я попал в очень трудные для себя условия. Нижнекамск был наполнен так называемыми условно заключенными и досрочно, опять же условно, освобожденными. Они работали на стройке вместе со мной. Приходилось быть прорабом и в зоне, то есть за колючей проволокой.

— И пригласивший знакомый не помог получить местечко потеплее?

— Нет, он этим не занимался, даже в голову не брал. Наоборот, я работал в более тяжелых, чем многие другие, условиях. Но, как поется в песне, "никогда о том не пожалею". От того знакомого (его фамилия Болдырев), человека выдающегося, руководителя огромной стройки, я много получил в другом плане — научился анализировать, думать, принимать решения. Жить научился.

Что касается женитьбы, то ее ускорило достаточно обыденное обстоятельство. Люда забеременела, а у нее отрицательный результат, то есть ей нельзя делать аборт, больше не родит. И тут мое решение стало окончательным: женюсь. Оставалось только подготовить пребывавшую в неведении маму, которая, конечно, была категорически против этого брака. Какая же мать не считает, что ее сын достоин лучшей партии? Тем более мама, всю жизнь носившая титул дочери замминистра.

Короче, я позвонил в Москву двоюродному брату и поручил ему как-то подготовить столицу к тому, что я женюсь на девочке из

Нижнекамска. Я знаю свою маму. Одно дело — сказать ей что-то не очень радостное в лоб, совсем другое — как бы советуюсь с ней, подводить ее к нужной мысли. Иначе моя взрывная мама могла так отреагировать на мое решение, что потом долго пришлось бы все улаживать. Это могло очень обидеть Люду.

А так все обошлось благополучно. Именно мама, узнав про резус, про то, что Нижнекамск сильно загазован, что экология там плохая, посоветовала Люде рожать в Москве, куда я ее и привез за три месяца до родов.

— И как они ужились?

— Привыкали друг к другу постепенно.

— Надо же было вести общее хозяйство...

— Людмила совершенно не умела готовить. Жила одна, питалась в столовой, не придавая еще никакого значения. Пирожное, чай или кофе — и пошла.

— Маловато для семейной жизни.

— После смерти бабушки, то есть с десятого класса, мне никто еду не готовил. Я жил с дедом, мама отдельно. Я вынужден был научиться готовить, так как по сути дела кормил себя сам. Правда, пока был жив дедушка, продукты приносили (он или мама) из кремлевской столовой, так что я привык к вкусной еде. Тем не менее, когда мы с Людмилой поженились, особенно когда появился ребенок, я стал реагировать на неумение Людмилы сделать еду вкусной однозначно: выбрасывал содержимое тарелки в помойку. Это было, наверное, бестантно, грубо... Но я не скандалил. Просто говорил: "Это я

есть не буду". И выбрасывал. Жарил себе яичницу, пил чай с бутербродами. Нарочито, конечно, но не театральными жестами, а нарочито спокойно, так чтобы она все поняла.

Тогда, само собой, Людмила обижалась (теперь мы смеемся, когда вспоминаем те времена), но я знал, что надо через это пройти, по-другому ее не научить. Разговорами, нотациями, криками ничему не научишь жену. Она сама должна была прийти к выводу, что невкусную, неаппетитную еду готовить нельзя. Если, конечно, любишь мужа.

— А какие-то нормальные стартовые условия для того, чтобы семья, как говорится, состоялась, нужны?

— Все идет, естественно, от любви. Я свою жену люблю.

— А в ее любви уверены?

— Безусловно. Она тоже любит меня. Так что взаимная любовь — это первое условие. Второе — я всегда помнил, что она сирота. Стыдно обижать сироту. Я всегда в таких случаях вспоминаю роман американской писательницы Харпер Ли "Убить пересмешника". Последнее дело обидеть ручную птицу, пересмешника, не приученного к выживанию. То же — предать сироту. К тому же, у нее не было привычки дочек из благополучных, обеспеченных домов: чуть что — забирать ребенка и уходить к маме. Это тоже сближает.

Еще мой дядя сказал очень интересную фразу про наши стартовые условия: "Вам повезло, вас очень сплотили трудные внешние обстоятельства". Он имел в виду характер моей мамы.

— Разве вы жили вместе?

— Какое-то время. Вообще у мамы всегда была своя однокомнатная квартира. Но пока я строил Нижнекамск, она жила одна в трехкомнатной квартире деда (своего отца), где оставался прописанным и я и куда прописали Люду. Когда мы вернулись, уезжать из большой квартиры мама не захотела и предложила нам поселиться у нее в однокомнатной, хотя нас было трое. А она одна... В общем, тяжелый, очень тяжелый был момент, пока все утряслось.

— Мысль о том, что Людмила вышла за вас замуж по расчету как за выгодного жениха, с прицелом на Москву, вас не посещала?

— Никогда. Говорили об этом, но не иначе, как с юмором. Мы и сейчас смеемся над этим. У нас есть такая легенда: Людмила в свое время купила себе дорогую виолончель, заплатила за нее две тысячи рублей (это были тогда огромные деньги). Но ей не хватало, и 400 рублей добавил я. Вот мы и смеялись: мол, вышла замуж, чтобы не возвращать мне долг. А в семьях, где юмора не хватает, все превращается в трагедию.

— Но хищниц, как, впрочем, и хищников у нас тоже хватает.

— Хватает. Но к Люде это никак не относится. Да и в себе я достаточно уверен. Только раз, месяца через два после женитьбы, какое-то сомнение возникло. Проснулся ночью, и вдруг с ужасом подумал, что эта женщина будет лежать со мной еще 10, 15, 20 лет. Меня охватил страх... Больше, правда, такого никогда не возникало, хотя с тех пор прошло уже 12 лет.

— В повседневном общении дома, в быту, в ежедневных вставаниях, одеваниях, привычках нет ничего, что бы вас в жене раздражало?

— Нет. Людмила, я считаю, очень правильно относится к себе, своей внешности, своей фигуре. Хотя родила двоих детей, не растолстела, выглядит молодо, привлекательно, нравится другим мужчинам. На нее обращают внимание в компаниях. Но и дома она в порядке — в грязном халате ее не увидишь. К тому ж и я стараюсь помочь ей в этом — с удовольствием покупаю красивые вещи, в том числе, дорогое белье.

— Как у вас с деньгами? С семейным бюджетом? Вам хватает?

— Нет, денег нам всегда не хватает. И тогда, когда их в самом деле было мало, и когда стало сравнительно много, потому что мы всегда мечтаем о большем, чем имеем. Но умеем радоваться и тому, что есть.

— Наким, если не секрет, был ваш достаток, когда вы решили завести второго ребенка?

— Хочу вас поправить. Второго ребенка мы не решали заводить, а, как и в первый раз, оставили его.

— Но не хотели его? Не задумывали?

— Теоретически хотели. Причем я хотел второго сына, чтобы с ними двоими играть в футбол, а Людмила и мама хотели, чтобы родилась дочь (наряжать, играть, как с куклой). Кстати, после того, как мы с мамой разъехались, у них с Людой сложились очень хорошие отношения. Но, узнав про вторую беременность, мама, конечно, не преминула спро-

сить: "Ну и как же вы собираетесь жить?" Я, как всегда, отшутился: "Ты, мам, нам поможешь". На самом деле основное решение принимала Людмила, так как все тяготы ложились на нее. Я только сказал, что помогу, чем смогу. В принципе второго ребенка я хотел. Считал, что двое детей — это нормально.

Мы начали готовить Артема к появлению брата или сестры. Я по-своему, Люда — по-своему. Чтобы он не ревновал ее (а между мамой и сыном безумная любовь), она ему говорила: "Темочка, ты учти, сейчас тебе будет меньше внимания уделяться, но ты не обижайся, сестричка же будет совсем маленькой..." Как в учебнике для пригостишек. Я же готовил сына в другом, юмористическом духе: "Артем, понимаешь, сейчас тебя заставляют все время мыть руки, не разрешают долго смотреть телевизор, проверяют все уроки. Родится братик, тебе станет проще. Свободнее, от тебя хоть немного отстанут. Подрастет, будет у нас своя футбольная команда, он на воротах, мы с тобой в поле".

Такой стиль общения проходит через все наши взаимоотношения. И через конфликты тоже. У нас скандалов — с криком, с истериками, с оскорблениями — никогда не было и быть не может. Хотя словечки разные мы употребляем. Но в шутку. Это наш домашний сленг.

— Сколько времени приходится уделять воспитанию детей?

— Если разделить этот процесс на две части — обучение и чистое воспитание, — то первым занимается больше Люда, а вторым я. Именно воспитанием. Фор-

мированием характера, бойцовских качеств, спортивности. Я приучаю Артема к футболу, теннису, плаванию. В пинг-понг он играет мастерски чуть ли не с шести лет.

— Книги?

— У нас много книг. Я подсказываю Артему, что читать и стремлюсь подобрать книги, чтобы они были интересными, поучительными. В его возрасте — это прежде всего Джек Лондон, Майн Рид. Потом наступил момент, когда я понял, что Теме надо дать азы полового воспитания. Примерно в его возрасте я читал "Три мушкетера" и когда спрашивал у мамы про взаимоотношения д'Артаньяна и миледи, то получал в ответ нечто невразумительное: "Не морочь голову, а то отберу книгу". Тогда я полез в энциклопедию и сам все вычитал. Вот и сейчас я взял соответствующий том БСЭ 1952-1956 годов издания (для ребенка в самый раз) и по ней все ему объяснил. Он был вполне удовлетворен. А на сексуальные темы я с Артемом не разговариваю. Считаю, что о сексе с ним говорить еще рано.

— Жестким приходится быть с детьми?

— С сыном — да, иногда приходится. Он делает все, что хочет, из мамы, меня же побаивается. Я его не бью, но шлепнуть могу, рукой или тапочком. Тапочек — это, конечно, больше жест, чем удар, хотя обидно, когда тебя наказывают тапочком. Вот и не нарывайся. А вообще ребенок повторяет своих родителей. Те же качества, которые мне не нравятся в самом себе, которые надо изживать из своего характера, к великому сожалению, нахожу в сыне.

— Вы сказали, что много читаете. А жена? Любите одни и те же книги?

— Мне очень дороги книги, которые я впервые прочел в юности: Ремарк, Хемингуэй, Ирвин Шоу. До знакомства со мной Людмила этого не читала, потом — прочла. Ремарк сейчас ей тоже близок, Хемингуэй — нет. По-моему, это естественно. А вообще Люда сейчас много читает, хотя хозяйство, сами понимаете, какое. И готовит она теперь прекрасно.

— Политиной интересуетесь?

— Я поначалу буквально нынчался в перестройку. Сейчас четко понимаю одно: не верю больше никому. Не сделаю они того, ради чего все это началось. По сути дела сейчас всем приходится решать один вопрос: как выжить? Как достойно содержать семью? Политики нам в этом не помогут, так что надеюсь только на себя и своих близких, на Люду прежде всего. Я в ней не ошибся.

— Из страны уезжать не собираетесь?

— Если не вынудят, ни за что.

— Чье это решение?

— Решаю я. Людмила раз и навсегда сказала: "Нуда ты, туда и я". Мы с ней, как говорили когда-то писатели-почвенники, заединчики.

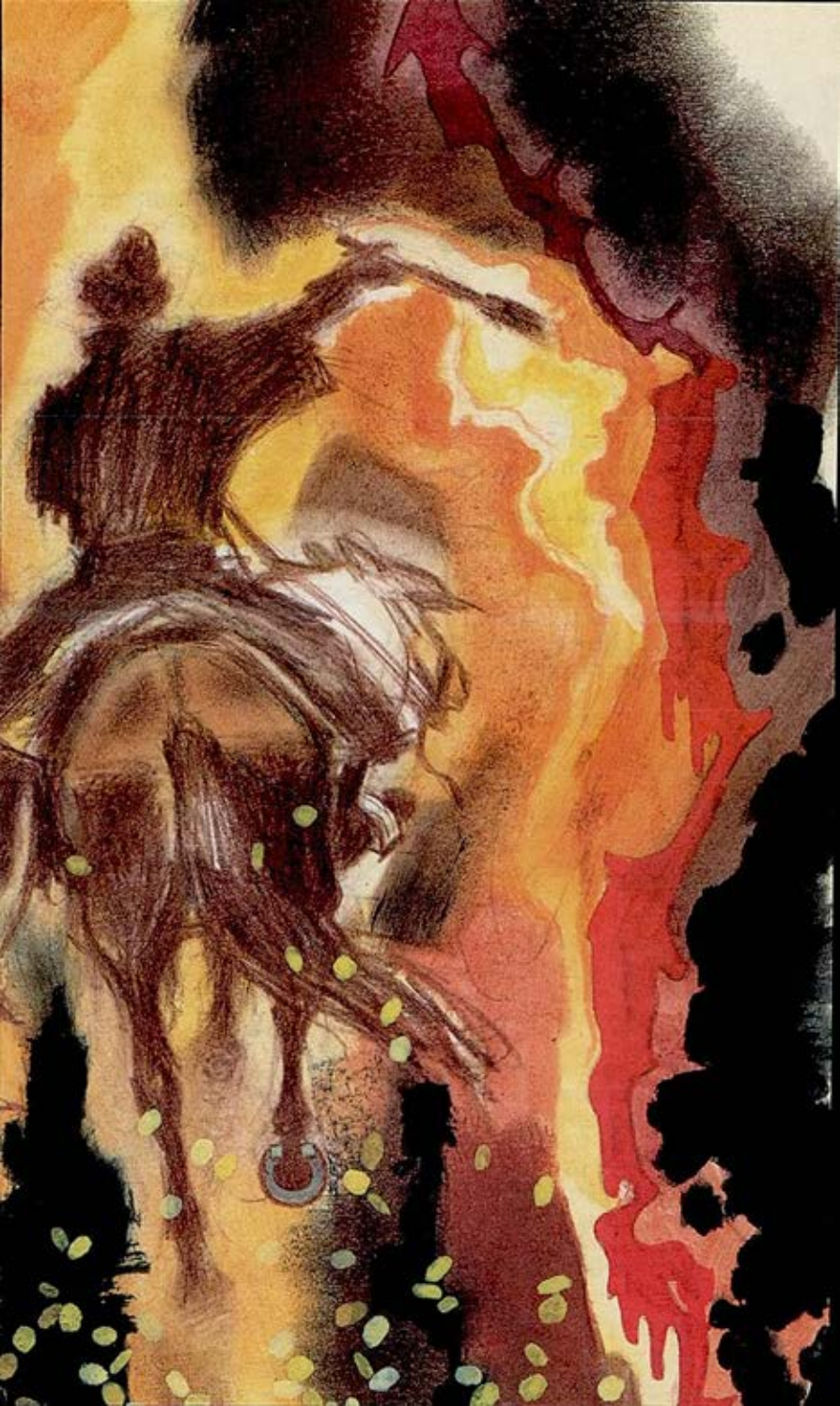
Когда мы прощались с Александром, он сказал, мне кажется, очень простые, но мудрые слова: "Жизнь в семье — бег не на короткую дистанцию, когда напуг все силы, выложился за 11 секунд, — и ты чемпион. Семья — это марафон длиной в жизнь. Вот и рассчитывай силы на всю дистанцию". ■

Разбойники

Любовь РУСЕВА

рисунок Геннадия Новожилова

то из нас в детстве не играл в “казаков-разбойников”, не зачитывался приключениями Робина Гуда? Но книги и фильмы о благородных разбойниках, как свидетельствует история, — это всего лишь красивые сказки. Документы и исторические хроники полностью уничтожают обаяние легенд. Благородные Робин Гуды на деле оказывались беспощадными бандитами, жертвами которых становились в основном незащищенные люди.

Во времена Петра Великого клинские, волоцкие и Можайские бояре челом били царю: “... приезжают к нам разбойники многолюдством со всяким оружием. Разбивают и жгут села и деревни днем и ночью. Мужиков бьют до смерти, баб и девок увозят с собою. Лошадей берут, остальных лошадей и скот побивают, хлеб из житниц на улицу высыпают для разорения”. Подобное положение было повсеместно. Многочисленные шайки нападали на села и деревни, оставляя после себя руины, пепел и трупы. Такая же участь постигала монастыри и церкви. Атаман Гаврила Старченков во главе 60 разбойников, вооруженных ружьями, шпагами, копьями и бердышами, налетел на Ипатьевский монастырь, во дворе которого целый день пили, пытали сторожей, приказчика и старосту. Разграбив дочиста Ипатьевский и забрав всех лошадей, банда разгромила вотчину Воздвиженского монастыря. Старченков предавал огню все, в растопленные печи бросал крестьян, “а девиц ругал ругательски”.

Являясь бичом России, разбой особенно пышно расцветал в XVIII веке, нанося государству колоссальный экономический урон и унося тысячи жизней. Не случайно один из первых указов Сената, учрежденного Петром I, был направлен против лихих людей. По данному указу их вешали на местах преступления, а для поимки беглых рекрутов, которые увеличивали число разбойников, от Москвы до Смоленска были созданы заставы.

По своему социальному составу масса “гулящего люда” была настолько пестрой, что объяснить это страшное явление исключительно социальными причинами невозможно. Тягости крепостных крестьян и бесчеловечное с ними обращение заставляли их бежать от помещиков. Типичным было и бегство рекрутов. Вся эта армия бездомных бродяг уходила за Волгу, в леса, растворялась в больших городах, пополняя ряды воров, мошенников и разбойников.

Грубость нравов являлась причиной того, что солдат, получивший в руки оружие, часто спешил использовать его против безоружных и незащищенных сограждан. В Москве солдаты ночью вломались к купцу Петрову, дом разграбили, жену его и племянницу били “смертно”, а уходя, закололи их шпагами. В Петербурге был убит малороссийский шляхтич Лещинский, живший в доме графа Чернышева и стоявший в нем на карауле с солдатами.

Не брезговали разбоем и дворяне. Некоторые из них сами содержали притоны и шайки разбойников. В 1750 году в Белгород-

ской губернии была захвачена большая банда, члены которой повинились в многочисленных разбоях, “воровствах и сожигании людей”. Возглавлял банду и содержал “разбойную пристань” отставной прапорщик Сабельников. Рыльский помещик Поповкин сколотил шайку из 50 беглых рекрутов и беспаспортных. Вместе со своими молодчиками он нападал на села, “производил разбои и грабежи”, убивал людей. Поручик Иван Мусин-Пушкин подал жалобу в Сенат на новгородскую помещицу Екатерину Дирину, которая вместе с родным братом гардемаринном Морской академии Ильей и родственниками дворянами во главе 50 крестьян приезжала в его деревню Кукино, “произвела разорение и драку”.

Разбой в России был многолик. Одна из разновидностей его — крестьянские и помещичьи междоусобицы, которые порой принимали характер военных действий. В подмосковном селе Яковлевском крестьяне адмирала князя Голицына косили сено. Неожиданно на них напали 70 крестьян и дворовых людей генеральши Стрешневой, вооруженные ружьями, дубьем и палашами. В результате стычки люди генеральши захватили в плен 12 крестьян, привезли их в Соколово и посадили в погреба.

Правительство использовало различные средства для борьбы с разбойниками. Петр I пытался улучшить работу полиции. В Петербурге был назначен генерал-полицеймейстер, в Москве — обер-полицеймейстер. В больших городах жители избирали уличных надзирателей, под начальством которых находились надсмотрщики за каждым десятком домов. Для охраны спокойствия и порядка в городе из городских жителей, достигших двадцатилетнего возраста, организовывалась стража. В провинциальных городах полицией заведовали коменданты, магистраты и старосты, в уездах — губернаторы, воеводы, земские комиссары.

По приказу Петра I в большом количестве стали строить богадельни, куда помещали нищих и бродяг. Тем не менее число их не убавлялось, и они пополняли ряды воров и разбойников.

Несмотря на финансовые затруднения, императрица Елизавета Петровна выделяла средства на увеличение жалования чиновникам Сысского приказа, “чтоб они могли содержать себя без всяких пристрастий”. А дел в Сысском приказе не уменьшалось. Со всех сторон приходили известия о появлении новых многочисленных банд, о разбоях и “смертных убийствах”.

Премьер-майор Горбунов, назначенный для розыска воров и разбойников, доносил в 1749 году, что в Брянском уезде войско напало в лесу на злодеев, взяло несколько человек вместе с атаманом и часть добычи. Горбунов сообщал, что из Польши пришло 14 разбойников, 17 апреля оттуда же проникло в Россию 30 человек, 29 числа — 15, 30 — около 50... Все эти банды бесчинствовали в Брянском уезде. “Немалое число таких же злодеев находится за границей, и собираются идти в Россию”.

Пристальное внимание правительства вызывало положение дел вокруг Первопрестольной, где разбойники нападали не толь-

ко на проезжих, но и на деревни, жителей сжигали в их собственных домах. Шайки хозяйничали на Серпуховской, Переяславской, Углицкой и Александрослободской дорогах. Печальной славой в этом плане пользовалась Владимирская дорога. Муромские леса кишели разбойниками. Особой жестокостью отличалась банда атамана Кнута, которая сожгла две деревни и село Вознесенское. Кнут со своими молодчиками явился в суздальское село Пестяково, принадлежавшее князю Хованскому. Церковь, господский двор и крестьянские дворы предали огню, крестьян убили.

В связи с этим императрица Елизавета Петровна явилась в Сенат, которому объявила свое недовольство работой полиции. Сенат приказал исследовать "о прежних сыщиках, для чего они своею слабостью допустили таких злодеев к умножению их компаний, также, почему губернаторы и воеводы не старались об их искоренении". Но меры правительства по охране народа от лихих людей оказывались недостаточными, работа полиции была неудовлетворительной, по-прежнему разбой производились в широких размерах. В дело вмешалась Военная коллегия, которая распорядилась для преследования разбойников "расставить в известных расстояниях войска" по Волге, от Твери до Астрахани. С этой же целью были рассредоточены войска в Воронежской и Архангельской губерниях, а также по Оке — от Калуги до Нижнего.

Разбой несколько приутихали только тогда, когда правительство переходило к карательным мерам, и на борьбу с бандами направлялись войска. Жестокость нравов вызывала и жестокие меры. При императрице Анне Иоанновне организован был особый постоянный отряд под начальством подполковника Реткина. В 1735 году он схватил 663 человека, из которых 94 убийцы казнено, сослано на каторгу 29, по наказании освобождено 168, беглых солдат — 21, под караулом померло 56. В 1736 году из 835 казнено 102, сослано 37, по наказании освобождено 157.

Несмотря на многочисленные казни, разбой не прекращались. Когда армия уходила в военный поход и покидала территорию государства, разбой превращались в настоящее национальное бедствие, а порой достигали таких масштабов, что ставили под угрозу существование самого государства. Кроме уничтожения селений и массовых убийств, во многих уездах совершенно прекращались рекрутский набор, все денежные и хлебные сборы. Зато "медные" мастера банд наводняли страну фальшивыми деньгами.

Но разбой был не только на больших дорогах и в провинциальных городах. Кишели удалыми молодцами Петербург и Москва. В царствование Елизаветы Петровны северная столица представляла собой город контрастов: великолепные кварталы переходили в дикий и сырой лес; рядом с огромными палатами и роскошными садами стояли развалины, деревянные избышки или пустыри. Границей города являлась Фонтанка, левый берег которой

представлял предместья. Именно здесь укрывались разбойники, нападая на прохожих и проезжих. Полиция обязала владельцев дач по Фонтанке вырубать леса, "дабы вора́м пристанища не было". Такое же распоряжение было дано и по Нарвской дороге.

Грабежи процветали и в самом городе, поэтому правительство вынуждено было восстановить пикеты из солдат на "Невской перспективе для прекращения сих зол". В 1740 году воры убили часового в самой Петропавловской крепости и украли несколько сот рублей казенных денег. Особый род преступления в Петербурге назывался "гробокопательством". Так в одной кирке оставлено было на ночь тело знатного иностранца. Воры пробрались в кирку, вынули тело из гроба и ограбили. Воров отыскивали и казнили. При Бироне разбойников сажали на кол, живьем сжигали.

Но истинным вертепом была Москва. Воры, мошенники и разбойники и зимой и летом со всех сторон стекались в белокаменную. Вместе с окружающими ее слободами, населенными людьми обедневшими, она давала безопасный приют всем беглецам и беспаспортным, а их была тьма. Днем "гулящие" люди бродили по Красной площади, в Охотном ряду, на Крестцах, в торговых рядах. Ночью грабили шайками.

Беспорядочность построек и полный мрак в глухих районах Москвы делал ее удобной для разбойников. Темные, неосвещенные улицы и переулки, пустыри и покинутые после пожаров разрушенные дворы облегчали дерзкие разбои, надежно скрывали ночных хозяев города. Где там было справиться немногочисленной полиции? На помощь ей пришел один из атаманов. Вступление на престол дочери Петра Великого ознаменовалось событием, которое, очевидно, не имело аналогов в других странах: в московский сыск явился знаменитый разбойник наниматься на службу.

В 1741 году после разбойного промысла на Волге в Москву возвращается шайка Ваньки Каина. Красив был атаман, ладно сложен; лицо его, худощавое, умное и хитрое, окаймлено густой курчавой бородой и длинными мягкими русыми волосами.

Ходит Каин по белокаменной, где начиналась его воровская судьба, вспоминает свое прошлое. Тринадцатилетним мальчиком привезли Ваньку на московский господский двор. Смышленным и расторопным он был, да только не мог равнодушно пройти мимо того, что плохо лежит, а полуголодное существование заставляло его воровать у соседей, и, наконец, ограбив хозяина, бежать.

Как и положено, у начинающего удалого молодца был наставник. Петр Камчатка сразу же разглядел в своем подопечном недюжинную личность. Это была отчаянная голова, в которой горел огонь настоящей творческой силы. Энергичная натура Ваньки требовала постоянного действия, и неистощимый изобретательный ум направлял эту деятельность. Каин был прирожденным атаманом, он в совершенстве владел самым сильным оружием народных предводителей — словом. Речь Каина пестрела прибаутками, ловкими сравнениями, каламбурами и гиперболами.

С первых же шагов на новом поприще ярко проявились особенности Каина-разбойника. Это был настоящий виртуоз своего дела. Он поражал друзей неистощимой изобретательностью, неслыханной дерзостью и бесшабашностью. Просто ограбить он не мог, повторяться — тоже. Фантазия Каина отличалась разнообразием, вкусом и даже своего рода изяществом. Уж коль предстояло ему стать царем воровского мира, то и дела должны быть под стать. Не царское это дело грабить простого обывателя. И первое же разбойное нападение Каин совершает на императорский Анненгофский дворец. Через окно Ванька попадает в спальню придворного доктора Евлуха. Прежде, чем набить мешки золотой и серебряной утварью, Ванька заботливо накрыл спящих супругов сбитым в ногах одеялом. Покидая дворец, атаман аккуратно положил между хозяевами (так и не проснувшимися) перепуганную служанку, “попросив” ее не будить до утра “царева дохтура”.

Вторая экспедиция шайки состоялась на следующую же ночь, и жертвой был выбран дворцовый закройщик Рекс. С вечера в спальню Рекса пробрался один из товарищей Каина, который спрятался под кроватью, а когда супруги уснули, открыл окно. Банда хозяйничала с шутками да прибаутками. И этот налет удался на славу: придворный закройщик был обобран на огромную для того времени сумму — 3.000 рублей. Правда, на этот раз не обошлось без погони: за разбойниками увязался лакей Рекса. Отважного безумца схватили, повели к Яузе, бросили в лодку.

— Если станешь много говорить, мы заставим тебя рыбу ловить, — предупредил лакея Ванька и пустил лодку в свободное плавание.

Ярким образчиком методов Каина и его буйной фантазии является третье ограбление. Прежде всего Ванька, прихватив украденную курицу, отправляется на рекогносцировку местности. Поравнявшись с усадьбой Татищева, которая располагалась рядом с домом, намеченным для ночного налета, он перебросил через забор курицу и стал стучать в ворота.

— Зачем ты стучишь?! — крикнул из-за ворот сторож.

— Моя курица залетела в ваш огород, пустите поймать проклятую.

Засов калитки заскрипел. Мужик с опаской посмотрел на Каина, но открытая улыбка разбойника успокоила сторожа.

— Проходи да, смотри, не затопчи огород.

— Я пташкой-букашкой, веточки не сломаю.

Ванька гонялся за курицей ровно столько, сколько нужно было, чтобы осмотреть и изучить местность вокруг, определить, откуда удобнее пробраться в комнаты. Простившись со сторожем, Ванька вернулся к шайке. На этот раз они работали демонстративно шумно. Сундуки вскрывали обухом, да при этом ухарски приговаривали:

— Тяп да ляп — клетка, в угол сел — и печка.

Серебро, золото, деньги, шкатулки — все это быстро наполнило мешки.

В доме поднялась тревога. Добры молодцы — в окно, через забор и, что было сил, дали дёру. Прислуга — за ними. Бежать с тяжёлыми мешками куда как тяжелее, чем налегке, поэтому погоня не отставала. Пробегая мимо большой глубокой лужи, что у Чернышева моста, грабители бросили в нее мешки. Можно, конечно, забрать награбленное позже, когда все приутихнет, но какой в этом интерес?! И Ванька разыгрывает спектакль. Место первого действия — дом генерала Шубина, который находился рядом. Сторожа заставляют открыть калитку обманом, сообщив, что под забором лежит их пьяный человек. Доверчивого мигом связали, засунули в рот кляп и голову обмотали тулупом. Ванька “одолжил” у генерала лучших скакунов, которых впрягли в “берлин”. Действие второе разворачивается на фабрике Милютина. Здесь “режиссер” приглашает знакомую бабу участвовать в премьере, после чего группа на “берлине” летит к месту третьего действия — Чистым прудам. Кататься, так кататься! На Чистых прудах давно на примете у Каина была костюмерная — дом одного богатого купца. Молодцы пробираются через чердак, выбирают богатый женский барский убор, в который наряжают дебютантку и возвращаются к заветной луже около Чернышева моста. По дороге актриса отрепетировала немудреный текст. Итак, место четвертого действия — лужа. Въехав в грязь, актеры мигом скидывают колеса у “берлина”.

— Начинай, твое сиятельство, балаган, — приказал Ванька.

Мощная фигура неуклюже встала, уперла кулачища в толстые бока, откашлялась, крикнула и низким голосом заорала:

— Псы негодные! Ужо я вам! Не можно ль было дома смотреть, все ли цело! Кошками выдрать велю! Лбы забрею!

Пока “барыня” на все лады разорялась, “лакеи” доставали из тины мешки и закидывали в “берлин”. Спокойно закончив дело, молодцы вмиг надели колеса и поехали дальше. Финал: у Денежного двора одиноко стоит брошенный “берлин” с лошадьми; соучастница щедро награждена, банда исчезает из Москвы.

На Волге-матушке просторно, Каин лошадей для всех закупил. Тянутся к нему добры молодцы. Да и как иначе? Где сыщешь второго такого атамана? Многим ли удалось выкрасть из большого цыганского табора самого сотника вместе с кибиткой? Бежать из острога и скрываться от воинской команды не мудро, многие разбойники это проделывали. Но успеть “сшутить шуточку” в отчаянную минуту, когда погоня на пятки наступает, мог только Каин. Правда, и везение сопутствовало дерзкому молодцу. Побег обнаружился сразу, и тотчас солдаты пустились за ним. На счастье в это время происходил кулачный бой. Ванька затесался в гущу дерущихся, на ходу успел мышцы размять: врезать нескольким забиякам. Вооруженным солдатам труднее было пробраться, и Ванька немного оторвался от преследователей.

Невдалеке пасся татарский табун. Успеет Ванька добежать да одолжить коня — может и спасется, но уж больно резво бегут солдатики, их не пытали, как Ваньку несколько дней кряду, силушки много. Добежал таки Ванька до табуна, но как тут ускачешь, если средь бела дня татарский мурза так сладко спит в своей кибитке! Не подшутить над спящим днем было выше его сил. А служивые совсем рядом — можно капельки пота подсчитать на их лицах, но уж слишком нагло звучит храп мурзы, да еще под головой у него “подголовок”, в котором наверняка денежка зашита. Где тут до своей шкуры! Ванька привязывает ногу спящего татарина к лошади, бьет животное колом — и испуганная лошадь во всю прыть убегает с привязанным за ногу татаринном. Каин на глазах преследователей убеждает, что “подголовок” полон денег.

— Неужели татарских денег на Руси брать не будут? — спрашивает он сам себя.

Вместе с деньгами взлетел разбойник на лошадь — и был таков. Солдаты успели зажать в кулаки только воздух. Молва о дерзком добром молодце впереди Ваньки летит. Шайка Каина растет, как снежный ком, — с шести человек — до сотни дошла. Вскоре она сливается с поволжскими разбойниками. Теперь в банде уже 300 человек. Закупили порох и ружья, приступили к крупномасштабным операциям. Первый объект нападения — винный завод, который пришлось брать штурмом. С появлением где-либо его банды все церкви округи по обе стороны Волги начинали бить в набат. За ним упорно, но безрезультатно охотятся драгуны.

Вволю погулял Ванька по Руси-матушке. И вот он снова в Москве, тревожная картина предстала его взору: город наводнен вооруженными до зубов разбойниками. Недоброе, видно, зреет в Первопрестольной. Не по нутру Каину кровопролитные бунты. То ли пожалел Ванька белокаменную, то ли искренно раскаялся в своей прежней жизни, а может, и план какой коварный был у него на уме... Кто его знает?! А только заявился он 27 декабря 1741 года в московский сыск наниматься на работу.

— Я сам вор да знаю много воров в Москве и других городах.

Ванька повинился в своих грехах и предложил свои услуги. В челобитной на имя императрицы Елизаветы Петровны он писал: “В начале, как Всемогущему Богу, так и вашему императорскому величеству, повинную сим о себе доношением приношу, что я забыл страх Божий и смертный час и впал в немалое прегрешение. А ныне я... желаю запретить ... вперед, как мне, так и товарищам моим, которые со мною в тех погрешениях обще были... я желаю ныне искоренить, дабы в Москве мои товарищи вышеописанных предрозстей не чинили...”

В тот же день Ваньке дали 14 солдат и подьячего Петра Донского. В доме одного дьякона схвачено 45 человек; а в доме протопопа — 20 воров вместе с главарем Яковом Зуевым. У ружейного мастера скрывался атаман Николай Пива вместе с бандой в 15 че-

ловек. В татарских банях обнаружен склад с ружьями и порохом, здесь же арестовали 16 беглых. Всего в ту ночь было взято 150 человек, среди них и его товарищи по Волге. Выдал Каин и беглого старого солдата Алексея Соловьева, который был схвачен за “работой”. Соловьев ежедневно вел “воровской” журнал и списки мошенников, воров и разбойников (возможно, сам хотел донести). Среди них была фамилия Ваньки и Камчатки. Сенат прощает Каину прошлое и назначает его сыщиком, в бумагах он официально называется “доноситель Иван Каин”.

Ванька становится грозой своих бывших товарищей. Массами ловит и сдает в сысской приказ беглых, воров, мошенников и разбойников. Каин накрыл целый ряд крупных банд фальшивомонетчиков и медных мастеров “воровских денег”, среди них банды Якима Холщевникова и Андрея Скоробогатого. Все отобранные деньги доноситель сдает в сыск. Ванька обнаружил и перекрыл канал “утечки” бланков паспортов из сенатской типографии. Схватил он помещика Милюкова, который “подложно” сдал в рекруты 300 человек, на чем нажился. Каин арестовывает большие партии воров вместе с товаром, не пропускает он и “гастролеров”. Вору приутихли, попрятались. Москвичи вздохнули свободнее.

Мощная натура Каина требует постоянного действия, постоянного риска. Каждый день, вот уже в течение двух лет, он ходит по Москве, ловит преступников, не дает ворами покоя и в окрестностях города. Его буйная фантазия, находчивость, изобретательность, талант и на этом поприще раскрасились сполна. Но слава, которую приобрел Каин, не удовлетворяла его, материальных выгод от своей кипучей деятельности он не имел никаких. Все, что сыщик находил во время обысков и облав, он сдавал в сыск. А тут еще жениться надумал, да на какие деньги жену-красавицу содержать? И Ванька в ноябре 1743 года обращается в сысской приказ с просьбой. В ней он напоминал, сколько воров и разбойников поймано им за два года, что пойманный им недавно разбойник Яков Иванов дал ему 15 рублей, чтоб он его выпустил, но он не хотел “корыстоваться”, привел разбойника, а деньги отдал в сысской приказ. Каин писал также, что для пропитания “забрал по разным харчевням всякого харча и хлеба на 12 рублей 40 копеек”, поэтому просит сысской приказ выдать ему денег на расплату долгов и вперед на пропитание.

Но к большому удивлению Ваньки сысской приказ отказал. Как же так? Он каждый день вылавливает с солдатами лихих людей, рискуя животом своим. И какая же награда? Даже 12 рублей 40 копеек, затраченных на служебные поиски, и тех не выдали! Крепко задумался Ванька. Везде беглые, бродяги, вору... Он нужен, а денег не дают. Видно, подьячие постарались, в обиде, что Ванька “не доставлял им хлеба”. Везде круговая порука. При таком положении жить можно только воровским образом.

Отказ толкает Каина на другую дорогу — опасную, но выгодную. Не желает государство платить за работу, сам будет себя со-

держать. И Каин начинает новую жизнь. Он сходитя с прежними товарищами, становится добрым молодцом, но только под эгидою доносителя сысского приказа. Его окружают старые друзья — люди разгульные, решительные, на все готовые.

Каин продолжает служить государству и в то же время себе. Сообщает, например, ему купец из кружевного ряда, что близ немецкой слободы немцы “тянут заповедное серебро и золото”. Каин в ту же ночь скачет туда, дверь вышибают бревном, забирают все золото и серебро, которое сдается в сыск. Но Ванька не забыл прихватить и инструменты для изготовления монет, их он продаст тому самому купцу за 300 рублей.

Щедрым Ванька любил и щедрых людей. Со скупыми разговор был другой. Прибегает купец Бабкин, у которого украли 4.700 рублей. Каин находит вора и возвращает деньги, за услугу же ему предложили 50 рублей. Каин отказывается от них и заявляет о попытке подкупа в сысской приказ, где несчастному пришлось “поговорить с присутствующими и секретарями помирнее и со мною против прежнего получше”.

Накопив денег, Ванька покупает себе дом в Китай-городе. В светлицах — образа в серебряных и золоченых окладах; на стенах зеркала в золоченых рамах да печатные картинки с портретом Петра Великого, к которому Каин питал особое уважение. Днем Ванька по Москве гуляет, преступников ловит, а вечером или гуляет у знакомых, или собирает у себя гостей на вечеринки и попойки, где идет крупная игра в карты, а нередко пускаются в ход и фальшивые деньги.

Но в доме Ваньки не только веселятся и развлекаются, здесь же у хозяина своя пыточная и свои палачи. Добыча ловится каждый день богатая и везется она в приказ через дом Каина. Если пойманный откупается, его отпускают, упрямого или бедного преступника, которому нечем задобрить хозяина, — ведут в приказ. Но Каин не дурак, он прекрасно понимает, что долго так продолжаться не может, несмотря на то, что многие чиновники кормятся его взятками. В его голове созрел гениальный план. В сентябре 1744 года он является в Сенат.

— Я, Каин, в поимке воров и разбойников всегда крайнее старание прилагаю и впредь буду сих злодеев ловить. Проведываю я, где они жительство и пристань в Москве и в других местах имеют, чрез таковых же воров, с которыми знакомство имею. Для того я с ними принужден знаться, дабы они от меня не таились. Не имея с ними дружеского обхождения, невозможно сыскивать злодеев. Притом я, Каин, имею опасение, что когда злодеи по поимке будут на меня показывать, кабы я по их оговорам не был приведен к истязанию.

Каина просят продолжать отыскивать воров “без всякого опасения”. При этом Сенат торжественно заверил сыщика, что если разбойники и донесут на него, то им не поверят, а также, что он, “яко изыскатель” “за отыскание воров будет награжден”. В сыск-

ной приказ летит указ Сената, который повелевал не верить доносам на Каина и не преследовать его по ним.

Ванька вздохнул свободно, теперь доносы товарищей-воров для него не опасны. Но ему этого мало, он уже закусил удила и идет еще дальше. Через месяц Каин опять является в Сенат с новым заявлением. Он напоминает, что поймал более 500 воров и мошенников и что в Москве их еще много. Но из-за отсутствия инструкции по розыску и поимке воров, ему “чинится немалое препятствие” в тех местах, где у злодеев “воровские пристани”. Местные чиновники помощь ему не оказывают. В связи с этим Каин просит Сенат дать ему инструкцию и объявить о том в Москве по командам, “чтобы в сыске и поимке воров ему препятствия не чинили”.

Сенат, как известно, контора серьезная и шутить не любит. С полной ответственностью он дает Ваньке невиданные громадные полномочия: “Донositелю Каину для беспрепятственного в поиске и поимке им воров и разбойников ... дать из правительствующего Сената указ, в котором написать, что ежели где в Москве случай допустит ему, Каину, помянутых злодеев ловить, и в той их поимке будет требовать от кого вспоможения, то в таком случае всякого чина и достоинства людям, яко верноподанным ея императорского величества, в поимке таких злодеев чинить всякое вспоможение...”

Вот так! Ни больше, ни меньше — Ваньке вручается диктатура над всей Москвой. Ванька стал всемогущей личностью в первopестольной и был ее диктатором более четырех лет. Пожелай он, то силу его почувствовала бы вся Россия. Каин знает ее, изъеденную доносами, грабительством, казнокрадством и народной бедностью, он гениально перешел подъяческий Рубикон.

Постепенно от мошенничества и вымогательства Каин возвращается к разбою. Увеличился штат его собственной “гвардии”.

Ванька сам плодит разбойников. Стоило ему только свистнуть, и его молодцы страшно шевелились. С весны 1748 года, кроме разбоев и повальных грабежей, Москва начинает гореть со всех концов. Горят тысячи домов, церкви, монастыри; сотнями горят люди. Москвичи покидают свои дома и живут за городом лагерями. Паника охватывает не только белокаменную, но и Петербург. Северную столицу (и особенно императорские дворцы) оцепляют пикетами из гвардейских полков. В Москву вводят войска под командой генерал-майора Преображенского полка Ушакова.

Положение Ваньки изменилось. Четыре года ему подчинялись все воинские команды, эти же войска его не слушаются, солдаты тащат всех разбойников и подозрительных людей не к Каину, а к Ушакову. Но такую силу, как Ванька Каин, не легко было сразу сломить. Нужна была другая сила, более мощная. И она нашлась, сломала Ваньку в зените могущества, лишила его всего, что успел приобрести его воровской гений.

В 1745 году издается указ о розыске лжеучителей и еретиков, в связи с чем в Москве была организована особая “раскольничья комиссия”. Столкнулись две силы: государство и скопцы. Именно это столкновение и погубило Каина. Ванька чутко уловил — здесь широкое поле деятельности, и, решив наловить рыбу в мутной воде, начинает поход против раскольников. Но скопцы были такой силой, что стирали с лица земли и не таких, как Ванька.

Сыщик стал посещать богатые дома раскольников, забирать детей, за которых родители должны были платить ему выкуп. Раскольники пожаловались “раскольничьей комиссии”, но Каин подкупает подьячих, и бумага из комиссии в сыскальной приказ отправляется только через три года. От неограниченной власти и безнаказанности Ванька совершенно обнаглел и перестал прятать концы; взятки и деньги, которые он вымогал, сыщик получал при свидетелях в кабаках. До поры до времени ему все сходило с рук, пока он не выследил самого немого Андреюшку.

“Немой” Андреюшка, он же Андрей Селиванов, он же юродивый, он же родоначальник воскресшего в России скопчества, он же (по его скопческой догматике) “государь Петр III Федорович”, один из первых самозванцев с именем Петра III, предшественник Пугачева. Селиванов днем ходил по Москве в образе юродивого, а ночью собирал около себя “сборища людей божиих”.

Как-то на Таганке взяли купца Якова Фролова и его малолетнего сына. Мальчика Каин повез к себе домой, от него и стало известно, что Андреюшка живет за Сухаревой башней в доме Феодосья Яковлевой. Но схватить Селиванова не удалось, “унюхав” угрозу, тот ускакал в Петербург. За ним отправляют нарочного. Андреюшку поймали, привезли в Москву, отправили на дыбу и через некоторое время сослали в Сибирь. По дороге он принял “большое оскопление”, а из Сибири с торжеством возвратился в Петербург. Раскольники не простили Каину ареста их “учителя”, а они всегда находили средства добираться до самых сильных пружин государственного механизма. Начался стремительный закат доносителя Ваньки Каина. Все вдруг выплыло наружу: и поджоги, и разбой, и вымогательство, и умыкание девиц.

В Москву прислали нового генерал-полицеймейстера — Татищева, который сразу же по приезде в Москву приказал арестовать Каина по делу о хищении дочери Тарасова. Каин на первом допросе несет всякий вздор, но после пыток, не имея другого выхода, решает как можно дороже продать свою жизнь и обещает рассказать всю истину Татищеву. Ему дают немного отдохнуть и полегчить после плетей. 24 февраля Каин является к допросу, его признание потрясло правительство, оно затянуло петлю на шею высокопоставленных чиновников. В сообществе с разбойником заподозрили всю московскую администрацию. Казалось, Ваньку признал своим атаманом весь город — начиная от первых чиновников, кончая кабацкой голытьбой.

Каин подробно описал механизм преступлений должностных лиц. От графа Шереметева, берущего взятки рублями, кафтанам и баранам, Каин переходит к подьячим, секретарям, советникам, прокурорам и судьям, которые постоянно вымогали у него деньги, подарки и “почасту говаривали мне, чтоб я позвал их в питейный погреб и поил рейнским, которых я и напавал и издерживал на то по рублю и больше. За то, когда на меня произойдет в том приказе, какая в чем жалоба, чтоб они мне в том помогали... Сверх того, даривал я их шапками, платками, перчатками и шляпами и к вербному воскресению раскрашенными вербами, а протоколисту и сукна на камзол, да жене его бархату черного аршин да на балахон и на юбку; да три платка итальянских”.

Судья сысского приказа Афанасий Сытин упрекал Ваньку в том, что тот мало к нему воров приводит, а “у него де нет чаю и сахару. Почему я, купя в городе сахару кенарского полпуда, отнес к нему. И сверх того, он, Сытин, брал меня с собою часто для разных покупок, за которые деньги отдавал не все, а после я доплачивал своими...”. Не отставала от сысского приказа и полиция. Советник московской полиции Воейков за освобождение “из цепи” получил от Каина 50 рублей, секретарь Захар Фокин — 3 рубля. Лакомился взятками и прокурор сенатской канторы, бравший по 10 рублей, наравне с дворецким графа Петра Шереметева.

Пораженный Татищев предлагает императрице “особливу для того комиссию учинить”. 25 июня 1749 года состоялся именной указ за собственноручным подписанием императрицы. В указе, между прочим, повелевалось: “для искоренения злодеев московскую полицейскую команду усилить солдатами из полевых полков”; вора Каина с его товарищами из полиции со всем его делом передать в Сысской приказ. На основании этого указа отстранены были от должностей все прежние чиновники Сысского приказа и полиции, заподозренные в сообществе с Каином.

Узнав о падении диктатора, Москва возликовала, но радость была кратковременной. Не только скопцам и обывателям выгодно стало. Распрявил плечи гуляющий люд, осмелели разбойники, особенно душегубы, которых Ванька страх как не любил и беспощадно преследовал. Не было больше грозного всевидящего сыщика. Город напоминал оживший вулкан. Белокаменную потрес невиданной мощи взрыв насилия и убийств. Мошенники и воры работали в открытую. Волна беглых захлестнула Москву. Застонала Первопрестольная, пожалела о Каине. Тут только правительство прочувствовало, какую лавину сдерживал всего один человек, какие богатырские силы были в нем.

Следствие длилось шесть лет. В 1755 году суд приговорил Ивана Каина к смертной казни: колесовать, отрубить голову. Сенат смягчил постановление суда. Каина наказали кнутом, вырезали ноздри, на щеках и на лбу выжгли “ВОР” и надежно упрятали.

Москва научится засыпать спокойно только спустя 20 лет, когда на голову удалым молодцам обрушится знаменитый Архаров.

Астрология вошла в нашу жизнь сравнительно недавно: лет пятнадцать тому назад она считалась одним из предрассудков, распространенных исключительно на Западе. На самом деле, сотни миллионов людей на Земле шага не сделают без совета астролога. И хотя любая религия считает "звездочетство" чуть ли не смертным грехом, оно продолжает процветать. Во-первых, запретный плод сладок, во-вторых, любому человеку интересно узнать о себе как можно больше. Ну, и в-третьих, гораздо проще объяснить причуды личной судьбы соответствующим положением небесных тел, чем... Чем собственной, к примеру, глупостью или недалекновидностью.

Как говорил один наш знаменитый поэт, "если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно". Перефразируя, если люди интересуются астрологией, этот интерес нужно удовлетворить. Но мы не собираемся просто печатать предсказания для каждого знака Зодиака на текущий месяц; таких гороскопов пруд пруди, стоит открыть любую газету.

С этого номера мы открываем новую рубрику "Звезды астрологии", где будем печатать очерки о выдающихся людях, которые не только родились под каким-то определенным созвездием, но и воплощают в себе наиболее характерные черты своего зодиакального знака. Известно ведь, что

наши недостатки являются продолжением наших достоинств (некоторые, правда, считают, что наоборот). И если вы почему-то пришли к выводу о том, что родились "под несчастливой звездой", то попробуйте так использовать качества этой своей звезды, чтобы она обернулась "пленительным счастьем". Или хотя бы постарайтесь извлечь максимум пользы из специфики своей натуры.

Возможно, и ваша судьба станет "звездной", как у героев нашей новой рубрики. А, может быть, вы чему-то научитесь на их примере. Или просто лучше узнаете собственный характер. Да просто узнаете что-то новое. В том числе, надеемся, и про себя.

Итак, открываем астрологический календарь — первый знак, с которого начинается наша новая рубрика, —

РАК.

22 июня — 23 июля.

Вот короткая — классическая — характеристика свойств и качеств людей, родившихся под знаком РАКА.

Любимое время Рака — лунная ночь. Именно ночью, полной таинственности, в переливающемся серебристом свете Рак предаётся своим мечтам. Призрачный свет Луны прекрасно сочетается с его изменчивым настроением.

В лучах славы Раки ведут себя непринужденно: они не пытаются и не изображают из себя нечто, как Львы или Стрельцы, но вы ясно ощущаете, что внимание им небезразлично. Раки никогда не гонятся за славой, но с удовольствием пожинают ее плоды.

Пессимизм — одна из характерных черт натуры Рака, и в этом состоянии он часто пребывает. Но Рак никогда не льет крокодиловых слез. Его слезы — это настоящие потоки слез, извергаемые из самой глубины легкоранимого сердца. Его нетрудно обидеть неосторожным словом или взглядом.

Рак, подобно зеркалу или кинокамере, обладает способностью не только запечатлевать настроения, но и хранить их и передавать окружающим. Оттого-то Раки так привержены к прошлому, истории, старине. История государства интересует их не меньше, чем история собственных предков. Раки любят коллекционировать антиквариат, древности и все, что связано с прошлым.

Раки — надежные хранители тайн и всякого рода секретов. Благодаря своей интуиции, участливости и способности сострадать другим, они нередко становятся поверенными человеческих душ. Но, со вниманием выслушав каждого, кто захочет поделиться с ним своими мыслями и чувствами, свою собственную душу Рак тщательно оберегает от любопытствующих.

Импульсивность Раку не свойственна. Задумав что-то, он просчитывает возможные варианты, взвесит все "за" и

"против". Именно поэтому он редко ошибается и все его предприятия оканчиваются успешно. Не будучи по натуре игроком, он редко рискует, так как в случае проигрыша впадает в глубокий пессимизм, чувствуя себя несчастным.

Раки обожают свой дом, хотя и не прочь попутешествовать. Но самым главным удовольствием для них все-таки остается их "крепость", куда они всегда возвращаются с восторгом, причем стараются заставить окружающих разделить это чувство с ними.

Раки — природенные семьянины. Каждую встречу — будь то даже легкая интрижка — они расценивают как шаг к совместному ведению хозяйства, и не представляют себе "свободной любви". При этом они вовсе не прочь вести хозяйство одновременно в нескольких местах, и хранят удивительную верность своим внебрачным партнерам.

И еще одна отличительная черта Раков — педантизм. Даже неблагоприятные поступки они совершают строго по какому-то одному им известному графику и просто заболевают, если кто-то пытается нарушить размеренное течение их жизни.

Созвездие Рака можно с уверенностью назвать "самым женским". Женщина-Рак обладает всеми добродетелями, описание которых можно найти в исторической литературе или древних сказаниях. Ее мир составляет то, что связано с семьей, домом и детьми. Она — образцовая мать. Причем по-матерински заботится не только о детях, но и о близких, о любимом муже, умеет чувствовать все его настроения. Мужчины-Раки не являются образцом мужественности. У них нежное, чувствительное сердце, они не воинственны, любят детей и животных, а общество женщин им гораздо приятнее мужского.

Вот исходя из этих характеристик Рак мы и выбрали героиню, которой выпала честь открыть нашу новую рубрику "Звезды астрологии" — это сама Жюльетта Санд.

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Великая АВРОРА

Имя свое она унаследовала от прапрабабки — блистательной и прекрасной Авроры фон Кёнигсмарк, возлюбленной короля Польши Фридриха-Августа. Темперамент — от своего прадеда, незаконного сына этой четы, маршала Мориса Саксонского, разбившего бесчисленное количество женских сердец по всей Европе. Житейскую мудрость — одну из главных черт Рака — от своей бабушки, которую даже самые злые языки тех лет не могли упрекнуть ни в едином легкомысленном поступке. Свою судьбу она выбрала и выстрадала сама.

Отец Авроры, Морис де Франкеней, адъютант наполеоновского генерала, женился на бродячей актрисе Софи-Виктории, имевшей и до, и после брака бесчисленное число любовников.

"Кровь — великая сила", как известно, а такой коктейль не мог не сказаться на характере его обладательницы. Никто не мог дать ему точной оценки. Одни считали ее распутницей, другие — святошей, кто-то упрекал в нимфомании, кто-то — в патологической холодности. Женщины ставили ей в укор пренебрежение светскими условностями и неприязнь к чисто дамскому обществу. Мужчины попрекали пристрастием к сигарам и... лесбиянством. Потомки дошли до того, что стали обвинять ее даже в кровосмешении.

И все это по одной-единственной причине: талант писательницы был слишком очевиден, чтобы в нем можно было усомниться. Мужчине такое еще можно простить и снисходительно, сквозь пальцы смотреть на его

личную жизнь. Бальзака, например, никто не попрекал ни излишним сладострастием (хотя число его любовниц было поистине астрономическим), ни гомосексуализмом (хотя в его доме подолгу жили молодые писатели, которым он покровительствовал), ни какими-либо другими извращениями. Женщину, Аврору Дюдеван, обвиняли во всех смертных грехах, и даже сейчас, спустя сто двадцать лет после смерти, личность Жорж Санд продолжает будоражить воображение не меньше, чем ее романы. Возможно, это и есть бессмертие.

Она родилась 1 июля 1804 года, спустя месяц после свадьбы своих родителей. К сожалению, когда Авроре исполнилось четыре года, ее отец, к тому времени уже полковник, погиб, упав с необъезженной лошади. А его вдова, оставив маленькую дочь на попечение бабушки, уехала в Париж, заявив при этом с откровенностью простолюдинки: "Ноги моей не будет в семейном поместье Ноане, пока свекровь жива". Аврора одинаково любила и мать, и бабушку, мечтала о трогательной семейной идиллии, и разрыв между ними причинил ей первую серьезную боль. Хуже всего было то, что ей предстояло выбирать одну из привязанностей в ущерб другой — ситуация непереносимая для женщины ее зная.

Но всему прочему, обе женщины совершенно по-разному представляли себе, как нужно воспитывать девочку. "По понятиям бабушки, — писала в своих мемуарах Аврора, — ребенку нужно было прививать с самого

раннего возраста изящество во всем. Моя мать находила все это очень смешным, и мне кажется, что она была права..." В конце концов, победила бабушка: гувернером для внучки она выбрала воспитателя своего сына — несостоявшегося аббата Дешартра, человека в высшей степени образованного, но невыносимого педанта. Он обучал девочку естественным наукам и латыни, то есть тому, что светской девице было совершенно не нужно. Бабушка же сделала из нее превосходную музыкантшу и привила любовь к литературе. Всего этого, однако, оказалось недостаточно, и в 14-летнем возрасте Аврору отдали в женский монастырь английского религиозного братства. Разумеется, не как монахиню: при монастыре был пансион, где воспитывались девицы из самых знатных семей Франции. Все монахини, а значит, и воспитательницы были англичанками. На всю оставшуюся жизнь Аврора сохранила привычку пить чай, говорить и даже иногда думать по-английски. Из монастыря же она вынесла и мистицизм — непосредственную связь с божественной волей. (Помните о влиянии Луны на Рана?)

Из монастыря в Ноан вернулась прекрасно образованной, умной, глубоко верующей и красивой девушкой. К тому же богатой наследницей. К сожалению (для ее бабушки), простолюдинка-мать не давала Авроре шансов сделать блестящую партию. Но самой девушке мысль о браке была, мягко говоря, неприятна. Сердце в ней еще не проснулось. К тому же в отличие от большинства своих сверстниц Аврора

пользовалась почти неограниченной свободой. Она ходила на охоту и ездила верхом в мужском костюме, училась у своего воспитателя тайнам управления поместьем, свободно встречалась с молодыми людьми.

Удивительная по тем временам свобода Авроры стала одной из причин ее громадной уверенности в себе впоследствии. Старая госпожа Дюпен скончалась, когда ее внучке было всего 17 лет. Последние слова старой аристократки были обращены к Авроре: "Ты теряешь своего лучшего друга". Бабушка заблуждалась: Аврора, богатая невеста, сирота, теряла еще и единственную защиту от корыстных и алчных людей.

Через год после смерти бабушки, гостя у своих друзей в Париже, юная наследница Ноана познакомилась с бароном Дюдеваном. Назимир был старше Авроры на десять лет, не отличался особой красотой, но был, что называется, "добрым малым" и, главное, не докучал девушке своими ухаживаниями, а старался развлечь ее. Аврора влюбилась в него как в воплощение мужественности. К тому же он был немало богаче своей невесты и, следовательно, не имел особой корысти в этом браке. В сентябре 1822 года мадемуазель Дюпен де Франкеней стала баронессой Дюдеван. А через месяц после свадьбы ощутила признаки беременности.

Свое первое впечатление от супружеской жизни Аврора выразила гораздо позднее, когда звалась уже Жорж Санд: "Мы воспитываем своих дочерей как святых, а затем случаем их как мо-

лодых кобылок". Сравнение циничное, зато точное. Добрый малый Назимир к женщинам относился очень просто, тем более что привык иметь дело с горничными и модистками. Удовольствие партнерши его мало занимало. А для молодой баронессы уже через полгода после свадьбы перестало иметь значение что бы то ни было, кроме будущего ребенка.

В девятнадцать лет Аврора родила сына Мориса. А оправившись после родов, с изумлением поняла, что в замужестве вряд ли найдет то спокойствие и душевный мир, на которые рассчитывала. О "духовной любви", ради которой, собственно, она и составляла себя терпеть физическую близость с мужем, не могло быть и речи: барон Дюдеван просто не мог понять, чего от него хочет молодая супруга. Он пытался в угоду ей читать книги, восхищавшие Аврору. Но на второй странице обычно засыпал или отправлялся на охоту. В каной-то момент терпение Назимира лопнуло, и он дал супруге пощечину. В результате барон уехал в Ноан, а баронесса осталась в Париже.

Когда же и она приехала в родовое поместье, стало ясно, что счастливая жизнь, продлившись всего четыре года, кончилась. Аврора жаловалась окружающим на сердцебиение, головные боли, кашель, уверяла, что у нее чахотка. Назимир вел себя как всякий нормальный муж, то есть был свято убежден в том, что все недомогания жены — только предлог уклониться от выполнения супружеского долга. Не будучи семи пядей во лбу, барон попал, что называется, "в десятку".

Его умозаключения подтвердил бы любой современный сексопатолог. Но не следует забывать и о том, что люди, родившиеся под знаком Рака, склонны маниакально прислушиваться ко всему, что происходит в их организмах, и обычно болеют теми болезнями, которыми "модно" болеть в данное время.

Тем не менее девять женщин из десяти в таком случае либо поставили бы на себе крест, как на полноценной любовнице, либо... нашли бы себе любовника из соседей. Если бы Аврора пошла по одному из этих путей, не было бы во всемирной литературе имени Жорж Санд, а рога на голове барона Дюдевана не интересовали бы решительно никого. Но Аврора все еще лелеяла мечту об идеальной, гармоничной любви, не омраченной никакими физическими последствиями. Когда молодая женщина с прекрасными глазами ищет родственную душу, она ее находит...

У двадцатилетнего Орельена де Сеза была привлекательная внешность, благородная душа и... красавица-невеста, с семьей которой он приехал в Пиренеи. Тогда же отправился поохотиться Казимир Дюдеван в сопровождении своей жены. Аврора одержала победу с первого взгляда, но не пожелала воспользоваться ее плодами. Она предложила Орельену нежную дружбу:

"Боже! Какое это было счастье! Какое понимание друг друга! Какое очарование было для меня в самом общем разговоре на совершенно посторонние темы! С каким величайшим наслаждением я слушала, когда вы рассказывали о самых ничтож-

ных вещах! Никто не говорит так, как вы, ни у кого нет вашего произношения, вашего голоса, вашего смеха, вашего склада ума, вашей способности видеть вещи со своей точки зрения..."

Это — из письма Авроры к Орельену. Боже, сколько восклицательных знаков! Сколько восторгов! И лишь потому, что поступата: "Женщина любит ушами" на самом деле никто не отменял. И еще потому, что наш Рак пытается создать вторую, "духовную" семью, причем на этом не остановится. Но все по порядку.

К тому времени за баронессой Дюдеван в Ноане прочно закрепилась слава необычайно умной женщины, и она могла позволить себе любое маленькое развлечение. Совесть ее была чиста: физически она супругу не изменяла. Развязка наступила со второй беременностью. Отцовство приписывали некоему Стефану де Грансань: человеку наполовину чахоточному, наполовину безумному. Супруг Авроры предпочел признать родившуюся дочь своей. Обиднее же всего было Орельену де Сезу: ведь он лишь регулярно получал от Авроры письма о красоте лунного света и прелестях философии Монтескье. И не более того.

"Нежная дружба" мгновенно рухнула. Мужья иногда предпочитают ничего не знать, отвергнутые же любовники не прощают ничего и никогда. Именно Орельен де Сез первым заговорил о безумном распутстве баронессы, поскольку был лишен возможности похвастать своим блаженством.

Тем не менее все это лишь гипотезы. Факты появились позже, когда на одном из пикников Аврора встретила очаровательного, хрупкого девятнадцатилетнего блондина Жюля Сандо, до безумия влюбившегося в прекрасную владелицу Ноана. Понорила его, правда, не столько женская красота, сколько мощный интеллект и сильный характер Авроры. А сама она была захвачена скорее материнским, нежели иным чувством: "малыш Сандо" полностью олицетворял собой ее мечты о Прекрасном Принце — ребенке и возлюбленном одновременно.

Провинция сквозь пальцы посмотрела на связь своей "тигрицы" с юным парижанином. Но то, что осенью владелица Ноана бросилась вслед за своим любовником в Париж, было неслыханно! Но будущая Жорж Санд плевать хотела на провинциальных кумушек: в ней проснулась кровь прадеда — неукротимого маршала Мориса Саксонского. Она оставила мужа, детей, доброе имя и отправилась в Париж. Как она думала, к Жюлю Сандо. Как она залось, к бессмертию.

В своем багаже Аврора привезла роман "Эме", написанный еще в Ноане. Любовники нуждались в деньгах. Но роман был отвергнут. Тем не менее Авроре удалось проникнуть в журналистский мир Парижа и начать зарабатывать какие-то гроши. Чуть позже она протащила за собой Жюля — и ее, и его статьи подписывались любовниками: Ж. Сандо. Так был подписан и первый роман "Роз и Бланш", который удалось "пристроить". Затем Аврора уехала в Ноан, к детям,

без которых просто не мыслила себе жизни, пусть и с возлюбленным. В Париж она вернулась с дочерью Соланж и очередным романом под названием "Индиана".

Жюль был потрясен: любовница явно превосходила его в том, что касалось литературного дара. Как честный человек, он отказался подписывать произведение, к созданию которого не имел никакого отношения. Аврора упорно отказывалась подписываться женским именем, будучи маниакально уверенной в том, что это обречет роман на провал. Наконец нашелся компромисс: Жорж Санд. С этого дня она ставила в мужской род все прилагательные, которые относились к ней.

Роман имел головокружительный успех. А у Жорж Санд был уже готов еще один — "Валентина" — и несколько прелестных повестей. "Малыш Сандо" почувствовал себя униженным как писатель:

"Ты хочешь, чтобы я работал, мне тоже хотелось бы, но я не могу! У меня нет, как у тебя, стальной пружины в голове! Ведь тебе стоит только нажать кнопку, как сейчас же действует воля..."

Запомните эти пророческие слова. Именно в этом будут упрекать Жорж Санд все ее мужчины без исключения. Не в неверности, не в холодности — в чрезмерной работоспособности! Не ищите логику, это бесполезно. Но факт остается фактом: мужчины появлялись в ее жизни и исчезали, а неизменными оставались двадцать страниц "ежедневного урока". И так — до пос-

ледних дней жизни, что бы в ней ни происходило. Какой мужчина способен простить такое? Или хотя бы понять?

Связь с Сандо продолжалась, хотя явно тяготила уже обоих. Прежде всего Санд, которую начал раздражать постоянно утомленный, хнычущий, болезненный Жюль. И тут вмешалось Провидение, которым критики вечно попрекали Жорж Санд: на одном из званных вечеров она познакомилась со знаменитой актрисой того времени Мари Дорваль и ее другом Альфредом де Виньи, открывшими для вчерашней провинциалки новый мир богемных кругов Парижа. И Жюль оказался лишним. Аврора, апатичная в повседневной жизни, могла быть по-мужски беспощадной, принимая окончательное решение.

Сама же она нашла утешение... нет, не в объятиях очередного мужчины: написала роман "Лелия", практически автопортрет. О женщине, пытавшейся найти счастье в физической любви и потерпевшей полное фиаско. В романе содержится поразительное наблюдение: Дон Жуан шел от женщины к женщине, потому что ни одна из тысячи и трех не дала ему счастья. Лелия шла от мужчины к мужчине, потому что ни один из них не доставил ей даже удовольствия.

Книга вызвала бурю негодования. Столько шума было из-за того, что героиня романа не способна испытывать блаженство в мужских объятиях! А все дело в том, что Жорж нарушила правила игры: женщина обязана его испытывать, по крайней мере, с любимым мужчиной. А тут — полное безразличие.

В жизни Жорж Санд все было непросто. За нею около двух лет ухаживал Проспер Мериме — писатель большого таланта и не меньшего цинизма. Однако все его маневры были безуспешны, пока он не догадался сделать очень смелый шаг: показался всему светскому Парижу на лестнице Оперы с маленькой Соланж, дочерью Жорж, на руках. Девочка уснула на последнем акте. Для такого поступка в то время требовалось немало мужества. И Санд оценила этот жест — писатель как бы подчеркивал значение для него семьи Авроры. А кроме того, Мериме удалось пробудить в душе Жорж Санд надежду на то, что для нее еще может существовать чувственная любовь, удовлетворяющая тело и опьяняющая душу. Аврора колебалась. Лелия — уступила.

Провал был абсолютным с обеих сторон. Впоследствии Проспер утверждал, что отсутствие стыдливости у Жорж убило в нем всякое желание. Она же после его ухода плакала — от горя, отвращения, безнадежности. Она могла писать в любых условиях, но стать чувственной женщиной при помощи одного лишь волевого усилия никому не дано. К тому же Мериме — первый и последний такой мужчина в жизни Авроры — не нуждался в материнской опеке, а она могла любить только опекая...

Жорж работала, как всегда, но сердце ее молчало. И тут в ее жизнь вошел человек, равный ей по одаренности — юный, стройный, красивый поэт Альфред де Мюссе. Ребенок, избалованный женщинами и славой, мужчиной, пресытившийся шампанским,

опием и проститутками. Ребенок?

Вначале он просто развлекал остроумными разговорами и блестящими эпиграммами женщину, в жизни которой не было ничего, кроме работы. К тому же она мечтала о верной и вечной любви, а слухи о распутстве "мальчугана Альфреда" ее пугали. Тогда де Мюссе написал ей письмо, гениальное в своей простоте:

"Любите тех, кто умеет любить: я умею только страдать... Прощайте, Жорж, я люблю вас, как ребенок..."

Вернее пути к ее сердцу просто не было. Перед ребенком она была беззащитна. Материнский инстинкт в Авроре всегда доминировал над женскими рефлексами. Она ведь Ран! Она сдалась.

Увы, первые восторги быстро улеглись. Жорж, по-немецки обязательная, считала делом чести сдать работу в установленный (ею же!) срок. Никакие ласки, никакие соблазны не могли ее изменить. Она способна была, освободившись от объятий любовника, направиться к письменному столу и провести за ним остаток ночи.

Сперва все выглядело милой шуткой: "Я работал целый день: выпил бутылку водки и написал стихотворение. Она выпила литр молочка и написала половину тома". Но потом де Мюссе уже было не до смеха. Любовники отравились в романтическое путешествие по Италии, но...режим работы Санд оставался прежним: восемь часов в день. Если дневное задание бывало невыполненным, вечером ее дверь оказывалась запертой. Ее измученный и униженный любовник

становился грубым. "Мечтательница, дура, монахиня" — это самые невинные его выпады в адрес подруги. Санд переносила уколы с ангельским терпением, полагая, что ее "мальчуган" просто напризничает. "Мальчуган" же нашел более уязвимую точку и обвинил Санд в том, что она не способна доставлять любовное наслаждение. Это было началом конца.

Существует легенда о венецианском любовнике Санд, враче Паджелло, лечившем ее сначала от лихорадки, потом от дизентерии. Желание и болезнь плохо уживаются вместе, и в один прекрасный день Жорж услышала от своего "мальчугана": "Я ошибался, я прошу у тебя прощения, но я не люблю тебя". Она бы уехала в ту же секунду, но болезнь не позволила. К тому же Паджелло пришлось одновременно лечить де Мюссе от чего-то вроде воспаления головного мозга: припадков, сопровождавшихся галлюцинациями и бредом. В больном мозгу возникала картина: его любовница (замечу, уже отвергнутая им) отдается его врачу прямо у изголовья кровати больного. И эта сказочка пошла гулять по всей Европе, приобретя, наконец, статус непреложного факта.

Самое интересное, что злополучный припадок начался у де Мюссе в венецианском доме терпимости, откуда его, избитого и окровавленного, принесли в гостиницу к Жорж. Даже если в легенде о Паджелло есть хоть толика правды, можно сказать одно: квиты. История, однако, благосклоннее оказалась к поэту, нежели к писательнице.

Как бы то ни было, де Мюссе уехал в Париж, а Санд осталась в Венеции с Паджелло. Достоверно известно, что из Италии Жорж привезла с собой роман "Жак", прекрасные впечатления от Венеции и... влюбленного в нее доктора. Без хотя бы видимости семьи она, по-видимому, просто не могла жить. Но доктор был ей нужен еще и для осуществления другого замысла.

Какого? Вернуть де Мюссе! Хотя бы на время: бросить самой, а не быть брошенной. Очень похоже на типичное мужское желание. Ловушка "сработала" безупречно — "мальчуган" вернулся. И три месяца спустя Санд сбежала от него в Ноан, обставив это с такой ловкостью, что Альфред все понял слишком поздно. Но в любом случае именно Жорж Санд он обязан тем, что написал блистательную пьесу "С любовью не шутят", по сей день не сходящую с французской сцены. Гениальный плод любви гениев!

Что же касается Санд, то она днем или ночью непременно исписывала своим крупным, спокойным почерком двадцать положенных листов, вне зависимости от хода своих романов в жизни. О примирении с мужем и речи быть не могло. "Даже сама мысль о сближении без любви гнусна! Женщина не может отдаваться, как вещь!"

Значит, нужно было развестись. Друзья познакомили ее с адвокатом Луи Мишелем, уже тогда известным под именем "Мишеля из Буржа". Впервые в жизни Жорж Санд имела дело с человеком более волевым, чем она. Это были новые для нее ощущения, и они вызвали сначала

любопытство, переродившееся впоследствии в страсть. Однако до решения суда следовало вести себя благоразумно, и Аврора больше месяца вела уединенную жизнь в Ноане: плодом этого стал великолепный роман плаща и шпаги "Мопра".

Жорж Санд оставалась верна себе. Она писала сыну в пансион нежные письма, воспевая в них добродетель, и... тайком встречалась с Мишелем под самым носом у мужа. И по-прежнему неустанно работала. Однако после четырнадцати часов, проведенных за письменным столом, у нее хватало сил отправиться верхом на любовное свидание. Но когда Мишель добился благоприятного для Авроры исхода бракоразводного процесса, отношения между любовниками стали стремительно охладевать. Жорж Санд восхищалась Мишелем-оратором. Мишель-человек ее подавлял и унижал. К тому же, существовала еще и законная супруга — особа ревнивая, подозрительная и деспотичная, которой великий трибун боялся, как огня. О каждом свидании Жорж должна была умолять. Наконец ее терпение кончилось.

"Я больна. Я не смогу завтра ехать по этой жаре. Я приехала бы разбитая, и ты вряд ли получишь бы удовольствие, обнимая меня... Я буду спать до тех пор, пока у тебя не найдется время приехать ко мне. Прощай!"

Это — последнее письмо Жорж Санд к Мишелю. Обида и гордость смели страсть. И теперь Аврора могла снова спокойно спать в своей постели после того, как выполняла ежедневный "урок" — двадцать страниц оче-

редного романа. Работа всегда была для нее на первом месте...

Спустя полгода Жорж Санд впервые встретилась с Оноре де Бальзаком. Великий романист совершил, по его словам, "паломничество в Ноан", испросив предварительно разрешения у хозяйки и музы поместья. Она приняла его самым дружеским образом.

Наконец-то исполнилась мечта Санд: она нашла собеседника — именно собеседника, а не возлюбленного и даже не друга! — под стать себе. Самое интересное заключалось в том, что их убеждения были диаметрально противоположны. Она была республиканкой, он — монархистом. Она проповедовала эмансипацию женщин и брак по любви, он — ограничение свободы замужней женщины и брак по расчету... Тем не менее они прекрасно проводили время в беседах и, не разделяя убеждений друг друга, уважали их. Какой праздник души для Авроры! Любопытно, что после личного знакомства с Жорж Санд и Бальзак написал один из своих лучших романов "Беатриса, или Вынужденная любовь".

О последней большой любви Жорж Санд написаны, наверное, сотни томов. И не потому, что она совершала какие-то необыкновенные безумства. Предметом ее страсти, обожания и заботы (обязательные для нее компоненты) стал молодой польский пианист, гениальный композитор Фредерик Шопен. Он был моложе ее на семь лет, но прекрасно мог бы стать ее сыном: столько в нем было слабости, наивности и... болезненности. Хрупкость в

мужчине всегда привлекала Жорж Санд. Шопен был не слишком искушен в любовных делах, но "ребенку" было уже двадцать семь лет. А "стареющей" обольстительнице — страшно сказать! — тридцать четыре года!

В дневнике Шопена в октябре 1837 года написано: "Три раза я снова встречался с нею. Она проникновенно смотрела мне в глаза, пока я играл... Кругом цветы. Я был побежден! Аврора — какое очаровательное имя!"

Жорж Санд всегда жандала супружеской жизни с новым любовником и вместе с тем непреклонно соблюдала свой рабочий распорядок. То же самое произошло и на Майорке, куда она осенью 1838 года привезла "двух своих больных детей": сына Мориса и... Шопена. Шопен сочинял музыку, Санд — романы. Одновременно она ухаживала за вечно больным Фредерином. Теплый климат и заботы возлюбленной несколько восстановили его здоровье. Полгода спустя любовники вернулись в Ноан, полные стремления начать там новую семейную жизнь. И сын, и дочь Жорж Санд поселились вместе с ними. Бесстыдство? Скорее, та самая, типично "рачья" черта: стремление иметь "под боком" всех близких и любимых людей, нуждавшихся к тому же в опеке Жорж.

Эта пастораль продолжалась семь лет. Хотя многие биографы Санд упрямо называют срок в два года. В этой цифре справедливо только одно: именно два года она пыталась добиться окончательного выздоровления Шо-

пена. А потом смирилась с тем, что ее "третьему ребенку" полезна не только умеренность, но и полное воздержание. И сама поступила так же.

"Семь лет я живу, как девственница, рядом с ним... Знаю, что многие люди обвиняют меня, что я его измотала необузданностью своих чувств. А он, он жалуется мне, что я его убиваю своими отказами..."

И все-таки, если Жорж Санд и не вылечила Шопена, то, по крайней мере, укрепила его здоровье своей заботой. А главное: всегда поощряла его творчество. Если бы не ее ласковая рука на его плече, был бы он тем Шопеном, которого признает весь мир? Да и прожил ли бы он столько?

В "шопеновский" период она написала один из лучших своих романов — "Консуэлло", пропитанный огромной, высокой страстью к музыке и искусству. Это произведение бессмертно, как и музыка композитора, чей образ вдохновлял романистку. Воистину, неисповедимы пути... вдохновения!

Банально, но верно: любовь начинается с больших чувств, а кончается маленькими ссорами. Шопен был не самым легким в общении человеком. Жорж Санд приходилось лавировать между его мнительностью, ревностью сына Мориса и злыми напризами дочери Соланж. Последняя доходила до того, что открыто конетничала с Шопеном, к великому соблазну провинциальных соседей и досужих сплетников, и ловко стравливала целомудренного Шопена с легкомысленным своим братом. В Ноане прочно

воцарилась удушливая атмосфера ссор.

В результате Шопен уехал из Ноана в Париж. Но и там Соланж, уже вышедшая замуж по страстной любви за известного скульптора, упорно настраивала Шопена против своей матери, приписывая ей бесчисленных (и, замечу, вымышленных) любовников. Композитор поверил и резко прекратил все отношения с Жорж Санд, в том числе и переписку. Та не стала выяснять отношения. Отныне она хотела знать о Шопене только одно: как он себя чувствует.

Последняя встреча — совершенно случайная — произошла у Жорж Санд с Шопеном в гостиной у общих знакомых. Оба бывших любовника проявили абсолютное равнодушие друг к другу. Примечательно в этой встрече было только то, что именно от Шопена Жорж Санд узнала: накануне она стала бабушкой. Сама дочь не удосужилась сообщить об этом матери. Шопен умер полтора года спустя после этой встречи.

Достоверно известно: после Шопена Жорж Санд никого не любила. Правда, в ее жизни была еще одна привязанность, но не более того. Даже самые откровенные недоброжелатели госпожи Санд признавали, что пятнадцать лет, с сорока пяти до шестидесяти, она тихо и мирно прожила со своим последним любимцем — Александром Мансо. Он был моложе ее на тринадцать лет, худ, слабогруд и абсолютно ни на что не претендовал. Забота о нем, любовь к сыну, управление домом и... двадцать страниц романа каждую ночь.

Да-да, ошибки нет: каждую ночь. Госпожа Санд превратилась в законченную "сову" и вставала не раньше четырех часов дня. Она также предпочитала спокойный и размеренный образ жизни. Ей не о чем было сожалеть: у нее была любовь (в прошлом) и слава (в настоящем).

К тому же наступило время утрат. Навсегда уходили и близкие подруги, и бывшие возлюбленные, и даже любимый внук. Скончался и Александр Мансо. Пять месяцев Жорж ни на один день не покидала умирающего. Он скончался на ее руках, как когда-то хотелось Шопену.

Дальше? Дальше была нежная, но совершенно невинная дружба с Густавом Флобером. Покровительство без оттенка снисхождения Александру Дюма-сыну. Она еще продолжала писать романы, но, скорее, по привычке, нежели по необходимости.

Парижскую коммуну республиканка Санд восприняла как "недостойную французов безумную выходню". Что ж! Теперь она была прежде всего бабушкой и превыше всего заботилась о том, чтобы три ее внучки не ли-

шились наследственного состояния.

Жорж Санд скончалась 8 июля 1876 года в возрасте 72 лет и 7 дней на руках у своих родных...

Рассказывая одной из молодых писательниц о своей жизни, она попросила в случае, если в ее присутствии будут обвинять Жорж Санд в вероломстве, отвечать так:

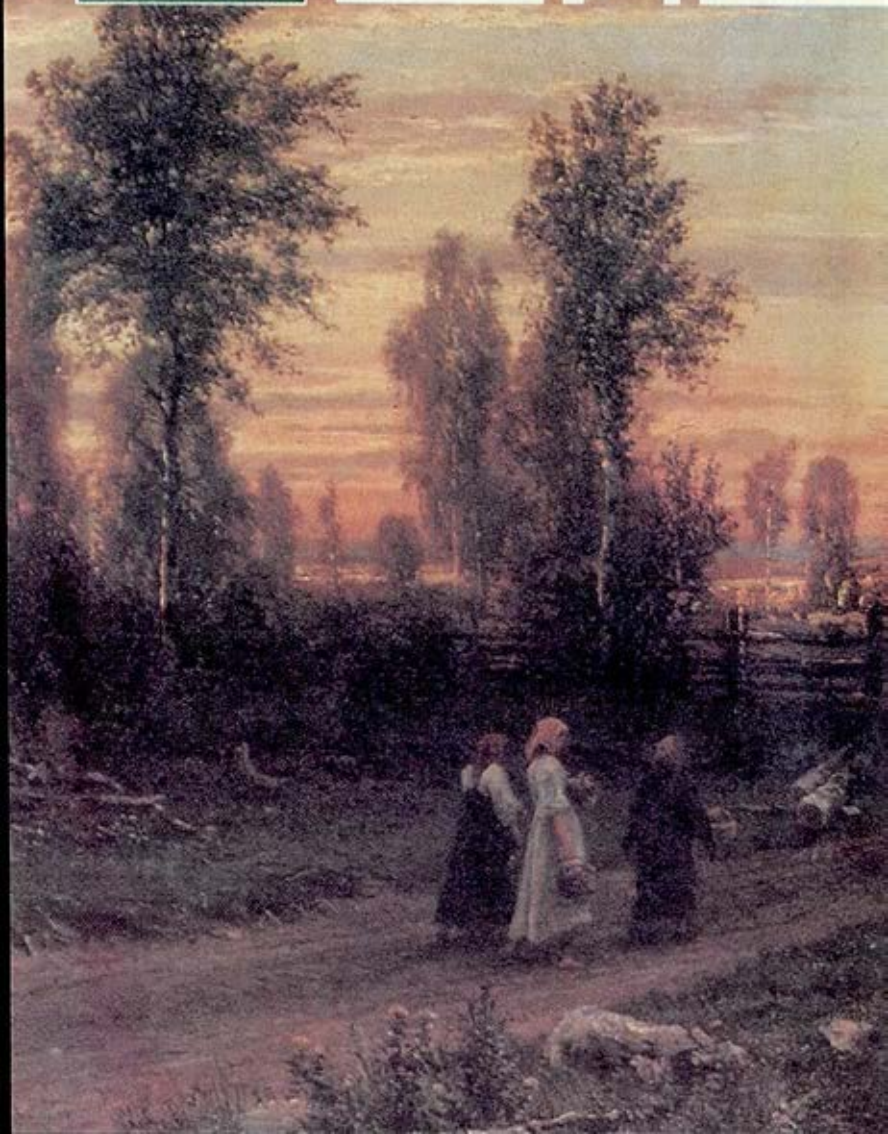
"Если Жорж Санд потеряла право быть судимой как женщина, она сохранила право быть судимой как мужчина, и в любви она была самой честной из вас. Она никогда не обманывала, никогда у нее не было одновременно двух любовников. Ее единственная вина была в том, что в те времена, когда искусство было на первом месте, она всегда предпочитала общество людей искусства и мужскую мораль ставила выше женской. У меня есть опыт в любви, увы, очень полный! Если бы я могла начать жизнь сначала, я была бы целомудренной!"

Что ж, великая Аврора знала себя лучше, чем кто бы то ни было, поэтому добавить к ее монологу нечего. ■

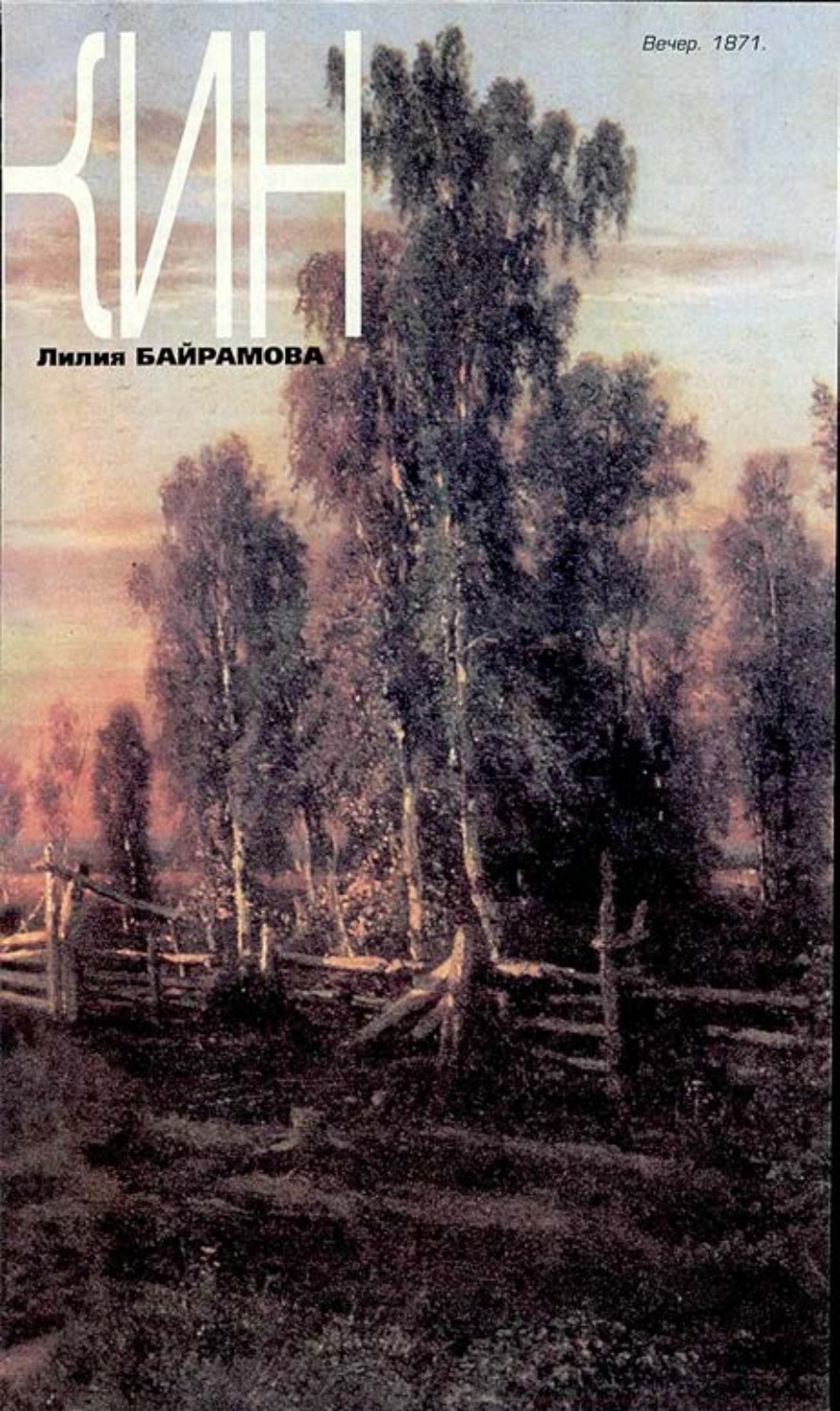
WML

Вечер. 1871.

ДИН

Лиля БИРАМОВА

Иван Иванович Шишкин принадлежит к числу наиболее любимых и популярных художников в России. И в этом нет ничего удивительного: его картины — ясны, просты и объективны, они доступны по содержанию, в них нет ничего личного и “отсебяшного”. Изображенные деревья кажутся именно такими, какими мы их видим в действительности или на больших цветных фотографиях. А если уж говорить точно, то большинство его знаменитых картин и есть большие фотографии с натуры. И все же надо отдать должное Шишкину. Его могучие леса и исполинские сосны, его дубовые рощи и поля навсегда останутся в народном сознании символом мощи и величия России, ее имперской красоты и неисчерпаемой силы...

Родился Иван Шишкин в 1832 году в городе Елабуга, в местах, самой природой предназначенных для рождения великого пейзажиста. Это была девственная и сказочная еще Россия. Из окон дома его отца виднелась река Тойма, чуть подалее впадающая в прихотливо извивающуюся Каму, повсюду простирались дремучие сосновые леса с чудесными лесными озерами.

Отец Шишкина, купец второй гильдии, ничуть не походивший на карикатурных купцов Островского, любил науку и образование. В глухом медвежьем краю он на собственные деньги построил водопровод. Писал историю родного города, собирал книги и разные древности, переписывался с профессорами Московского университета.

В двенадцать лет Ваню отправили в казанскую гимназию, в которой он продержался всего четыре года, больше нервы не выдержали: понял, что ни ученого, ни чиновника из него не выйдет.

Пришлось возвращаться в родные пенаты. Мать была не довольна, и, чтобы ее не сердить, он на целые дни уходил гулять по окрестностям города. Полюбил рисовать, и отец, заметив его неожиданные склонности к художеству, покупал ему серьезные книги по искусству. Попытки приучить сына к купеческому ремеслу оканчивались неудачей: не хватало въедливости и расчета.

Так бродил он по окрестным лесам до двадцати лет, пока случайно не познакомился с одним москвичом, приехавшим в Елабугу расписывать церковь. Иконописец поразил его своими рассказами о Москве, о московских художниках, об Училище живописи и ваяния. И Шишкин отпрашивается у отца и уезжает в Москву.

В 1852 году он поступил в Училище живописи и ваяния и поселился с двумя приятелями в мезонине скромного домика. Нелюдимый и неразговорчивый, “на товарищей он производил впечатление очень скромного малого, — вспоминала его племянница Комарова, — держался в стороне от буйной компании и удивлял всех только своей работой. Его костюм и сильная медведеобразная фигура заставили даже товарищей, привыкших к разным костюмам, прозвать его Семинаристом”.

Этот одинокий мечтатель и созерцатель, отмахавший немало верст по елабужским лесам и полям и вызывавший постоянное

недовольство матери своим бездельем, теперь поражал товарищей необыкновенной работоспособностью. С первых же занятий он делал заметные успехи и быстро проходил один гипсовый класс за другим. В Москве первым из художников стал рисовать пейзажи с натуры, и его первые 10 рисунков, как рассказывал он впоследствии, “заслужили общую похвалу и ходили по рукам разных покровителей и ценителей, а также и преподавателей”. Чуть только позволяла погода, ранней весной, как толь-

ко становилось тепло, “всегда уходили куда-нибудь за город, часто в Сокольники и там писали с натуры. Любили писать ковров”.

Но жил Шишкин, несмотря на купца-отца, чрезвычайно бедно, причем настолько бедно, что “у него часто не бывало своих сапог”. Чтобы выйти куда-нибудь из дома, он надевал сапоги товарища, а по воскресеньям вместе с ним ходил обедать к его сестре.

Четыре года прожил Шишкин в Москве, и к концу четвертого его успехи в живописи стали так неоспоримы, что “все товарищи, — вспоминала Комарова, — уже подумывали об Академии, к которой они относились тогда с благоговением. В 1855 году между товарищами было решено, что Иван Иванович и еще два ученика съездят в Петербург, чтобы все там разузнать и осмотреть.

Путешественники отправились туда зимой, в товарном вагоне, за три рубля, в Петербурге пробыли недолго, но побывали в Академии, на выставке и в музее, и Иван Иванович совсем растаял от виденных им пейзажей. Они разузнали условия петербургской жизни и, вернувшись, сообщили всем товарищам, из которых Иван Иванович первым перебрался совсем в Петербург”.

Поначалу в Академии Шишкина определили в класс профессора А.Т.Маркова — известного тогда исторического живописца. Но ни история, ни тем более исторические персонажи Шишкина не интересовали, ему требовалось что-то другое — родное, близкое и понятное, с чем уже сроднилась его душа во время долгих и одиноких прогулок по подмосковным и елабужским лесам. Он ощущал себя пейзажистом, и никем иным, несмотря на то, что пейзажная живопись была тогда не в почете.

Через год его работы удостоились первой академической награды — малой серебряной медали. Как обычно скромничая, он пишет родителям, что это лишь только “первый шаг к че-

му-то”. Тот год вообще оказался для него удачным: ему дали еще одну медаль, но уже за рисунки.

Летом 1858 года состоялась знаменитая поездка на Валаам, открывшая Шишкину величавые и неприступные красоты северной природы. Добираться до Валаама пришлось на пароходе, отправлявшемся раз в неделю, в субботу. Плыли долго, останавливаясь ночевать на Коневце, одном из островов по пути к Валааму. На острове Шишкина вместе с товарищами поселили в уютной мансарде переполненной гостиницы. Жизнь здесь царил особенная: во дворе сновали монахи, на катерах возили паломников по отдаленным скитам, кормили вкусно и сытно. Да и природа здесь совсем не походила на мягкие и милые рощицы Подмосковья — дикие угрюмые скалы, исполинские деревья, суровое и беспокой-

ное озеро. Мольберты мастерили сами, из цельных деревьев, рубили их и заготовки связывали затем веревкой. За всем присматривал умный и опытный игумен Дамаскин.

Из Валаама Шишкин привез великое множество отличных, подробнейших рисунков и массу этюдов. За небольшую картину "Вид на острове Валаааме" Совет Академии удостоил его серебряной медали первого достоинства, а 18 апреля 1859 года он получил и золотую медаль второго достоинства. За одну из больших валаамских картин под финским названием "Кукко" (одно из урочищ на острове) Шишкин получил уже большую золотую медаль.

Как медалисту ему полагалась поездка за границу, но скромный Шишкин страшился: считал, что не достоин. После окончания Академии решил сначала навестить родителей в Елабуге, где не был целых шесть лет. После благодушного и опять-таки полного трудов лета в Елабуге, окрепнув и набравшись сил, Шишкин вместе с художником Валерием Якоби, автором известного "Привала арестантов", не спеша, на поезде, отъезжает в Берлин. Оба не знают немецкого языка, и с ними приключаются смешные истории. В первый же день, в отеле, Шишкина принимают за какого-то англичанина, которому нужно рано вставать, будят его в шесть утра и заставляют съесть ненавистный ему ростибиф. Потом, поняв ошибку, снова укладывают спать. Ничего не понимающий Шишкин безмерно удивляется странным местным обычаям.

В Берлине они посещают берлинскую Академию, местный музей и мастерскую европейски знаменитого тогда Калама. Музей нашли отвратительным, а высокомерного Калама слишком "сухим". Из Берлина переехали в Дрезден, но с тем же ощущением: здесь тоже мало что нравилось. Вообще за граница разочаровывала и раздражала. Пытались ходить писать, но безуспешно: "Немецкий пейзаж, — как отзывался Шишкин в своем дневнике, — слишком непривлекателен и до омерзения расчищен".

Год работы в Мюнхене радости не прибавил: все было тошно и руки не подымались работать. Прежде всегда трудолюбивый и жизнерадостный, он теперь невольно изнывал от безделья. Хотелось немедленно бежать в Россию, но возвращаться с пустыми руками казалось стыдно и неприлично. Пришлось томиться еще несколько лет.

Наконец, когда дальше терпеть стало невозможно, Шишкин шлет прошение в Академию с просьбой сократить срок пребывания за границей и выволить из надоевшей неметчины. Разрешение пришло. Жарким летом 1865 года Шишкин вернулся в Россию и сразу же бросился в родную Елабугу — посмотреть родные места, напитаться свежими долгожданными впечатлениями. С какой жадностью и страстью он набросился на работу! Снял угол в глухой деревне у землемера и бродил с этюдником по лесам. Местные крестьяне принимали его то за бежавшего разбойника, прятавшегося в глухих местах, то за опасного поджигателя.

А из Петербурга тем временем приходили одни хорошие новости. Коллекционер Н.Быков, заказавший Шишкину еще в Германии большую картину под названием: "Вид в окрестностях Дюссельдорфа", остался так ею доволен, что на радостях отправил полотно в Совет Академии художеств, сопроводив весьма лестным для Шишкина отзывом. 12 сентября 1865 года Совет Академии, рассмотрев и эту картину и все творчество Шишкина в совокупности, присвоил ему звание академика. Так что в Петербург Шишкин возвращался молодым (ему было всего тридцать три года), но уже солидным мэтром.

В столице Шишкин сразу же активно включился в общественную жизнь и подружился с компанией молодых художников, недавно вышедших из Академии и организовавших свое, самостоятельное объединение под названием Артель художников. Возглавлял Артель умный, честолюбивый и серьезный Иван Крамской, который произвел на Шишкина сильное впечатление. "Шишкин сразу подчинился его обаянию, и, кажется, ни один человек не имел на Ивана Ивановича такого сильного, долгого и благотворного влияния, как Крамской. Ни одному из художников в вопросах искусства он не доверял так, как доверял Крамскому, и всегда вспоминал о нем, когда затруднялся чем-нибудь в картинах или хотел знать беспристрастную оценку своих вещей. Он шел за Крамским с закрытыми глазами, и почти до конца все взгляды Крамского оставались его взглядами", — вспоминала Комарова.

Иван Иванович с удовольствием посещал все четверговые собрания артельщиков, на которых выделялся своей красивой, самобытной и колоритной фигурой. "Громче всех, — пишет его современник, — раздавался голос богатыря И.И.Шишкина; зеленый, как могучий лес, он заражал всех своим здоровым весельем, хорошим аппетитом и правдивой русской речью. Немало рисовал он пером на этих вечерах своих превосходных рисунков. Публика, бывало, ахала за его спиной, когда он своими могучими лапами ломового и корявыми от работы пальцами начнет корезить и затирать свой блестящий рисунок, а рисунок точно чудом или волшебством каким от такого грубого обращения автора выходит все изящней да блестящей".

Вообще работал Шишкин всегда споро и много. Крамской поражался количеству привозимых им после лета работ: ни один работага-художник не мог угнаться за этим лесным дикарем! Он уходил писать в лес ранним утром с топором в руках, рубил еловые ветки и садился на них писать. В день умудрялся делать два, а то и три абсолютно законченных и великолепных этюда.

Да и физическая сила у него была просто чудовищная! О нем рассказывали невероятные вещи. Например, еще в бытность в Германии, в Тевтобургском лесу, где они жили с Дюккером и Камневым, он всех изумлял силой, беря на этюды тяжелый железный мольберт, который едва могли поднять другие. Однажды они

с Дюккером выбрали красивую группу дубов; росший перед нею бук заслонял ее, лесничий же позволил ломать только те ветки, которые могут достать руками. Иван Иванович взял одной рукой мольберт и, размахивая им, оставил несчастному буку одну вер-хушку в виде букета.

Летом 1866 года он легко сделал один этюд, с которого спустя три года написал свою первую хрестоматийную картину “Полдень в окрестностях Москвы”. Влажная дорога, размытая сильным дождем, побитая рожь, высокие грозовые тучи, уходящие за горизонт, в воздухе легко и приятно. Третьякову эта работа понравилась.

“Покорнейше Вас прошу сообщить мне, — писал он Шишкину, — продана Ваша картина “Полдень” или еще нет? И в таком случае, не угодно ли Вам будет уступить мне ее за 300 рублей?” Это — первая картина художника, купленная Третьяковым, и Шишкин с благодарностью отвечал ему: “Я очень рад, что моя картина попала к Вам, в такое богатое собрание русских художников”.

В то же самое время Шишкин познакомился с молоденьким, младше его на 14 лет, но чрезвычайно талантливым художником Федором Васильевым. Очень разные и не похожие друг на друга люди, но в короткие сроки они стали близкими друзьями, видимо, каждый из них в чем-то дополнял друг друга.

Васильев был невероятно развязан, “его манеры самоуверенны, бесцеремонны и почти нахальны; в 17 лет он не отличался молчаливостью и скромностью...” Шишкин же совсем другой породы: “С виду суровый, на самом деле добряк, по внешности волостной старшина, на самом деле тончайший художник. Наружность его была типично великорусская, вятская. Высокий, стройный, красивый силач, с зорким взглядом, густою бородой и густыми волосами”.

Тем не менее, оба художника быстро нашли общий язык друг с другом, и Шишкин частенько брал Васильева с собой на летние этюды. Крамской даже считал, что если бы не Шишкин, то еще неизвестно, “в каком бы направлении пошло развитие Васильева”.

Так или иначе, но в семействе Васильевых холостяк Шишкин нашел и свое личное счастье, милую и приветливую сестру Васильева — Женю. Чувства оказались взаимными, так что, уехав летом 1867 года на Валаам, Шишкин получал от Евгении вполне интимные письма:

“Милый и дорогой Ванечка! — нежно и трогательно писала она. — Я так скучаю без тебя, сижу дома и работаю. Здоровье мое стало плохо, я не знаю, скоро ли все кончится со мною, мне так тяжело и скучно...”

И вот еще просьба к тебе: не оставь брата, помоги ему выйти в свет, смотри за ним построже, ведь он молод и неопытен. Я и мамаша сумеем оценить и отблагодарить тебя, моего доброго друга.

Мамаша поручила тебе его, как родному отцу. И я с мамашей будем молить Бога, чтобы он помог вам...

Остаюсь любящая и преданная тебе, твоя Е.В."

Шишкин и Женья давно уже жили по-семейному, когда осенью 1868 года Иван Иванович отправился в далекую Елабугу испрашивать родительского благословения на женитьбу. Старенькие родители обрадовались: наконец-то их младшенький приблизился к крепкому берегу.

28 октября 1868 года Иван Иванович обвенчался со своей ненаглядной, а через четыре месяца у них родилась дочка Лидочка.

Вообще, как вспоминает Комарова, "по своему характеру Иван Иванович был рожден семьянином; вдали от своих он никогда не был спокоен, почти не мог работать, ему постоянно казалось, что дома непременно кто-нибудь болен, что-нибудь случилось. Во внешнем устройстве жизни он не имел соперников, создавая почти из ничего удобную и красивую обстановку; скитание по мебелированным комнатам ему страшно надоело, и он всей душой предался семье и своему хозяйству.

Для своих детей это был самый нежный любящий отец, особенно пока дети были маленькие. Евгения Александровна была простая и хорошая женщина, и годы ее жизни с Иваном Ивановичем прошли в тихой и мирной работе. Средства уже позволяли иметь скромный комфорт, хотя с постоянно увеличивающимся семейством Иван Иванович не мог позволять себе ничего лишнего. Знакомых у него было много, к ним часто собирались товарищи и между делом устраивались игры, и Иван Иванович был самым радушным хозяином и душой общества".

Счастливое супружество не мешало Шишкину по-прежнему много работать и активно участвовать в организации Товарищества передвижных выставок, Устав которого приняли 2 ноября 1870 года. Шишкин сочувствовал идее Товарищества, и с самого основания "был горячим его приверженцем и деятельным членом, хотя никогда не был членом правления Товарищества. Но если нужно было придумать какое-либо улучшение для устройства выставки, для перевозки картин, он с жадностью принимался за работу, делая модели ящиков, мольбертов и пр., и до конца жизни считал интересы Товарищества своими".

На первую выставку Товарищества, торжественно открывшуюся в залах Академии художеств, Шишкин представил свою новую работу "Вечер". Тихие сумерки уходящего летнего дня, погасшее небо, последние лучи заходящего солнца красиво играют на верхушках деревьев. Тихо и благостно на душе, наверное, так же было и на душе художника, писавшего эту картину.

А через год Шишкин получил на конкурсе Общества поощрения художеств первую премию за другую свою известную картину — "Сосновый бор". Сейчас она кажется несколько суховатой, выполненной в однообразной коричнево-сучковатой гамме, но тогда для многих она стала едва ли не откровением. Критики на-

Пруд в старом парке. 1898.

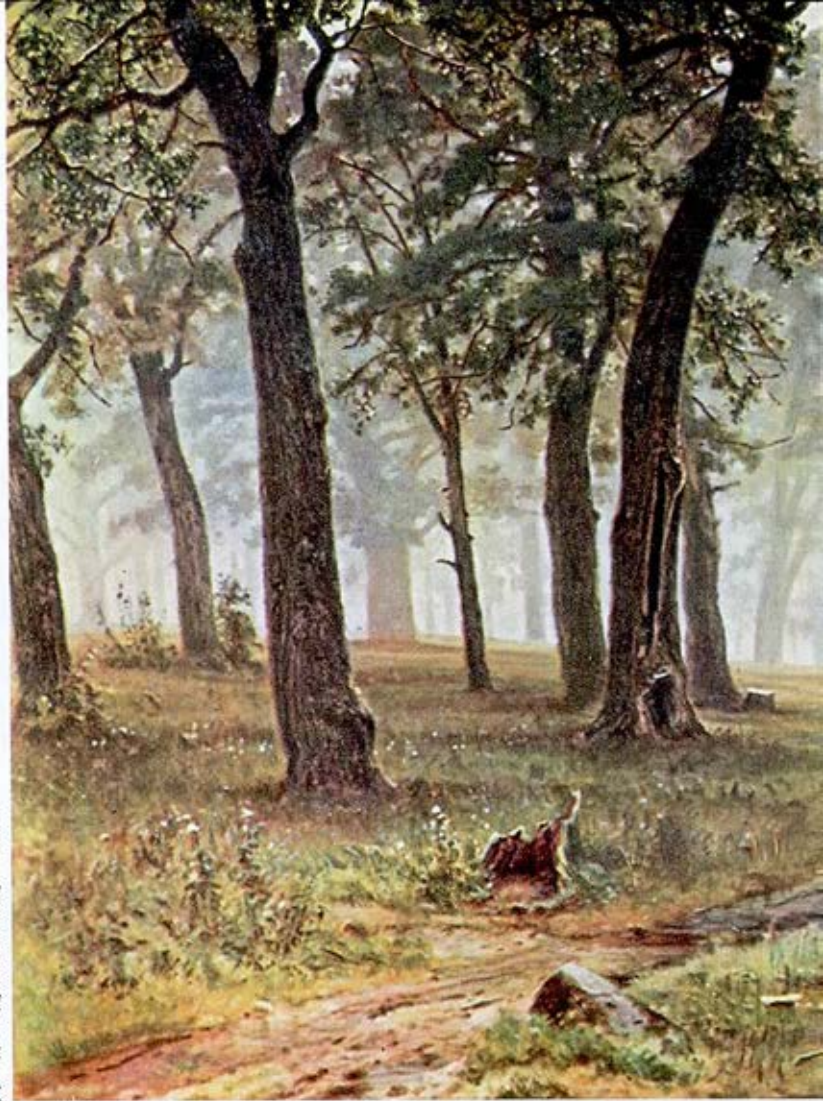
перебой расхваливали ее, как всегда восхищаясь невероятной выделанностью каждого кусочка. “Если говорят про иного мастера своего дела, — писал, захлебываясь, один из них, — что он съел собаку, то про г.Шишкина можно сказать, что он съел медведя, да не одного...”

Даже всегда сдержанный Крамской похвалил эту работу: “Шишкин написал вещь хорошую до такой степени, что, оставаясь все-таки самим собою, до сих пор не сделал ничего равного настоящему...”

Как и предполагалось, картина попала в галерею к Третьякову.

А потом потянулась черная полоса сплошных несчастий: за короткое время умерло сразу несколько самых близких ему людей. Начал страшный список отец, потом ушел из жизни маленький сынишка Володя, Федор Васильев, талантливейший живописец, ставший близким родственником, скоропостижно скончался от чахотки в Ялте. И наконец судьба ударила по самому уязвимому и родному: умерла его любимая и долго болевшая жена Евгения Александровна, “милая Женька”. На руках у него осталось двое малышей: старшая Лида и только что родившийся маленький Костя. Но мальчик тоже вскоре умер.

Чередой страшнейших ударов оказалась не под силу даже такому здоровяку и богатырю, как Шишкин. Он начал заметно сдавать, стал попивать, а выпив, становился мрачным и резким. Часто раздражался и

кричал, а потом сидел и выпивал в компании приятелей-неудачников. За кисти совсем не брался — не было сил, но для чего-то принялся учиться фотографии.

“Иван Иванович живет верстах в трех, — писал своим близким Крамской, — и какой-то стал шероховатый, окружен своей прежней компанией, занят фотографией, снимает, а этюды и картины ни одной. Не знаю, что будет дальше, а теперь пока не особенно весело. Впрочем, это натура крепкая; быть может, ничего”.

Крамской оказался прав: крепкая натура Шишкина выдюжила, и на четвертую выставку передвижников он уже представил

две новые работы: “Родник в сосновом лесу” и “Первый снег”. А потом в его жизни появились чрезвычайно интересные люди: молодой искусствовед Адриан Викторович Прахов, пригласивший Шишкина сотрудничать в журнале “Пчела”, сестра и брат Поленовы и чета Менделеевых. Горе постепенно забывалось в новых хлопотах и заботах. Очередным летом он съездил в родную Елабугу — навестить мать, и начал писать свою самую хрестоматийную работу “Рожь”.

Анна Ивановна Менделеева вспоминала о Шишкине тех времен: “Высокий, плечистый, с широкими скулами, маленькими

глазами и ртом и целым лесом непокорных волос бороды и головы. Надо было написать его в лесу, в "шишкинском" лесу, а не в поле, как написал его Крамской, лесной он человек".

"Лесной" человек очень нравился женщинам, да и сам не оставался равнодушным к женскому полу. Именно в доме Дмитрия Ивановича Менделеева он познакомился с очаровательной брюнеткой, будущей своей женой Ольгой Антоновной Лагодой. Ольга Антоновна была талантливой художницей, посещала Академию художеств, но после знакомства с Шишкиным перешла из Академии к нему в ученицы.

Она поселилась у Ивана Ивановича, а в 1880 году они обвенчались. Все складывалось хорошо: летом 1881 года супруги уехали на дачу, где Ольга Антоновна счастливо разрешилась от бремени — дочкой Ксенией. Но внезапно, спустя несколько дней после родов, молодая женщина скончалась от воспаления брюшины.

"От всей души, — писал потрясенный Шишкин своему другу, — благодарю тебя за сочувствие — ты хоть и далеко, но понял, какую я понес утрату... Боже, если б ты видел все ее альбомы, рисунки и начатые картины, ты бы пришел в неопишуемый восторг — ничего подобного ни мы когда-то, ни теперешний художник не мог мечтать о том, что она сделала! Сердце замирает от боли!"

И снова он остался с маленькими детьми, на этот раз, правда, не один. Ему помогала сестра покойной жены — Виктория Антоновна. Вместе с ней они переехали в ее дом на Старо-Сиверскую — в прежнем житье оказалось просто невозможно, все изнылось от воспоминаний, — и попытались вместе строить семью и растить детей. Кажется, это им неплохо удавалось.

"Шишкин не унывает, — писал один его знакомый в письме. — Виктория ввела его в лучшее общество, у него, видно, бывают генералы, он переменял квартиру". Комарова к этому добавляет следующее: "Шишкину было всегда тяжело заботиться о разных домашних нуждах, а под старость он просто не мог принимать участие в разных материальных заботах. В начале 1880-х годов Иван Иванович был еще очень силен и душевно, и физически и еще любил повеселиться и посмеяться; он обладал удивительным вкусом и умением убирать комнаты, и они с Викторией Антоновной иногда перед балом чуть ли не всю ночь сами вешали портьеры, приготовляли какое-нибудь убранство залы, которая служила Ив. Ив. и мастерской".

И как прежде, Шишкин много и продуктивно работал. Именно в эти годы им написан один из самых живописных этюдов: "Сосны, освещенные солнцем. Сестрорецк". Известный художник В.Н. Бакшеев вспоминал, как однажды, когда он работал в залах третьяковской галереи, туда вошли сам П.М. Третьяков и В.В. Верещагин. "Посмотрев этюд "Сосны", Верещагин с каким-то восторгом воскликнул: "Да, вот это живопись! Глядя

на полотно, я, например, совершенно ясно ощущаю тепло, солнечный свет и до иллюзии чувствую аромат сосны". Когда они ушли, — продолжает Бакшеев, — я подошел к этому этюду и долго всматривался в него. "Как Василий Васильевич прав! — подумал я. — Это живой кусок природы, подлинная жизненная правда, принесенная на холст". И с этим действительно можно согласиться.

Шишкин уже становился знаменитостью, его работы оценивались чрезвычайно высоко. О его известности передавали, например, следующие анекдоты: "Мой добрый знакомый, — вспоминал о Шишкине его современник, — рассказывал мне, что в одном магазине картин и рисунков в Дюссельдорфе он встретил рисунки пером Шишкина. Хозяин магазина хранил их как святыню и, показывая их моему знакомому, сказал: "Вот вещи, которые я никогда никому не продам, потому что им нельзя называть цену. Если бы ваш художник остановился и сосредоточился на таких рисунках, то давно бы имел громадное состояние".

В последние годы Шишкин преподавал в той самой Академии, против которой в свое время так восставали передвижники. 18 декабря 1893 года его назначили профессором, руководителем пейзажной мастерской, так же, как и его товарища — Архипа Ивановича Куинджи. Поначалу дело двигалось как будто хорошо, Иван Иванович даже предлагал своему другу слить их мастерские вместе, чтобы один из них учил художников колориту, а другой рисунку. Но упрямый Куинджи не соглашался: ему в принципе не нравился метод обучения Шишкина, который, что греха таить, учил своих студентов писать по обычным фотографиям.

Постепенно отношения между друзьями осложнились: до Шишкина доходили слухи, что Куинджи позволяет себе довольно пренебрежительно высказываться о его картинах. Многие ученики Шишкина, которым надоело корпеть над черно-белыми фотографиями в его мастерской, перебежали к Куинджи. Разрыв в отношениях был неминуем, и в конце концов это и произошло, вслед за чем, 15 октября 1895 года, Иван Иванович подал в отставку... Ученики его перешли в мастерскую к Куинджи.

Через два года, когда Куинджи уступил свое место Киселеву, Шишкину стали предлагать возвратиться в Академию, и он уж было начал работать над новой программой, но болезнь помешала закончить начатое.

Утром 8 марта 1898 года Шишкин пришел в мастерскую, чтобы работать над своей главной и последней картиной "Корабельная роща". Придвинул стул к мольберту и начал рисовать. Внезапно рисунок выпал из рук художника, и он мертвым упал со стула...

Отпевали Ивана Ивановича в церкви Академии художеств, а похоронили на Смоленском кладбище Петербурга. ■

«СМЕХ И

МЫ

радостью" приносим!

фото **Игоря Гневашева**

О веселых приключениях бременских музыкантов у нас знают все — и дети, и взрослые: по книжке, по мультфильмам, по спектаклям. А вот теперь увидим и на широком экране.

Поистине свершилось чудо!

А то наш кинематограф за последнее десятилетие, кажется, совсем забыл об этом удивительном жанре "для всех" — сказочном.

Фильм о новых историях бременских музыкантов

снял актер театра Ленном Александр Абдулов. Когда-то он играл в детском спектакле роли и Трубадура, и Осла, а затем, выкупив у театра права на постановку, объездил с ним многие города и у нас в стране, и за рубежом. Он так сроднился со сказочными персонажами, что решил перенести их на экран, получив таким образом возможность добавить в постановку все, чего не сделаешь на сцене, воплотить свои самые невероятные фантазии. По словам Сергея Соловьева, написавшего сценарий картины, Александр Гаврилович столько всего напридумывал, что все его причуды еле вошли в рамки материала.

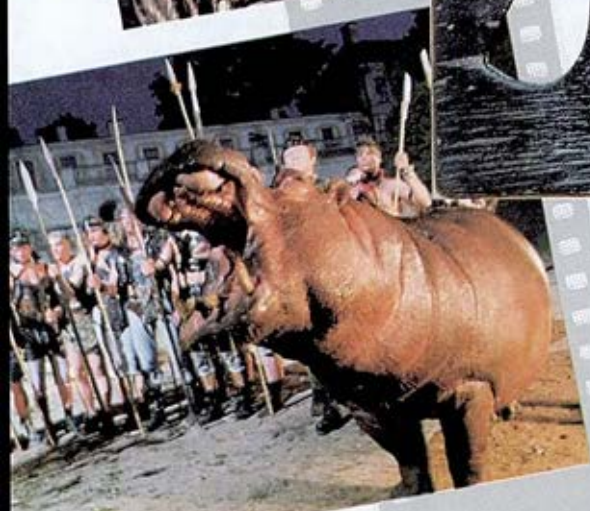
Действительно, фильм снят с размахом. Огромные массовки, фейерверки, забавные фокусы, а главное, что совершенно недопустимо в театре — участие животных. На съемочной площадке побывали овцы, лошади, собаки и даже экзотическое зверье: крокодил, питон и бегемотиха.

Вообще у Александра Абдулова к "Бременским музыкантам" особое отношение. Может быть, потому, что по сути это рассказ об актерах. И, как считает Ален-

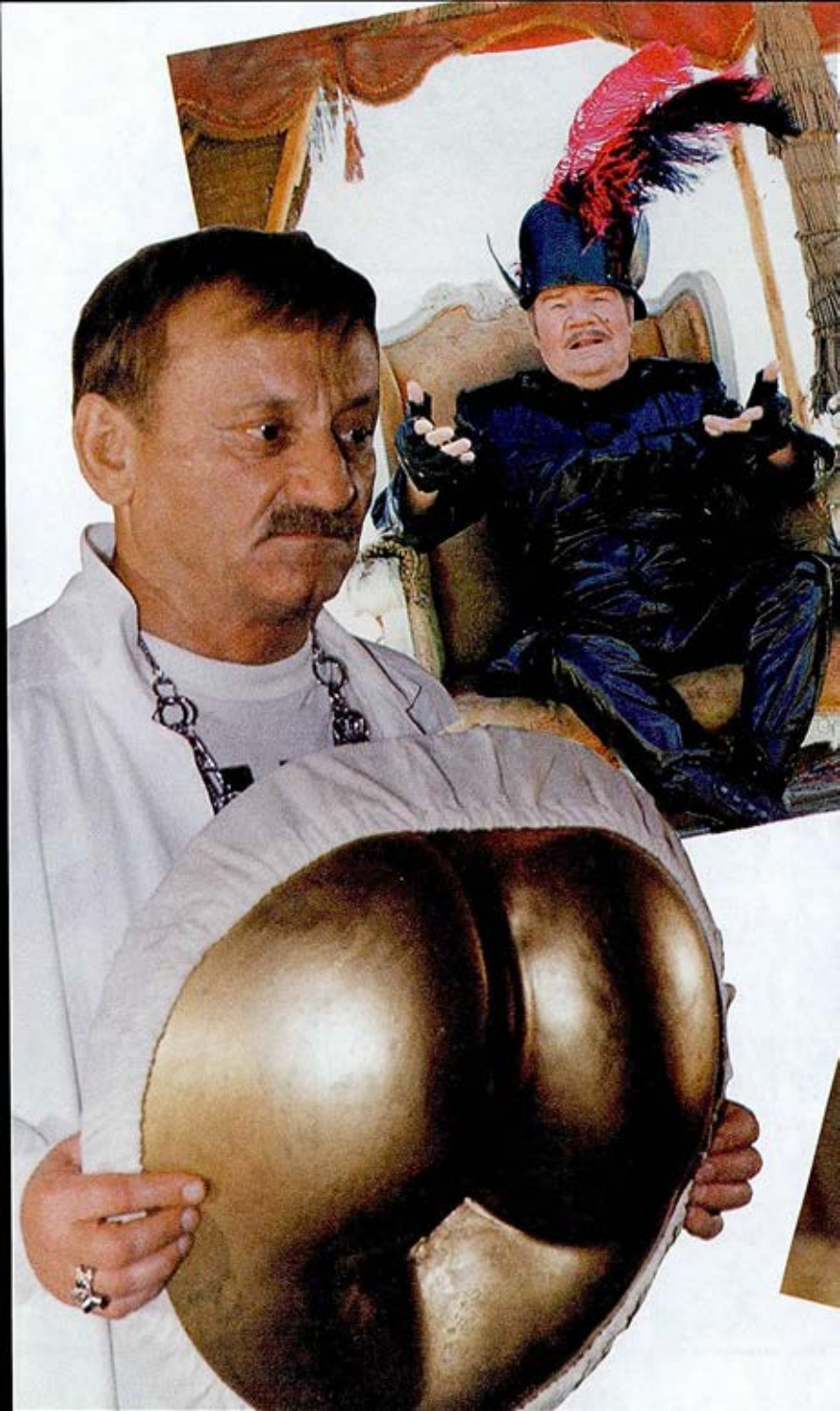

сандр, и о нем тоже. Уж он-то знает все стороны актерской профессии. И что во власти актера не только заставить зрителей плакать или смеяться, но и преобразить унылый мир в волшебную сказку, полную надежд. Об этом, собственно, и фильм. Веселый и грустный рассказ о похождениях актеров — бременских музыкантов, так сказать, второго поколения, потому что "бродить по свету" и дарить людям "смех и радость" их отправляют родители — тоже когда-то бродячие актеры.

Добрая, пронзительная сказка о счастье быть актером, тем не менее, снималась трудно. Что вполне объяснимо. В реальной жизни свои законы, не всегда совпадающие с замыслом режиссера. Здесь в силу вступали и природные "нозни", когда однажды ураганный ветер сорвал камеру, повалил осветительные приборы, лишив возможности не только снимать, но и просто перемещаться в пространстве. И "человеческий фактор" время от времени устраивал всевозможные накладки, "ляпы" и нестыковки. Хотя в главном — финансовом вопросе, кажется, затруднений не возникало. "У меня такое ощущение, — говорит Александр Абдулов, — что эта картина снималась с теми, кто любит "Бременских музыкантов". Многие помогали абсолютно бескорыстно. Сами приходили, открыто предлагали деньги. И какие люди! Съёмки в Баку проходили под личным патронажем сына Гейдара Алиева Эльхана. Александр Коржанов дал для съёмки свой личный катер — четырехместный тримаран "Стрингер" и позволил его разризовать под огнедышащего китайского дракона. А Стас Намин предоставил свой знаменитый воздушный шар под названием "Желтая подводная лодка". В Египте, Азербайджане, в Питере — везде нам давали зеленый свет. Получилось настоящее народное кино". Ну, а если деньги заканчивались, Александр Гаврилыч выпутывался из кризисной ситуации довольно-таки оригинальным способом. Например, когда в Египте проходили съёмки, а деньги на существование группы вовремя не поступили, он каж-

дый вечер отправлялся в казино. Как правило, выигрывал, и утром со всеми расплачивался. Просто удивительно: или у человека такое фантастическое везение, или же само Провидение было заинтересовано в удачном проведении съёмки. Потому так и старалось помогать.

Антерсний ансамбль, занятый в фильме, впечатляет. Известные, всеми любимые актеры, впрочем, перечислять их не имеет смысла, посмотрите фильм — узнаете. Но вот о некоторых дебютах сказать стоит. В роли фрейлин Принцессы снялись тринадцать прелестных девушек. Все они — фотомодели. А одна даже имеет титул "Мисс России". Грациозные, воздушные создания особенно хороши в сцене на балу в королевском замке. (Кстати, декорации построил художник С. Иванов, и все приходили смотреть на них, как на чудо.) В немалых нарядах (придуманных Людмилой Конниковой), символизирующих роскошных бабочек и цветы, они казались волшебными феями, порхающими возле Принцессы. А ее тоже сыграла фотомодель — Полина Ташева. В фильме снялся еще один непрофессиональный актер — Александр Коржанов. Правда, роль для него оказалась привычной — Начальника Королевской безопасности. Само собой, справился он с ней блестяще.

"Бременские музыканты" скоро выйдут на экраны. И все, кто посмотрит этот добрый сказочный фильм, не только повеселятся и взгрустнут, следя за приключениями бродячих музыкантов, но и обретут надежду...

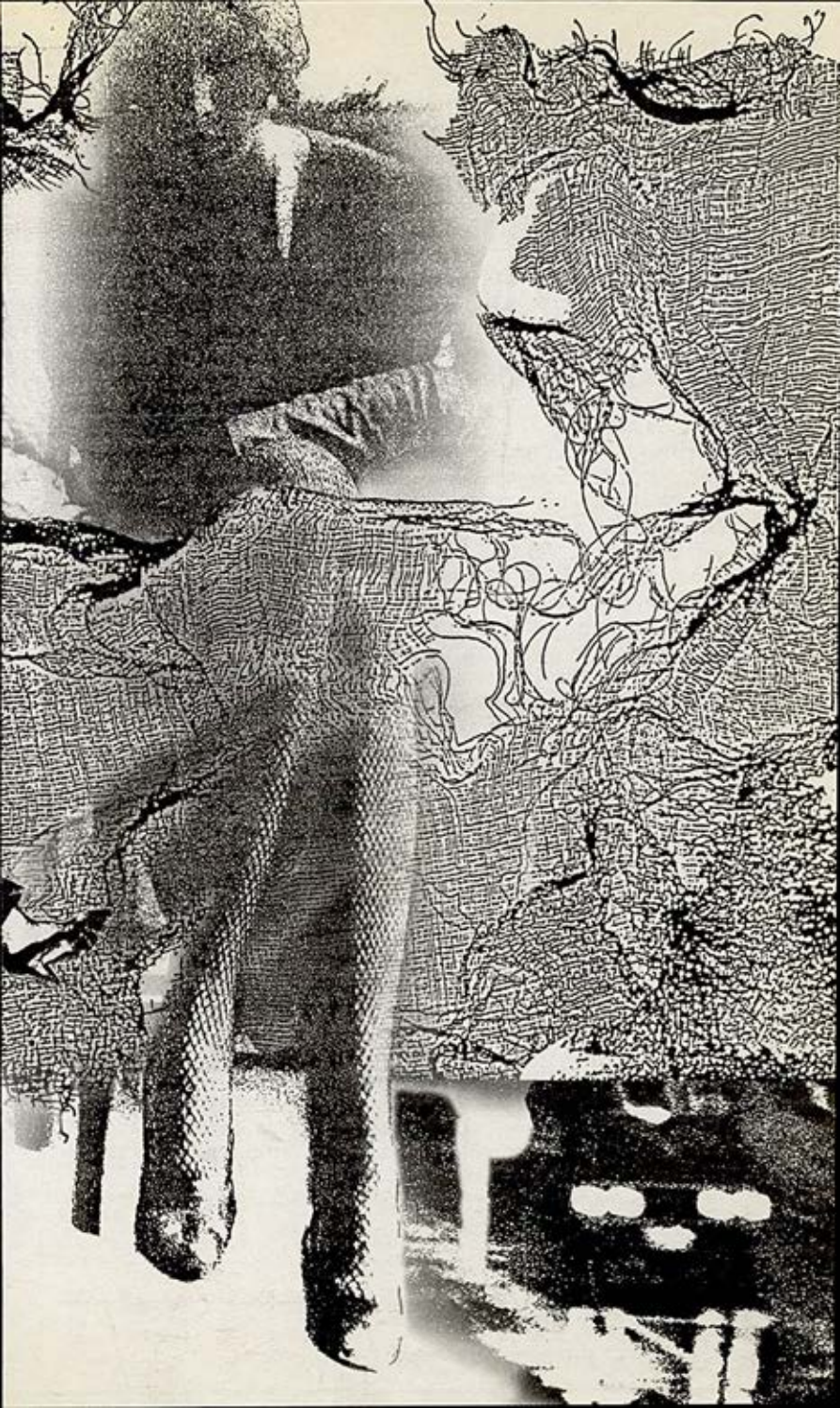
Людмила БУРОВА

Милдред ДЭВИС

КОМНАТА НА ВЕРХУ

рисунок Виталия Федорова

Среда, 9 февраля. Вечер.

Машина остановилась на пустынном участке дороги, как раз перед поворотом. Водитель откинулся на спинку сиденья и потер онемевшие руки.

— Тебе лучше выйти здесь. Вдруг кто-то из них выглянет в окно?

Пассажир, сидящий рядом, кивнул, перегнувшись через спинку, взял с заднего сиденья небольшой чемоданчик, открыл дверцу и ступил на замерзшую землю.

— Уж слишком роскошно для Бронкса, — заметил он.

— Тебе ведь это не нравится, правда, Джин?

— Что? Бронкс?

— Нет. Задание.

Застегивая пальто, пассажир хмуро посмотрел назад, туда, откуда они приехали. Его лицо слегка посинело от холода. Пожав плечами, он решительно поднял чемоданчик с земли.

— Пока, Март. Буду держать тебя в курсе.

— Удачи, Джин! — крикнул водитель.

Дом располагался на склоне холма, так что с одной стороны дороги земля, поросшая густым кустарником, уходила вверх, а с другой понижалась, постепенно спускаясь к Гудзону.

Две подъездные дорожки вели от дороги к площадке перед трехэтажным домом. На фасаде из коричневого кирпича черными заплатками выделялись окна. Вход располагался на массивной плите из серого камня, по сторонам стояли две колонны, поддерживая каменный портик. Еще одна дорожка вела к гаражу на четыре машины, тоже кирпичному и с комнатами наверху.

Кто-то играл на пианино. Неподходящие к этому месту звуки песни "Это случилось в ясную полночь" пронизывали морозную тишину зимнего вечера. Они шли из окна наверху и, замирая, дрожали в воздухе, словно пар от дыхания на морозе.

Человек на дороге зябко повел плечами и прошел вдоль низкой каменной ограды и телефонного столба с надписью "Частная собственность. Вход воспрещен". Почти у самого парадного входа он передумал и повернул направо, в обход дома. Вдоль темных стеклянных дверей шла широкая терраса. Мужчина постучал в заднюю дверь и стал ждать. Наконец дверь открылась, и в темном прямоугольнике возникла мужская фигура. В сгущающихся сумерках пришедший разглядел невысокого худого человека в форме дворецкого. Смуглый, с острыми чертами лица, впалыми щеками и полными губами, вертикальная морщина прорезала лоб над маленькими темными глазами.

— Да? — голос его был суровым.

— Я Свендсен. Новый шофер.

Карие глаза начали с ботинок незнакомца, поднялись по его фигуре и остановились на лице. Очень внимательно изучили маленький, твердо очерченный рот, жесткие линии скул, бесстрастные серые глаза, темные волосы. Дворецкий посторонился.

— Входите.

Новый шофер снял шляпу и вошел в большую, с низким потолком, кухню. Старомодная, с побеленными стенами, она была гораздо более просторной, но менее удобной, чем современная кухня. В тусклом свете окна пришедший смог разглядеть только огромную белую плиту, старую раковину, длинный зеленый деревянный стол и восемь или девять зеленых стульев.

Справа уходила в темноту второго этажа витая лестница, рядом располагалась дверь в буфетную, а напротив были крутящиеся двери.

У раковины чистила фасоль женщина-мулатка, сосредоточенно приоткрыв губы. Она подняла голову и с любопытством взглянула на Свендсена, потом вопросительно перевела глаза на дворецкого.

— Это шофер, — сказал тот и обернулся к незнакомцу. — Меня зовут Уэймюллер. А это кухарка, — добавил он, указав на мулатку.

Женщина кивнула и вернулась к своей фасоли. Сопровождаемый взглядом Уэймюллера, Свендсен поставил чемодан, бросил пальто и шляпу на стул. Он подошел к плите и протянул руки ладонями вниз к пару, идущему от кипящей кастрюли. Казалось, он забыл о присутствующих.

Наконец дворецкий нарушил молчание.

— Миссис Корвит нет дома, но мисс Хильда сказала, что хотела бы видеть вас, как только вы появитесь.

С мрачным лицом, озаряемым колеблющимся пламенем, шофер продолжал греть руки. Затем он обернулся и с бесстрастным выражением произнес:

— Я что-то замерз. Ничего, если подожду пару минут? — Усевшись за стол, он вытянул ноги.

Дворецкий пожал плечами и тоже сел за стол, держа перед собой открытую книгу.

— До чего же здесь темно! — заметил он.

Мигая, шофер посмотрел на заглавие книжки, которую читал дворецкий. "Странная ночь в Париже и другие рассказы" Ги де Мопассана. Он с любопытством поглядел на Уэймюллера. Тот даже не шелохнулся.

Минуты шли, и тишину нарушали лишь стук ножа кухарки и бульканье кастрюли на плите. Свендсен взял морковь из миски на столе и начал грызть. Через минуту он спросил:

— И как, трудно работать у Корвитов?

Хотя дворецкий не поднял глаз, он сразу перестал читать. Его палец скользил по краю переплета. Ответила кухарка.

— Да нет. Они очень приятные люди. И здесь было очень весело, прежде чем мисс Киттен...

Дворецкий бросил на нее сердитый взгляд, и она замолкла. Свендсен переводил взгляд с одного на другую, но ничего не мог прочитать на лицах. Лицо Уэймюллера было лишено выражения, а кухарка так и застыла с приоткрытыми губами.

Тишину нарушило резкое дребезжание звонка. Обернувшись, Свендсен увидел черный ящичек на стене около буфетной. Лампочка мигала напротив надписи "кабинет".

Поднимаясь, дворецкий оправил пиджак и провел рукой по волосам.

— Должно быть, мисс Хильда хочет вас видеть.

Шофер встал и вышел из кухни вслед за ним. Они прошли через темную столовую, обставленную тяжелой, старомодной мебелью и украшенную картинами, затем налево, в такую же темную, мрачную комнату с огромным роялем и стульями с жесткими спинками. Потом опять повернули налево, сделав круг и дойдя до помещения, располагавшегося в задней части дома, как и кухня. Спустившись на ступеньку, они вошли в комнату, похожую на кабинет.

Кабинет был погружен в полную темноту. Лишь маленький круг света проникал через стеклянные двери, выходящие на террасу.

Девушка, облокотившаяся о камин, вертела в руках какую-то безделушку с каминной полки. Услышав шаги мужчин, она быстро поставила ее на место и обернулась быстро и испуганно.

— Это Свендсен, мисс, — произнес дворецкий, искоса глянул на каминную полку, потом повернулся и вышел.

В тусклом свете шофер увидел тоненькую девушку, чуть выше среднего роста, с темными, тщательно причесанными на прямой пробор волосами, уложенными в толстый узел. Несмотря на ее рост, все в ней создавало впечатление хрупкости — маленькое лицо, маленькие руки, узкие плечи. И еще было в ней что-то беспокоящее. С правильными чертами, большими глазами и полными губами лицо могло бы быть хорошеньким, но оно не выглядело таким. Девушка была не в меру ярко накрашена — слишком много пудры на бледной коже, слишком много маслянисто-красной помады на маленьких губах, и особенно много черной туши вокруг серых глаз. С этим макияжем никак не сочеталась ее одежда — коричневый свитер, клетчатая юбка и мокасины на босу ногу.

В маленьком личике и тонком прямом теле ощущалась такая внутренняя напряженность, что почти больно было смотреть. Настороженные глаза словно ожидали беды. Кроме того, создавалось впечатление, что она неделю не спала.

— Я мисс Корвит. Моей матери сейчас нет. — Ее негромкий голос прозвучал устало и беспокойно. Вообще, вся она излучала беспокойную усталость. — Вы, должно быть, удивляетесь, что

нам нужен шофер только на один месяц. — Она подождала, но он ничего не ответил. Одна ее рука взялась за запястье другой и сжала так, что вены вздулись. Он с удивлением посмотрел на это. Мгновенно ее хватка расслабилась, но пальцы слегка подергивались. Под его непринужденным взглядом она явно становилась все напряженнее. — Наш бывший шофер неожиданно уволился. Мы скоро уезжаем из города, и моему отцу придется довольно много поехать по Коннектикуту и Нью-Джерси, чтобы закончить здесь все дела. Он сам не водит машину. — Ее взгляд дернулся к полу, дивану, окнам. Затем, будто что-то вспомнив, она спросила: — Как вы сюда добрались?

— Я шел пешком, мисс.

— О! — Небольшая пауза. — Вы могли бы позвонить со станции. Я бы подъехала за вами.

— Я ничего не имел против прогулки.

Она остро посмотрела на него, как бы ожидая увидеть осуждение, но на лице Свендсена была только вежливая бесстрастность. Девушка устало отвела взгляд. Рука на ее запястье двинулась вверх и сжала другую руку ниже локтя. Она не замечала его любопытных глаз, следящих за ее нервными движениями, лишь коротко спросила:

— Почему вы согласились на эту работу, ведь она всего лишь на месяц?

— Жду, пока семья, на которую я работаю, вернется из Флориды. Они платят мне, но на какое-то время я свободен.

— Понимаю. — Девушка бросила на него быстрый взгляд. — Вы слишком высоки для формы нашего бывшего шофера. Придется пока походить без формы. Думаю, это все. Да, моему отцу вы завтра не понадобятся. Он ждет вас в девять тридцать утром в пятницу. — Она говорила осторожно, следя, чтобы голос звучал ровно. — Вы, конечно, знаете, ваши комнаты над гаражом.

Беседа была закончена. Мужчина слегка склонил голову и направился к двери.

Девушка смотрела ему вслед лишенными блеска глазами. Когда он ушел, хватка ее рук медленно расслабилась, и неловкое напряжение полностью исчезло. Теперь она выглядела просто усталой, слишком измученной, чтобы двигаться.

Наконец она глубоко вздохнула, прошла к камину и взяла маленького голубого котенка. Фарфор блеснул в полутьме, и глазбусинки уставились на нее. Фигурка была около шести дюймов высотой. В ее пустом животике находилась деревянная катушка, прикрепленная двумя кусочками проволоки, продетой в отверстия фарфора. На катушку была намотана белая веревочка, и два ее конца торчали наружу.

Девушка потрогала гладкую, блестящую поверхность, затем взяла концы веревочки в руки и стала тянуть сначала правый, потом левый, так что котенок как будто полз вверх по белой веревке. Она не смотрела на игрушку, устремив отсутствующий взгляд

в пространство. Ее маленькое остренькое личико было лишено всякого выражения.

2 Тот же день. Позже.

Когда шофер опять вошел в кухню, он увидел девушку в одежде горничной, накрывающую стол для слуг. Черноволосая и черноглазая, с румянцем на белой коже, она казалась яркой и сочной, словно тропический плод. Ее черты лица были правильными, но слишком крупными.

При виде незнакомца глаза девушки вспыхнули интересом. Она вопросительно посмотрела на Уэймюллера, который как раз выходил из буфетной с серебром и салфетками. Он прошел мимо них в столовую, никак не ответив на ее невысказанный вопрос. Немного удивленная, горничная бросила на вошедшего кокетливый взгляд.

— Я Патрисия Макалузо. А вы новый шофер?

Свендсен поглядел на нее серьезным немигающим взглядом. Его глаза обежали высокую грудь, бедра, туго обтянутые форменным платьем, чуть толстоватые икры. Губы раздвинулись, показав сероватый ряд зубов, что должно было сойти за улыбку.

— Я Джин Свендсен. — Улыбка мгновенно пропала, и лицо опять превратилось в каменную маску.

Покачиваясь на стуле, он внимательно наблюдал за тремя слугами. Кухарка была явно равнодушна ко всему происходящему, но Уэймюллер каждую минуту бросал на него острые, подозрительные взгляды. Яростно зевая, Свендсен взял веточку сельдерея.

— А кто это играл на пианино, когда я входил? — спросил он Патрисию.

— Это была мисс Корвит, — ответила она и отошла к полке за солью и перцем.

— Как-то даже забавно играть сейчас “Это случилось в ясную полночь”.

— Да, наверное. — Девушка замялась. — Но она всегда это играет.

Шофер изобразил вежливый интерес.

— Всегда? А почему?

Патрисия пожала плечами.

— Однажды она выступала в спектакле и играла эту песню. Всем ужасно понравилось, вот она и старается не дать людям забыть об этом. А играет действительно хорошо, ведь она брала уроки целых двенадцать лет.

— Она кажется немного странной.

— Они все... — Патрисия умолкла, когда дворецкий прошел мимо них в буфетную. На обратном пути он остановился и начал подравнивать приборы на столе, переводя взгляд с одного на дру-

гого. Наконец он вышел, и, когда вращающиеся двери за ним закрылись, девушка продолжила:

— Они все странные. А та, которую вы видели, мисс Хильда, самая странная.

Свендсен казался озадаченным.

— Так это вы про Хильду сказали, что она играла на пианино?

— Да нет же! Вы слышали, как играет младшая. Та, которую они называют Киттен. А видели вы среднюю дочь, Хильду. Никто никогда не видит Киттен.

В последовавшем за этим коротком молчании послышались шаги на задней лестнице. Свендсен обернулся и увидел еще одну горничную, вышедшую из темного проема. Кивнув присутствующим, она села за стол.

Шофер опять повернулся к Патрисии.

— А почему никто не видит Киттен? — непринужденно спросил он.

Дверь в столовую опять распахнулась. Ничем не показывая, слышал ли он последние слова, дворецкий уселся рядом со Свендсеном.

— Давайте есть, — грубовато бросил он. — У меня мало времени.

Все сели за стол, и кухарка принесла дымящуюся тарелку жаркого. Дворецкий нарезал мясо, а остальные молча наблюдали.

Через некоторое время Свендсен поинтересовался:

— А вообще, это большая семья?

Патрисия посмотрела на Уэймюллера, но тот был поглощен едой.

— Ну, — с некоторым сомнением начала она, — у них три дочери. Киттен, Хильда и Дора. И потом еще мальчик, Льюис. Ему только одиннадцать. Ну, и, конечно, сами старшие — мистер и миссис Корвит.

Поев, Свендсен поднялся и сразу же попросил у дворецкого ключи. Девушка подняла на него разочарованные глаза, но он старательно избегал ее взгляда. Взяв свой чемодан, он пробормотал “спокойной ночи” и вышел. Ему обязательно надо было побывать в гараже.

Луч фонарика заставил тени пробежать по побеленным стенам к высокому потолку. Справа в углу была мрачная лестница, а перед ней дверь, которая, по всей видимости, вела в чулан для инструментов. Вдоль стены лежал садовый шланг.

В гараже стояли три машины — большой черный “линкольн” и две машины с откидным верхом, оба “бьюика”. Наклонившись, Свендсен направил свет фонарика на крылья и передние колеса “линкольна”. Затем осмотрел ветровое стекло. Машина казалась очень дорогой, это была самая последняя модель. Кроме того, она нуждалась в мойке. Но это все, что он мог о ней сказать.

За “линкольном” стояла длинная низкая серая машина с большим количеством сверкающих хромированных деталей. На этот раз, стоило Свендсену осмотреть передние крылья, как его глаза загорелись. Он ощупал пальцами шов между крылом и корпусом, затем присел перед другим крылом. Через мгновение он встал. Покусывая губы, тщательно осмотрел хромированную кайму ветрового стекла, а затем открыл дверцу и посветил внутрь на переднее сиденье и пол машины. Там не было ни пятнышка.

Свендсен осветил третью машину, яркий темно-оранжевый “бьюик”. Не давая себе труда осматривать его, он взял чемодан и поднялся по узкой деревянной лестнице.

Комната была маленькой, с низким наклонным потолком. Задернув занавески на двух окнах, выходящих на дом, Свендсен включил верхний свет. Обстановку составляли кровать, комод, на котором стояло кривоватое зеркало, ночной столик, два стула с жесткими спинками и шкаф. Дверь сбоку вела в ванную. На столе стоял телефон. Кружевная салфетка на комодe и маркизетовые, цвета слоновой кости, занавески довершали сходство с небольшим и безликим гостиничным номером.

Повесив шляпу и пальто, Свендсен начал распаковывать вещи. Затем, расслабив узел на галстуке, пошел в ванную и плеснул в стакан немного воды. Вернувшись в комнату, он улегся на кровать, добавил в стакан виски и развязал тесемки папки, которую вытащил из чемодана.

По одеялу рассыпалась пачка газетных вырезок, на каждой красными чернилами была написана дата, как это обычно делается в газетном архиве. Он начал рассортировывать вырезки в небольшие кучки.

В семи из них встречалось подчеркнутое красным имя “миссис Анна Холлис Корвит”. Все они касались конференций нью-йоркского Женского Конгресса — Конгресс призывает к медицинскому обслуживанию бедных, к Конгрессу обращается член Национальной Ассоциации Передовых Цветных, Конгресс выбирает миссис Корвит президентом четвертый год подряд.

Вырезки по Ледьярду Корвиту, хозяину дома, касались в основном финансов — Ледьярд Корвит предсказывает повышение цен, Ледьярд Корвит выступает на Комиссии по экономической стабильности и т.д. Одна вырезка была длиннее остальных, и Свендсен прочитал ее более внимательно.

“Ледьярд Корвит, президент “Анилиновой корпорации”, объявил сегодня, что его офис в Нью-Йорке будет “вскоре” закрыт и перенесен в Сиэтл, штат Вашингтон.

Никакого объяснения этому переезду не было дано, но в некоторых кругах предполагают, что семья Корвитов стремится поскорее покинуть Нью-Йорк из-за младшей дочери, “Киттен” Корвит, которая попала недавно в автомобильную аварию”.

Читая, шофер делал пометки в своей записной книжке. Статя была датирована 30 января.

В четырех вырезках упоминалось и было подчеркнуто имя Доры Корвит — три, где она упомянута “в числе присутствующих”, и еще одна, объявляющая о ее помолвке с доктором Фрэнсисом Шонеманом.

Ничего не было сказано о девушке, с которой он разговаривал в кабинете — Хильде, и о сыне, Льюисе.

Наконец он взял в руки самую большую пачку. Подчеркнуто было имя “Киттен” Корвит, причём Киттен — всегда в кавычках. “Киттен” на Саратога-трек в компании Ховарда Кадейхи, “Киттен” в “Двадцать Один” с Харланом Би Хьюиттом, “Киттен” в Сент-Реджисе с Кристофером Гледхиллом.

Только одна длинная заметка с большим заголовком касалась недавней аварии с “Киттен” Корвит. Она датировалась третьим января, тридцать семь дней назад.

Сосредоточенно хмурясь, шофер прочел последнюю несколько раз, все время делая пометки. Затем взял скрепки и скрепил по отдельности вырезки, относящиеся к разным членам семьи. Завязывая папку, он оглядел комнату, наконец встал с кровати и вынул ящик из комода. Внизу не было дна. Он вставил его на место и выдвинул самый нижний, запахнув в него конверт так далеко, как только можно.

После этого Свендсен выключил свет, поднял шторы, улегся на кровать и набрал номер в Манхэттене.

— Март? Попросите мистера Францера, пожалуйста... Джин Свендсен... Алло, Март? Ну да, Джин... Не так уж много. Одна из машин, серый “бьюик” с откидным верхом, имеет новое ветровое стекло и новое крыло. Это вроде бы вписывается в нашу ситуацию. И... Даже не знаю. Дворецкий ведет себя как настоящий гестаповец и не дает им распускать языки... Присматривается ко мне... Нет, пока я видел только одного члена семьи — среднюю сестру Хильду. Дору и родителей еще не встречал... О, тут точно что-то не чисто. Эта Хильда такая дерганая, просто... Да... О'кей.

Тяжелые шторы были раздвинуты, открывая взору голые ветви деревьев, колеблющиеся на ночном ветру. Слышалось одинокое завывание, когда он проносился сквозь поскрипывающие деревья или огибал углы дома. Вот сломалась ветка, чиркнув по земле.

В комнате наверху пациентка ходила взад-вперед, прислушиваясь. С каждым надрывным воем ветра ее руки, обхватившие плечи, судорожно сжимались, потом немного расслаблялись, когда крик замирал. Сжимаясь и расслабляясь, сжимаясь и расслабляясь, они словно поддерживали особый ритм, связанный с жизнью снаружи.

Внезапно она перестала ходить и открыла верхний ящик своего туалетного столика. Порывшись там, вытащила рулон ваты. Небольшие кусочки были оторваны и всунуты в чувствительные уши. Затем руки замерли на полпути.

Засунутая в дальний угол, в ящике лежала небольшая тетрадка. Уронив вату на стол, пациентка достала ее. Она была красная с золотым обрезом, и наверху было написано "Дневник". Забыв о ветре, женщина села за стол. Тетрадка сама раскрылась на первой странице.

3 Пятница, 11 февраля. Утро.

В девять тридцать Свендсен подогнал черный "линкольн" к парадному входу. Позвонив, он стал ждать, дуя на руки и притопывая ногами.

Наконец дверь открылась, за ней стоял Уэймюллер.

— Не скажете ли старику, что я здесь? — попросил Свендсен.

Поежившись от морозного воздуха, дворецкий молча кивнул и закрыл дверь. Свендсен вернулся к машине. Он зажег сигарету и выбросил пустую пачку в окно, наблюдая, как порыв ветра закружил ее и унес к сугробу у дороги.

Шофер успел сделать всего лишь несколько затяжек, когда дверь опять отворилась. Выбросив сигарету, он вышел из машины и открыл заднюю дверцу.

Ледьярд Корвит был немного ниже среднего роста, крепко сложен, с широкими плечами и все еще довольно стройной талией. Он шел, наклонив голову, как будто искал что-то под ногами. Подойдя к машине, Корвит поднял на шофера пару поразительно голубых глаз и тут же снова опустил их, почти смущенно. Его круглое лицо с крупным носом и маленьким ртом должно было быть красноватым, но выглядело серым.

— Вы не очень-то похожи на шофера, — произнес он, глядя Свендсену куда-то на уровне груди. Когда он говорил, его губы почти не раздвигались, так что слова были едва понятны.

— У меня нет формы, сэр. Мисс Корвит сказала...

Корвит сделал неуверенный жест рукой.

— Я не это имел в виду. Вы выглядите больше как боксер или... ну... — Не закончив фразы, он быстро прошел мимо шофера и сел в машину. — Сегодня я еду в офис. Э-э... Парк, два-тридцать.

На Пятьдесят седьмой улице Свендсен повернул на восток и проехал до Парка, котом направился на юг по Сорок второй, наконец машина остановилась. Выйдя, он открыл заднюю дверцу и ждал. Ледьярд Корвит не двигался. Он глядел в окно и беззвучно свистел.

— Ваш офис, сэр, — произнес Свендсен вполголоса.

Корвит вздрогнул и посмотрел на него, явно не понимая. Затем моргнул.

— Ах, ну конечно! Простите. — Опустив глаза, он выбрался из машины, но, сделав несколько шагов, повернулся и пошел обратно. — Э-э, Свендсен! — Вытащив из кармана бу-

мажник, Корвит сунул две купюры в руку шофера. — Это чтобы продержаться до зарплаты. Заедете за мной в три тридцать.

Вернувшись в гараж, Свендсен оглянулся, чтобы посмотреть, не следит ли за ним кто-нибудь из дома. Коричневое кирпичное здание было безмолвным. Закрыв раздвижные ворота, Свендсен сел на заднее сиденье “линкольна”. Он вытащил из кармана отвертку и снял крышку переговорного устройства. Аккуратно положив винты сбоку, исследовал паутину проводков. Затем достал кусочек провода из кармана и подсоединил. Теперь микрофон был включен постоянно, и водитель мог слышать все, что происходит в салоне. Осторожно привинтив обратно крышку, он поднялся в свою комнату.

Этим же вечером, когда Свендсен заканчивал свой обед, двери из столовой распахнулись, и в кухню вошла темноволосая девушка с подносом в руках. Ниже и полнее Хильды, но достаточно на нее похожая, чтобы их можно было принять за сестер, она, однако, была гораздо искуснее накрашена и держалась вполне уверенно. Не было ни малейшей робости в ее манерах, ни следа безнадежности в глазах.

Поднос, который она несла, был полон более чем наполовину. Поставив его у раковины, она спросила:

— Вы Свендсен?

— Да, мисс, — вежливо ответил шофер.

— Мы едем в город через полчаса. Приготовьте машину, пожалуйста.

— Кто это был? — спросил он, когда дверь за ней закрылась.

— Это мисс Дора, старшая, — ответила Патрисия, начиная убирать посуду.

Зевнув, Свендсен поднялся из-за стола и подошел к окну. О чем-то задумавшись, он хмуро глядел в темноту. Минута проходила за минутой.

— У вас что, принято подавать еду в комнаты? — спросил он после долгого молчания.

Патрисия подняла на него глаза, не сразу поняв.

— Что?

Он слегка кивнул на поднос.

— А, это для Киттен. Не знаю, зачем они вообще носят ей еду. Она не ест, не пьет, она вообще ничего не хочет.

— Но почему же не вы ей его относите?

Патрисия открыла небольшой шкаф около раковины и поставила туда поднос. Ее ноздри презрительно раздувались.

— Я! — с издевкой произнесла она. — Это просто смешно! Она же никого к себе не подпускает. Просто сидит запершись в своей комнате и дует на весь свет.

Прислонившись к подоконнику, Свендсен почесал за ухом.

— Запершись в комнате?

— Ну да! — Патрисия скривила губы. — Господи помилуй, да вы когда-нибудь читаете газеты?

Прежде чем он успел ответить, дверь в столовую отворилась, и в ней показалась Дора. Прислонившись плечом к косяку, она натягивала пару черных перчаток.

— Свендсен, мы вас ждем.

— Простите, мисс. Я потерял счет времени. Я буду... — Он умолк, поскольку дверь уже закрылась за ней, снял пальто и шляпу с крючка в коридоре и поспешил на улицу.

Когда он подрулил к парадному входу, Хильда и Дора уже ждали в луче света, идущем из открытой двери. Дора проскользнула мимо, даже не посмотрев на него, а Хильда задержалась, чтобы дать ему адрес на Пятой авеню в районе Восьмидесятых улиц. Она уже собиралась сесть в машину, когда сестра остановила ее.

— Хильда! — В ее голосе звучало нетерпение. — Мы же сначала должны забрать Хелен и Фрэнсиса.

Хильда выглядела обескураженной, как будто ее разбудили во время хождения во сне.

— Что? Ах, да! — Она опять повернулась к шоферу. — Поезжайте налево, Свендсен. Мы вам скажем, где остановиться.

Мощные фары пробивали широкую полосу света в окружающей темноте, пока машина ползла вверх по склону. Вдруг в свете фар вихрем закружились снежинки и осели на ветровом стекле. Свендсен щурился, стараясь проникнуть взглядом сквозь белую пелену.

— Ради бога, Хил, когда ты стряхнешь с себя это забвенье? — Слушая голос Доры, доносившийся из переключенной им переговорной системы, шофер следил, чтобы его лицо оставалось безразличным. Ни одно движение лицевых мускулов не выдавало, что он все слышит. — Это же просто ужас! Неужели ты не можешь вести себя нормально?

Единственным ответом, казалось, был глубокий вздох. Хильда ничего не сказала. Некоторое время они ехали в молчании, затем Дора заговорила опять. Раздражение ушло, сменившись горечью.

— Боже, что за ночь для поездки!

Опять последовала тишина.

Через некоторое время Хильда сняла переговорную трубку и приказала Свендсену остановиться у второго дома.

Это было большое белое оштукатуренное здание, почти невидимое на белом фоне падающего снега. Большинство окон нижнего этажа и часть верхних были ярко освещены. По сторонам подъездной аллеи высились мощные дубы.

Выполняя указание Доры, Свендсен вышел из машины и взбежал по ступенькам к широкому крыльцу. Подняв медный дверной молоток, он постучал в белую дубовую дверь. Открывшая дверь горничная сказала, что миссис Льюисон сию минуту выйдет.

Стянув перчатки, чтобы подышать на пальцы, шофер посмотрел на низко расположенные широкие окна. Единственным, что он мог видеть, были белые с золотом венецианские шторы.

Меньше чем через минуту дверь открылась, и оттуда торопливо вышла фигура в норковой шубке. Она прошла мимо Свендсена, не заметив его. Быстро последовав за ней, он успел-таки вовремя, чтобы распахнуть перед ней дверцу. Пара удивленных карих глаз поднялась на него, моргнула и опять посмотрела. Глаза слегка расширились, а уголки губ тронула едва заметная улыбка. Она была высокой женщиной, по возрасту где-то за тридцать. Светлые волосы зачесаны назад. Высокие скулы и острый, прямой нос на самоуверенном лице делали ее похожей на топ-модель. Сдержанно вежливый, Свендсен ничем не ответил на улыбку, просто ждал, пока она сядет в машину.

Через некоторое время Дора наклонилась вперед и проговорила в трубку:

— Поверните здесь, Свендсен. Последний дом на дороге.

— А вот и Фрэнсис, — неестественно громко произнесла Хильда.

Сквозь пелену падающего снега шофер увидел мужчину, стоящего перед приземистым кирпичным домом. Когда они подъехали, тот открыл дверцу и сел, прежде чем Свендсен успел выйти.

Шофер открыл боковое окно и высунул голову, давая задний ход. Развернувшись, он направил машину туда, откуда они приехали, в направлении главной дороги.

Новый пассажир был довольно высок, с лицом и фигурой отличника колледжа и рыжими волосами, блестящими от снега. Ему было около тридцати.

Ущипнув Дору за щеку, он сказал:

— Привет, малышка, — и сел между нею и Хелен. — Нет, ну какой чудесный вечер для катания на лыжах!

— Никто не тащил тебя на эту вечеринку, дорогой, — заметила Дора. Она слегка подалась вперед, чтобы рука, которую он положил ей на плечи, легла поудобнее. — Если хочешь поехать кататься на лыжах...

— Что ты делал тут в таком снегопаде? — спросила Хелен. — Ни галош, ни шляпы...

Ее глаза, как Свендсен мог видеть в зеркале, были странно напряженными, они все время перебегали с лица Фрэнсиса на его руку, лежащую на плече Доры.

— Все это выдумали богатые, — сказал Фрэнсис. — А по-моему, каждый должен иногда постоять один под снегопадом. Полезно для души. — Он убрал руку с плеча Доры и потянулся, откидываясь на спинку и вытягивая ноги. — Господи, до чего скучная была неделя!

— Зачем тогда вообще работать, если у тебя будет такая богатая жена, как Дора? — Голосу Хелен опять недоставало непринужденности.

Дора тихо засмеялась.

Шофер перестал прислушиваться к разговору позади. Когда они подъехали к городу, белый ковер на дорогах сменился рыжим серым.

Они притормозили перед крыльцом большого каменного многоквартирного дома, и швейцар поспешно вышел им навстречу. Велев Свендсену припарковаться и подниматься наверх, Дора прошла вслед за остальными внутрь.

Еще до того, как лифт остановился на четвертом этаже, Свендсен услышал гул голосов и смех. В коридорчике, куда их привез лифт, было только две двери. Пожилая горничная открыла дверь черного хода, и Свендсен оказался в огромной белой кухне.

Повесив пальто и шляпу в уже набитый стеной шкаф, он подошел к маленькому столу, за которым несколько человек в небрежно расстегнутых шоферских формах играли в покер. Свендсен постоял над ними, наблюдая за игрой. Через некоторое время к ним подошла горничная и поставила на стол большое блюдо с бутербродами. Взяв три из них, один из мужчин подмигнул ей и спросил, не даст ли она им кое-что еще.

— Не могу же я открыть для вас новую бутылку, — раздраженно отвечала та. — Подождите, пока не начнут возвращать недопитые.

Свендсен взял бутерброд и подошел к дверям в гостиную, открытым, чтобы дать слугам возможность свободно ходить туда-сюда. Частично скрытый большим косяком, он заглянул в большую комнату.

У окна сидела Хильда. Отхлебывая свой коктейль, она разговаривала с молодым блондином. Он был лет двадцати с небольшим и довольно красив, но явно не слишком умен. Время от времени она кивала в ответ на его слова, но ее глаза все время беспокойно обводили комнату.

Слуги сновали между группами гостей, разнося напитки, и шум в комнате постепенно нарастал. Все окна были закрыты, и сигаретный дым наполнял комнату чем-то вроде тумана. Становилось слишком жарко.

Очень высокая, очень тонкая девушка с яркими рыжими волосами, острым носиком и большим ртом, облилась коктейлем и направилась в кухню. Увидев Свендсена, она остановилась, удивленная.

— Я, наверное, плохая хозяйка, если позволяю вам стоять здесь. Меня зовут Винни. Почему вы не проходите?

— Я шофер Корвитов, мисс.

— О! — Ее голос был бесстрастным. — Ну что ж, тогда действительно лучше не проходить, — жизнерадостно добавила она. — Представьте, я пролила свой коктейль. Пойду подсушусь у плиты.

Свендсен посторонился, пропуская ее. Он настороженно следил за тем, что происходило в комнате.

Фрэнсис продолжал делать круги по комнате, с энтузиазмом встречая всех вновь прибывших. Остановившись около Хильды и высокого светловолосого молодого человека, он сказал:

— Привет, Крис. Развлекаешь мою будущую невестку?

Крис обернулся, и его широкое добродушное лицо озарилось радостной, почти восторженной улыбкой. Казалось, он рад, что их разговор прервали.

— Привет, Фрэнк. Я пытаюсь ее развлекать, но мне кажется, ей скучно. Я рассказывал анекдот про человека, которого пригласили к замужней даме, и...

— Это не достаточно неприлично для нее, Крис. Попробуй тот, о русском.

— Как, Хильде? — серьезно переспросил Крис, выглядя потрясенным. — Разве можно!

— Должно быть, ты прав, — ухмыльнулся Фрэнсис. — Этих девиц Корвит легко шокировать. С ними надо быть поосторожнее.

— Кроме Киттен, — увлеченно заговорил Крис. — Ей можно сказать абсолютно все. Она просто классная девчонка! — Взгляды Хильды и Фрэнсиса встретились на секунду, но оба тут же отвели глаза.

— Ты же ее доктор, Фрэнк, — продолжал Крис. — Как ты думаешь, когда она... она... ну, ты знаешь.

— Это не займет так уж много времени, Крис, — с чувством сказал Фрэнсис, опять оглядываясь. — Простите меня, детки. Должен посмотреть, как там моя невеста. — Он хлопнул Криса по спине и быстро исчез.

Дора сидела на диване, разговаривая с рыжеватым человеком в очках. Он поднял на Фрэнсиса проницательные голубые глаза и сразу же замолчал.

— Ну, как тут моя девочка? — спросил Фрэнсис, усаживаясь рядом с ней. — Привет, Уилл, — обратился он к рыжеволосому.

— Привет, Фрэнк. Как идут дела? — Уилл пытался казаться добродушным, но голос выдавал напряжение. Было заметно, что он избегает смотреть на Фрэнсиса.

— Прекрасно. За прошедшую неделю не потерял ни одного пациента.

— Да у тебя и не было ни одного за последний месяц, — встала Дора.

Фрэнсис потрепал ее по щеке.

— Никакой веры в мои таланты, дорогая. Не понимаю, почему ты хочешь за меня выйти?

— Я тоже, — сказал Уилл. Его голос был тихим. — Особенно когда рядом такой замечательный, настоящий, многого добившийся мужчина вроде меня...

— О, моя больная спина! — простонал Фрэнсис.

— ...готовый любить, беречь и почитать, — продолжал Уилл, как будто его никто не прерывал, — навсегда. — Последнее слово он добавил с особым ударением.

— Уилл рассказывал мне о некоторых экспериментах по гипнозу над своими студентами, — невозмутимо сказала Дора, как будто не слышала его. Она зажгла сигарету от своего окурка и бросила его в пепельницу. — Ты бы мог быть прекрасным объектом, дорогой. Похоже, что все экстраверты поддаются гипнозу, потому что чувствуют себя в безопасности или что-то в этом роде. А вот интроверты не позволяют себе поддаваться.

— А я всегда думала, что именно застенчивые люди действительно нуждаются в гипнозе. Ведь именно они обычно попадают в кабинет психоаналитика, правда? — Это уже вмешалась Хелен.

Наблюдая за дымом, выходящим изо рта Доры, Уилл сначала не понял, что вопрос адресован ему.

— Что? Ах, да. Так вот, во-первых, стеснительные люди не обязательно нуждаются в помощи психоаналитика. Во-вторых, гипноз сейчас используется довольно мало. А в-третьих, человек, который не отзывается на гипноз в зале, где много народу, вполне может поддаться доктору, который заслужит его доверие. — Он говорил с легким нетерпением, как будто ему приходилось повторять все это много раз. Вытащив сигарету, он потянулся к Доре, чтобы прикурить.

Хелен обводила всю группу глазами, в которых таилось странное беспокойство.

— Может, и мы попробуем?

— Попробуем что? — насмешливо спросила Дора, потягивая кофейль.

— Мне ужасно хочется попробовать, — вставил Фрэнсис.

Хелен переводила взгляд с одного на другого. Ее голос был холоден.

— Я имею в виду гипноз.

— Ты думаешь, мы сможем это сделать? — поинтересовалась Дора.

— Почему бы нам кого-нибудь не загипнотизировать? Мне хочется посмотреть, сработает ли это на самом деле?

— Лучше не надо. — Уилл наклонился, чтобы погасить сигарету. — Это не игра.

— До чего же ты молода, Хелен! — лениво процедил Фрэнсис. — В следующий раз ты, чего доброго, предложишь поиграть в шарады.

Дора положила руку на рукав Уилла.

— Ну давай, Уилл. Давай посмотрим, как ты это делаешь.

— Ничего себе заявление для обрученной! — заметил Фрэнсис, глядя на свою сигарету.

— Я никогда не видела, как кого-то гипнотизируют, — добавила Винни. — Давай, Уилл.

— Но все уже расходятся, Винни. Разве ты не хочешь спать?

— Боже мой, конечно, нет! Чем меньше народу, тем лучше. Я сейчас избавлюсь от них, — спокойно сказала она и направилась к последним из оставшихся.

— Насколько я знаю Винни, она сейчас просто скажет им, что, по мнению ее отца, они слишком шумят, и не будут ли они так любезны уйти, — сказала Хелен.

— Не знаю, получится ли это у меня, — заколебался Уилл. — Здесь останутся... Дора, Фрэнсис, Хильда, Крис, Винни, Хелен и я. Семь человек, да и комната не так уж удобна.

— Ты же говорил, что мог гипнотизировать студентов прямо в классе, — напомнила ему Дора. — Там ведь гораздо больше народу...

— Я постараюсь... — устало перебил он. Беспokoйно переводя взгляд с одного на другого, избегая лишь Дору, Уилл передернул плечами, как будто хотел сбросить с себя какой-то груз. Он не смотрел на ее руку, все еще покоящуюся на его рукаве. — Подождем Винни.

Хозяйка в этот момент провожала к дверям группу гостей. Одна женщина с любопытством взглянула на оставшихся и сказала что-то своему спутнику. Винни пожелала им спокойной ночи и решительно направилась к последней кучке гостей.

Никто не замечал неподвижную фигуру шофера в дверях кухни. Скрытый в тени, он тихо наблюдал за ними.

Наконец Винни вернулась, хлопнула в ладоши, как будто успешно выполнила какую-то трудную задачу, и Уилл спросил:

— А кто будет объектом гипноза?

— Как насчет Хильды? — спросила Винни. — Мне всегда было интересно, что происходит в ее маленькой озабоченной головке.

При этих словах Хильда наклонилась, чтобы потушить сигарету в пепельнице, но невольно отдернула руку. Шесть пар глаз, одновременно устремленных на нее, заставили ее вспыхнуть. Затем она все же погасила сигарету.

— Кто, я? Нет уж, спасибо.

— Господи, Хил, — сказала Винни, — по тому, как ты подскочила, можно подумать, что тебе есть что скрывать.

— Ну, естественно! — отозвалась Хильда. — Я целовалась со снежным человеком на той неделе.

— Давай скорее, Хильда, все решено. — Винни взяла ее за руку — Мы хотим знать все.

— Нет. — Хильда встала. Ее губы растягивались в улыбке, но видно было, каких усилий ей это стоит.

— Не надо, — заметил Уилл. — Если она не хочет, то это все равно не работает. — Повернувшись к Доре, он спросил: — А как насчет тебя?

— Или у тебя тоже "скелет в шкафу"? — поинтересовалась Хелен.

Поднявшись, Дора холодно произнесла:

— Так уж и быть, я буду жертвой.

— погоди минуточку! — Винни подтолкнула Дору к маленькой комнатке у подножия лестницы. — Ты пока выйди, Дора, мы должны все продумать.

Вздохнув, Дора вышла.

Как только дверь за ней закрылась, Винни быстро проговорила:

— Прикажи ей сделать что-то такое, против чего у нее может быть запрет, Уилл. — Она вела себя как ребенок, получивший новую игрушку.

Уилл пристально взглянул на нее.

— Что, например?

— Ну... — Ее глаза загорелись при виде Фрэнсиса. — Как насчет того, чтобы попросить ее убить своего жениха?

Фрэнсис рассмеялся.

— А почему ты думаешь, что у нее есть на это запрет?

Уилл покачал головой.

— Нет.

— Почему нет? — недовольно спросила Винни.

— Почему? Да любой, у кого есть здравый смысл, сам поймет, почему. Нечестно устраивать душевный конфликт просто ради смеха.

Неожиданно из глубины дивана заговорила Хелен.

— Твоя проблема, Уилл, в том, что ты воспринимаешь себя слишком серьезно.

— Уиллард Синклер, юный психолог, — пробормотал Фрэнсис себе под нос.

Устало опустив плечи, Уилл глядел на пламя в камине. Красноватый свет причудливо играл на его лице.

— Если уж ты что-то делаешь, не стоит делать это плохо, даже если твое благосостояние от этого и не зависит.

Фрэнсис поднял воротник и втянул голову в плечи.

— Чую, камешек в мой огород.

— Давайте не уходить от темы, — заявила Винни. — Если жених Доры не возражает, Уилл, то почему же ты против?

Уилл поднял руки перед собой и стал молча рассматривать ладони.

Дверь в маленькую комнатку открылась, и Дора высунула оттуда голову.

— Ну, что там? Уилл забыл, как проводить гипноз?

— Мы сейчас, — отозвалась Винни. — Скройся. — Дверь опять закрылась. — Ну, так как?

Прежде чем Уилл ответил, вмешалась Хильда:

— Фрэнсис не психолог. — Она смотрела на Фрэнсиса, пока он не почувствовал это и не повернулся к ней. Какое-то мгновение они глядели друг на друга, и небольшая морщинка прорезала его лоб.

— Конечно, — согласилась Винни, — но ведь он доктор. — И добавила: — В каком-то роде.

— Ну, — начал было Фрэнсис, — может быть, Уилл...

Не слушая, Уилл поднялся.

— Позовите ее, — сказал он. — Я попробую.

Одобрительно погладив его по спине, Винни крикнула:

— Дора, пора!

Дора мгновенно впорхнула в комнату.

— Ну вот, ничего не изменилось, — разочарованно протянула она. — Я-то думала, что вы делаете сложные приготовления. — Она не видела, как Фрэнсис с Хильдой обменялись взглядами, и ее жених слегка пожал плечами.

Хмурясь, Уилл огляделся.

— Нам нужна будет свеча.

Пока Винни звонила горничной, он подышал на стекла своих очков и тщательно протер их платком. Потом поставил кресло напротив дивана у камина, но, подумав, отодвинул его.

— Теперь все, кроме Доры, сядьте вот туда, — сказал он, указывая рукой на диван справа от камина, — и что бы там ни было, не шумите. Шум может помешать действию гипноза.

Когда служанка принесла свечу, Уилл выключил все лампы, так что лишь огонь в камине освещал комнату.

— Даже не знаю, — бормотал он. — Возможно, огня будет достаточно. Хотя ладно, я использую и свечу. Ложись сюда, — сказал он Доре, показывая на диван перед камином. — И смотри теперь на свечу, пока я не прикажу тебе закрыть глаза.

Она легла, глядя на колеблющееся пламя.

— Тебе удобно?

Она кивнула.

— Расслабься. Теперь ты расслаблена, — начал Уилл успокаивающе. — Диван мягкий и удобный. Он действует на тебя усыпляюще. Ты чувствуешь усталость. Твои пальцы расслаблены и устали. Твои веки тяжелеют. — Он бубнил намеренно монотонно. — Ты не слышишь ничего, кроме моего голоса. Ничто не имеет значения, кроме моего голоса. Ты видишь только свечу. Тебе хочется спать. Ты очень сонная. Ты очень устала. Чувствуешь, как проваливаешься в большую теплую яму. Тебе тепло и хорошо. Очень хочется спать. Тебе трудно держать глаза открытыми. Твои веки очень тяжелые. Твои глаза закрываются. Ты плывешь вниз, вниз, вниз. Плывешь на замечательном теплом облаке. Все вокруг темно и тихо. Ты теплая и сонная. Тебе хочется спать.

Стоя в темном проеме двери, Свендсен следил за каждым из них, переводя глаза с экспериментатора на пятерых зрителей.

Дора лежала на диване абсолютно неподвижно, закрыв глаза. В колеблющемся свете ее лицо было почти красивым. Грудь ритмично поднималась и опускалась, как у спящей.

— Ты очень устала. Тебе трудно поднять руку. Ты не можешь открыть глаза. Тебе хочется отдохнуть. Ты очень сонная...
И тут кто-то закашлялся.

4 Тот же день. Позже.

Приступ за приступом, в тишине разносился почти истерический кашель. Кто-то задел кресло, кто-то засмеялся. Настроение пропало.

Всматриваясь в темноту, Свендсен пытался узнать, кто это кашляет. Наконец он рассмотрел Хильду, которая сотрясалась всем телом, зажимая рот рукой. Фрэнсис хлопал ее по спине.

Все еще поглощенный тем, что делал, Уилл поднял сердитые глаза.

— Ш-ш, уведите ее отсюда, — хрипло прошептал он.

Дора слабо улыбнулась. Не открывая глаз, она вдруг заговорила низким монотонным голосом:

— Ты устала. Ты хочешь спать. Твоя голова уплывает далеко-далеко.

Все изумленно обернулись к ней, и кашель Хильды внезапно прекратился.

Дора засмеялась и села, расправляя юбку на коленях. В ней не было ни намека на сонливость.

— Да не смотрите так разочарованно, — улыбнулась она. — Это совсем не Хильда вывела меня из этого состояния. Я и до этого совсем не спала.

Уилл поднял руку, заставляя ее умолкнуть. Она замерла, удивленная.

Он прошел мимо напрягшейся, настороженной Хильды и изумленного Фрэнсиса туда, где, откинувшись на спинку дивана, полулежала Хелен.

Остальные только сейчас обратили на нее внимание. В слабом, неровном свете камина было видно, что ее глаза закрыты, а руки безвольно лежат вдоль тела. Но она не спала. Она беспокойно двигалась, а полураскрытые губы издавали какие-то звуки.

Когда Уилл наклонился над ней, кто-то взял его за рукав. Это была Винни. Она всем своим видом показывала, что хочет сказать что-то срочное. Уилл неохотно отошел на несколько шагов от Хелен.

— Так кого мы прикажем ей убить? — свистящим шепотом произнесла Винни.

С отвращением пожав плечами, Уилл пошел было обратно, и тут Дора воскликнула:

— Что?

Винни удержала Уилла.

— Это то, что мы собирались сделать с тобой, — поспешно объяснила она Доре. — Приказать тебе убить кого-нибудь, чтобы по-

смотреть, насколько у тебя силен внутренний запрет против этого.

— Ну, готова поклясться, что у Хелен такого запрета нет, — заметила Дора.

— Что с ней случилось? — пожелал узнать Крис.

— Я с самого начала боялся, что Дора не поддастся гипнозу, — нетерпеливо прошептал Уилл. — Но надеялся, что это подействует на кого-то другого.

Винни не дала увести разговор в другое русло.

— Хелен и Дора всегда цапаются. Прикажи ей убить Дору.

— Прекрасная идея, — произнесла Дора без всякого энтузиазма.

— По крайней мере, будешь знать, кого опасаться. — Фрэнсис с улыбкой обнял ее за талию.

— Дай мне свою трубку, Крис, — раздраженно проговорил Уилл.

Вынимая трубку и послушно протягивая ее, Крис спросил:

— Зачем?

— Это наш нож, — коротко ответил Уилл, подходя к Хелен.

Ее руки нервно теребили обивку дивана, двигаясь маленькими кругами. Из уголка губ потекла слюна и, подождав на подбородке, капнула на подушку дивана. Одна рука дернулась к высокому вороту платья и потянула его.

Полностью собравшись, Уилл сел опять на табурет и наклонился к ней.

— Как себя чувствуешь, Хелен? — мягко спросил он.

— Устала.

— Тебе хорошо, Хелен. Ты расслаблена.

Последовала пауза. Затем в неярком свете зрители могли видеть, как напряженные линии постепенно выравниваются, болезненные подергивания прекращаются, и вскоре Хелен лежала уже совсем спокойно, с расслабленными руками и безмятежным лицом.

Почувствовав, как ее руку неожиданно сжали словно тиска-ми, Хильда обернулась и увидела Винни. Не сознавая, что делает, та вцепилась в Хильду, не сводя глаз с лица Хелен.

Уилл внашал неподвижной фигуре на диване, что ей холодно.

— Ты идешь по снегу и замерзла. Ты вся дрожишь.

Правая рука Хелен поднялась и взяла левую. Она медленно начала ее потирать, и скоро уже всю терла себя обеими руками. Зубы застучали, а потом, так медленно, что это было почти незаметно, кожа ее рук покрылась пупырышками.

— Просто не могу поверить! — выдохнула Дора. — Просто не верю!

Словно не слыша ее, Уилл мягко продолжал:

— Тебе больше не холодно, Хелен. Ты только что вошла в теплую комнату. Тебе тепло и хорошо. — Пока он говорил, дрожание

постепенно прекратилось, Хелен перестала растирать себя. Можно было видеть, как разглаживается кожа.

Кто-то сзади глубоко вздохнул.

— Теперь ты маленький ребенок, Хелен, — убедительно говорил Уилл. — Тебе шесть лет, и ты собираешься пойти в школу. Ты помнишь, что случилось в первый день в школе, Хелен? Как звали твою учительницу?

Хелен заговорила, и Винни даже вскрикнула. Голос холеной светской дамы на диване был высок, как у ребенка, а слова звучали слегка шепеляво.

— Мы так смеялись! У нее ужасно смешное имя. Мисс Миньюз. Все ребята смеялись.

— Теперь ты старше, Хелен. Ты выходишь замуж. Это день твоей свадьбы. Помнишь день своей свадьбы, Хелен? Церковь полна народа. Все поздравляют тебя. Расскажи нам об этом.

Вдруг высокий страстный голос Хелен прорезал тишину. Он сам по себе был достаточно странным, но больше всего поражали слова.

— Киттен, — пронзительно звучал голос. — Киттен, что за отвратительная шляпка!

Когда эти неожиданные слова прозвучали в тихой комнате, Хильда наклонилась вперед и схватилась за спинку дивана. Лоб Уилла исказила морщина недоумения. Все остальные замерли, не отрывая глаз от Хелен.

— Она совсем не идет тебе, Киттен, — продолжал голос. — Тебе бы пошел более яркий цвет. И еще, дорогая, не Хильды ли эти жемчуга, которые на тебе? Они смотрелись бы гораздо лучше с ее платьем. Ты всегда берешь у людей то лучшее, что у них есть. Тебе же не нужны соперники, правда? И никогда не были нужны. До чего у нас много общего, Киттен! И ты, и я — мы обе эгоистки. Большие эгоистки. И мы не любим быть побежденными. У нас столько общего! Кроме одного. Между нами все-таки есть большая разница, правда, Киттен?

Она резко замолкла, и выражение ее лица начало меняться. Холодная самоуверенность превратилась в откровенную ненависть. Брови сошлись у переносицы, а в углах губ появились жесткие складки.

— Ты всегда выигрываешь, Киттен, — прошипела она. — Ты всегда выигрываешь!

Комната была абсолютно тиха, присутствующие старались не смотреть друг на друга. Наконец Уилл нерешительно обернулся, облизывая губы. Никто не говорил ни слова. Казалось, все ждали.

— А теперь расслабься, Хелен. Откинься на спинку. Тебе теперь удобно. Расслабься, — проговорил он.

Выражение ненависти стало исчезать с лица Хелен. Она откинула голову на спинку дивана и потерла глаза кулаками. Ресницы затрепетали и немного приоткрылись.

— Сядь, — тихо скомандовал Уилл.

Хелен уперлась ладонями в сиденье и села прямо. Ее голова слегка покачивалась.

Уилл наклонился ближе, но она не смотрела на него.

— Хелен, слушай внимательно. — Ее выражение не изменилось, лишь голова слегка наклонилась к нему. — Я скажу тебе нечто важное. Кто-то здесь хочет навредить тебе. У тебя есть враг...

— Да, я знаю. — Неожиданный ответ привел Уилла в замешательство. Голова Хелен вдруг поднялась, как у настороженной птицы. Даже в глазах появилось подобие осмысленного выражения.

Минуту Уилл колебался, выжидая, не вмешается ли кто-то из присутствующих, потом снова облизнул губы и продолжил.

— Ты знаешь, кто хочет навредить тебе?

Уверенный кивок.

— Кто?

— Кто-то хочет мне навредить.

— Да, но кто?

— Кто-то, — неразборчивое бормотание.

— Я знаю, кто хочет навредить тебе. Этот кто-то прямо здесь. В этой комнате. — Он помолчал, давая ей время осмыслить сказанное. — Ты должна как-то помешать этому.

В свете камина Хелен постепенно становилась все напряженнее. Колоблющиеся тени по-новому высветили ее лицо.

— Как-то помешать, — повторила она.

— Она — твой враг. Ты ее ненавидишь. Если ты ничего не сделаешь, она причинит тебе зло. Тебе надо что-то делать.

Не переставая говорить все тем же тоном, Уилл потянулся за трубкой. Другой рукой махнул зрителям. Повернувшись, он увидел их удивленные лица, но в конце концов все догадались попятиться к стене.

— Ты ненавидишь ее. Она отняла кого-то, кого ты любила. — Он остановился, чтобы перевести дыхание. — Ты должна убить ее!

Глядя прямо на Дору, он кивнул ей в сторону дивана. Она села, и остальные сели тоже. Уилл помотал головой. Фрэнсис сообразил и поднялся, увлекая за собой остальных. Когда Дора, сбитая с толку, тоже хотела встать, Уилл опять потряс головой. Она села. Повернувшись так, что его лицо освещал огонь, Уилл беззвучно произнес одними губами:

— Повернись спиной.

— Единственный путь вернуть своего любимого — убить ее. Ты должна ее убить. Прямо сейчас, пока еще не поздно.

Наконец Дора поняла и села на диван, поджав под себя ноги. Опершись на спинку, она повернулась спиной к Хелен и положила голову на руки.

Трубка лежала на раскрытой ладони Уилла.

— Посмотри, Хелен, — скомандовал он. Ее глаза поднялись к его ладони и там остановились. Что-то промелькнуло в их темной глубине.

— Это нож. — Она глядела на него зачарованным взглядом змеи под действием заклинателя. — Твой враг теперь один. Никто не узнает. Она крепко спит. Это твой последний шанс. Если ты не убьешь ее, то потеряешь того, кого любишь.

Напряжение покинуло тело Хелен, и она поглубже уселась на диване. Ее глаза, казалось, кого-то искали.

Уилл наклонился поближе, чтобы она видела его руку.

— Посмотри. Вот она. На том диване. Она спит. Сделай это теперь, пока никто не видит.

Взгляд Хелен оставался прикован к трубке. Подобно хорьку, она сжалась, отодвигаясь как можно дальше от страшного предмета. А потом медленно, как будто боясь, что увидят, ее глаза воровато оторвались от его руки, пробежали по ковру и остановились у подножия дивана, где полулежала Дора. Хелен облизала пересохшие губы. Затем глаза устремились к спине Доры.

— Тебе надо ее убить. — Голос Уилла был почти грубым в своей настойчивости. — Теперь, пока еще есть время. Никто не узнает. — Он протянул ей трубку и, заговорщицки понизив голос, сказал: — Возьми в руку. Посмотри, как удобно его держать.

Комната погрузилась в мертвое молчание. Дора слегка повернула голову, чтобы посмотреть между рук на то, что происходит сзади. Стоя в дверях, шофер следил за каждым движением, не отрывая глаз от трубки. В его напрягшихся мускулах читалась готовность к действию.

Все они видели, как белая рука крадучись скользнула вперед и отдернулась, будто от ожога. Неуверенно поколебавшись в воздухе, она опять вернулась. Затем большой и указательный пальцы обхватили трубку и подняли ее.

Уилл немного отодвинул скамью, чтобы освободить место.

— Вот она на диване. Крепко спит. Встань и посмотри на нее.

Она медленно поднялась, как будто ей было больно. Отведя руку с трубкой немного назад, она прошла, как слепая, мимо Уилла. Было видно, что она старается ступать как можно тише, на цыпочках.

Из-под рук Доры раздалось тихое “Боже!”. Девушка подняла глаза на Фрэнсиса, но тот смотрел на Хелен.

Примерно в футах от жертвы Хелен остановилась и уставилась на нее.

— Давай, Хелен, — тихо проговорил Уилл. — Сделай это сейчас.

Резким движением Хелен выпрямилась и дико огляделась вокруг, как будто пытаясь понять, где находится. Ее лицо было влажным от пота.

— Нет, — прошептала она. — Не просите меня. — Ее рука разжалась, и трубка упала на ковер с негромким стуком.

Полулежа на диване, Дора испустила глубокий вздох. Она готова была уже открыть лицо, когда Уилл быстро сказал:

— Подними нож, Хелен. Подними его.

Бессмысленно озираясь, Хелен пробормотала:

— Ножа нет.

— Он прямо у твоих ног, Хелен.

Свендсен еще больше напрягся. Уилл, лицо которого было в тени, заслонял от него Хелен, ищущую нож. Она неловко ползала на четвереньках, ощупывая ворсистую поверхность ковра. Затем ее рука сомкнулась на каком-то твердом предмете. Не отрывая глаз от туфель Уилла, она начала украдкой отползать.

— Подними его! — резко сказал Уилл, останавливая ее. Стоило ему двинуть ногой, как она неуклюже поднялась на ноги. — Это твой последний шанс. Убей ее немедленно!

Фигура Доры казалась чернильным пятном на светлой обивке дивана. Хелен что-то неразборчиво бормотала, из уголка рта текла слюна. Вот она потянулась вперед и дотронулась пальцем до подставленной спины.

Почувствовав прикосновение, Дора судорожно прижала кулак ко рту, прикусив зубами край ладони.

Шофер шагнул в комнату. Он видел дрожащие плечи Хелен, ее искаженное лицо, когда она заносила руку для удара. Послышался рыдающий, задыхающийся вздох...

И тут же в воздухе сверкнул металл.

Прежде чем кто-либо смог пошевелиться, он прыгнул на нее. Отчаянный вопль разорвал темную тишину. Его рука схватила ее за запястье, и что-то застучало по полу.

В последовавшей неразберихе упало кресло и кто-то выругался. Раздался гул голосов, все повскакали с мест. Затем яркий слепящий свет залил комнату.

Невольно жмурясь, Свендсен огляделся. Он увидел ряд белых лиц, с точками темных расширенных глаз. Все казались растерянными, словно их застали врасплох спросонья.

Уилл не отрывал потрясенного взгляда от чего-то на полу. Его лицо было мертвенно бледным. Вжимаясь в спинку дивана, Дора смотрела туда же, а в ее плечи мертвой хваткой вцепилась Хильда. Фрэнсис и Крис жались к ним, а Винни стояла у выключателя. На всех лицах был написан ужас.

Позади Свендсен услышал чьи-то рыдания. Он обернулся и увидел Хелен, полностью проснувшуюся, с лицом, закрытым руками.

— Где я? — плакала она. — Что случилось?

— Мой ножик, — сказал Уилл. — Я не могу понять... Я... должно быть, он выпал из моего кармана, когда я нагнулся.

Никто не ответил. В наступившей тишине раздавались только рыдания Хелен и потрескивание огня. Глаза шофера медленно обвели всех по очереди. И затем Хелен заговорила.

— Я думала... о Боже, я думала, что это Киттен... Я думала, это Киттен...

Неясный свет от сумеречного неба делал синюю курточку мальчика то пурпурной, то серой, то черной. Из окна он казался меньше, чем был, тоненькая, прыгающая фигурка, подбрасывающая вверх мяч. Время от времени он взглядывал вверх.

В комнате наверху пациентка опустила, наконец, штору, оставив комнату в полутьме. Сгорбившись, она сидела на краю кровати, рассматривая свои неподвижные руки. Через некоторое время она поднялась, подошла к туалетному столику и вытащила маленькую красную тетрадку с золотым обрезом. Сев обратно на кровать, пациентка начала медленно переворачивать страницы.

“Сегодня у Льюиса был первый день рождения. Ему устроили большой праздник, и я купила ему клоуна. Он испугался и начал плакать. Все были страшно недовольны, что я его купила. Хотя не представляю, откуда я могла знать, что клоун ему не понравится. Ему ужасно понравился медвежонок, которого купила Киттен. Большую часть вечера он сидел у нее на коленях и играл медвежонком. Все только и говорили ей, как удачно она выбрала подарок, хотя сама еще маленькая девочка...”

5

Суббота, 12 февраля. Ночь.

Свендсен стоял у окна своей комнаты и смотрел на дом. Погрузившись в ожидание, он рассеянно поглаживал указательным пальцем округлую поверхность фонарика. По светящемуся циферблату часов шофер видел, что прошел уже час с тех пор, как в доме был погашен последний свет. Внезапно он насторожился.

По дороге со стороны города поднималась машина. Он увидел свет фар еще до того, как она показалась на дороге. Как раз перед поворотом фары погасли, и дальше заскользила только темная тень, остановившаяся примерно в двадцати пяти ярдах от дома Корвитов.

Не отрывая глаз от парадной двери, Свендсен стал ждать. Это не потребовало много времени. Она вышла через минуту после остановки машины. Ее ноги с каждым шагом проваливались в снег, а позади роем вились потревоженные снежинки. В тусклом свете неба он увидел, как она заколебалась в конце дорожки и уже несколько медленнее снова пошла к машине. Открылась дверца, и из машины выбрался мужчина. Стоя рядом на дороге, эти двое о чем-то заговорили.

Надев пальто, Свендсен пошел вниз. Идя через гараж, он светил себе фонариком, но перед тем, как открыть ворота, убрал его в карман.

Две фигуры по-прежнему стояли около темного силуэта машины, их голоса сливались в неразборчивое бормотание. По то-

му, как они были поглощены разговором, можно было с уверенностью сказать, что его они не заметили. Сгибаясь почти пополам, Свендсен прокрался вперед под прикрытием каменной ограды и уловил отдельные обрывки разговора. Это был голос Хильды, говорящий что-то вроде "просто смешно". Впервые со времени их знакомства он слышал в ее голосе холодную уверенность.

Теперь шофер был уже достаточно близко, чтобы ясно слышать слова.

— Я не провожу расследование. Этим полиция занимается, леди.

— Значит, это просто ваши домыслы.

— Совершенно верно, леди, просто домыслы, — легко согласился мужчина. — Но забавно, что я нашел это точно в том же месте. И если полиция проявит любопытство...

— Самая глупая история, которую я когда-либо слышала.

— Не забывайте, леди, я недавно видел в газетах снимок этой — как ее? — Киттен, и на ней было то же самое...

Последовал презрительный смешок Хильды.

— Даже не представляю, сколько в Нью-Йорке платьев с таким же рисунком, мистер... Но вы ведь не назвали мне своего имени, правда?

— Сейчас вы строите из себя неприступную особу, леди, но вы совсем не так разговаривали по телефону. Если вас это не волнует, то почему вы согласились встретиться со мной?

— Если вам больше нечего сказать, боюсь, мне лучше вернуться. — Хильда повернулась и двинулась к дому, но мужчина удержал ее за руку.

— Речь идет всего-то о тысяче долларов, леди, но это может избавить вас и вашу семью от кучи неприятностей.

Вырывая руку, Хильда ледяным тоном произнесла:

— Что бы там они ни нашли, это не мое дело. Моя сестра сама может опровергнуть ваш смехотворный рассказ. — Она помолчала. — В том случае, конечно, если кто-то в здравом рассудке решится предположить такое.

— Тогда зачем же вы встречались со мной?

— Не уверена, стоит ли вообще объяснять, но знайте, что это было простое любопытство. Я постоянно делаю глупости. Уйдите с дороги!

— Но эта сумма не так уж велика за то, чтобы заставить полицию не совать нос.

— Мне как раз очень бы хотелось, чтобы вы пошли в полицию, мистер... Я с удовольствием воспользуюсь возможностью обвинить вас в шантаже. Когда вы позвонили, я дала параллельную трубку моему дворецкому, так что он...

Свендсен не стал ждать. Все еще сгибаясь пополам, он двинулся обратно, но вместо того, чтобы зайти в гараж, остановился в тени.

Через минуту или две он услышал, как заработал мотор. Звук его становился все глуше и скоро затих вдали. Хильда медленно шла к дому, опустив голову и глубоко засунув руки в карманы шубки. Когда она пошла по дорожке, он направился к ней в открытую, как будто только что вышел из гаража.

Тихо ахнув от неожиданности, она подняла голову и остановилась как вкопанная.

— Это вы, мисс Корвит? — поспешно произнес Свендсен.

— Ч-что?

— Это Свендсен.

— А! — Он услышал, как она перевела дыхание. — Вы испугали меня, когда появились так неожиданно.

— Мне показалось, что я видел машину, и я пошел выяснить, в чем дело.

— Да. Вы... Да, здесь была машина. Водитель, похоже, заблудился, а я... я гуляла, вот и остановилась поговорить с ним. Так что все выяснилось.

— Понимаю. — Он увидел, как резко она подняла голову при этих словах, и быстро добавил: — Я, пожалуй, пойду в кухню и выпью чего-нибудь горячего. В моей комнате довольно прохладно. Если вы замерзли, то, может быть, вам тоже... — Он сделал вид, что подбирает слова.

— Нет, спасибо. Думаю, мне пора спать. Спокойной ночи, Свендсен.

Хильда прошла в дом, а Свендсен, вздохнув, вынул из кармана записную книжку и карандаш, и нашел нужную страницу. Она была разделена на две части. Одна, подписанная "нижний этаж", была расчерчена квадратами: "гостиная", "лестница", "столовая", "кухня", "буфетная", "черная лестница" и "туалет".

Другой план, озаглавленный "второй этаж", был почти пуст, кроме обозначения лестницы. Теперь в углу его Свендсен отметил квадрат, подписав его "комната X".

Он прошел через гараж и поднялся по лестнице, но на верхней площадке удивленно остановился. Дверь в его комнату была распахнута. На стуле около шкафа лежала мужская шляпа, на комод было брошено пальто, а на кровати сидел человек, читавший при свете фонарика.

Немного старше сорока, он был выше среднего роста, а его открытое, бесхитрое лицо относилось к тому типу лиц, которые и у ребенка вызовут доверие.

— А, это ты, — сказал Свендсен. Опустив шторы, он включил свет.

— Привет, Джин. — Сложив газету, человек с приятным лицом положил ее на кровать, как и фонарик. — Ну, не могу сказать, чтобы это увенчалось успехом. — Голос звучал совсем не так, как у человека, который говорил с Хильдой на дороге, в нем не было и следа ниже-манхэттенского акцента, однако это был тот же самый голос.

Свендсен повесил пальто и, зевая, растянулся на кровати. Заложив руки за голову, он прикрыл глаза.

— Знаю. У меня было боковое место.

Человек немного удивился.

— Ты там был?

— Ага. Я же не знал, что ты ко мне зайдешь, и хотел узнать все пораньше. Кроме того, мне было интересно самому проследить за реакцией.

— Я подумал, что, раз уж я здесь поблизости, стоит заглянуть к тебе, — усмехнулся пришедший.

— А как она вела себя в первый момент? Это я пропустил.

— Даже трудно точно сказать. — В задумчивости мужчина просыпал часть табака на пол. — Когда я вытащил лоскут платья, то светил спичкой, так что не мог видеть ее лица. Тем не менее, мне с самого начала показалось, что она вся напряжена. Когда я позвонил, она, видимо, приготовилась к худшему. Ладно, теперь дело за тобой. Ничего больше не разнюхал?

— Это сложно. — Свендсен сел на кровати и провел рукой по волосам. — Я осмотрел машину, но там не за что зацепиться. А проникнуть в дом мне до сих пор не удалось. — Он нахмурился. — Но все в целом очень дурно пахнет. Слишком много больных нервов.

— Может быть, кто-то расколется? — Посетитель положил в карман фонарик и газету.

— Представь, вчера вечером они проводили нечто вроде эксперимента с гипнозом. Женщина по имени Хелен Льюисон чуть не всадила нож под ребра Доры Корвит, думая, что это Киттен. Всё, естественно, только ради смеха.

— Правда? — Посетитель опять сел. — Это интересно. Хелен Льюисон. Мы до сих пор не сталкивались с ней в этом деле.

— Они использовали трубку вместо ножа, но она упала на пол, произошло замешательство, и в руке этой женщины оказался нож. Все уверяют, что это чистая случайность.

— А ты как думаешь?

— Не знаю.

Мужчина опять поднялся и застегнул пальто.

— Я лучше пойду.

— Пока. — Встав, Свендсен направился в ванную. Когда гость закрыл дверь и стал спускаться, шофер тихо позвал его:

— Март!

— А?

— Я забыл сказать тебе кое-что. Там наверху есть комната, которая всегда заперта. Даже слуг туда не пускают. Комната Киттен.

На этот раз ответом было короткое молчание. В тусклом свете лестницы Свендсен увидел, как гость поднял на него глаза.

— Это оно, — сказал он наконец. — Ты можешь туда попасть?

— Пока не знаю.

Еще одна пауза.

— Ну ладно, пока. Держи меня в курсе.

Шаги гостя застучали по деревянным ступеням, эхом отдались в темном пространстве гаража и вскоре затихли.

6 Воскресенье, 13 февраля. Утро.

— Если ты предпочитаешь носить свитер, — говорила Анна Холлис Корвит своей дочери, — то почему он должен выглядеть, как пожертвование Армии Спасения? А твой макияж...

— Да, мама, я все это знаю. — Хильда облокотилась на письменный стол, прямо на разложенные на нем бумаги, и тоскливо уставилась в окно.

— Ты же всегда одевалась хорошо.

— Ах, мама, ну ради Бога! Теперь же все не так, как было всегда. Когда такое висит над нами... Хотя ладно, не важно. — Она встала и начала беспокойно ходить по комнате.

Миссис Корвит опять склонилась к бумаге для записей с вензелем "Конгресс женщин-избирателей Ривердейла". Это была высокая женщина, со стройной фигурой и седыми, по-мальчишески подстриженными волосами. Во время письма она то и дело проводила пальчиком по лбу своего правильного тонкого лица.

Невольный вздох матери остановил нетерпеливое хождение Хильды по кабинету. Она грустно посмотрела на склоненную спину, а затем коротко, как доктор, желающий отвлечь пациента от болезни, спросила:

— Что ты собираешься сегодня делать, мама?

Прежде чем миссис Корвит успела ответить, послышались быстрые шаги. В комнату вошел стройный темноволосый мальчик лет одиннадцати-двенадцати. Для ребенка такого возраста он был необычайно хорошо сложен и имел красивое удлиненное лицо. Но его глаза были постоянно прикрыты, как у очень застенчивых детей.

— Мама, — сразу же начал он. — Т-ты з-знаешь, г-где наша лопата?

Хильда оперлась о подоконник, с улыбкой глядя на него.

— Послушай, а ты не считаешь нужным сказать "доброе утро"?

Мальчик посмотрел на нее так, как будто впервые заметил.

— Д-доброе утро. Я делал лодку. — Он опять повернулся к женщине за письменным столом. — Мама!

— А зачем тебе лопата, Лью? — спросила миссис Корвит, продолжая писать.

— Я хочу расчистить дорожки. П-пожалуйста!

— Это хорошая мысль. Надо бы попросить Свендсена помочь тебе.

— А к-кто такой С-свендсен?

— Это наш новый шофер, дорогой. Он появился, когда ты был в школе. Надень свитер под куртку.

— Ты хочешь п-помочь, Хильда? — Мальчик остановился, не доходя до двери, и обернулся к сестре.

Секунду Хильда колебалась, затем решила.

— Да, Лью, — ответила она. — Я сейчас выйду.

— Ты сейчас что? — изумленно обернулась к ней мать, когда Льюис уже выбежал из двери.

— А что? — Хильда остановилась в дверях.

— Ты что, тоже будешь расчищать с ними дорожки?

— Ну да. А почему бы и нет? Мне не мешает побыть на свежем воздухе. Я считаю...

— Хорошо, — мягко согласилась миссис Корвит, опять склоняясь над письмом. — Я не возражаю.

— Но ты так спросила, как будто в этом есть что-то странное, — воинственно заметила Хильда.

— Я ничего такого не говорила, Хильда. Кстати, буду рада от тебя избавиться.

Хильда неторопливо вышла из кабинета, но, дойдя до гостиной, бегом взлетела по ступеням. Наверху она открыла дверь справа от лестницы и вошла в мрачную комнату с темными дубовыми панелями и мебелью из красного дерева. Порывшись в шкаф, она достала коричневые сапоги и бежевую куртку, отороченную леопардом.

Одевшись, пригнулась к небольшому зеркалу, чтобы повязать бежевый с желтым шарф, но внезапно остановилась и села. Хильда смотрела на свое накрашенное лицо, как будто впервые увидела его. Недовольная морщинка прорезала ее лоб. Вытащив из пакета косметическую салфетку, она начала решительно стирать макияж. Затем взяла большую банку крема и намазала все лицо. Стерев крем, она слегка припудрила кожу, тщательно удаляя излишки пудры. Быстро оглядев результат, добавила пудры вокруг покрасневших глаз, а затем подкрасила губы. Все еще недовольно морщась, убрала косметику в шкафчик и сбежала вниз по ступеням.

Когда Хильда вышла из парадной двери, перед домом никого не было видно. Направившись было к гаражу, она вдруг обернулась, смутно сознавая, что что-то не так.

Это был утоптаный снег около стены. Она заметила его, выйдя из дома, но не сразу осознала, что это значит. Если не считать следов на дорожке, это было единственное утоптанное место на участке. Хильда задумчиво втянула щеки. Подходя к гаражу, она услышала голос Льюиса из открытых дверей.

— ...С прошлого лета, — говорил он. — Давайте возьмем три. Моя сестра тоже хочет помочь.

— Которая из них? — спросил шофер.

— Вот эта, — ответила Хильда, входя.

Свендсен, только что изучавший что-то на полу, как раз встал. Льюис, не взглянув на сестру, потащил к выходу три лопаты.

— Доброе утро, мисс Корвит, — сказал шофер. Он нагнулся, чтобы стряхнуть грязь с колен. Забирая две лопаты у Льюиса, он добавил: — Я сейчас, Лью. — Мальчик направлялся к парадному фасаду дома.

— А вы быстро сходитесь с детьми, — заметила Хильда. — Она взяла лопату, которую он ей протянул, но не двинулась с места. — Я... Вы ходили по снегу около стены?

Его выражение не изменилось.

— Ходил по снегу? — вежливо переспросил он.

— Я хочу сказать, вы делали что-нибудь на газоне прошлой но... этим утром?

— Не понимаю вас.

— Снег у стены весь утоптан, и я думала, что... что... — Она сбилась под его мрачным взглядом.

— Да? — отозвался он.

Недовольно нахмурившись, она отвернулась.

— Вы всегда ведете себя так, будто издеваетесь над людьми?

— Я не собирался...

— Не важно. Это был, конечно, глупый вопрос. — Она пошла к двери. — Давайте начнем.

Слабая улыбка сбежала с его губ.

— Мисс Корвит.

— Да?

— Кто, по-вашему, мог бы копать в земле в это время года?

Хильда посмотрела по направлению его взгляда на лежащие на полу лопаты.

— Почему вы спрашиваете?

— На ней земля совсем свежая.

— Должно быть, это с прошлого лета. — Подтягивая шерстяные перчатки, она спросила: — Так вы об этом спрашивали моего брата?

— Да, я упомянул об этом. Откуда вы знаете?

— По его ответу, когда я вошла. А какая вам разница?

— Никакой. Только этой земле не больше нескольких недель.

С прошлого лета она бы превратилась в сухой песок.

— Может быть, здесь просто сыро.

— Может быть.

Перед входом в дом они увидели Льюиса, энергично разбрасывающего снег во все стороны.

— Эй! — окликнул Свендсен. Мальчик поднял голову. — Давай будем действовать по системе. Вы с сестрой начинайте с левой стороны от входа, а я начну справа.

— О'кей! — ответил мальчик. — Д-давайте устроим соревнование. П-посмотрим, к-кто п-первый дойдет до дороги. — Подняв палочку, он воткнул ее точно в конце подъезда к дороге. —

Вот так, п-правильно? Кто первый до нее докопает, тот победил.

— Подожди-ка, вас ведь двое, — возразил шофер.

— Да, но вы ведь мужчина. Я еще маленький, а она только девушка. — Льюис в нетерпении копнул снег лопатой. — Давайте начнем!

— Хорошо. — Шофер взялся за лопату.

Хильда тоже приступила к работе, хоть и не с таким увлечением, как брат. Постепенно ее кожа покраснелась, а волосы выбились из-под шарфа. Когда краску на лице заменил натуральный румянец, а непонятное беспокойство ушло, она стала почти хорошенькой. Даже ее обычно потухшие глаза заблестели.

— Он обгоняет, — с отчаянием сказал Льюис. — Ну, давай, Хил, с-скорей! — Он продолжал усиленно раскидывать снег во все стороны, не глядя, куда бросает.

— Ты не так делаешь, Лью, — засмеялась Хильда, ловя ртом снежинки. — Сгребай на обочину.

— У меня все в п-порядке, Хил, — отозвался он, тяжело дыша. — Это т-ты п-поторопись.

Они продолжали работать, мальчик изо всех сил, девушка — стараясь поспеть за ним. Время от времени шофер бросал на них взгляд.

Наконец, откинув последнюю лопату снега, Свендсен сказал:

— Я выиграл. Вот уже дорога.

Льюис поднял разочарованное личико.

— Вы уже дошли до палки?

Хильда громко рассмеялась и бросила пригоршню снега в лицо брату.

— Ну, конечно, малыш. Надо уметь проигрывать!

Слепив снежок, Льюис бросил его в сестру.

— Я умею, — добродушно ответил он. — Идите сюда, — крикнул он шоферу. — Мы устроим еще одно соревнование. Давайте посмотрим, кто быстрее очистит дорожки вокруг дома.

Не успел Свендсен ответить, как парадная дверь отворилась. Вышел мистер Корвит, замотанный в тяжелый шарф, и медленно подошел к ним.

— Мы с-сейчас соревновались, папа, — прокричал Льюис.

Отец остановился, рассеянно глядя на него.

— Говори помедленнее, сынок. В последнее время с твоей речью что-то случилось.

— Он выиграл, но это Хильда виновата. Я бы ни за ч-что не проиграл, если бы мы были с Киттен.

Делая вид, что прикуривает, шофер быстро взглянул на Хильду. Улыбка мгновенно пропала с ее лица. Она стала стряхивать снег с перчаток, старательно, словно маленькая девочка. Румянец разом исчез, и лицо опять превратилось в безжизненную маску. Бросив лопату в сугроб, она сказала:

— Мне что-то холодно. Пойду в дом.

Взглянув на отца, она увидела, что он свернул на дорожку и через минуту скрылся за поворотом. Льюис что-то прокричал и припустил за ним.

— Мисс Корвит, — сказал Свендсен.

Она устало повернулась к нему.

— Да?

— Сегодня у меня выходной. Я знаю, что не имею никакого права, но... — В ее глазах зажглась какая-то искорка. — Но не мог бы я взять машину?

Искорка погасла.

— А! — Она отвернулась. Ее голос был совершенно лишен выражения. — Конечно, берите.

Улыбаясь одними глазами, Свендсен смотрел, как за ней закрылась дверь.

Когда он вошел в кухню, там была только кухарка. Он взял "Дейли Ньюс" и лениво листал ее, пока не вошла Патрисия, неся швабру и совок. Увидев Свендсена, она тут же начала приглаживать волосы рукой.

— Этот мальчишка за выходные переворачивает весь дом вверх дном, — пожаловалась она кухарке. — Он разбросал палочки и щепки по всему второму этажу.

— Он строил лодку, — заметил Свендсен, как бы между прочим.

Горничная настороженно посмотрела на него, стирая пот с верхней губы.

— Я согласна, что дети должны развлекаться, — сказала она уже совсем другим тоном. — Но хотелось бы, чтобы они сорили в какой-нибудь одной комнате.

— Конечно, — с сочувствием заметил шофер. — Вам еще много работы?

— Еще три комнаты.

— А вам разрешается выходить по вечерам?

Глаза горничной мгновенно загорелись. Рука невольно опять потянулась к волосам, поправляя прическу.

— Мой выходной четверг. — Она выжидательно взглянула на него. — А у вас когда?

— Сегодня.

Патрисия села и пнула швабру ногой.

— Вы неплохо устроились, — прямо заявила она. — А как вам это удалось?

— Я не просил, — пожал плечами Свендсен. — Думаю, старик решил так потому, что сам не работает в воскресенье.

— А... — Она начала водить носком туфли по полу.

— Так вы можете освободиться на вечер?

Не отрываясь от готовки, кухарка поглядывала на них с откровенным любопытством. Патрисия заметно приободрилась.

— Я могла бы отпроситься. У меня скоро все будет сделано.

— Хотите пойти в кино?

— Еще как! Вы не представляете, до чего мне надоело сидеть здесь взаперти. Я уверена, что смогу освободиться. — Она нашла чистые тряпки и опять пошла к двери. — Лучше потороплюсь, чтобы пораньше закончить. Когда мне надо быть готовой?

— В семь вам подходит?

Патрисия согласно кивнула, не выказывая уже никакой усталости. Повеселев и напевая что-то себе под нос, она поднялась по черной лестнице.

Вечером, выйдя из кинотеатра, они решили поужинать в ресторане "Майен". Остановившись перед светящейся вывеской, Свендсен обошел машину, чтобы открыть дверь Патрисии. Они выбрали столик в дальнем углу. После десятиминутного размышления и обсуждения меню, Патрисия решилась на "Бренди Александер" и бифштекс. Свендсен заказал виски с содовой и бифштекс.

— У тебя миленькое платье, — сказал он, когда официант отошел. — Корвиты, должно быть, неплохо платят.

— О, платят они хорошо. Это единственная причина, по которой я не ухожу. Ты знаешь, когда не надо платить за комнату, еду и прочее, это, конечно, тоже плюс. Но все равно, я не жалею, что они переезжают.

— Почему?

— О, мне предлагали несколько отличных мест. Я... — Официант подошел с напитками, и она молчала, пока он не ушел. — Я устала быть горничной, — сказала она несколько потише, оглядываясь вокруг, не прислушиваются ли к ней. — Мне кажется, лучше было бы стать официанткой. Только надо посмотреть, сколько будут платить. А ты так и останешься шофером?

— Ага. А я думал, что ты не жалеешь об их отъезде, потому что есть какие-то проблемы.

— Господи, нет. Они нисколько не хуже других, как мне кажется. Потом, это даже престижно, ты ведь понимаешь. Ну, он такая большая шишка, его имя всегда в газетах, и все такое. И деньги, конечно. Ты бы видел их дом в Поулинге! — Она манерно отпила глоточек белой жидкости из своего стакана, держа его двумя руками и положив локти на стол.

— Должно быть, в такой семье непросто работать. Мальчик-подросток и больная.

— Ну, мальчик приезжает из школы только на выходные. А... ты имеешь в виду Киттен? Она вообще теперь не требует забот. Раньше создавала куда больше проблем, вела себя так, как будто я ее персональная горничная. Патрисия, сделай то, Патрисия, пришей это, Патрисия, помоги мне с платьем! Она любила покомандовать, как они все, впрочем. А Уэймюллер заставлял нас быть в десять раз аккуратнее, если мы работали для нее. Он вел себя так, как будто она богиня или что-то вроде этого. Ты зна-

ешь, иногда мне кажется, что он влюблен в нее. Ну, не смешно ли?

Свендсен махнул рукой, призывая официанта, и заказал бутылку бургундского к мясу.

— Подумать только, как все с ней носятся, — продолжала Патрисия, не заметив, что ее перебили. — Я бы не дала ей запереться в комнате и не стала бы приносить ей туда еду и прочее. Это все мистер Корвит. Он всегда баловал ее и позволял делать что угодно. Ха! Как будто она младенец! Да она выше его! И именно он дал ей это дурацкое имя. Я никогда не слышала... — Патрисия остановилась, наблюдая, как официант наливает им вино. Отвлечшись от своего рассказа, она спросила: — Это ты заказал?

Свендсен кивнул.

— Боже, мне, кажется, лучше не пить. — Она хихикнула. — Я слишком быстро теряю голову.

— Так что с ней случилось?

— С кем? Ах, с Киттен. — Патрисия опять сосредоточилась на теме, облизывая губы. — Что я говорила? Ну да, я никогда не слышала, чтобы ее звали...

— А что с ней случилось?

— Она попала в аварию. Это всем известно.

— Но почему после аварии она начала прятаться от всех в запертой комнате?

— Что-то случилось с ее лицом. Она разбила его о ветровое стекло. — Хотя девушка старалась оставаться бесстрашной, уголки ее рта скривились при этих словах. — Говорят, что на него просто страшно смотреть. И не то чтобы она была такой уж красавицей. Не знаю, из-за чего все так с ума сходили. До аварии дом был полон поклонников.

— Может быть, кто-то приходил и к другим девушкам?

Патрисия опять оживилась. Сделав долгий, со вкусом, глоток вина, она рассмеялась.

— Другие девушки! Просто смех! Ты видел Криса Гледхилла с Хильдой? Такого высокого красавчика? Он один из приятелей Киттен. Теперь, когда он не может с ней видаться, он везде появляется с Хильдой.

— Он тоже не видится с Киттен?

— Конечно, нет. Неужели она позволит молодому человеку увидеть себя в таком виде?

— А ты тоже ее никогда не видела?

Патрисия покачала головой, с жадностью глотая.

— Нет. Хотя, честно говоря, умираю от любопытства. Но я не говорю, что она не видит вообще никого. Людям постарше разрешается заходить к ней. На них-то ей наплевать. Вот сегодня приезжали родственники, и еще эта миссис Шонеман. Ну, мать Доринного красавчика, Фрэнсиса. Фрэнсис — единственный молодой человек, которого она видит. Он ее доктор. Ничего себе доктор!

— А что, ты о нем не очень высокого мнения?

— Выглядит-то он ничего. Но у меня другое представление о докторах. Боже, если бы он начал меня осматривать... — Она захихикала. — Ну, ты понимаешь. Я бы просто не позволила ему, вот и все. Я не думаю, что он... — Она замешкалась, подыскивая слово.

— Достаточно профессионален?

— Ну, да. Профессионален. Я бы не подпустила его к себе — уж во всяком случае, не в качестве доктора. Ни за что!

— Только подумать, как ужасно, когда такое случается с молодой хорошенькой девушкой.

— Что ты... А-а, ты имеешь в виду Киттен? — Девушка заколебалась, глядя в тарелку, затем пожала плечами. — Даже не знаю. Ведь долгое время она имела все. Я считаю, что никто не может иметь все всю жизнь, правда? У нее были и деньги, и сколько угодно нарядов. И ей никогда не приходилось работать. — Отодвигая тарелку, Патрисия грустно размышляла вслух: — О ней всегда писали газеты. Все считали, что она — нечто из ряда вон выходящее. А она уж не была такой исключительной. — Горечь, накопившаяся за долгие месяцы свидетельства чужого торжества, переполняла ее. — Знаешь, что? — Она посмотрела на него с каким-то детским вызовом. — Один из ее приятелей... не помню его имя. В том смысле, что он, кажется, никогда и не говорил его мне. Так вот, он всегда приходил в кухню, чтобы заигрывать со мной. Я ему действительно нравилась. Он был на самом деле отличный парень. Очень высокий, черноволосый. Чем-то похожий на тебя, только более... ну...

— Другой, — подсказал шофер.

— Да... да. Другой. — Патрисия посмотрела на него с подозрением, но лицо его было совершенно серьезно. — Он всегда говорил, что я выгляжу в точности как Люсиль Болл, только черноволосая. Он, кстати, не первый это заметил. Если ты согласишься, сам заметишь. — Она повернула головку на три четверти и улыбнулась. Свендсен подтвердил, что видит сходство. — Ну вот, он всегда приходил на кухню и делал вид, что помогает. Он ужасно любил шутить. Каждый раз, когда Киттен приходила искать его, он обнимал рукой другую служанку и делал вид, что говорит с ней. Но при этом всегда подмигивал мне. Киттен тоже это видела, но делала вид, что ей все равно. Она всегда говорила одно и то же. Что-то в том роде, что кухня это не место для... для игр. Чудовище! Она всегда говорила чепуху. — Патрисия умолкла. При этом воспоминании ее глаза погасли. — Но он никогда никуда меня не приглашал. — Глядя сквозь Свендсена, она взяла свой стакан. — Слишком придерживался правил, наверное.

— Мне кажется, — перебил ее Свендсен, — что у Киттен должны быть подруги, которые навещают ее.

— Господи, конечно, нет. Они ее ненавидели. Они рады были бы видеть ее изуродованной, и она это прекрасно знает. Тянулись

к ней просто потому, что она была в центре внимания. Ты замечал, как девушки тянутся к тем, кто пользуется успехом? Когда я училась в школе, было то же самое. Из-за того, что парни ухаживали за мной, остальные девочки...

— Значит, они были бы рады, если б с ней случилось несчастье? А кто, по-твоему, был бы больше всех рад?

— Господи, да почти все. Могу поспорить, миссис Льюисон не особенно расстроилась. Конечно, она замужем и все такое, но мне кажется, что она завидует Киттен. Не знаю, почему именно. Они редко встречались в одной и той же компании. Но она ненавидит Киттен. Впрочем, она не единственная. Ее все ненавидят. Девушки, я хочу сказать.

Неожиданно глаза Патрисии стали более осмысленными. Она поколебалась, облизывая губы, и, наклонившись, вперила взгляд в Свендсена.

— Хочешь, скажу кое-что?

— Что?

— Не знаю, стоит ли тебе об этом рассказывать. Ты никому не скажешь? Я имею в виду Корвитов или Уэймюллера?

Свендсен отрицательно мотнул головой.

— Так вот, ты знаешь, что в газетах писали, будто бы Киттен была одна в машине, когда случилась авария?

— Да, и что?

— На самом деле, я думаю, все было не так. Мне кажется, кто-то нарочно разбил ее лицо о ветровое стекло.

Свендсен прекратил теребить кофейную ложечку. Положив руки на столик, он внимательно изучал их.

— Это было бы совсем не легко, с таким-то стеклом. Почему ты так думаешь?

— Но ведь столько людей были бы только рады...

Он вздохнул.

— Так это только догадки?

— Ну, как бы она смогла сама приехать домой, будучи вся порезана?

— А что ей было делать, если вокруг никого? Кроме того, неужели она стала бы молчать об этом?

— Ты не знаешь эту семью! Они сделают все, чтобы только о них не судачили. — Ее голос был полон упрямства. — Но это еще не все. Я, вообще-то, не должна тебе этого говорить... Я обещала кухарке, что не скажу. Так вот. В день аварии кухарка вышла на улицу, чтобы бросить старые газеты в помойный бак. Мне казалось, что перед этим я слышала звонок в дверь. Так или иначе, она сказала, что видела, как Киттен выезжает. И кто-то еще был с ней в машине. — Патрисия прищурилась. — И что ты об этом думаешь?

— А не могла она высадить этого кого-то до аварии?

— Да, но... Они-то говорят, что она вообще поехала одна. Они всем так рассказывают.

Свендсен не отрывал глаз от своих рук.

— А кухарка не видела, кто это был?

— Нет. Она же видела только мельком. Даже не заметила, был это мужчина или женщина.

— Понимаю. — Рука, сжимавшая ручку чашки, разжалась. Он встал. — Ну, пойдём.

Дверь тихо закрылась, прошуршав по ковру. Тусклый сумеречный свет, неожиданно попавший из коридора, осветил овальный предмет на стене.

В комнате наверху пациентка глядела на маленького медного пловца, прикрепленного к деревянному овалу. Он пригнулся, собираясь нырнуть. Повернув доску обратной стороной, она посмотрела на надпись, выгравированную на обороте: "Первое место по прыжкам с вышки. Киттен Корвит". Через некоторое время овальная доска была вновь повешена на место, а пациентка подошла к туалетному столику и взяла красную тетрадь с золотым обрезом. Склонив голову, она всматривалась в страницы, не издавая ни звука и не двигаясь.

"Сегодня мы ходили на соревнования по плаванию. Я участвовала в плавании на спине и кролем, но ничего не выиграла. Киттен выиграла два первых приза, один за кроль, один за прыжки в воду. Все восторгались ею. Позже к ней подошел инструктор и спросил, не хочет ли она профессионально заняться плаванием. Она сказала, что никогда об этом не думала, а он добавил, что следовало бы подумать. Но она ответила, плавать только ради удовольствия..."

7 Понедельник, 14 февраля. Вечер.

Глядя на каждую карточку, прежде чем отбросить ее, Хильда писала "да" или "нет" против соответствующего имени в лежащем перед ней списке.

— Получив приглашения полтора месяца назад, они могли бы и не тянуть с ответом до последней недели, — сердито пробормотала она. Лампа на письменном столе в кабинете освещала неровным светом ее темноволосую голову, склоняющуюся то к карточкам, то к списку.

— Большинство из них собирается прийти, так, Хильда? — спросила Дора, изучая листок бумаги, лежащий на коленях.

Хильда кивнула. Ее взгляд почему-то постоянно устремлялся на портьеры, закрывающие стеклянные двери на террасу, как будто она кого-то ждала.

— Да, вряд ли нам придется легко. — Бросив лист бумаги на диван, Дора положила ногу на ногу и вытянула перед собой руку. Огонь камина заиграл на квадратном бриллианте. — Лучше сделать его единственным, Фрэнсис. С другими камнями он будет выглядеть тяжеловато.

Фрэнсис развалился рядом с ней на диване, ноги вытянуты, глаза сонно глядят в огонь.

— А выпивки будет достаточно?

— Целый ящик шампанского специально для тебя.

— Еще бы, ты же знаешь, что не смогла бы притащить меня к алтарю трезвого. Ручаюсь, ты всем говоришь, что это я сделал тебе предложение. А я был просто невинной жертвой. Это ты все сделала. Крутила своими ножками, натиралась духами и шуршала шелковым бельем. А я только выдавил пару слов.

Дора вытащила сигареты и закурила. Выдохнув струю дыма в сторону камина, она коротко произнесла:

— Я хотела бы, чтобы свадьба была в ратуше. Не нужно всей этой суматохи и шума, — добавила она, раздраженно повышая голос и переводя взгляд с сестры на мать. — Стоит ли сейчас беспокоиться о...

— Дора, мы же все это обсуждали, — устало проговорила миссис Корвит. — Приглашения уже были разосланы.

— Знаю. Но если бы я могла, то все бы отменила.

— Что? Свадьбу? — ухмыльнулся Фрэнсис.

— Причем, именно здесь, в доме, — продолжала Дора, не обращая на него внимания.

— Но это же не будет что-то грандиозное, Дора, — тихо заметила Хильда. — Люди примут во внимание, что мы... что мы уезжаем.

— Отец тоже хотел сделать по-моему. — Дора погасила свою сигарету после двух затяжек, сердито воткнув ее в пепельницу.

— Кстати, где он сегодня? — спросил Фрэнсис. — Опять где-нибудь напивается?

— Нет, — недовольно ответила Дора. — Сегодня вечером он заигрывает с горничными.

— Блестящая мысль! Я и сам бы не прочь приударить за Патрисией.

Хильда, рассеянно слушавшая разговор, резко отвернулась к своим бумагам.

— Он наверху, Фрэнсис. Читает, — сказала миссис Корвит.

— Да еще это белое платье! — продолжала Дора. — Только ненужное неудобство!

— Хильда терпит ровно такое же неудобство, — перебила ее миссис Корвит. — Подружка невесты тоже надевает специальное платье.

— Хильда просто ангел! — сухо заметила Дора.

— Послушай, Дора, — проговорила ее мать тихо, но с особым значением. — Все должно быть как полагается. Мы не можем допустить, чтобы начались разговоры.

— Если бы только это не было дома, мама!

Сжав руки на коленях, миссис Корвит твердо начала:

— В приглашениях...

Зазвонил дверной звонок. На мгновение все в комнате замерло, затем в кабинет вошел Уэймюллер и доложил о приходе мистера и миссис Льюисон. Последовало короткое недовольное молчание.

Смиренно вздохнув, миссис Корвит произнесла:

— Проводите их сюда, Уэймюллер.

Когда дворецкий вышел, Дора откинула со лба волосы и пробормотала:

— Она, должно быть, с ума сошла — привести сюда Спенса!

— В приглашениях говорится “у нас дома”, — закончила миссис Корвит. — И мы не будем ничего менять.

— Лучше проверить, все ли ножи на месте, — ухмыльнулся Фрэнсис.

Миссис Корвит озадаченно посмотрела на него.

— Ножи?

Хелен беспечно впрорхнула в комнату. За ней шел маленький худой человечек с очень светлыми волосами и бледным лицом.

— Какая очаровательная сцена! — заметила она, останавливаясь посередине комнаты. — Единственное, чего не хватает, так это качалки. — Фрэнсис встал, сказал, что она выглядит прелестно, и проводил ее к дивану. — А тебе, Фрэнсис... — продолжала она, — тебе бы надо иметь на руках моток шерсти. С ним бы ты прекрасно смотрелся. А что ты делаешь, Хильда? О, простите меня, миссис Корвит, здравствуйте.

— Проверяю ответы на свадебные приглашения, — отетила Хильда. — Ваш пришел последним.

— А, свадьба! — Хелен села между Фрэнсисом и Дорой, представив своему мужу сесть на диване напротив. — Ну, я могла бы даже и не отвечать. Вы же знаете, такое я ни за что не пропущу.

Неслышно вошел Уэймюллер и поставил на стол сифон, бутылку, оплетенную цветной соломкой, лед и стаканы. Так же тихо он вышел.

— Я, наверное, поеду завтра в город и куплю наряд для свадьбы, — продолжала Хелен. — Налей мне чего-нибудь, Фрэнсис, милый. Я решила затмить невесту. Я видела такое платье...

— Помнишь то черное, с разрезами? — вмешался ее муж. — Оно тебе пойдет. Острое и порочное. — Он говорил с английским театральным акцентом. Его худощавое лицо с высокими скулами пахло дорогим лосьоном, а в одежде преобладали голубой и серый цвета.

— И почему зимой женщины одеваются в траур? — поспешно вставил Фрэнсис. — Ты, Хелен, рождена для ярких цветов.

Хелен, однако, не заметила его вмешательства. Напрягшись, как змея перед броском, она медленно повернула голову к мужу. Уэймюллер опять вошел, объявляя о приходе мистера Гледхилла. Не обращая внимания на дворецкого, Хелен прошипела сквозь зубы:

— А тебе пошло бы голубое. Очень мило и женственно.

Быстро поднявшись, Дора попросила:

— Проводи его сюда, Уэймюллер.

На долю секунды дворецкий заколебался, обводя глазами комнату, затем наклонил голову и вышел. В комнате было тихо. На слова Хелен не последовало иной реакции, чем короткий смешок Спенсера. Он даже не покраснел. Хильда перебирала бумаги, а Дора начала звенеть стаканами, смешивая напитки.

— Привет всем! — Лицо Криса Гледхилла раздурманилось от холода, волосы были взъерошены. Он сел около миссис Корвит и потер руки, явно не заметив натянутого молчания в комнате.

— Привет, Крис, — сказала Дора, всовывая стакан ему в руку.

Немного удивленный, он машинально взял его.

— Что, я как-то не так выгляжу? Похоже, что я крайне нуждаюсь в выпивке?

— Таково гостеприимство Корвитов, — пояснил Фрэнсис. — Они всех прибывших встречают у дверей во стаканом в руке. Если он сможет взять его, то его пустят в дом.

Вздыхнув, Хильда отложила бумаги и встала.

— Придут все, кроме семнадцати человек.

— Не выходи замуж слишком часто, Дора, — усмехнулся Фрэнсис. — Будет утомительно для Хильды.

— Это ты не захочешь всю жизнь жить с одной женщиной, правда, Фрэнсис? — спросила Хелен, наблюдая за ним. Ее муж был благополучно забыт.

— Я не говорил об “одной женщине”. Просто одна жена.

Хильда сонно прикрыла глаза и откинулась на подушки, следя за оранжевыми язычками пламени, пляшущими в камине. Неожиданный смех заставил ее вздрогнуть и поднять голову. Крис с улыбкой глядел на нее, облокотившись о камин.

— Ты похожа на одну из тех кукол... Как вы их называли? Оборванная Энн.

— Почему? Ведь мое платье не порвано.

— Я имею в виду твою позу.

— Ой! — Она села прямо и хлопнула по дивану. — Садись сюда.

Но Крис уже не смотрел на нее. Хильда замерла, увидев, что он взял в руки игрушечного котенка и стал натягивать веревочки, заставляя зверька ползти вверх и вниз. В свете камина его лицо приобрело неожиданную глубину и выразительность. Почувствовав на себе взгляд Хильды, он смущенно поставил котенка на каминную полку и сел.

— Она столько времени хранит его!

— Да. — Хильда водила пальцем по колену, не поднимая глаз.

— Никогда не видел, чтобы кто-то так долго был привязан к какой-нибудь вещи. Она держит его уже четырнадцать лет.

Хильда не ответила. Он наклонился к столу, налил два стакана и один протянул ей.

— Как она поживает?

— Так же.

— А шум ей не мешает? — Кивком головы Крис указал на музыкальный салон, где Хелен и Фрэнсис распевали “Дорогая Нелли Грей”.

Хильда покачала головой.

— Государственная ярмарка графства, — задумчиво продолжал Крис. — Моя мать взяла меня туда, чтобы посмотреть на призовых животных. Помню, я увидел, что все дети толпятся у киоска с игрушками, и пошел посмотреть, что же там такое. Это была игрушечная обезьянка. Продавец заставлял ее лазать по веревочке. Я упросил маму дать мне денег на эту игрушку и вдруг заметил котенка. Голубого фарфорового котенка. Он напомнил мне о глазах Киттен, и я решил купить игрушку ей, а не себе. — Поворачивая стакан в руках, он издал странный горловой звук, нечто среднее между кашлем и смехом. — Боже, как он ей понравился!

Хильда продолжала сидеть молча. Блики огня играли на ее напряженном бледном лице, подчеркивая морщинку меж сведенных бровей. Наконец она глубоко вздохнула и посмотрела на его руки, беспокойно теребящие стакан.

— Почему, как ты думаешь, она держит котенка так долго? Это был первый подарок, который она получила от мужчины, она всем это говорит. Крис, почему ты всюду меня приглашаешь? Хотя, я знаю ответ. Ты никогда не обращал на меня ни малейшего внимания, пока мог общаться с Киттен. Ты был среди ее поклонников с тех пор, как она начала ходить. Приглашал ее на все значительные события своей жизни, если она не отказывалась. Теперь ты приглашаешь меня. Ходишь всюду со мной, чтобы не упустить момент, когда она согласится снова тебя видеть. Разве не так, Крис? Я не возражаю против этого. Но я возражаю, чтобы меня считали слепой.

— Мне... мне ужасно жаль...

Наблюдая его смущение, она спросила:

— Это правда, ведь так? — Ее взгляд был очень настойчивым.

С жалким видом Крис мял в руках трубку. Наконец, не поднимая глаз, он кивнул.

— А, впрочем, какая разница, — сказала Хильда, пытаясь пальцем разгладить морщинку на лбу. — Ты не первый такой.

8

Вторник, 15 февраля. Утро.

Когда Свендсен, отвезя Ледъярда Корвита в офис, вышел из табачного магазина, то увидел у тротуара знакомую машину. Это был оранжевый “бьюик” из гаража Корвитов. Он посмотрел на здание конторы, но не заметил никого из знакомых. Сев в “линкольн”, он отъехал на квартал назад и стал ждать.

Через некоторое время на улицу торопливо вышла Хильда. Она остановилась как вкопанная, глядя на то место, где только что стояла машина отца. Окинув взглядом улицу и не увидев

“линкольна”, она уже медленнее пошла к своему “бьюику”. Свендсен усмехнулся и включил зажигание.

Яркий “бьюик” прекрасно выделялся на мрачноватых серых улицах, так что его легко было преследовать. Шофер держался достаточно далеко, пропустив вперед несколько машин. Один раз Хильда резко затормозила, останавливаясь на красный свет, и он тоже сбросил скорость, чуть не столкнувшись с машиной сзади. Ему пришлось ползти очень медленно, пока светофор не переключился.

Остановив машину на Пятой авеню, Хильда вышла и скрылась в высоком сером здании. Припарковавшись в квартале от нее, шофер бросил взгляд на небольшую, искусно украшенную витрину косметического салона и, казалось, совершенно расслабился. Откинувшись на спинку, он неторопливо закурил.

Хильда появилась примерно через час и опять села в машину. Она остановилась на Сорок восьмой улице, где зашла в магазин “Бергдорф Гудман”. Это заняло пятнадцать минут. Еще одна остановка была сделана у аптеки. Вскоре, около половины второго, она припарковала машину у маленького ресторанчика и зашла туда. Ни разу при этих остановках она не запирала машину.

Дав ей время войти, шофер без колебаний подошел к ее “бьюику” и сел в него уверенно, как хозяин.

На переднем сиденье лежали несколько свертков. Быстрыми решительными движениями он открыл маленький серый пакет, явно из аптеки. В нем была розовая коробочка с номером, датой и именем доктора Фрэнсиса Шонемана. Там также говорилось: “По одной перед сном, при необходимости”. Внутри были желтые капсулы. Свендсен завернул все так же, как было, и завязал.

В бумажном пакете с маркой “Бергдорф Гудман” лежали светлые замшевые перчатки. В другом пакете из того же магазина была коробочка с заклеенными краями. Бросив быстрый взгляд на ресторан, он отогнул уголок крышки и просунул в щель палец. Нащупав там что-то мягкое и шелковистое, шофер вытащил наружу край нежно-голубой ткани. Скорее всего, это была пижама или ночная рубашка.

С раздраженной гримасой Свендсен поправил края коробочки, чтобы все было как прежде. Выйдя из машины, он не торопясь вернулся к “линкольну”, подъехал поближе и припарковался. В телефоне-автомате в аптеке он набрал номер Корвитов.

— Алло! Уэймюллер? Это Свендсен. Передайте, пожалуйста, миссис Корвит, что с машиной что-то не в порядке, и она сейчас в ремонте.

— Почему вы не позвонили раньше? — недовольно спросил дворецкий.

Свендсен ответил все так же спокойно:

— Я не знал, сколько это займет времени. Они все еще ее чинят.

— Вам бы следовало позвонить. Другие две машины в разезде, а миссис Корвит ждет, что вы отвезете ее на собрание. — Уэймюллер помолчал. Когда он снова заговорил, его тон был уже другим. — А в какой мастерской вы ее оставили?

— Какая разница? — коротко бросил Свендсен. — Скажите ей, что я ничего не могу сделать. — Повесив трубку, он нахмурился и быстро зашагал к ресторану.

Хильда сидела за столом почти в центре зала, лицом к входу. Свендсен подошел к ней и удивленно воскликнул:

— Как, мисс Корвит!

Она сразу же заметила его. Лицо ее мгновенно приняло выражение замкнутой отчужденности. Положив ложку на край тарелки с супом, она нервно промокнула губы салфеткой.

— Что вы здесь делаете, Свендсен?

— Машина не в порядке, мисс, — любезно объяснил он. — Пока ее чинят, я просто гуляю поблизости.

— И случайно зашли сюда.

— Но я голоден.

— И вы всегда едите в подобном месте, когда голодны?

— Честно говоря, я увидел ваш “бьюик” на улице, вот и заглянул сюда. — Свендсен пожал плечами и посмотрел ей прямо в глаза. — Увидев вас, я решил не упускать случая.

— До чего лестно! Можете присесть, если хотите.

Он широко улыбнулся и сел за ее столик.

— Мне очень интересно, будет ли наследница Корвитов настолько демократична, что согласится поужинать с шофером?

— Я только одна из наследниц Корвитов, — резко бросила в ответ Хильда. — Вы подбываете ко всем в доме. Неужели моя мать будет следующей?

— Так вы согласны?

— Но почему?

— Потому что я могу составить хорошую компанию. Я могу танцевать, могу жонглировать тремя шариками одновременно, могу...

— Я имею в виду, почему вы хотите меня пригласить?

Свендсен замер, всем видом выражая удивление.

— Неужели вы всегда так спрашиваете, когда вас приглашают?

Вопрос задел Хильду. Она слегка нахмурилась.

— А вы всегда выводите из себя тех, кого приглашаете?

— Прошу прощения, больше не буду. — Он покорно развел руками. — Это всего лишь способ сделать так, чтобы вы меня заметили.

— Ну, хорошо. Но вы не сказали мне, зачем вам это надо.

— Ну, — непринужденно пояснил он, — это первый шаг к обретению части состояния Корвитов.

Ее большие серьезные глаза внимательно изучали его. Кажется, она обдумывает ответ.

— Так вы поэтому стали шофером? — спросила она. — В надежде жениться на наследнице?

— А что? Пока все идет как надо.

— Точно по плану!

— Так вы пойдете?

Хильда кивнула.

— Прекрасно. Воскресенье вас устроит?

— Нет. В воскресенье моя сестра выходит замуж.

Свендсен повернулся к ней, немного растерявшись.

— Ах, вот как! А как насчет сегодняшнего вечера? В том случае, конечно, если мне удастся освободиться.

— Хорошо. Я скажу отцу, что хочу, чтобы вы меня куда-нибудь отвезли.

— Да? Так значит, он все-таки будет против?

Она надела шубку и поправила шляпку, не вставая из-за стола.

— Я не хочу, чтобы слуги сплетничали. — Махнув официанту, она попросила счет.

— Ну, уж, нет, — заявил он, отбирая его. — Как я смогу заполучить ваши денежки, если для начала не произведу на вас впечатления.

Свендсен проводил ее к выходу, надевая по дороге пальто. Открыв дверцу машины, он оперся на ее капот и подождал, пока Хильда найдет в сумочке ключи.

— Такая яркая машина, — небрежно заметил он. — Совсем не в вашем стиле.

— Да? — Она быстро взглянула на него и вставила ключ в зажигание. — Ну, до свидания.

— Да не сердитесь! Вы так реагируете на каждое слово, как будто...

— Это не моя машина. Моей сестры.

— Я так и знал, — спокойно сказал он. — Она гораздо больше в стиле мисс Доры.

— Нет, не Доры.

— Вот серая должна быть вашей, — торопливо заговорил Свендсен, так как Хильда уже поставила ногу на газ. — Она вам больше соответствует. — А когда девушка подняла на него прищуренные глаза, он умиротворяюще добавил: — Я хочу сказать, что в ней нет ничего излишне броского.

— Осторожнее, я отъезжаю. Нет, она тоже не моя. Она общая. — Хильда решительно отвернулась, и машина плавно отъехала от бортика.

Свендсен смотрел, как она проезжает по улице и исчезает в потоке машин. Затем двинулся назад к "линкольну", но передумал и зашел в аптеку, позвонить по телефону. Набрав номер, он попросил Францера.

— Алло, Март? Это Джин. Она не может в воскресенье. Нам придется успеть сегодня. Да брось, ну как я мог что-то сделать,

когда она... Ой, да заткнись!.. Нет, все нормально. В то же время. О'кей. — Он был готов уже повесить трубку, но вдруг вспомнил: — Март! Послушай. Красная машина принадлежит Киттен. Но почему-то новое ветровое стекло оказалось у серой... Что?.. А, общая. Семейная... Вот именно, правда?

Повесив трубку, он пошел обратно к машине.

Лампа отбрасывала круг света на открытый альбом, лежащий на туалетном столике. Остальное пространство было погружено во тьму. Тяжеловесная мебель по углам темнела, сливаясь с полумраком, к потолку прилипла неровная тень.

В комнате наверху пациентка сидела за столом, склонившись над фотографиями, вклеенными в альбом. Свет лампы изменчиво скользил по ее лицу и груди, когда она переворачивала страницы. Внезапно ее рука замерла, а взгляд стал пристальным. Пациентка внимательно рассматривала один из снимков. Некоторое время спустя альбом был закрыт, а из ящичка появилась красная тетрадь с золотым обрезаем. Беспokoйно теребя края страниц, пациентка начала читать.

“Сегодня это случилось снова. Бесполезно было пытаться избавиться от Киттен. Когда она узнала, что я жду гостя, то отменила свое свидание, лишь бы быть дома. Так что Мэтт увидел ее. Его глаза расширились, как будто вот-вот выскочат из орбит. Он спросил, почему же я не сказала раньше, что знаю кого-то столь великопепного, как Киттен. Весь вечер мы провели втроем. Он сказал, что слишком холодно, чтобы куда-то идти. Они играли дуэтом на пианино, а потом проговорили весь вечер о театре. Мэтт попрощался сначала со мной, потом с Киттен. Мне показалось, что он что-то прошептал ей, когда я уже ушла...”

9

Тот же вечер.

Почти в полночь Хильда и Свендсен вышли из придорожного ночного клуба. Дрожа от холода, девушка подождала, пока он откроет перед ней дверцу “линкольна”, а потом скользнула внутрь, сев как можно дальше от него.

Их фары образовали нечто вроде светового туннеля в темном пространстве. Стоящие у дороги деревья вдруг возникали по бокам, попав в этот туннель, затем проносились мимо. Один раз какой-то зверек выскочил на дорогу и едва избежал их колес, потому что Свендсен успел резко свернуть.

— Думаю, это немногим отличалось от любого кабачка около Таймс-сквер, — сказал он чуть погодя.

— Нет. Мне даже понравилось, что мы забрались так далеко.

Ветер шуршал и свистел в окне машины. Казалось, “линкольн” набирает скорость. Хильда сжалась в своем углу, повыше подняв воротник шубки. Свендсен заметил это и прикрыл окно.

— Мне интересно узнать, что вас все время тревожит? — заговорил он. — Мне кажется, что ваша проблема — это ваша таинственная сестра Киттен.

Краем глаза он увидел, как Хильда резко обернулась к нему.

— Что вы знаете о Киттен?

— То, что читал, и то, что говорят слуги. Я знаю, что у вас есть сестра в комнате наверху, которая никогда никого не принимает. А по тому, как все ведут себя при упоминании ее имени, я заключил, что ваше беспокойство как-то связано с ней. Я столько слышал о Киттен, что она превратилась почти в легенду. И потом, она словно соединяет в себе несколько разных людей. Для своего младшего братишки она просто венец творения. Он считает, что вселенная существует только потому, что Киттен является ее частью. Для миссис Льюисон она женщина, заслуживающая нож под ребра. Для отца, должно быть, она остается маленькой девочкой. Он, наверное, все еще воспринимает ее как семилетнего ребенка, и так и будет воспринимать. А горничная, Патрисия, считает ее Саймоном Легре в юбке. Затем мужчины. Этот блондин, Крис, скорее всего, выражает мнение большинства. Для него она воплощение сияющей, прекрасной женственности. — Свендсен помолчал, а когда снова заговорил, то его голос звучал мягче. — Интересно, какова она для своей матери и сестер?

Хильда, откинувшись назад, закрыла глаза. Время от времени она приоткрывала их, чтобы взглянуть на Свендсена. Небрежно держа руль одной рукой, он смотрел прямо вперед. Ровная дорога и тихий рокот мотора почти усыпили Хильду. Шляпка выпала из ее рук на сиденье.

Вдруг голые ветви кустов царапнули по окну с приятным шуршащим звуком. Она села прямо и осмотрелась вокруг.

— Я слышала, как ветви хлестнули по машине.

— И что? — спросил Свендсен, не обернувшись.

— Дорога к нам домой совсем не такая узкая.

— Но мы едем по другой дороге.

Уже вполне проснувшись, она с любопытством посмотрела на него.

— По другой?

— Я подумал, что вы, возможно, будете не против немного прокатиться на свежем воздухе.

Машина опять повернула, и они оказались на грязной заброшенной дороге. Даже большой “линкольн” вздрагивал на ухабах.

— Это место ничуть не хуже других, — заметила Хильда.

— В каком смысле?

— Чтобы напасть на меня. Жалко, что я не бросала камушки, надо было отметить наш путь, — сказала она, выглядывая в окно. — Почему вы выбрали именно эту дорогу?

Шофер пожал плечами.

— Я всегда выбираю новые дороги. Люблю узнавать, что у них в конце.

Монотонный звук камней, скрипящих под шинами, и шуршание ветвей по крыше опять вызвали у Хильды сонливость. Подставив лицо холодному ветру из окна, она позволила глазам закрыться, а телу — расслабиться, покачиваясь в такт колебаниям машины.

Постепенно Хильда поняла, что ее тревожит. Непонятный шум, который становился все громче по мере их приближения. Когда, наконец, Хильда полностью осознала его, то села прямо и выглянула в окно.

— Что это? — спросила она.

Далеко впереди видны были огни. Два неподвижных — фары машины. А слева огоньки поменьше и в движении — фонарики. Темные фигуры рыскали в кустарнике у дороги, а ветер разносил перекличку голосов.

— Я сам удивляюсь.

Машина сильно сбавила ход, подползая к месту происшествия.

Спереди из темноты раздался громкий голос:

— Эй! Куда вы, черт возьми, едете?

Свендсен остановил машину, и мужская фигура отделилась от группы, направляясь к ним. На минуту ее силуэт четко обрисовался в свете фар, а затем в окошко заглянул человек в низко надвинутой шляпе.

— Что вы здесь делаете? — поинтересовался властный низкий голос.

Они увидели внушительное лицо с крупными чертами и толстой шеей, обмотанной шарфом. По тому, как он заглядывал в машину, чувствовалось, что рост его выше шести футов. Мужчина сдвинул шляпу на затылок и грозно уставился на них.

— Это что, частные владения? — спросил Свендсен. — Мы просто увидели какое-то движение и...

— Да? Можете не сомневаться, это частные владения.

— А что они делают? — спросила Хильда, вытягивая шею, чтобы получше рассмотреть. — Здесь что, была авария?

— Не важно, что они делают, юная леди. — Повернувшись к Свендсену, мужчина сказал: — Разворачивайтесь и уезжайте отсюда.

Свендсен секунду смотрел на него, а затем спокойно спросил: — Чей это приказ?

Не отрывая взгляда от сидящих в машине, человек полез в карман и вытащил руку с чем-то зажатым в ней. Они увидели вспышку металла, потом он опять убрал свой значок в карман.

— Прошу прощения. — Свендсен поставил передачу на задний ход и немного поколебался, прежде чем отпустить сцепление. — А чье это имя? Или секрет?

— Поезжайте!

Свендсен дал задний ход так внезапно, что человек чуть не упал и выругался. Выехав на более широкую часть дороги, они развернулись и тронулись обратно к шоссе.

Неожиданно шофер щелкнул пальцами.

— Я знаю, где мы находимся, — с торжеством в голосе произнес он. — Мы примерно в миле от имения Бэчфелдеров. Черт возьми, интересно, в чем может быть замешана леди Бэчфелдер?

Краем глаза он наблюдал за девушкой, сидящей рядом. В тусклом свете ее лицо стало мертвенно белым. Затем, без всякого предупреждения, она схватила ручку двери и открыла ее. Он услышал, как ее рвет прямо на дорогу.

Шофер остановил машину. Костяшки пальцев рук, лежащих на руле, побелели, резкие линии пролегли от крыльев носа к губам. Он замер, стараясь не слышать отвратительных звуков, издаваемых несчастным существом рядом с ним.

Если не считать этого, темная пустынная дорога была абсолютно тиха. Хильда еще долго продолжала сжиматься в судорогах даже после того, как тошнота прекратилась, и шофер тихо ждал, не двигаясь и не глядя на нее. Постепенно паузы между приступами становились длиннее, пока, наконец, все не прекратилось.

Ослабевшая, дрожащая Хильда забилась обратно в свой угол. Когда он потянулся мимо нее, чтобы закрыть дверь, она отпрянула, отворачивая лицо. Он вынул носовой платок и протянул ей, но единственным ответом было покачивание головой и попытка отодвинуться еще дальше. Ее всю трясло.

Крепко обняв Хильду за плечи, Свендсен начал растирать ей руки.

— Жалко, у нас нет ничего выпить, — бормотал он. — Ради Бога, перестаньте же так дрожать!

Хильда закусила посиневшие губы, и он почувствовал, как она напряглась в попытке сдержать сотрясавшие ее судороги. Маленькие белые зубки издавали неприятный стук.

Закрыв свое окно, Свендсен распахнул пальто, наклонился к ней и притянул как можно ближе к себе.

— Перестаньте, — сурово сказал он. — Постарайтесь взять себя в руки.

Хильда устало приникла к его груди. Постепенно тепло его тела начало передаваться ей, и дрожь утихла.

Через некоторое время Свендсен взял ее за плечи и усадил, прислонив спиной к спинке сиденья. В неярком свете лампочек он видел, что лицо Хильды понемногу обретало свой цвет. Наконец она медленно открыла глаза и зажмурилась, как будто ей было больно держать их открытыми.

— Должно быть, я слишком много выпила, — произнесла она, избегая его взгляда.

— Понимаю, — нахмурив брови, бросил Свендсен.

Он опять завел мотор, и скоро машина выехала на шоссе. Они молча ехали по темной дороге. С головой, склоненной ему на плечо, и с подогнутыми ногами, Хильда казалась похожей на спящего ребенка. Часть ее волос выбилась из прически и рассыпалась по лицу.

Свендсен ни разу не взглянул на нее на обратном пути. Сжав челюсти, он глядел прямо перед собой. Один раз чуть было не потянулся за сигаретой, но тут же вспомнил, что его руки заняты.

Девушка не пошевелилась, когда он свернул на подъездную дорожку их дома. Прошло минуты две. Свендсен повернул руку под ее головой и слегка приподнял ее лицо.

— Хильда! — Никакого ответа. — Хильда! — позвал он громче. Она пробормотала что-то неразборчивое. — Мы дома. Вам бы следовало уже лежать в постели.

— Где мы? — простонала Хильда. — Я ничего не вижу. Здесь так темно. Я ничего не вижу!

Свендсен обхватил ее за плечи и хорошенько встряхнул.

— Не начинайте все сначала! — резко сказал он. — Вы ничего не видите, потому что мы в гараже. Вставайте. — Он быстро надел ей на ноги туфли, открыл дверцу и вытащил ее из машины.

— Просто не знаю, почему я... вела себя так глупо, — неуверенно прошептала Хильда. — Я... я заснула. А потом проснулась, а вокруг было так темно, я не знала, где я, и так испугалась... Это все равно как стать вдруг слепой. Открываешь глаза, а вокруг — вокруг сплошная темнота и...

— Да, знаю. — Через минуту он заговорил голосом, полным горечи: — До чего чертовски беспокойная семья! Вы все ведете себя странно. Этот несчастный ребенок Льюис настолько зажат, что не может даже говорить нормально. Мальчик чувствует, что в семье что-то не так. А ваш отец похож на робота, действующего в полусне. Даже ваша мать и сестра ведут себя так, как будто ждут, что потолок вот-вот обрушится на них. Ну и вы. Вы хуже всех в этом клубке. Почему вы так смертельно перепугались, когда проснулись в темноте? Черт возьми, да любой время от времени прсыпается в темноте. Вы все чего-то боитесь. И вы слишком плохие актеры, чтобы это скрыть.

Хильда стояла неподвижно во время его тирады и казалась такой смертельно бледной, что он боялся, как бы она не упала в обморок. Вместо этого девушка отступила на шаг и оттолкнула его. Ее голос был негромким, но вполне уверенным.

— Ваша забота очень трогательна, но мне кажется, что вы позволяете своему воображению уноситься неизвестно куда. — Хильда повернулась и пошла по дорожке. Парадная дверь хлопнулась. Вдруг Свендсен услышал внезапный шум из задней части дома. Это был высокий детский голосок, звенящий от волнения.

Свендсен осторожно подошел к дому, увидел луч света, падающий из кухонного окна, и заглянул в щель между занавесками. Кухарка и Патрисия, обе в халатах, сидели за столом. Перед каждой стояла тарелка с бутербродами и бутылочка с содовой. Обе они, застыв, смотрели на дверь в столовую, где стоял разгневанный Льюис, босиком и в полосатой фланелевой пижаме. Нижняя губа у него дрожала, глаза сверкали. Мальчик кричал на обеих служанок, причем так громко, что его голос был прекрасно слышен через приоткрытую форточку.

— Ч-что, н-неправда? — возмутился он. — Вы не сможете сказать, что это неправда! Я все слышал! Она обязательно поправится! Обязательно! А вы — вы ненавидите ее. Я знаю. Вы ненавидите ее, п-потому что она такая... такая к-красивая, и все ее любят. Вы п-просто завидуете.

Его голос становился все громче, и кухарка отвернулась от него, чтобы обменяться встревоженным взглядом с Патрисией.

— Ну, конечно, ваша сестра поправится, — успокаивающе заворковала она и, встав, попыталась положить ему руку на плечо, но Льюис отступил и сбросил ее руку.

— Не надо! — закричал он. — Вы говорили гадости п-про нее. — Он резко обернулся к Патрисии, которая отвела глаза и начала убирать со стола. — Вы т-тоже! Вы все ей завидуете! Я слышал вас множество раз. Но это неправда. Она не отбивала всех мужчин. П-просто она всем нравилась. Они ничего не могли сделать. Потому что она п-прекрасная, самая лучшая и... вообще... Они просто не могли... — Окончательно сломавшись, Льюис упал в кресло у стола и закрыл лицо руками. Его плечи сотрясались от рыданий. — Она обязательно поправится! — бормотал он сквозь слезы. — Вот увидите!

В комнате слышались только его горькие рыдания. Кухарка вздохнула и, беспомощно пожав плечами, стала тихо собирать посуду. И только тогда она увидела Хильду, стоящую в дверях столовой и переводящую взгляд с одного на другого. Заметив, как замерла кухарка, Патрисия подняла глаза и вспыхнула при виде вошедшей. Никто не произнес ни слова.

Рыдания понемногу стихали. Через некоторое время мальчик поднял голову, отвернувшись от служанок. Грязные руки напрасно шарили по карманам пижамы в поисках платка. Хильда подошла и протянула ему салфетку со стола. Увидев салфетку краем глаза, Льюис поколебался, но все-таки протянул руку. Он замер, удивленный, при виде знакомой руки, и поднял глаза на сестру. Тут же глаза снова были опущены, и он уткнулся в платок. Опять наступило короткое молчание.

— Не надо сейчас убирать, — сказала Хильда служанкам. — Оставьте это до утра. — В ее голосе не было гнева, в нем не было вообще никаких чувств.

Патрисия поправила свой халат и пригладила волосы, накрученные на стальные бигуди. Кухарка же ответила тихим, извиня-

ющимся голосом: "Да, мисс", после чего обе поднялись по черной лестнице.

— Не хочешь ли бутерброд, Лью? — спросила Хильда.

Маленькая фигурка не шелохнулась, но она положила кусок хлеба на стол и пододвинула его поближе к мальчику, а затем сходила в буфетную за молоком. Ответом было только сопение.

Сев за стол, Хильда смотрела на брата и ждала. Еще один наблюдатель там, снаружи, на холоде, тоже ждал. Никто из них не выказывал ни малейшего нетерпения. Наконец мальчик встал и подошел к раковине. Плеснув холодной водой на лицо и обрызгав при этом ворот своей пижамы, он беспомощно повернулся, ища полотенце. Найдя только кухонное, вытерся им. Скванно двигаясь, он вернулся к столу и отхлебнул молока.

— Что ты делаешь здесь так поздно, Лью? — Голос Хильды был совершенно спокойным.

— Я с-спустился, чтобы попить. — Он опять посопел и допил молоко.

— Сюда? Зачем?

— Рол г-говорит, что вода из-под крана — отравя.

— А! — Хильда рассеянно приняла его объяснение. — Съешь бутерброд.

— Н-не хочу.

— Когда ты возвращаешься в школу?

— Мама с-сказала, что мне не обязательно возвращаться на этой неделе. Из-за свадьбы и всего т-такого. Хильда, а К-киттен будет на свадьбе?

— Нет.

Он тяжело вздохнул. Его глаза медленно двигались по кухне, и только инерция не давала ему встать и уйти. Голова начала устало покачиваться.

— А что они говорили, Лью? — коротко спросила Хильда, встряхивая его, чтобы прогнать дремоту.

— О, всякое. — Он потянул себя за пуговицу. — Всякие гадости.

— Какого рода?

— Они говорили, ч-что Киттен никогда б-больше не будет красивой. Они казались довольными. Особенно П-патрисия! Я ее ненавижу! — Его лобик тревожно нахмурился, и он поднял глаза на сестру. — Это ведь не так, Хил?

— Нет.

— А к-когда ей будет лучше?

— Я не знаю.

Ребенок съежился, не сводя с нее беспокойных глаз. Смущение от того, что его застали плачущим, прошло. Незаметно для себя, он взял хлеб и начал есть.

— А что еще они говорили?

— Ч-что? А! П-просто всякие гадости. Что т-ты гоняешься за Свендсенем. Это сказала Патрисия, и она, к-кажется, очень зли-

лась. А кухарка сказала, что он к-красивый, и тогда Патрисия сказала, что ты за ним гоняешься, потому что К-киттен болеет. Она сказала, что если Киттен была бы в порядке, то не п-позволила бы тебе найти мужа. — Его голос опять наполнялся возмущением. — А п-потом она сказала, что тебе т-теперь нечего беспокоиться, ведь Киттен никогда больше не будет хорошенькой. А потом кое-что еще, что когда п-приходят гости, мама говорит, что ты не выйдешь к ним, п-потому что у тебя болит голова, а на самом деле все не так. Это п-потому что ты пьяная.

Хильда сидела очень тихо, чуть отвернувшись к окну и не сводя глаз с кусочка хлеба. Усталые складки наметились по сторонам ее губ. Сама того не зная, она предоставила шоферу, все еще стоящему у стены снаружи, прекрасную возможность изучать ее лицо.

— Я рад, ч-что мы оставляем их тут, — сказал мальчик, откусывая кусок хлеба.

Хильда сменила тему, стараясь говорить как можно мягче:

— А что случилось в прошлые выходные, Лью?

— Ч-что? — переспросил Льюис, не сразу поняв, о чем речь.

— Ну, ты плакал во сне в ночь на воскресенье. Папа тогда разбудил тебя. Разве ты не помнишь?

Лью закрыл рот и положил руку на стол. Впервые он заметил, что ест, и с отворачиванием отодвинул хлеб.

— Помню, — ответил он так тихо, что она едва могла слышать.

— А ты помнишь, что тебе снилось?

— Д-да.

— Что?

— Это б-было... это было так путано.

— Расскажи мне, что помнишь, Лью.

— Ну, я был н-на озере. К-казалось, что это происходит давно.

Тяжело сейчас... — Он поколебался.

— Да, Лью, — тихо сказала она.

— Я, к-кажется, ловил рыбу. Да, н-наверное, потому что вдруг у меня в руках оказался маленький окунь. Он б-был ужасно маленький, всего пару дюймов. Так что я бросил его обратно, и он уплыл. А п-потом Киттен говорила со мной. Я не помню, откуда она появилась, она п-просто была там. Разговаривала со мной, как всегда. — Похоже, ему внезапно стало холодно, он как-то сжался и подsunул руки под колени. — П-потом мы начали делать лодку. Киттен помогала мне. Это было похоже на мою настоящую лодку. И я с-сказал, как красиво она получилась. Но на самом деле она не была к-красивой. Не знаю, п-почему я так сказал, может, во сне мне казалось, что лодка красивая. И я сказал “давай п-покатаемся на ней”. И мы поплыли. И... и с-сначала там была лодка побольше. Мы задели ее бортом, как будто это была льдина. И Киттен все время смеялась, ну, з-знаешь, как она обычно смеется. А потом... по-

том... — Голос мальчика прервался, как будто сон все еще был очень ярк в его воображении. Глядя на Хильду невидящими глазами, он опять начал крутить пуговицу пижамы. — А п-потом нас как будто заколдовали, — продолжал он тихим, еле слышным голосом. — Мы остановились, даже ветер стих. А небо п-потемнело, и — ты знаешь, как это бывает во сне — мне стало так с-страшно...

— Я понимаю, Лью.

— Б-было так темно, я даже не мог видеть берег. И мы не могли д-двинуться. Потом п-показалось, что мы вообще уже не на озере. Это был океан. А п-потом начался шторм. Это... это было ужасно. Дождь пошел такой, что я едва мог видеть Киттен. А лодку к-качало, и волны стали огромными. Неожиданно я услышал, что Киттен кричит. Она кричала, чтобы я спас ее. Волна поднялась и смыла ее за борт. Я с-старался схватить ее, но ее уносило все дальше и дальше. — На лбу мальчика даже пот выступил при этом воспоминании. Он снова переживал свой сон во всем его ужасе. — И тогда в-вернулась рыбка. Маленькая рыбка, которую я выбросил в воду. Т-только теперь она стала большой как акула, и... и она стала похожей... Ты не будешь смеяться, правда? — Лью замолчал, настороженно глядя на Хильду. Она покачала головой. — Она стала похожей на п-папу. И она открыла рот. Я имею в виду, папа открыл рот. Ты знаешь, что я хочу с-сказать. И Киттен завизжала, но я не мог ничего сделать. Я п-просто оставался в лодке. А рыба опять открыла рот, и я увидел на мгновение лицо Киттен. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь был таким испуганным. А потом я уже ее не видел. Лицо п-пропало. Оно все пропало. Но я мог слышать, как она кричит. — Льюис опустил глаза на стол, ничего не видя перед собой. Он держал в руке пуговицу, которую успел оторвать. — Это п-папа сделал, — прошептал он. — Это б-был папа.

Свендсен отошел от дома, ступая очень медленно и осторожно, чтобы камушки не скрипнули под ногами. Отойдя на безопасное расстояние, он быстро пошел к гаражу.

Поднявшись к себе, разделся и принял душ. Лежа в кровати, он долго глядел в пространство, затем набрал знакомый номер.

— Алло, — устало проговорил он. — Что? А! Ну, я не был уверен, что ты уже дома... Не так уж много. Ее просто вырвало... Ну да, все в порядке... Ничего со мной не происходит... Да брось ты! До свидания... Что? Да. Теперь осталось только проникнуть в эту комнату.

Мягкие хлопья снега падали мимо окна бесконечной чередой, словно кусочки ваты за сценой театра. Тонкие ветви за пеленой снега были неподвижны.

В комнате наверху пациентка сидела на краешке кровати, отхлебывая янтарную жидкость из стакана. Через дверь до нее

доносились приглушенные звуки с первого этажа. Голоса, перемежаемые приглушенным смехом, шуршание шагов из комнаты в комнату, позвякивание посуды, очередной звонок в дверь. Возбужденные, полные ожидания звуки, звуки дома, готовящегося к свадьбе. Но пациентка сидела одна в комнате наверху, читая маленькую красную тетрадь с золотым обрезом.

“Я знаю, за кого хочу выйти замуж. Я встретила его сегодня и поняла, что это он. Он такой красивый и все умеет. Играет в поло, в теннис, плавает как рыба. Он гостит у Дэримплов. Я слышала, как все девушки вокруг говорили о нем. Я встретила его, когда гребла на лодке. Он остановил свою лодку и спросил меня, откуда я. Я ответила ему, а он добавил, что завтра утром будет опять кататься на лодке, и мы могли бы вместе поплавать. Он сказал, что будет на этом же месте в шесть часов утра! Я никогда раньше не плавала в шесть утра. Интересно, поправлюсь ли я ему...”

10

Воскресенье, 20 февраля. Середина дня.

— ...Из их семьи. Но та маленькая, с зачесанными наверх волосами, это Шонеман. Они из флитвудских Шонеманов.

— ...И торжественная! Она продолжалась два часа. Правда! А после того, как Натали вышла замуж, женился доктор Кэденхед. Его церемония была короткой, но очень...

— Хильда, дорогая! Как тебе идет желтый! Знаешь, мне кажется, что ты будешь следующей — теперь, когда Дора уже...

Хильда улыбнулась и прошла мимо. Обрывки разговоров едва долетали до ее сознания, пока она бесцельно бродила между оживленно болтающих гостей. Потягивая уже четвертый бокал виски с содовой, она кивала всем, кто попадал в ее поле зрения, но ни с кем не останавливалась поговорить. От окна, где собралась группа молодежи, раздавался громкий смех. Из присутствующих на свадьбе трех детей Льюис и еще один мальчик пили пунш, а девочка их возраста искоса глядела на них, держась за руку мужчины.

— Эй, Хильда, когда начнется самое главное? У Фрэнсиса, должно быть, поджилки трясутся?

— ...Но он выиграл. Забавно, как он попал в точку. Он только что закончил книгу об Англии, и вот...

— ...Куксится, как ребенок. Сидит в своей комнате и не хочет спуститься. Можете себе представить? Ее сестра выходит замуж, а она...

Хильда замерла, не донеся бокал до губ, и повернулась к говорившей. При виде ее Хелен сразу же осеклась.

— Что ты сказала? — спросила Хильда. Ее лицо мгновенно окаменело.

Поправляя прическу, Хелен бросила взгляд через переполненную гостиную.

— Эй, Уэймюллер! — позвала она. Дворецкий ловко пробрался к ним сквозь толпу. Хелен аккуратно взяла с подноса бокал с мартини и изящно пригубила.

— Что ты сказала? — повторила Хильда.

Хелен неопределенно улыбнулась.

— Ты о чем, дорогая?

Хильда равнодушно смотрела на нее минуту, а затем утомленно отвернулась. Через некоторое время, отбросив попытки разыгрывать из себя хозяйку, она поднялась по устланному ковром ступенькам на второй этаж. В плохо освещенном коридоре слышался непривычный здесь смех. Из родительской комнаты слева раздавался мужской хохот, перемежаемый звоном стаканов. Вторая комната справа по коридору была такой же шумной, но голоса, звучащие оттуда, были повыше. Хильда открыла дверь и вошла туда.

Спальня Доры вся цвела очарованием женственности. Женщины сидели на кровати, стояли, облокотившись на мебель и подоконники, или же суетились, поднося вещи, которые миссис Корвит, единственная тихая особа в комнате, паковала в белый кожаный чемодан.

Когда Хильда вошла, Дора с усилием натягивала на себя белый атласный чехол под платье. Винни стала ей помогать, и вдвоем они наконец преодолели силу трения. Раскрасневшаяся и разгоряченная, Дора высунула лицо из горловины, а Винни начала рыться на туалетном столике. Высунув голову, Дора сразу же за сверкала глазами на свою мать.

— Мама! Понимаешь, что ты делаешь? — в отчаянии простонала она. — Как будто мы готовимся к соревнованиям по поднятию тяжестей!

Миссис Корвит удивленно посмотрела на нее и провела рукой по стриженным белым волосам.

— Что, слишком много?

Дора подняла глаза к потолку и глубоко вздохнула. Затем беспомощно пожала плечами и рассмеялась.

— Миссис Корвит! Мне придется провести медовый месяц с утюгом в руках.

— Еще что-нибудь нужно? — тихо спросила темноволосая девушка.

Беря у Винни голубую подвязку, Дора натянула ее на свою левую ногу повыше колена, поверх чулка, пристегнутого резинкой.

— И где, черт возьми, Патрисия? Она что, не может упаковать мои вещи?

— Она сейчас занята внизу. — Миссис Корвит обвела взглядом комнату, проверяя, не забыла ли чего. — Так или иначе, в этом от нее не так уж много толку.

— Теперь что-то одолженное, — пробормотала Винни себе под нос. — Ну-ка, посмотрим.

— Вот кружевной платок, о котором я тебе говорила, — сказала темноволосая девушка.

Хильда, которая наблюдала за происходящим из угла комнаты, быстро встала.

— Подожди, Дора. — Она вспыхнула, когда несколько пар глаз обратились к ней, и, потеряв свои уши, протянула сестре серьги с маленькими жемчужинками в форме раковин. — Одолжи это. Они очень подходят к твоему платью.

Дора взяла серьги с ладони Хильды и вдела их в уши.

— Но ты же обещала взять платок, — возразила темноволосая девушка.

— Подожди чьей-нибудь другой свадьбы, — равнодушно ответила Дора.

Усмехнувшись темноволосой девушке, Винни порылась в ящиках столика и вытащила щетку.

— Одалживать что-то невесте — это не самая главная из счастливых примет, — заверила она девицу. — Ты лучше постарайся поймать ее букет. Где твоя расческа, Дора?

— И на букет пусть не рассчитывает, — сказала Дора. — Он достанется Хильде.

— Ха, а это что? — спросила Винни. Дора увидела, что рыжеволосая подруга пытается открыть запертый нижний ящик. — Заперт, — усмехнулась она. — Я всегда знала, что в твоей жизни есть какая-то мрачная тайна.

Суэта вокруг словно затягивала Хильду в какой-то водоворот. Время от времени она непонятно почему вздрагивала, как от озноба, и потирала плечи. Наконец вышла из комнаты, никем не замеченная, и закрыла дверь.

В коридоре Хильда остановилась и прислушалась. Шум, доносящийся снизу, смешивался с пронзительным хихиканьем из спальни Доры. Она спустилась по черной лестнице и заглянула в кухню.

Кухня была пуста. Сполоснув стакан, Хильда осмотрела бутылки на заставленном столе и налила себе немного "Южного комфорта". Жидкость легко пролилась внутрь, и она налила еще. Через некоторое время девушка пододвинула стул к столу и осторожно села. Почувствовав, что обрела устойчивое равновесие, она удовлетворенно откинулась на спинку и вытянула ноги.

Вскоре наружная дверь открылась, впустив внутрь волну морозного воздуха, и на пороге появился Свендсен. Он потопал ногами, стряхивая снег, и обвел кухню глазами, которые не упускали ни одной мелочи. Хильда не обратила внимания на его приход, разве только вздрогнула от холодного воздуха.

— Вы будете просто потрясающей подружкой невесты, — сказал шофер, бросая пальто на стул.

Он плеснул немного виски в чистый стакан и прошел в буфетную. Там пошарил в холодильнике и вытащил целого холодного омара. Выпив и поставив стакан на полку, прихватил несколько

бутылок пива под мышку, взял омара и тарелку с бутербродами и ногой захлопнул дверь холодильника. Вернувшись в кухню, сел за стол и принялся за омара.

— Не хотите немного? — любезно спросил он, спохватившись и замирая с оторванной клешней в руке.

Хильда яростно зевнула, но не ответила. Она подняла пустой стакан и посмотрела сквозь него, пытаясь закрыть один глаз. Вместо этого закрылись оба.

— Пусто, — заявила она, сосредотачивая все свое внимание на том, чтобы есть прямо. Держа голову неподвижно, как будто на ней лежала книга, она повернула весь корпус к столу. Ее рука задела одну из бутылок, и Свендсен едва успел подхватить ее, бросив своего омара.

— Может быть, вам нужна помощь? — предложил он. — Я мог бы предотвратить столь быстрое опустошение винного погреба Корвитов.

Оттолкнув Свендсена, Хильда направилась к двери.

— Вам же самой не хочется видеть всех этих людей, — убеждал он ее. — Лучше отдохните немного.

Хильда не обратила никакого внимания на его слова и продолжила свой извилистый путь к двери. Подойдя, она настороженно остановилась и тронула дверь одним пальцем. Ничего не случилось. Осторожно придерживая ее, Хильда заглянула в столовую, как будто ожидая, что дверь вот-вот ударит ее. Наконец, решив, видимо, не рисковать, она развернулась и направилась к черной лестнице.

Громкий неровный стук ее туфель постепенно затих. Свендсен прикончил омара и пододвинул поближе тарелку с бутербродами. Отвергнув тунца, он выбрал бутерброды с сыром и икрой.

Приглушенные звуки из парадных комнат едва проникали в кухню. Торопливые шаги, первые, пробные аккорды пианино. Минуты шли медленно. Через некоторое время шофер отставил тарелку и стал задумчиво пощипывать подбородок. Вдруг он замер.

Пронзительный крик пронесся по дому, разрывая тишину.

11

В тот же день. Позже.

Он раздался откуда-то сверху, короткий, полный ужаса вопль, резко оборвавшийся. А вслед за ним послышался другой звук — шум чего-то тяжелого, катящегося вниз по ступенькам.

Свендсен рванулся к двери в столовую. Когда она открылась, он услышал хор возбужденных голосов, сменившийся удивленными восклицаниями. Шофер глянул на парадную лестницу, но там никого не было. Он поспешил назад в кухню и распахнул дверь на черную лестницу. Сначала он ничего не увидел из-за темноты, но затем, внизу, рассмотрел нечто вроде кучи одежды.

Это оказалось фигурой женщины, скрюченной так, что лицо почти касалось колен. Темноволосая голова лежала на полу, а ноги были выше, на нижней ступеньке. Руки безвольно покоились у живота. Свендсен встал на колени и положил руку ей на сердце, стараясь не менять положения тела.

Коридор быстро наполнялся людьми, пытающимися разглядеть хоть что-нибудь в темноте. Множество глаз были устремлены на Свендсена с немым вопросом. И над всем этим столпотворением раздавался один ясный, резкий голос, настойчиво повторяющий:

— Что случилось? Дайте мне пройти. Что случилось?

Шофер встал.

— Где доктор Шонеман? — спросил он.

Настойчивый голос раздавался уже за его спиной:

— Что случилось? Пожалуйста, кто-нибудь... — Он обернулся и увидел миссис Корвит. Отчаянными усилиями она пробилась сквозь толпу. Ее лицо было блее, чем когда-либо. — Пожалуйста... — Слова замерли у нее на губах, когда Свендсен отошел в сторону.

— Все в порядке, — заверил он. — Она просто без сознания.

Он с удивлением увидел, как на ее лице отразилось чувство облегчения. Плечи расправились, слабый румянец тронул щеки. Она взяла дочь за руку и проговорила, нежно похлопывая ее по руке:

— Дора, Дора!

Наконец появился Фрэнсис и опустился на колени около своей нареченной, ощупывая тело, чтобы определить, целы ли кости. Халат Доры распахнулся, открывая взору белый атласный чехол. Он запахнул его, но не поднялся сразу. Казалось, ему не хочется вставать.

— Мне кажется, это просто сотрясение, — сказал он после паузы и поднялся. Его глаза двигались тайком туда-сюда, как будто он кого-то высматривал. Что-то заставляло его чувствовать себя крайне неловко.

Пробившись через толпу, Уилл оттеснил его от девушки, подsunул руки под неподвижную фигуру и поднял ее. Кто-то стоял на подоле халата Доры, и ткань надорвалась. В глазах Уилла при взгляде на Фрэнсиса блеснуло какое-то особое выражение, похожее на торжество. Раздвигая толпу плечами, он понес Дору к вращающимся дверям. Все расступилось, давая ему пройти через столовую к гостиной. Отпихнув ногой маленький столик, Уилл положил свою ношу на диван у камина.

Когда он выпрямился, около него стояла Винни, протягивая ему флакон нашатыря и стакан воды.

— Это все, что мне удалось найти. У них нет нюхательной соли.

Уилл взял нашатырь, отвинтил крышечку и поднес флакон к носу Доры. Ее голова слегка шевельнулась.

Шофер прислушивался к шуму вокруг, переводя взгляд с одного на другого. Все говорили разом.

— Ну и свадьба! Эта семья, кажется, действительно попала в полосу невезения.

— ...Так что Дора и на этот раз не получит Фрэнсиса.

Он обернулся посмотреть, кто сделал последнее замечание, но вокруг было слишком много суеты.

— Может быть, нам лучше уйти? Они наверняка отменят церемонию.

— Я думаю, она наступила на край халата и упала.

В этот раз Свендсен был проворнее. Он обернулся вовремя, чтобы увидеть Винни, все еще сжимающую в руке нетронутый стакан воды. Ей и принадлежали последние слова.

Его глаза продолжали изучать толпу. Он заметил Хелен, стоящую в одиночестве около арки парадной двери. Она медленно, ритмическими движениями скручивала лямки своей сумочки. Ее глаза были странно неподвижны, но угол рта нервно кривился.

Она глядела на Фрэнсиса, который курил, стоя чуть в стороне от гостей. Свендсен видел, как она отошла от стены и приблизилась к жениху. Свендсен был слишком далеко, чтобы слышать ее, но по движению губ легко прочитал ее слова:

— Спасен звоном колокола.

Не ожидая ответа, Хелен направилась к выходу и попросила Уэймюллера подать ей шубку. Фрэнсис смотрел ей вслед, забыв о сигарете.

Свендсен продолжал обход. Слуги собрались около парадной двери, с любопытством глядя на гостей. Немного поодаль Крис поглаживал мать по плечу, вытирая одновременно лоб тыльной стороной ладони. Мистер Корвит, такой ненавязчивый, что никто его не замечал, стоял, как будто на часах, около дивана, где лежала Дора. Напряженно выпрямившись, он бессмысленно смотрел на свою дочь, только голова слегка покачивалась взад-вперед, да подрагивали ресницы. Его губы были приоткрыты.

Что-то отвлекло внимание Свендсена от мистера Корвита. Несколько лиц повернулись в сторону арки, ведущей к лестнице. Шум частично стих и сменился шепотками. На лицах присутствующих было написано любопытное ожидание. Он повернулся туда, куда все смотрели, и, будучи выше многих, сразу же увидел ее.

Хильда стояла на верхней ступеньке лестницы, словно актриса, ожидающая аплодисментов. Одной рукой она сжимала пустой стакан, в то время как другая помогала держать равновесие. Помада была размазана по щекам, платье испачкано сливками и залито виски, подол разорван до колена. Покачиваясь так, будто вот-вот упадет, она спустилась и вошла в комнату.

— Я что, пропустила церемонию? Я же должна была быть подружкой невесты... — Она чуть не наткнулась на торшер, но кто-

то удержал ее. — Да в чем же дело? Не комната, а музей. — При виде Винни ее глаза зажглись радостью. Она покачнулась и устояла только потому, что обхватила руками шею подруги. — Милая Винни! Ты мне скажешь, Винни. Почему все такие грустные?

Вдруг Хильда заметила Дору, которая сидела на диване, поддерживаемая Уиллом, и тут же забыла о своем вопросе. Еще раз счастливо улыбнувшись, она направилась к ним.

— Хочу поцеловать жениха. — Она остановилась и растерянно заморгала, глядя на Уилла, затем перевела взгляд на бледное, напряженное лицо Доры и воскликнула с тревогой: — Что случилось? Разве свадьба не прошла прекрасно?

Дора прикусила губу и нахмурилась.

— Нет, Хильда. Я споткнулась и упала с лестницы.

Опираясь на руку Уилла, она спустила ноги с дивана и осторожно попыталась встать. Но тут же, вскрикнув, упала обратно на диван, побледнев от боли.

— Должно быть, я подвернула...

Не успела она договорить, как сверху раздался пронзительный крик. Мгновенно все опять застыли. На этот раз голос был детским. Стоя на верхней площадке лестницы, Льюис отчаянно кричал:

— Мама! Мама! Киттен здесь нет! Ее нет в ее комнате!

В гостиной наступила мертвая тишина. Ровный гул, целый день не смолкавший в доме, внезапно стих, словно все разом затаили дыхание. Холодный внимательный взгляд Свендсена быстро пробежал по застывшим лицам.

Хильда, все еще склонившаяся к Доре, выглядела так, как будто бесстрастный фотоаппарат запечатлел ее в каком-то неловком положении. Что-то происходило в ее сознании, и выражение глаз постепенно становилось осмысленным и виноватым. Ее отец стоял, разинув рот, и завороченно глядел на лестницу. Миссис Корвит обменялась с Дорой многозначительным взглядом.

Оглянувшись, Дора ощутила на себе косые любопытные взгляды, которые тут же отводились, встретившись с ее глазами. Она опять начала подниматься, но опять упала на диван со слабым стоном, как только ее нога коснулась пола.

Фрэнсис, стоящий в другом углу комнаты, отчего-то покрылся потом. Он вытащил платок и начал вытирать лицо и шею.

— Льюис! — властно позвала миссис Корвит. — Спускайся сюда.

Тишина нарушилась. Сразу же возник ропот. Свендсен, пытающийся следить за всеми, потерял эту возможность, потому что все вдруг пришло в движение. Все заговорили разом, переводя заинтересованные взгляды с Доры на лестницу.

Он не мог точно сказать, когда зародился шепот. Но он начался почти сразу же, переносясь от одной сплетничающей группы к другой. Туманные намеки, двусмысленные замечания, язвительные догадки.

Разговор моментально стих при появлении Льюиса. Его губы дрожали, а глаза блестели ярче обычного; он сбежал по лестнице, прыгая через ступеньку.

— Ее т-там не было, мама! Я п-пошел посмотреть, когда услышал крик. Я б-боялся, что что-то случилось с Ки...

Мать ласково положила ему руку на плечо.

— Льюис, говори потише. Ты так разволновался!

Мальчик прижал руки к бокам, чтобы унять их дрожь.

— Т-ты не п-понимаешь. Она...

— Откуда ты узнал, что ее нет в комнате? Разве дверь не закрыта?

— Н-нет, она б-была открыта. Вот п-почему...

— Хорошо, Льюис. — Миссис Корвит оглянулась вокруг. Еще раз ее взгляд встретился с взглядом Доры, затем она отвела глаза. — Пойдем, нам лучше посмотреть, что она делает. — Ее изящная стройная фигурка двинулась к лестнице вместе с сыном.

Несколько человек пошли за ней, предлагая свою помощь в поисках. Кто-то высказал неискреннее предположение, что, наверно, Киттен вышла из комнаты и упала где-то в обморок, когда услышала крик. Не обращая на них никакого внимания, миссис Корвит поднялась по ступеням, медленно, с уверенным достоинством, держа сына за руку.

Свендсен сделал было шаг к ступенькам, но остановился, поймав на себе взгляд Уэймюллера. Оставшись на месте, как раз под аркой, он небрежно прислонился к стене и стал ждать. Никто из гостей не обращал на него ни малейшего внимания, а он напряженно прислушивался к звукам наверху.

Послышался стук двери, пауза, а потом внезапное восклицание, и кто-то сказал:

— Ну, вот же она там!

Свендсен изучал лица гостей. Все те же прищуренные глаза и многозначительные взгляды, все то же перешептывание.

— ...Нет, я ее не видел. Она не захотела открыть дверь.

— ...Быть все время одной, это действует на психику...

— ...Понять, почему она захотела сбросить Дору с лест...

— ...Все время в ванной. Говорит, что не слышала ни звука!

Серый утренний свет проникал через окно, удлиняя тени от шкафа и кровати, избегая темных углов. Он слабо освещал несколько предметов на туалетном столике — бутылочку йода, небольшой кусок бинта, пластырь, ножницы.

В комнате наверху пациентка сидела у столика, вытянув правую руку. Неуверенными движениями левая рука мазала йодом неровную царапину на правой. Затем к ранке был приложен кусочек марли и приклеен пластырем. Положив все обратно в ящик, она вытащила красную тетрадь с золотым обложком.

“Сегодня я чуть не погибла. Моя лошадь испугалась и понесла. Киттен спасла меня. Все говорили ей, какая она смелая. Я уверена, что она испугала мою лошадь нарочно. Она все время скакала вокруг меня, пока моя лошадь не заволновалась и не понесла. Более того, она выждала достаточное время, прежде чем остановить ее. Но никто, кроме меня, этого не заметил. Все говорили, что я была бы мертва, если бы не она...”

12

Вторник, 22 февраля. Середина дня.

Ноги Фрэнсиса соскользнули с блестящей поверхности пустого письменного стола, и газета “Уорлд Телеграм” упала на пол, раскрывшись.

— Должно быть, в дереве есть трещина, — сказал он, вставая, чтобы поприветствовать Хелен Льюисон.

Вошедшая обвела взглядом элегантно обставленный бежево-желтый кабинет.

— Ну, что, был у тебя хоть один глупец на этой неделе?

— Было два вчера. Пациента, я имею в виду. — Сняв с нее леопардовую шубку, он повесил ее в шкаф.

— Должно быть, у них с головой не в порядке. — Хелен села на бежевую кушетку и вынула из сумочки ониксовый портсигар. — Не хочешь проявить гостеприимство?

Скривившись, Фрэнсис открыл шкаф и вытащил бутылку бренди и два стакана. Налив обоим, он подошел к кушетке и протянул один стакан Хелен.

Последовало короткое молчание, во время которого Хелен наблюдала, как Фрэнсис то протирал подбородок, то скрещивал или вытягивал свои ноги, то пощелкивал пальцами.

— Если я тебе мешаю... — проговорила она вполголоса.

Фрэнсис машинально пригладил рукой волосы.

— Кстати, что это ты там изрекла в воскресенье?

Хелен в недоумении подняла брови.

— Изрекла?

— Нечто просто потрясающее. “Спасен звоном колокола”.

— А, это! — Она равнодушно пожала плечами. — Ты ведь действительно был спасен, разве нет? На самом деле, ты ведь не хотел жениться. Так и получилось.

— Хм. А может быть, я сам столкнул ее с лестницы, чтобы избавиться от этой необходимости?

— Может быть.

Хелен решительно вынула сигарету изо рта Фрэнсиса, бросила и ее, и свою на пол и наступила на них ногой. Ее руки обвили его шею. Помедлив секунду, она прижалась губами к его губам. Одна его рука лежала на коленях, другой он небрежно придерживал ее.

Оба услышали, как открывается дверь, и быстро отпрянули друг от друга. Через плечо Фрэнсиса Хелен увидела Дору, стоящую на пороге и все еще держащуюся за ручку двери.

Дора отвернулась и закрыла за собой дверь. Когда она опять обернулась к ним лицом, Хелен изучала свое отражение в зеркальце, а Фрэнсис убирал бутылку и стаканы. Тишина становилась напряженной.

Немного хромая, Дора медленно вошла в кабинет. Одна лодыжка ее была перебинтована. Лицо было бесстрастным, только глаза перебегали с одного на другого. Наконец она нарушила молчание.

— До чего неловко!

Хелен провела пальцем по брови.

— Надо привыкать к таким вещам, если выйдешь за Фрэнсиса. — Она начала подкрашивать губы, хотя в этом не было необходимости.

Сев на другой конец кушетки, Дора бросила взгляд на серое небо за окном. Затем скрестила ноги и критически оглядела их.

— Особенно если женщины, вышедшие замуж ради удобства, будут рыскать вокруг в поисках развлечений. — Ее голос звучал спокойно, почти насмешливо. Говоря, она не смотрела на Хелен.

Хелен побагровела. Защелкнув косметичку и бросая ее в сумочку, она процедила:

— До сих пор... никто не жаловался. — Затем поднялась и стала оправлять свой костюм.

Фрэнсис снял с вешалки ее шубу и подал ей. Хелен повернулась, устремив на него холодный взгляд.

— Это что? Ты меня выпроваживаешь?

Рассматривая свои перчатки, Дора пробормотала вполголоса:

— Вот и замечательно.

Глубоко вздохнув, Хелен подавила вспышку гнева, сунула руки в рукава шубки и начала медленно застегиваться.

— Мне-то чего волноваться? Это ведь твой жених! У тебя просто талант манипулировать людьми...

— Прости, Дора, — рассеянно проговорил Фрэнсис, когда за Хелен закрылась дверь. — Я все убрал... Может быть, ты хочешь выпить? — Он направился к шкафу.

— Да, спасибо.

Подойдя к Доре с налитой рюмкой, Фрэнсис глубоко вздохнул.

— Вы... э-э... все еще собираетесь уехать восьмого марта?

Дора медленно кивнула.

— Ну, тогда... у нас не очень-то много времени, чтобы устраивать еще одну свадьбу.

Она никак не отреагировала, просто внимательно посмотрела на него.

Чувствуя себя все более неловко, Фрэнсис потянул воротник и слегка расслабил галстук.

— Дора, — начал он, просительно глядя на нее, но ее взгляд не изменился. — Я был готов покончить с этим... Я имею в виду, хотел жениться на тебе. Я... Ну, приглашения были уже ра-

зосланы. И все было решено. И мы договорились покончить с этим. Нет, это не так звучит. Что я хочу сказать, так это то, что мы были готовы пожениться до того, как это случилось. Твой... — он поколебался, — твой несчастный случай. Но теперь, раз уж это случилось... Ну, я думаю, ты знаешь, что я хочу сказать. Мы уже как-то говорили об этом... действительно ли мы хотим... — Запутавшись, он опять посмотрел на нее, ища помощи, но на ее лице ничего нельзя было прочесть. Ни гнева. Ни согласия. Ничего. — Мне кажется, что главная причина, по которой мы решили пожениться, это... мне кажется, что просто все ждали этого от нас. Ведь мы проводили друг с другом столько времени, и... и все такое. Я не думаю, чтобы кто-то из нас на самом деле...

— Это что, слова Хелен? — перебила его Дора.

Фрэнсис сглотнул, на его лице отразилось раздражение.

— Нет. Хелен была права насчет тебя. Ты всегда манипулируешь людьми... Так что я?.. А! Так вот. Как бы там ни было, это должно было произойти. Мы не могли бы нести тебя в церковь на носилках. И люди не будут ожидать свадьбы, пока ты не поправишься. — Его пальцы монотонно постукивали по подлокотнику. — Раз уж так случилось, то мы можем просто оставить все как есть. Мне кажется, что я отношусь к такому типу мужчин, которые не должны жениться. Из меня выйдет отвратительный муж. Я не могу быть постоянным ни в чем. Только посмотри, какой беспорядок у меня в кабинете. Возможно, я когда-нибудь найду какую-нибудь малышку и женюсь. Ту, с которой можно поразвлечься какое-то время. Но это не продлится долго. Со мной ничего не может длиться долго. Согласись, что все это было ошибкой.

Дора терпеливо наблюдала за ним, как будто ждала еще каких-то действий. Когда он умолк, она отошла от окна и застегнула шубку. Затем натянула перчатки, поправила шляпку и усмехнулась:

— Да, Фрэнсис. Я согласна, что все было ошибкой.

В комнате наверху пациентка играла неровно, как ребенок, выполняющий упражнения для пальцев. Старая мелодия нежно плыла по комнате, обволакивая тяжелую мебель, задевая потемневшие от времени картины, теряющиеся среди драпировок. Руки играли, а глаза не отрывались от маленькой красной тетрадки с золотым обрезом, лежащей на спинете. Через некоторое время пациентка перестала играть и взяла тетрадку.

“Сегодня, на моем дне рождения, Киттен играла на пианино. Она играла “Это случилось в ясную полночь”, а затем исполнила некоторые отрывки своей роли из рождественской пьесы. Никто даже не вспомнил, что это мой праздник. Все толпились вокруг нее, говоря, какая она чудесная актриса. Они говорили, что ей непременно надо поступить на сцену. Она рассказала, как одна

жды ей предложили роль в бродвейской постановке. Никто не обращал на меня внимания..."

13 Тот же день. Позже.

Собираясь уже подняться по лестнице в гараже, Свендсен внезапно остановился и прислушался.

Наверху явно кто-то был. Вот послышался звук шагов. Скрип выдвигаемого ящика. Еще один ящик. Опять шаги. Скрип пружин кровати. Звуки говорили о крадущихся, осторожных движениях человека, который боится быть пойманным.

Нахмурясь, шофер какое-то время смотрел на высокий побеленный потолок гаража. Затем неслышно подошел к лестнице и развязал шнурки ботинок. Разувшись, он начал подниматься, не держась руками за перила. На верхней ступеньке заглянул в щель между дверью и косяком.

На его кровати, спиной к нему, сидела Хильда, склонившись над чем-то. Ящики комода были выдвинуты, а один из них лежал на кровати.

Свендсен тихо вошел в комнату и заглянул девушке через плечо. На ее коленях лежала пачка газетных вырезок, и она как раз читала одну из них, датированную 3 января.

"Киттен" Корвит, занимающая видное положение в обществе, дочка Ледьярда Корвита, президента "Анилиновой корпорации", пострадала прошлой ночью в автомобильной аварии на грунтовой дороге около Соу Милл Ривер Паркуэй.

Двадцатичетырехлетняя дебютантка, которая ехала одна, исследовала неизвестную дорогу, когда ее "бьюик" с откидным верхом забуксовал и врезался в дерево. Она смогла доехать до дома, где ей оказал помощь доктор Фрэнсис Шонеман, жених ее сестры Доры. Доктор Шонеман сказал, что она может быть прикована к постели несколько месяцев. Он не уточнил характера ее травм.

Одна из наиболее известных представительниц здешнего молодого поколения, мисс Корвит, живущая в Ривердейле, Бронкс, окончила школу Розмэри в Гринвиче и школу мисс Поттер в Фармингтоне, Коннектикут. Она посещала..."

— Ну и как, интересно? — вежливо поинтересовался Свендсен.

Хильда вздрогнула. Резко повернувшись, она выронила вырезки, которые маленьким дождем упали на пол. Широко раскрытые глаза и худенькое лицо с остреньким подбородком делали ее похожей на загнанного зверька.

— Вы... — Она умолкла и облизнула губы, лицо ее наливалось краской. — Вы... вы сегодня рано.

Свендсен коротко рассмеялся.

— Неужели? Может быть, мне стоило позвонить? — Он прошел к столу, чтобы положить собранные листочки. Затем спрятал их в свой бумажник и направился в ванную. Вернувшись со ста-

каном воды, он налил туда немного скотча и посмотрел на Хильду, вопросительно подняв брови. — Хотите выпить?

Хильда отказалась и заговорила напряженным, неестественным голосом, всеми силами стараясь удержать его от дрожи.

— Почему у вас собраны все эти вырезки о нас?

— Люблю знать все о моих нанимателях, — пояснил Свендсен.

— И вы всегда ходите в редакции газет и заказываете подборки вырезок о людях, на которых работаете?

— Еще бы, я осторожный парень.

Девушка подняла на него беспокойные глаза.

— Вы ведете себя совершенно не как шофер. Неважно, что вы делаете, но вы не шофер. Задаете слишком много вопросов. Вы расспрашивали Патрисию. И Уэймюллера. Даже Льюиса. Кажется, ребенка-то можно было бы оставить в покое. В тот день в гараже, когда мы разгребали снег, вы старались понравиться ему, чтобы побольше из него выудить. — Хильда остановилась, чтобы овладеть своим голосом. Несмотря на отчаянные усилия, он то и дело срывался. Когда она опять заговорила, ее тон был почти умоляющим. — Что вам здесь надо? Чего вы добиваетесь? Неужели у нас не достаточно неприятностей?

Голос Свендсена был вкрадчиво мягок.

— Если я не шофер, то кто же я?

Хильда застыла и уставилась на него. Затем ее взгляд стал настороженным, и она опустила глаза.

— Не знаю. Не знаю.

— Может быть, попробуете догадаться?

— Чего вы добиваетесь? — Она все еще не смотрела на него.

— Весь вопрос в том, дорогая моя, чего *вы* добиваетесь. Вы сказали, что я не шофер. Прекрасно, так кто же я? Вы сказали, что я пришел сюда, чтобы что-то выяснить. Ну, и что же здесь выяснять?

— Я... что? Я не знаю. Никто не станет тратить время на то, чтобы собирать все эти вырезки о своих... Зачем они вам?

— Я уже сказал. Очевидно, мое объяснение вас не устроило. А теперь, почему бы вам не сказать, что дает вам право обыскивать мои вещи?

— Я должна была знать. Когда незнакомый человек приходит в ваш дом шпионить... Я имела на это право.

— А как вы вошли? Я точно помню, что запер дверь.

Хильда устало потерла лоб.

— У нас есть дубликаты всех ключей.

— Очень удобно. Ну что же, было очень приятно поговорить, но теперь я хотел бы принять душ. В следующий раз, когда ваш отец решит вернуться домой пораньше, я пуцую сигнальную ракету.

Прикусив губу, девушка поднялась. Ее глаза были прищурены, как будто от головной боли, но она сделала попытку взять себя в руки.

— Прошу прощения, что задержала вас. И я уверена, что мой отец тоже заинтересуется этими вырезками.

— Если он такой же нервный, как вы, тогда конечно, — произнес Свендсен все так же любезно.

— Вам больше не доставят неудобств, — процедила Хильда сквозь зубы. Ее пальцы нервно теребили пуговицы пальто.

— Когда вы уезжаете? — тихо спросил Свендсен. — Ваш отец почти закончил свои дела, правда?

— А почему вас интересует, когда мы уезжаем? — Хильда с трудом выговаривала слова через сведенные напряжением губы.

Мгновение помолчав, Свендсен начал ходить взад и вперед по маленькой комнате. Наконец остановился прямо перед ней.

— Ну, может быть, потому, что мне не хотелось бы терять так скоро мою работу, — сказал он, не вынимая рук из карманов и глядя ей прямо в глаза. — Или, может быть, потому, что я не могу пережить, что никогда больше не увижу вас, мой маленький комочек нервов.

Хильда коротко рассмеялась.

— Да уж, конечно!

Свендсен продолжал говорить все тем же непринужденным тоном:

— Главная ваша беда, по-моему, в том, что вы получали в жизни слишком много тычков и не верите, что кто-то может быть искренним с вами. И, как мне кажется, все это связано с вашей очаровательной младшей сестрой Киттен. Она, должно быть, необыкновенный человек. Сидит там совершенно одна наверху, никого не видит, не выходит и все равно командует всем домом. Ее можно почувствовать в каждом углу его, в каждом человеке. Вы кажетесь обеспокоенными, когда думаете, что вас никто не видит, и оглядываетесь через плечо, когда случается пройти через темную комнату. И все это как-то связано с ней. Она превратила себя в тень человеческого существа. Где-то играет пианино, где-то отдергивается занавеска, и люди знают, что она здесь. Но она призрачна, она не имеет плоти. Это все равно что следить за очертаниями, а не за реальной вещью. И тем не менее, здесь нет ни одного человека, живущего в доме или проходящего, который не был бы под ее влиянием. Эта холодная рыба Хелен — как ее там, превращается в демона, швыряющегося ножами при одной мысли о ней. Простодушная Патрисия испытывает отвратительное удовольствие при мысли о ее несчастьи. А вы — вы могли бы быть очень привлекательной, если бы она не превратила вас в нервную старую деву, которая подпрыгивает каждый раз при упоминании своего имени. В какую паутину она всех вас поймала? Что она сделала, чтобы заставить вас так не доверять людям, что сделало вас такими жесткими и саркастичными? Это, возможно, совершенно не мое дело, но с самого детства мне невыносимо наблюдать, как бьют незащитно-го...

— Заткнитесь! — Хильда подняла руку и оттолкнула его, вся дрожа от гнева. — Я устала от вас и от ваших дурацких теорий! Вы все время пытаетесь приписать нам что-то злое. Говорите так, будто в нашем доме живет кто-то вроде... вроде паука. Так вот, он существует в вашем собственном мозгу. И вот еще что. Единственная причина, по которой вас интересует наш отъезд, заключается в том, что это как-то влияет на ваше выживание.

Свендсен посторонился, давая ей дорогу, и она решительно прошла мимо него. Он слышал, как ее каблучки простучали по ступеням лестницы и вдруг замерли.

— Не забудьте свои ботинки, Шерлок! — донесся снизу ее прощальный выстрел. Затем быстрые шаги прозвучали по цементному полу внизу, и дверь гаража захлопнулась.

Звонко стуча каблучками по твердой промерзшей земле, Хильда спешила по дорожке к дому. Потрясенная внезапным нарушением зимней тишины, мимо нее пробежала белка и спряталась в кустах. Воробьи нервно щебетали на голых ветвях деревьев.

Девушка позвонила в парадную дверь и прислушалась к звуку звонка, эхом разносящегося по тихому дому. Дверь открылась, и секунду за ней никого не было видно. Хильда смотрела на дверь, не решаясь войти, удивленная, что та открылась сама. Затем в проеме появилась голова Уэймюллера, который спросил:

— Что-то не так, мисс Хильда?

— Вы... Почему вы притались?

— Прятался, мисс Хильда? Я просто не хотел простудиться. Я знал, что это вы.

Девушка прошла мимо него, избегая любопытных глаз, и вошла в гостиную. Окинув ее быстрым взглядом, она двинулась дальше, неслышно ступая по толстому ковру, и распахнула дверь библиотеки. Та тоже была пуста. Развернувшись, она вышла опять в коридор и резко позвала:

— Уэймюллер!

Громкий окрик эхом разнесся по пустынному дому. Наконец дверь столовой открылась, там стоял дворецкий.

— Где моя мать? — спросила Хильда. Ее голос был нетерпелив, а нога нервно постукивала по полированному полу темного коридора.

Брови Уэймюллера холодно приподнялись, и он немного помедлил с ответом:

— Не знаю, мисс.

Поджав губы, Хильда раздраженно фыркнула.

— Как это вы не знаете? Она дома или нет?

— А, так вы хотели узнать, дома ли она, мисс? Это я знаю. Ее нет дома. Но вот где она, этого я не могу сказать.

— Я не просила давать мне урок английской речи, Уэймюллер. Я просто хотела знать, где моя мать, и вы прекрасно знали, о чем я спрашиваю. А где моя сестра?

— Думаю, в своей комнате, как обычно, мисс. — На этот раз голос был ледяным, даже без претензии на вежливость.

Хильда стала торопливо подниматься по лестнице, даже не задумавшись над тем, что конкретно он сказал и как. Она без стука влетела в комнату Доры. Комната была пуста. Прикусив губу, она быстро прошла по коридору к верхней площадке лестницы и нагнулась над темным проемом.

— Уэймюллер! — Крик разнесся по дому, заставив задрожать оконные стекла. За ним последовала долгая мертвая тишина.

Наклонившись еще дальше, чтобы лучше видеть прихожую внизу, Хильда чуть не потеряла равновесие. Испуганно ахнув, она резко обернулась и увидела сзади темный провал черной лестницы. В ее мозгу шевельнулось воспоминание о другой девушке, скатившейся вниз по этим ступенькам. Дыхание стало прерывистым, а руки так вцепились в перила, что костяшки побелели.

Немного дневного света просачивалось в мрачный коридор, но, как она могла видеть, он был совершенно пуст. Двери, идущие длинным рядом по обеим сторонам, были закрыты.

Заглянув еще раз в пропасть внизу, Хильда опять никого не увидела. Она быстро оглянулась назад и пошла вниз по черной лестнице. Пройдя по коридору, открыла дверь в столовую.

— Уэймюллер! — Теперь она говорила тише, слегка нетвердым голосом. Прошла минута. Ответа все не было.

Она поспешила в кухню. Неосвещенная, чисто прибранная кухня была пуста. Истерика навалилась на нее, дыхание перехватило. Хильда бросилась в столовую, оставив двери с силой крутиться на своих шарнирах. Пытаясь вздохнуть, она споткнулась о ступеньку лестницы и чуть не упала.

— Патрисия!

Она начала было подниматься по лестнице, но вдруг остановилась как вкопанная. Расширенные зрачки со страхом осматривали темное пространство. Облизнув сухие губы и сглотнув, Хильда резко отпрянула к стене. Дыхание вылетало из ее рта быстрыми, судорожными толчками.

Двигаясь осторожно, как будто боясь кого-то спугнуть, она прошла по мягкому ковру к окну и приподняла край шторы. Часть извилистой дороги, которую можно было видеть в сумерках, была холодна и пустынна. Шторы опять упали на место.

Темные глубины диванов, пространства за креслами, незажженный камин словно были населены причудливыми тенями. Скорченное животное спряталось под столом.

Хильда двигалась осторожно, стараясь не потревожить наблюдающего за ней зверя. Мимо музыкального салона, мимо огромного неуклюжего пианино, мимо двери в кабинет. И тут яркие немигающие глаза фарфорового котенка заставили ее резко

остановиться. Он притаился среди безделушек на камине и неожиданно стал казаться вполне уместным среди роскошного убранения комнаты.

Хильда опять попятилась, едва не упала, споткнувшись, и опять побежала к лестнице. Ни малейшего шороха не долетало из уходящего вверх темного проема. Покусывая сжатый кулак, она прислушивалась к тиканью высоких темных часов в прихожей.

На противоположной стене она заметила еще одну пару глаз, следящих за ней. Неестественно прямая женщина смотрела на нее со старинного портрета. Зачесанные назад волосы были сколоты в строгий узел, тонкогубый рот окружен морщинами, морщинистая кожа уходила под блузку с высоким воротом. Хильда подошла ближе, и острые черты стали лишь смесью густых мазков. Она отодвинулась, и глаза опять стали следить за ней.

Старинные часы затикали громче. Она следила, как маленькая стрелка отмечала секунды с каждым качанием медного маятника. Протикало пятьдесят секунд, и тогда она ударила часы ногой. Небольшая щепка отлетела в сторону, а на поверхности дерева появилась белая полоска. Быстро обернувшись, Хильда посмотрела, следит ли за ней старая леди. Суровые глаза были неумолимо устремлены на нее.

Съжившись, Хильда прошла к креслу и села спиной к портрету. С силой сжимая челюсти, она заставила себя сидеть тихо, не оглядываясь по сторонам. Каждый мускул был напряжен. Что-то страшное случится, если она двинется. Она не должна шевелиться. Она должна быть абсолютно...

Ее голова в ужасе дернулась. Сзади нее, со стороны коридора, послышался шорох. Заскрипела ступенька.

— О Боже! — Тихонько вскрикнув, Хильда вскочила с кресла. Какое-то мгновение она стояла, вжавшись спиной в стену, стараясь взглядом проникнуть в полумрак. За окном уже стемнело, и прихожая была совсем темной.

Еще один скрип. Лестница находилась между ней и входной дверью. Помедлив лишь мгновение, Хильда вдруг решила и рванулась через прихожую. Она схватила ручку двери и потянула. Дверь не поддавалась. Охваченная паникой, девушка отчаянно дергала ее. Дверь открылась так внезапно, что Хильда чуть не упала. Без пальто и шапки она выскочила на морозный воздух.

— Хильда!

Хильда вытянула руку и схватилась за каменную колонну, чтобы не упасть. Секунду она смотрела на дорожку, парализованная страхом, и тут же тихонько заскулила, словно потерявшийся щенок, который видит своего хозяина, идущего домой. Непередаваемое облегчение нахлынуло на нее.

По дорожке к дому медленно шла миссис Корвит. Ее глаза озабоченно всматривались в лицо дочери.

— Что случилось?

- Я... Ничего.
— Куда ты идешь в таком виде?
— Просто... Никуда... Я просто искала Уэймюллера.
— На улице?
— Я звала. Никто не отозвался.

Миссис Корвит прошла мимо нее и открыла дверь. Когда она исчезла внутри, Хильда последовала за ней. Ее глаза сразу же устремились на лестницу, едва мать включила свет. Там никого не было.

Миссис Корвит сняла шубу и шляпку и повесила их в стенной шкаф. По ее бледному лицу и идеально уложенным волосам нельзя было догадаться, что она вообще выходила из дома.

- Где твой отец?
— Не знаю. Может быть, вышел прогуляться?

Миссис Корвит включила свет в гостиной и посмотрела на дочь. Избегая ее взгляда, Хильда провела рукой по пылающему лицу. Она села, невольно сжимаясь под внимательным взглядом матери.

- Хильда, когда ты последний раз выходила из дома?
— Я... А что?

— Посмотри на меня. — Девушка неохотно подняла глаза на мать. — Ты должна больше бывать вне дома. Видеться со своими друзьями. Подобный образ жизни может довести тебя до нервного срыва. Нечего сидеть все время взаперти. У нас есть еще две недели, во время которых ты...

— Вот, я как раз об этом и хотела тебе сказать! — с лихорадочной поспешностью перебила ее Хильда. Сцепив пальцы, она встревоженно наклонилась к матери. — Мы должны уехать раньше, потому что... — Мать попыталась возразить, но Хильда возбужденно продолжала: — Нет, подожди. Ты не понимаешь. Это все из-за Свендсена, шофера. Мы должны уехать прямо сейчас, никому не говоря.

- Хильда! О чем ты...

— Ш-ш-ш. Не перебивай меня. Он ведет себя очень подозрительно. На самом деле, он наверняка не шофер. Я сегодня была в его комнате... — Заметив, как мать дернулась, она бросилась пояснять: — У меня были сомнения, и я хотела осмотреть его вещи. У него в комнате газетные вырезки, мама, куча вырезок. Все о нас. Особенно...

— Вырезки? — не понимая, повторила миссис Корвит. Нахмуясь, она испытующе глядела на лихорадочно блестящие глаза дочери.

— Ну, да. Похоже, что он взял их в редакции, а не вырезал сам из обычной газеты. Они были датированы. В редакциях не дают людям такие вырезки, я хочу сказать, обычным людям. Мы должны уехать прямо сейчас.

Хильда умолкла и глядела на мать, словно маленький ребенок.

— Интересно, от кого Лед услышал о нем? — заметила миссис Корвит скорее для себя, чем для Хильды.

Девушка беспокойно пошевелилась.

— Какая разница? Он просто объявился в то время, когда предыдущий уволился.

— Ну да, как раз в это время.

— О! — Внезапно затихнув, Хильда прикусила язык. — Ну да, конечно. Он сам позаботился о том, чтобы место было свободно. — Она зажмурилась на мгновение, будто от боли. Затем с резкой горечью добавила: — Крыса! Подлая вонючая крыса!

Удивленная страстностью ее тона, мать внимательно посмотрела на нее. Морщинка на ее лбу стала глубже. Поднимаясь, она подняла было руку к голове, но мгновенно превратила этот жест в легкое поглаживание, как будто поправляла волосы.

— Что будем делать? — спросила Хильда, взволнованно глядя на мать.

— Обсудим все это сегодня же. Ты лучше поднимайся, чтобы переодеться к обеду.

Хильда схватила ее за руку, когда мать уже хотела выйти.

— Мы должны решить это прямо сейчас. Ты не понимаешь...

— Вообще, Хильда, здесь совершенно нечего бояться.

— Нечего бояться? — растерянно повторила Хильда.

— Нет. По крайней мере, сейчас.

— Но он... он...

— Он что? — Голос миссис Корвит был усталым. — Если мы поддадимся панике и сбежим, то действительно попадем в беду. Мы просто не можем уехать, никому ничего не говоря. Прежде всего, слуги должны быть предупреждены, и вообще, это вызвало бы массу разговоров.

— Но тогда у него будет время. Мы же не можем просто сидеть и ждать.

— Ну, может быть, дела Леда могут быть закончены на этой неделе. Вероятно, мы сможем уехать в воскресенье, но обязательно надо всем сказать. Свендсен, должно быть, просто что-то вынюхивает. Но у него нет ничего конкретного, иначе он так бы себя не вел. Если не произойдет ничего подозрительного, ему придется отступить. Правда, мне тоже кажется, что если мы уедем на неделю раньше, то у него будет меньше времени, чтобы...

Зазвенел звонок. Ни одна из женщин не двинулась с места. В замке повернулся ключ, и дверь распахнулась. Глаза матери и дочери на мгновение встретились, затем обе облегченно вздохнули.

В прихожую вошла Дора, закрыв за собой дверь. Она бросила шубку на стул и, медленно переводя взгляд с одной на другую, спросила:

— Ну, а теперь что?

Прежде чем Хильда успела ответить, миссис Корвит сдержанно сказала:

— Хильде кажется, что с нашим шофером что-то не так. Он хранит пачку газетных вырезок о нашей семье.

— Да? — Дора села на стул, на ее лице не отразилось ни малейшего волнения.

— Мы подумали, что стоит, может быть, уехать раньше, чем мы собирались, — тихо добавила миссис Корвит. — Возможно, в это воскресенье.

— А мне вообще хочется упаковаться и сразу уехать, — быстро сказала Хильда. — Сегодня или завтра.

Дора взглянула на мать, которая покачала головой.

— Она хочет сбежать, никому не говоря, даже слугам.

— Не говорить слугам? — медленно переспросила Дора. — Но как же...

— Ну, конечно, это невозможно. Это я ей и пыталась объяснить.

— Но... у нас было так много неприятностей... — Хильда загнулась. — Люди решат, что это естественно...

— Мы уедем в воскресенье, — закончила разговор миссис Корвит и встала. — Я сегодня поговорю с Ледом.

Дора тоже поднялась и направилась к лестнице. Положив руку на перила, она проговорила вполголоса:

— Если топор прежде не упадет.

14

Четверг, 24 февраля. Позднее утро.

Свендсен терпеливо ждал. Его пальто было приготовлено на кровати, а связка ключей лежала на комод. Он пододвинул стул к окну и, положив ноги на подоконник, покачивался взад-вперед, наблюдая за домом.

Через некоторое время оттуда вышла Хильда. Закутанная в бобровую шубку, она поспешила к гаражу. Оранжевая машина выехала на дорожку и остановилась у парадной двери.

Из дома вышла миссис Корвит в сопровождении служанок и Уэймюллера и села рядом с дочерью, а слуги устроились сзади. Машина вырулила на дорогу и скрылась в направлении железнодорожной станции. Было 11.08.

Шофер продолжал наблюдать. В 11.20 из-за угла дома появилась кухарка и направилась к дороге, в сторону соседнего дома.

Примерно через пятнадцать минут после этого по парадным ступенькам сошла Дора. Вместо того чтобы зайти в гараж, она двинулась пешком в направлении станции.

Свендсен поднялся. Глянув на часы, он накинул пальто, бросил ключи в карман и спустился в гараж. Сунул в карман банку машинного масла и пошел к дому.

У подножия лестницы он заколебался. Каждая ступенька казалась чем выше, тем тусклее, а верхние вообще пропадали в темноте. Дом казался не только пустым, а совершенно покинутым. И

в воздухе вокруг Свендсена разливался особый гул, присущий тишине.

Вспышка белого на столе в прихожей внезапно привлекла его внимание, и он остановился, обернувшись. Затем, бросив взгляд на часы, подошел и посмотрел на белый конверт, надписанный крупным, детским почерком. Письмо было адресовано мисс Киттен Корвит, а в верхнем левом углу было имя Льюиса и адрес его школы. Свендсен взял его в руки и повертел, затем поспешно положил конверт на место и легкими шагами поднялся по широким ступеням.

Он впервые оказался на втором этаже дома. Свет был погашен, и коридор, идущий от площадки, был почти темным.

Шофер нерешительно посмотрел на черную лестницу и открыл дверь рядом с ней. Это было хранилище белья. Закрыв дверь, он осторожно пошел к первой двери справа. Минуту прислушивался, не двигаясь, затем встал на одно колено и попытался заглянуть в замочную скважину. Ничего не было видно. Поднявшись, он повернул ручку. Дверь легко поддалась.

Неосвященная комната была пуста. Войдя, Свендсен подошел к окну и немного раздвинул занавески, чтобы видеть в этой темноте. Он начал с туалетного столика, работая быстро и четко. Верхний ящик предлагал поразительное разнообразие помад, сеток для волос, шпилек, губок, кремов, пудр, маникюрных принадлежностей, духов и дюжину других косметических вещей. Следующий был полон украшений, но ни одно не выглядело на четырехзначную цифру. Нижний содержал разнообразную смесь перчаток и сумок. Только перейдя на другую сторону комнаты, шофер обнаружил коробку с письмами и фотографиями. Взглянув на часы, он начал быстро перебирать их. Там было четыре связки, перевязанные резинками, и некоторые отдельно. Он быстро вытащил пакет писем на плотной бумаге с грубыми краями. Первое письмо начиналось словами "Дорогая Хильда!" и было подписано Тедом. В нем говорилось об Университете Брауна, женщинах, пиве, и, в основном, о самом Теде. Свендсен быстро просмотрел остальные. Сложив их обратно в том же порядке, бросил письма в коробку.

Остальные три связки писем были от Гордона, Уэса и Криса. Ни одно не горело любовью. Гордон спрашивал о Киттен в нескольких письмах, Крис — в каждом. Уэс никогда не упоминал Киттен до своего последнего письма, которое Свендсен прочитал более внимательно. Там говорилось: "Твое письмо было для меня большим сюрпризом, как ты можешь себе представить. Но, конечно, если ты так на это смотришь, то мы можем больше не писать друг другу. Я пригласил Киттен в тот раз только потому, что ты сама сказала, что не хочешь кататься на лыжах. Но она ничего для меня не значит. Просто я встретил ее один раз в твоём доме, когда тебя не было. Мне очень жалко, что ты так это воспринимаешь, но не думаю, что могу что-то изменить. Уэс". Это было

последним письмом от Уэса. Свендсен задержал его на мгновение в руках, затем опустил в коробку.

Перейдя к фотографиям, шофер быстро перебрал их. Сначала ему показалось, что здесь нет ничего интересного. На них была в основном Хильда, или одна, или с молодыми людьми. Несколько других женщин, довольно некрасивых, четыре карточки Доры, две мистера и миссис Корвит, пять или шесть Льюиса. Больше никого.

Беспокойно взглянув на дверь, он был уже готов отложить фотографии, когда одна из них привлекла его внимание. Часть снимка с чьим-то изображением была отрезана. Внимательно вглядываясь, он различил край шубки.

Свендсен положил все на место и быстро проглядел комод, шкаф и стенной шкаф. Ничего, кроме одежды Хильды.

Другая дверь вела в спальню.

Шофер начал с платяного шкафа. В нем было больше одежды, чем в соседней комнате, и он узнал одежду Доры. Напрасно Свендсен обследовал полки, выдвигал ящики, даже заглядывал в туфли. Обратившись к туалетному столику, он обнаружил тот же самый набор косметики, шарфиков, чулок и синюю бархатную коробку для украшений.

Нижний ящик был заперт. Вытащив связку ключей, Свендсен перепробовал шесть, пока, наконец, открыл. Разноцветный набор розового, белого и желтого белья предстал перед его глазами. Быстрым движением руки он отодвинул в сторону мягкий шелк и нащупал внизу что-то твердое.

Впервые с начала поиска глаза Свендсена загорелись. Его рука вытащила маленькую черную книжку. Он быстро раскрыл ее, и тут же лицо его омрачилось. Она вся состояла из отрывков стихов. Ругаясь под нос, он засунул ее назад, уложил сверху белье и задвинул ящик.

Больше в комнате ничего интересного не было, и Свендсен вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Секунды проходили в тишине, а Свендсен неподвижно стоял в коридоре, напрягшись и затаив дыхание. Все его чувства были обострены до крайности. Он услышал, как по дороге проехала машина, ее слабый гул был словно звук из другого мира. Урчание мотора становилось все тише и, наконец, замерло вдалеке. Он опять был отрезан от мира, затерян в измерении, где не существовало ни времени, ни пространства.

Свендсен дошел до конца коридора и прижал ухо к темному дереву. Не было ни малейшего движения или звука, выдающего чье-то присутствие, а если и был, то его заглушал стук его собственного сердца. Наклонившись к замочной скважине, Свендсен увидел смутное пятно, которое обрело вид серого ковра. Больше ничего. Он опять вытащил связку ключей. Первые два не подошли, но на третьем замок открылся с тихим щелчком. Его рука осторожно нажала на ручку. Долгое время шофер стоял на поро-

ге, всматриваясь в затененное пространство. Капли пота выступили на его лице, а руки в карманах сжались в кулаки.

Обоняние его уловило слабый, приторный запах сладкого горошка, придающий воздуху нечто неживое и затрудняющее дыхание.

В темных глубинах зеркала на туалетном столике Свендсен увидел отражение интерьера, который отличался от любой другой комнаты в доме. Вместо темных занавесок здесь был ярко-синий атлас, вместо мрачной мебели красного дерева все было светлого, серебристо-серого цвета.

Его поразила удивительная бестелесность комнаты, словно лишенной всего земного, перемещенной в какой-то ирреальный мир. Он ощутил ее сонную атмосферу, словно комната готова была раствориться в небытии, исчезнуть в разверстой пасти бесконечного зеркала. Комната, жившая прошлым и наполненная шепотом воспоминаний.

Свендсен почуял странный запах тления, который сдавил его горло и заставил сердце судорожно заколотиться. Он увидел слабо мерцающие занавески, глубокое кресло, большую кровать. На кровати было неровное углубление, явно сделанное чьим-то телом.

Долгое время Свендсен стоял окаменев, не отрывая глаз от голубого атласа. И вдруг по его спине пробежал холодок, он услышал шаги, слабый шорох, производимый кем-то, кто шел мимо закрытой двери.

Нити, окутавшие Свендсена коконом неподвижности, мгновенно лопнули. Он быстро осмотрелся вокруг, легкими стремительными шагами подошел к двери и запер ее изнутри, неслышно повернув ключ. Затем без колебаний бросился через комнату и толкнул дверь к стенному шкафу. Там висели два платья, куртка и меховая шуба. Он проскользнул внутрь и закрыл дверцу, оставив маленькую щель.

Прерывисто дыша сквозь сжатые зубы, Свендсен приблизил глаза к щелке и ждал.

Время шло медленно, и он почти задремал, но вдруг чьи-то приглушенные голоса заставили его вздрогнуть.

Разговаривали два человека. Послышался звук, как будто кто-то прошел по мягкому ковру, дверь закрылась, атлас прошуршал по атласу, по ковру прошлепали тапки.

Шаги приблизились к стенному шкафу, и Свендсен, мгновенно напрягшись, отодвинулся как можно дальше за платья. Дверца открылась. Что-то мягкое задело его по лицу, и дверцу опять закрыли. Теперь, однако, она была закрыта уже плотно, без щели.

Скрипнула дверь в коридор, и голос миссис Корвит громко произнес:

— Я пока пойду вниз. — После этого дверь закрылась.

И опять наступила тишина. Свендсен судорожно втянул в себя воздух, положил руку на ручку двери и замер. Все тихо. Очень

мягко он повернул ручку и надавил. Дверца раскрылась, и он остановил ее, не давая открыться больше чем на щелку. Затем закрипели пружины кровати.

Лоб Свендсена покрылся испариной, он задержал дыхание. Какое-то время в комнате ничего не было слышно, кроме скрипа пружин или шуршания атласа. Снизу тишина несколько раз нарушалась звонком в парадную дверь. Постепенно едва ощутимый гул тишины, царивший в доме все утро, сменился гулом голосов. Комнаты первого этажа оживились звуками шагов и приветствий. Только в этой комнате атмосфера не изменилась, несмотря на шум и суету внизу.

Негромкий стук в дверь заставил Свендсена опять напрячься. Послышался шорох открываемой двери, и раздался голос миссис Корвит:

— Миссис Шонеман и тетушка Мод пришли навестить тебя.

Свендсен почувствовал, как бьется жилка на виске. Каждый нерв был напряжен до предела в ожидании ответа.

— Ну вот, судя по голосу, ты уже набираешься сил. Ты поправишься очень скоро.

Послышалось, как усаживаются два тяжелых тела, одно из них — явно на кровать. Вздохи, тяжелое дыхание, а затем превеличенно бодрый голос человека, который отчаянно пытается вести непринужденную беседу.

— Какая неожиданность! Я и не представляла, что вы так быстро уедете из города. У меня на сегодня были намечены две встречи, но, само собой, когда Анна позвонила и сказала, я отменила их. Боже, нам будет очень не хватать вас! — Слова замерли как-то нерешительно, как будто говорившая пыталась придумать, что еще сказать.

— Так когда ваш сын рассчитывает, что Киттен поправится, Луиза? — прозвучал хриплый голос. Говорившая затронула совершенно другую тему. — Мне кажется, он не очень-то спешит.

В мягком голосе, который, как теперь знал Свендсен, принадлежал миссис Шонеман, явно прозвучала растерянность.

— Ну, я... Я, вообще-то, мало понимаю в медицине. — Она колебалась и неуверенно закончила: — Но уверена, что Фрэнсис знает, что делает.

— А если нет, он должен пригласить того, кто знает.

Небольшая пауза. Затем слабый шорох, как будто кто-то встал и поправлял атласное покрывало.

— У нас сейчас такое напряженное время, — тихо сказала миссис Корвит. — Очень нелегко подготовить к переезду такой дом. А эта девица Патрисия — теперь, когда она знает, что мы уже не будем ее хозяевами, — стала невыносимо грубой.

— Я никогда не была о ней особенно хорошего мнения. — Миссис Шонеман с готовностью ухватилась за нейтральную тему. — Она всегда казалась какой-то ненадежной. Вы знаете, что я имею в виду. Я чувствовала, что она не может видеть молодого челове-

ка без того, чтобы... Ну, вы понимаете, я хочу сказать, что она была слишком заинтересована в мужчинах, то есть... — Ее голос сделался более суетливым. — Не то чтобы в этом было что-то плохое, если молодая девушка интересуется мужчинами, но... но она была...

— Ты хочешь увидеть Унифрид, прежде чем мы уедем, дорогая? — тихо вмешалась миссис Корвит. — Когда я позвонила, она сказала, что придет попрощаться...

Голос, принадлежащий тетушке Мод, коротко спросил:

— Унифрид — это та симпатичная рыжеволосая девушка?

Миссис Шонеман заметила:

— Возможно, у нее действительно красивые рыжие волосы, но я считаю, что дочки Корвит — самые хорошенькие в нашем...

Стук в дверь прервал ее. Послышался звук отодвигаемого кресла, и мягкий голос миссис Корвит спросил:

— Кто там?

Приглушенный ответ. Затем дверь открылась, несколько женских голосов смешались в приветствиях.

— Здравствуйте, миссис Гледхилл. — А потом: — Ну, как ты тут, Киттен?

Шаги, кресло, поддвигаемое по ковру.

— Боже мой, — вздохнула пришедшая, — я задыхаюсь. — Пыхтение и скрип кресла.

— А вы не пробовали делать те упражнения, о которых я вам говорила?

— Ох, дорогая, нет. Если бы у меня была ваша сила воли! Только подумать, вы никогда не притрагиваетесь...

— Молодые люди очень хотят с тобой попрощаться, Киттен. Почему бы тебе не позволить им зайти на минутку?

— Я слышала, что Элизабет Арден прекрасно делает массаж, — неловко произнесла миссис Шонеман. — Правда, я сама не пыталась.

— Ну что, так позвать их, Киттен?

Беспокойный шорох атласа, стон пружин.

— Крис тоже здесь, — упрямо настаивала миссис Гледхилл.

Послышался резкий стук в дверь. Свендсен насторожился. Стук стал громче, и, прежде чем кто-то смог вмешаться, дверь распахнулась. На мгновение повисла мертвая тишина, потом прозвучало чье-то растерянное "Ой!"

Шофер отодвинул платя и попытался выглянуть в щелку, но ему виден был только кусок стены.

Затем послышалось:

— Киттен! — Это был Крис. Тихие шаги по ковру. И опять: — Киттен! — Присутствующие молчали. Юноша прокашлялся, пытаясь овладеть собой. — Твое... лицо. Я... не думаю... — Крис заколебался, ища помощи. Но шуршание атласа на кровати было единственным ответом. — Я хотел попр-

щаться. — Его голос вначале звучал громко, но затем упал почти до хрипа. В последовавшем молчании кто-то пошевелился, скрипнул стул. Одна из женщин кашлянула. — Для меня это не имеет никакого значения, — продолжал Крис. — Я поеду за тобой в Сиэтл, и мы поженимся. Мы найдем хорошего врача. Ты только скажи, Киттен, скажи хоть слово. Если бы ты разрешила мне поговорить с тобой наедине... — Из всех сил пытаюсь быть убедительным, он казался лишь растерянным. С кровати не доносилось никакого ответа. — Только на одну минуту! Они могут подождать снаружи. Я просто хотел... — Он нерешительно умолк.

Послышался звук отодвигаемого кресла, и голос миссис Корвит холодно произнес:

— Мне кажется, нам всем пора пойти вниз. Киттен устала.

Скрип кресел и покашливание. Нестройный хор прощаний.

Затем опять голос миссис Корвит:

— Так ты идешь, Крис?

Крис пролепетал:

— Я... Я напишу тебе, Киттен. Мы обязательно увидимся. Это даже не прощание.

С кровати не раздалось внятного ответа. Еще одно повторение всеобщих смущенных прощаний, и дверь закрылась.

Почти пять минут в комнате не раздавалось никаких звуков. Свендсен, сжимавший и разжимавший кулаки, мог слышать только удары собственного сердца.

Неожиданно скрипнули пружины и раздались легкие шаги по ковру. Свендсен мгновенно отполз за платя, но шаги двигались в другом направлении, к двери. В замке повернулся ключ. Опять шаги и скрип кресла, а потом звук выдвигаемого ящика. Опять скрип металла по дереву. И какие-то тихие, непонятные звуки.

Шофер провел рукой по лбу и отодвинул платя в сторону. Очень медленно он выпрямился и бесшумно встал у самой дверцы. Взявшись за ручку, мягко толкнул дверцу и замер. Потом осторожно заглянул в комнату...

15

Тот же день. Позже.

В полутемной комнате Свендсен увидел мягкий серый ковер, смятую атласную постель, туалетный столик и сидящую перед ним фигуру. Судя по всему, это была женщина. Впрочем, видно было только туловище. Голову и плечи сплошь покрывали белые бинты, в которых оставались небольшие щели для носа и рта. Бинты уходили под воротник голубого атласного халата.

В ее руке Свендсен увидел ножницы, которыми она надрезала полоски марли. Когда полоски становились слишком длинными, она отстригала их и аккуратно клала на столик.

Свендсен стоял у двери шкафа и наблюдал. Его лицо имело сероватый оттенок, черты лица заострились. Он не сводил с женщины покрасневших глаз.

Постепенно куча бинтов на столе выросла, пациентка отложила ножницы и подняла белую массу.

Свендсен среагировал не достаточно быстро. Поглощенный наблюдением за женщиной, он не сообразил, что сейчас произойдет. А когда понял, было уже слишком поздно.

Пациентка повернулась к мусорной корзине и замерла. Глаза метнулись к стоящему поодаль мужчине. Бинты упали на пол, а из горла вырвался негромкий животный крик.

Руки Свендсена инстинктивно сжались, а лицо похолодело. Отойдя от шкафа, он приблизился к туалетному столику.

Пациентка отступила, натолкнувшись на столик. Рука дотронулась до его поверхности, ища опоры, что-то упало на ковер и покатилося. Неожиданно нежные печальные звуки песни "Это случилось в ясную полночь" зазвенели в воздухе.

На минуту Свендсен застыл. Бестелесность мелодии музыкальной шкатулки странно подходила и к самой фигуре, и к тихой комнате. Медленно наклонившись, он поднял маленькую коричневую шкатулку. Если не считать вырезанных на крышке ангелов, играющих на арфах, она выглядела как миниатюрный пиратский сундук. Оставив его открытым, шофер опять взглянул на пациентку. Большие глаза не мигая смотрели на него.

Сочетание какого-то сказочного позвякивания музыкальной шкатулки и странной личности перед ним заставило Свендсена вдруг сказать:

— Интересно, когда сюда войдет призрак Марло? — От застывшего перед ним существа не последовало ответа. Он оглядывал бинты, ища какие-то контуры, намекающие на нос, подбородок. Но под слоем марли не угадывалось никаких черт. В сгущающихся сумерках неясные очертания вообще терялись. — Не хотите позвать на помощь?

Неподвижные глаза все еще были прикованы к нему. Секунды текли одна за другой, а две фигуры в комнате молча смотрели друг на друга.

Вдруг под бинтами что-то шевельнулось. Полоски марли вокруг рта задвигались, и оттуда вылетел странный звук.

— Кто вы?

По спине Свендсена поползли мурашки.

— Я шофер, Киттен. Разве вы не знаете?

Пациентка пошевелилась. Все еще поворачиваясь всем телом, словно мумия, она отступила от него, подняла руки к лицу, взяв болтающийся конец бинта, и закрепила его. Руки тихо двигались, ощупывая лицо, нет ли открытых участков, а странный детский голосок произнес:

— Мы позаботимся о том, чтобы вы никогда больше не смогли получить место шофера.

— А я и не собираюсь быть шофером.

Глаза пациентки начали двигаться. Они медленно посмотрели на ножницы, потом опять на шофера. Голубой шелк на груди натянулся.

— Сколько времени вы были в этом шкафу?

— Очень долго, — мягко ответил Свендсен, глядя на смутное отражение спины в зеркале. Капелька пота упала с его лба и покатилась по щеке. — Вы собирались снять бинты.

Зачарованные глаза все смотрели на него.

— Я всегда меняю их, — прошептал голос.

— Так давайте.

— Не смешите меня. — Опять пальцы дотронулись до бинтов, расправляя их, затем руки опустились вдоль тела. — Я не позволю вам это увидеть.

— Снимите их, — настойчиво повторил Свендсен.

Пациентка медленно отступила. Тело в голубом халате заслонило от него ножницы, а рука потянулась за ними. Темные глаза хотели удержать его внимание.

Шофер наклонился, взял тяжелые ножницы и, не глядя, швырнул их на пол.

Неожиданно фигура метнулась к двери. Руки вцепились в ключ, отчаянно поворачивая его в замке. Даже не сознавая, что он не делает попытки остановить ее, пациентка выскочила за дверь и там остановилась как вкопанная. Снизу доносились приглушенные звуки голосов. Кто-то снова заиграл на пианино.

Не двигаясь, Свендсен стоял и наблюдал

— Вот именно, — мягко произнес он. — Куда вы пойдете?

Пациентка повернулась и посмотрела на Свендсена через черные щелочки в бинтах.

— Мой доктор... Они вам не позволяют.

Взяв за белое запястье, шофер втянул ее в комнату. Она не противилась, и он закрыл за ней дверь.

Странная фигура прислонилась к стене, зная, что битва окончена.

— Снимите повязки.

Не двигаясь, фигура ждала, словно затравленное животное. Черные щелочки следили за каждым его движением.

Свендсен наклонил ее голову к себе и вытащил свободный конец бинта. Пациентка издала стон, но руки не двинулись, чтобы помешать ему. Он начал сверху, позволяя свободному концу спиралью спадать вниз. Сначала освободил лоб, затем глаза и, наконец, все лицо. Белая ткань соскользнула на пол. Свендсен на секунду зажмурился, затем открыл глаза и посмотрел прямо в гладкое белое лицо Хильды.

Она стояла в полутемной комнате, прислонившись к стене, похожая на изношенную куклу. Страх пропал, осталась только усталость. Ее невидящие глаза остановились где-то на уровне его груди.

— Так значит, все это время здесь были всего лишь вы, — бесцветным голосом произнес он. — За что вы ее убили?

Последовало долгое молчание, во время которого она разглядывала его. Затем девушка отошла от стены и села за туалетный столик.

— Вы — полицейский. — Это было утверждение, а не вопрос.

— Из-за Криса? — гневно продолжал Свендсен.

— Я не знаю, о чем вы говорите. Это был несчастный случай.

— Неужели?

— Мы поехали кататься.

— И кто вел машину?

— Ки... Я вела.

— Но вы всем рассказывали, что она была за рулем.

— Да. — Ее голос был настолько тих, что он едва мог его слышать. — А что еще мне оставалось? Я говорила, что она ехала одна и ударилась лицом о ветровое стекло. Таким образом мы могли объяснить наличие бинтов.

— Я не слышу вас.

— Таким образом мы могли объяснить наличие бинтов.

— Кто еще был с вами?

— Я... я же сказала вам. Киттен...

— А еще кто?

— Никого. Просто Киттен и я. — Хильда провела ладонями по лицу, как будто ей было жарко, но лицо оставалось сухим и бледным. Ее глаза скользнули было вверх, но тут же опустились.

— Ну, и чего же вы ждете? — резко бросил Свендсен.

— Мы ехали мимо имения Бэчфелдеров... — Внезапно она умолкла, а руки на коленях разжались. В тусклом свете он едва мог разглядеть бледный овал ее лица. — Потом машина попала в яму. Мотор работал, но машина не двигалась. Киттен вышла, чтобы посмотреть, в чем дело. Она говорила мне, что сделать, а я сосредоточилась на моторе и даже не смотрела, где она стоит. Машина неожиданно рванулась с места. Я услышала крик, машину тряхнуло, и она врезалась в дерево. — Теперь она говорила быстрее, чтобы поскорее покончить с этим. — Я вышла и увидела Киттен. Она лежала далеко в кустах, куда ее отбросила машина. Я подошла, но она была мертва. Кажется, у меня началась истерика. Я почти не помню, что делала. Должно быть, села в машину и поехала домой. Я рассказала это остальным. Они поехали со мной, чтобы найти тело. У меня не было четкого представления, что я делала, и где все произошло. Я ничего не могла вспомнить. Мы обыскали всю дорогу, но не могли найти... ее. — Поток слов резко оборвался. Сидя прямо в своем кресле, сжав руки на коленях, Хильда зажмурилась, прогоняя из памяти мысленный образ. Кажется, история закончилась.

— Ну? — произнес Свендсен. Он сунул руки в карманы и ждал.

Зачарованные глаза поднялись к его лицу, не понимая. Затем Хильда моргнула и облизала губы.

— Я... О чем я говорила?

— Вы не могли найти ее.

— Я... Ох. Ну, я не помню точно, как все началось. Мы вернулись домой, и отец подумал, что надо поскорее вызвать полицию, чтобы они помогли найти ее, но тут мы начали обсуждать всю ситуацию. Это была безумная идея. Не знаю теперь, кто ее предложил. Я, наверное. Ведь это могли принять за неумышленное убийство, и я отсидела бы пять или десять лет в тюрьме. Никогда не знаешь, как все обернется в подобном случае. Полиция могла бы даже назвать это преднамеренным убийством. Поэтому мы придумали одну вещь. Мы уедем из города через месяц-другой, а пока никому не скажем, что Киттен... мертва. Было решено, что я буду изображать ее. Мы были примерно одинаково сложены, потом, я могла подражать ее голосу, особенно когда она была больной и ослабленной, так что это не представляло большой трудности. Фрэнсис был моим доктором. Естественно, мы все ему рассказали. Мы позволяли лишь немногим людям постарше видеть Киттен — тем, у кого зрение было не очень хорошим, и тем, кто плохо ее знал. Просто для того, чтобы они могли рассказывать, что виделись с ней. А потом мы могли переехать куда-нибудь, где никто не знал о ее существовании. И... ну... так мы и сделали. Вот и все... как мне кажется. — Ее голос становился все тише, пока совсем не умолк. Невидящими глазами она смотрела на свои руки, водя пальцем правой по ладони левой.

— А как вам удалось так быстро протрезветь в день свадьбы Доры?

— Наверное, это был шок. Когда начался переполох, я проскользнула наверх и подставила лицо под холодную воду. А потом говорила с ними через запертую дверь.

— А как получилось, что она оставалась незапертой какое-то время?

— Не знаю. Забыли из-за всей этой неразберихи, должно быть. — Хильда устало передернула плечами.

— Почему вы разорвали снимок, если не имели ничего против нее?

— Что?

— Киттен. Вы вырвали ее из общего снимка.

Последовала короткая пауза. Потом она сказала:

— Значит, вы были и в моей комнате тоже.

— Так почему?

— Я... Вы не поймете.

— Слишком тонко для меня, да?

Хильда не ответила.

— Не важно, пойму я или нет, — проговорил Свендсен с неожиданной яростью. — Просто ответьте.

— Дело в том... что каждый раз, когда я смотрела на нее — а я часто смотрела... и я думала, что она мертва... Я просто не могла выдержать такое. — Последовало долгое молчание. Не слыша от него ответа, она робко взглянула на него снизу вверх. — А они... Вы думаете, все обойдется?

Свендсен не отрывал от нее мрачного взгляда.

— А почему вы решили, что никто другой не найдет тело, если оно просто лежало в кустах?

— Но... там же все так заросло. И земля никому не принадлежала. И потом, мы ведь искали — очень долго. Мы так и не нашли его. Ее.

— Понимаю. Но почему “Это случилось в ясную полночь”?

— Это тоже было для того, чтобы показать, что она жива, — ответила Хильда. — Хотя я не так хорошо играю, как она. Однажды она играла в рождественской пьесе и исполняла эту мелодию. Там... там был театральный агент. Он хотел, чтобы Киттен попробовала себя на Бродвее. Не из-за музыки, конечно. Из-за ее внешности и того, как она играла на сцене. Но отец не разрешил. Это был единственный раз, когда он отказал ей хоть в чем-то. — Она поежилась под его пристальным взглядом. — Вы же понимаете, что это был несчастный случай. Правда?

— А то, что случилось с Дорой, тоже было несчастным случаем?

Мгновение она молчала, затем, что-то неслышно прошептав, презрительно отвернулась.

— Вы и правда свихнулись. Или же пытаетесь создать из ничего скандал на первую полосу. Сначала я убила одну сестру, задавив ее машиной, а потом пыталась убить другую, столкнув вниз лестницы. Что еще я сделала?

— Кто вас так поцарапал?

Минуту Хильда неподвижно смотрела на него, потом опустила глаза на свою руку. Ее мрачный взгляд нашел длинный шрам над запястьем. Почти бессознательно она прикрыла его рукой.

— Просто смешно, — сказала она, но в ее голосе не было уверенности, теперь в нем чувствовался страх. — Это сделала не Дора. Это случилось... когда я была пьяна. Точно не помню... Да. Когда я уронила бутылку со стола.

— Но есть одна вещь, которую вы, должно быть, забыли, — продолжал Свендсен, когда она умолкла. — Мы нашли тело Киттен несколько недель назад. Какие-то мальчишки играли в кустах и нашли кольцо. Они начали копать и наткнулись на Киттен. Тело совсем даже не валялось где-то. Его закопали. И все лицо было раздавлено колесами, причем так изуродовано, что его нельзя было опознать. И пальцы были порезаны, чтобы не оставить отпечатков. И с одежды были срезаны все метки. Нет, это не был несчастный случай. — Свендсен остановился, чтобы вытащить платок и вытереть лицо. Глядя ей в глаза, он видел только пустоту, взгляд, лишенный всякого выражения. — Полицейские не так

тупы, как считает большинство людей, — продолжал он. — За два дня до этого в газетах прошло сообщение об аварии с Киттен Корвит. Они не писали, какая именно авария, репортеры не могли быть слишком назойливы с Корвитами. Но она произошла как раз в том месте, где нашли тело. Так что мы решили не шуметь о нашей находке. И оказалось, что были правы, потому что никто не сообщил о пропавшей девушке. — Он не заметил, как судорожно дернулось лицо Хильды. — Вот так. Она была убита примерно в то время, когда Киттен Корвит попала в аварию. Убитая не принадлежала к тому сорту девиц, о которых никто не будет беспокоиться. И газеты не могли точно сказать, что же конкретно произошло с Киттен. С этого нам и пришлось начинать. Мы достали все возможные фотографии Киттен. На одной из них на ней был костюм такой же, как и на убитой девушке, но с Корвитами нельзя шутить. Если бы речь шла о ком-то другом, мы потребовали бы немедленного расследования. Но тут мы не могли действовать прямо.

— Вы, должно быть, сошли с ума, — проговорила Хильда голосом сомнамбулы. — Или нашли чей-то другой труп.

— Бесполезно, — устало сказал Свендсен. — Разве что вы предьявите нам живую Киттен. Одевайтесь. — Последнее слово было сказано тем же тоном, как и остальные, без особого ударе-ния.

Девушка медленно поднялась, глядя ему в лицо. Его щека болезненно дернулась.

— Пойдемте, — тихо попросил он.

— Подождите. — Хильда нервно сглотнула. — Давайте спустимся по черной лестнице.

— Что, убить сестру легче, чем смотреть в глаза людям после этого?

Не ответив, она распахнула дверь и вышла в коридор.

— Хильда!

Резкий оклик разнесся по всей гостиной.

Хильда остановилась, мгновение помедлила у двери, глядя на ручку, и повернулась лицом к комнате.

Свендсен видел, как изумленно вздрогнула миссис Корвит при их появлении на лестнице, заметил удивленные взгляды остальных. Комната была полна народу. Дора и Уилл в углу; Хелен, Фрэнсис, Крис и миссис Гледхилл у окна; Винни на диване вместе с миссис Корвит, остальных он не знал. Все с любопытством смотрели на него.

Он увидел, как миссис Корвит нетвердо поднимается с кресла, как Винни повернула голову, следя за его взглядом, а Фрэнсис весь напрягся. Враз потеряв свой уверенный облик, хозяйка дома подняла руку и с силой вжала ее в другую тем же жестом, который он так часто видел у Хильды.

Хильда неуверенно подошла к арке, ведущей в гостиную. С открытым испариной лбом, Свендсен быстро прошел мимо нее ту-

да, где стояла миссис Корвит. Сунув руку в карман брюк, он вытащил коричневый кожаный бумажник и раскрыл его.

— Лейтенант Свендсен. Отдел убийств. — Голос Свендсена был хриплым. Убирая бумажник в карман, он резко произнес: — Я арестую вашу дочь за убийство.

Слова повисли в воздухе. Большинство лиц вокруг него казались растерянными. Он почувствовал быстрое движение около себя и увидел, что это была миссис Корвит. Остальные не двинулись. Уилл замер в момент прикуривания сигареты, его рука так и застыла в воздухе, а глаза не отрывались от Свендсена. Дора не шевелилась, бледная как смерть. Замер и Фрэнсис, держа руку на локте Хелен. Все это вдруг напомнило бывшему шоферу замок Спящей Красавицы перед появлением принца.

— У-убийство? — Это произнес мистер Корвит. Свендсен никогда не видел его в таком состоянии. Отбросив свою обычную рассеянность, он не отрывал глаз от Свендсена, смертельно побледнев.

Но именно Крис задал самый важный и нужный вопрос. Громким неестественным голосом он выпалил:

— Чье убийство?

Свендсен повернулся. Юноша стряхнул материнскую руку со своей и диким взглядом глядел на детектива.

— Киттен мертва, — прямо сказал Свендсен.

Внезапно тишину прервал пронзительный голос, в котором Свендсен узнал тетушку Мод.

— Не смешите людей! Мы только что разговаривали с ней.

И тут же множество голосов заговорило одновременно.

— Что с ней случилось?

— Надо пойти посмотреть, что можно сделать.

Толпа направилась к лестнице.

Свендсену не пришлось их останавливать. Это сделал Крис. Глядя в глаза Свендсену, он улыбнулся. Затем резко сел.

— Ее нет там, наверху.

Его мать потрясенно воскликнула:

— Крис!

— Она мертва уже какое-то время, так?

Свендсен кивнул.

— Я вроде как знал об этом. Почувствовал, когда был там, наверху.

Свендсен обвел глазами онемевшие лица. Постепенно взгляды всех присутствующих обратились к Хильде. Свендсен, забыв об остальных, сосредоточил свое внимание на мистере Корвите. Что-то случилось с седым стариком, как будто внутри него нарушилось какое-то равновесие, помогающее держаться человеку, который слишком долго молчал, но слишком много переживал.

Детектив внутренне сжался, отошел назад и взял Хильду за руку.

— Идемте.

Он не успел сделать и шага, как мистер Корвит заговорил. Его голос был глухим, но твердым и властным:

— Одну минуту.

Подталкивая Хильду к дверям, детектив медленно проговорил:

— Я показал вам свое удостоверение. Если вам угодно позвонить в участок...

— Почему вы сказал “убийство”? — Мистер Корвит с трудом удерживался от дрожи. Его лицо и шея налились кровью.

Свендсен заколебался. В этот момент Хильда вырвалась от него и подбежала к отцу.

— Не говори ничего! — настойчиво заговорила она. — Это все только уловки. Ничего не говори. — Она потянула его за рукав, чтобы обратить на себя его внимание, но он, казалось, не замечал ее. — Не слушай его. Он просто хочет, чтобы ты проговорился.

— Почему вы назвали это убийством? — повторил мистер Корвит сдавленным голосом.

Свендсен подошел к Хильде и взял ее за руку.

— Когда-то ему придется узнать.

Девушка попыталась вырваться.

— Папа! Разве ты не видишь, что он пытается сделать? Не говори с ним.

Мистер Корвит даже не шевельнулся. Не глядя на дочь, он в третий раз проговорил:

— Почему вы назвали это убийством?

— Потому что это и было убийство. Она была задавлена машиной и закопана. Аккуратно, методично закопана.

Минуту старик не двигался. Он выглядел так, будто его вот-вот хватит удар, затем с усилием выговорил:

— Вы... вы говорите правду?

Глядя на него прищурившись, Свендсен не отвечал.

С глазами, полными боли, мистер Корвит пошел через комнату. Отпустив Хильду, Свендсен последовал за ним, взял его за плечи и усадил в кресло.

— Моя маленькая девочка! — Мистер Корвит закрыл лицо руками. — Мой маленький котенок!

Гостиная затихла. Люди избегали смотреть друг на друга.

Свендсен молча взял руку Хильды и повел ее к двери. Она послушно шла рядом с ним, как маленький ребенок. Их шаги по ковру казались странно громкими в наступившей тишине. Они были почти у двери, когда их остановили.

Голос был тих. Холодный и безразличный как всегда, это был голос голубой крови, голос того, кто слишком хорошо воспитан, чтобы выражать какие-либо эмоции. Таким тоном можно было бы просить чашку чая.

— Но почему же вы забираете Хильду, мистер Свендсен? — произнес голос. — Ведь это я убила Киттен.

Тот же день. Позже.

Мгновение Свендсен не реагировал. В комнате стало так тихо, что он услышал даже, как какой-то зверек скребется на террасе за окном. Со стороны кухни через закрытые двери проникали обычные повседневные звуки: звяканье посуды, болтовня слуг, свист швабры.

Стоящий очень прямо Фрэнсис побледнел еще больше, но не шевелился. Лицо Хелен было холодным и неподвижным, с едва заметным блеском в глубине карих глаз. Сидящая на диване Винни широко раскрыла глаза. Ее огненные волосы представляли разительный контраст с побелевшим лицом. Мистер Корвит все еще закрывал лицо руками, а его жена стояла над ним, как склоненная тень. Уилл как-то весь сжался от тихих слов, и кровь отлила от его лица.

Только Дора смотрела на Свендсена, твердо выдерживая его взгляд. Она выглядела так, будто только что выговорила шоферу за то, что тот подал не ту машину. Ничего похожего на страх не отражалось в ее уверенных чертах.

Первой заговорила Хильда.

— Не говори “убийство”, Дора. Это был несчастный случай.

Дора бесстрастно посмотрела на нее.

— Это было убийство, Хильда, — сказала она тоном учителя, объясняющего что-то непонятливому ученику. — Убийство.

Тихо ступая по мягкому ковру, Хильда подошла к сестре и посмотрела на нее сверху вниз.

— Ты не хотела убивать ее, Дора, — настаивала она, не желая знать ничего иного. — Ты же не хотела, правда?

— Хотела, Хильда.

Свендсен, наконец, сбросил с себя оцепенение. Он почувствовал себя смертельно уставшим от того, что делает.

— Вы признаетесь в убийстве?

Дора коротко кивнула.

— В преднамеренном убийстве?

Еще один кивок.

— Я вырыла яму за день до того, как убила ее.

— Ну, и?

— Прошу прощения?

— Как вы это сделали?

— Когда я выкопала яму, я пригласила Киттен поехать со мной кататься. Мы...

— Вы взяли не ту машину. Представили дело так, будто Киттен поехала одна. Она бы взяла свою собственную машину.

Дора озадаченно посмотрела на него. Затем опустила глаза на руки.

— Мы ехали по пустынной дороге около имени Бэчфелдеров. Я держалась слишком близко к краю дороги, и мы съехали в кю-

вет. Я сделала вид, что машина застряла, попросила Киттен выйти и направлять меня, пока я постараюсь выбраться. Но она хотела сесть на мое место, чтобы попытаться самой. Я собиралась сорваться с места и переехать ее, когда она будет на дороге, но она заупрямилась. У меня была монтировка, на всякий случай, и, когда она отвернулась, я ударила ее по голове. Потом вытащила ее из машины, положила на землю и несколько раз переехала. Я закопала Киттен в яме и рассыпала листья сверху так, чтобы это место сливалось с окружающим.

— Вы также срезали все метки на одежде.

— Да.

— Но уронили одно из ее колес.

Казалось, она не слышала его. Глаза ее были прикрыты веками.

— А как насчет остальных?

— Что?

— Как вы вовлекли в это всю семью?

— Прежде чем вернуться домой, я врезалась в дерево и разбила крыло. Потом разбила ветровое стекло монтировкой. Дома сказала, что машина застряла, и Киттен вышла посмотреть, куда попали колеса. Мотор внезапно заработал, машина наехала на Киттен и врезалась в дерево. Когда я нашла ее, она была мертва. Они поехали со мной на ту дорогу, но я делала вид, что не могу вспомнить, где лежало тело. — Дора повернулась к Хильде. — Почему ты не сказала, что это я ее убила? — Хильда не шевельнулась во время всего рассказа. Она просто слушала, не отрывая от сестры расширенных глаз. Когда Дора посмотрела на нее, ожидая ответа, она потрясла головой, как марионетка. — Я думала, ты понимаешь, Хильда.

Резкий голос Свендсена приковал внимание гостей.

— Кто толкнул вас с лестницы?

— Хелен Льюисон.

Свендсен посмотрел на высокую блондинку. Уголок ее рта скривился, но больше по лицу ничего нельзя было прочесть. Она встретила его взгляд не мигая.

— Почему?

— Я выходила из комнаты Киттен...

— Что вы там делали?

— Не могла найти перчатки к моему дорожному костюму. Патрисия не ответила, когда я позвонила, так что я пошла искать сама. Их не было в комнатах Хильды и Киттен. Я пошла к черной лестнице, чтобы позвать Патрисию. — Она запнулась, как бы вспомнив о чем-то. — Наверное, тогда и забыла запереть комнату Киттен.

— Продолжайте.

— Хелен как раз поднималась по парадной лестнице. В коридоре было темно, а она увидела, как я выхожу из комнаты Киттен в халате. Кроме того, я стояла лицом к черной лестнице, и она

приняла меня за Киттен. Схватила за руку и постаралась повернуть меня, чтобы увидеть мое лицо. Я не заметила, как она подошла, и была застигнута врасплох. Кажется, я вскрикнула и ударила ее. Она тоже ударила меня, очень сильно, как будто хотела столкнуть меня вниз, и сказала что-то вроде "Вот тебе за все, Киттен". А потом я потеряла равновесие. Позже я не хотела ничего рассказывать, чтобы не вызывать лишних разговоров.

Какое-то время никто не шевелился. В полной тишине раздался хриплый голос Свендсена:

— Идите оденьтесь.

Мистер Корвит не шелохнулся. Он глядел на пол, и его исчерченное морщинами лицо было землисто-серым. Руки его жены сжимали спинку его кресла, так что костяшки пальцев казались белыми.

— Оденьтесь, — повторил Свендсен.

Как будто выходя из забытья, Дора подняла голову и моргнула. Мгновение она смотрела на него непонимающим взглядом, потом медленно выпрямилась.

— Ах, да, конечно.

Когда Свендсен открывал дверь, даже не оглянувшись назад, последнее, что он услышал, был голос Хильды. Сдавленным, мертвым голосом она сказала:

— Дневник. Мне следовало бы догадаться. Дневник.

Мокрый, хлесткий снег налетел на их лица, как только они вышли в темноту. Какое-то мгновение голос Хильды доносился до них, затем Свендсен захлопнул дверь, и они остались одни. Бывший шофер вздрогнул от ледяного ветра и поднял воротник пальто. Повернувшись к своей спутнице, он не мог рассмотреть ее лицо, а она никак не показывала, что замечает холод.

Дора дошла с ним до гаража и смотрела, как Свендсен отпирал большую машину. Безразличная ко всему, она стояла, глядя прямо перед собой, пока его рука не подтолкнула ее к переднему сиденью. Сев в машину, она тихо ждала, пока он выходил закрыть ворота гаража.

Они ехали в полной тишине. Иногда он бросал взгляд на ее лицо в свете приборной доски, но оно ничего не выражало. Это было приятное лицо, умело подкрашенное и кажущееся почти красивым в тусклом свете. Но это все. Дора была всего лишь вежливой незнакомкой, как если бы случайно оказалась рядом с ним в общественном транспорте.

Прекрасно ладят между собой... Такая счастливая семья... Счастливая семья... Но, папа, почему все такие странные? Почему все так бегает?.. Тише, Дора, не отвлекай меня... Но, папа, я боюсь. Где мамочка?.. Тише, Дора, не мешай... Но, папа, в коридоре так темно. Мне страшно. Я совсем одна... Все заняты... Я совсем одна... Почему они так волнуются?.. Они все бегают, и никто

не останавливается. Мне так страшно. Я хочу к мамочке. Что случилось с моей мамочкой?.. Почему мне никто не говорит?.. Никто ничего не говорит... Никто никогда не скажет... Я совсем одна... Совсем одна в темноте. Я всегда буду одна в темноте... Постой минутку, папа. Пожалуйста, папа, всего одну минутку. Скажи мне, что случилось... Пожалуйста, папа, что случилось? Маленькая девочка, Дора. Еще одна сестренка. Только эта очень красивая... Как маленький котенок, Дора... Самый красивый котенок в мире... Красивее, чем я, папа?.. Тише, Дора, не мешай... Самый красивый котенок в мире... Ты получишь свое, маленький котенок... Ты получишь свое...

Лицо Свендсена сводило от напряжения, а глаза постепенно становились все краснее. Резкий ветер из открытого окна сек его щеки. Они почти все время держали скорость около шестидесяти миль в час, встретив только пять или шесть машин на всем пути вниз. Вскоре он снял руку с руля, чтобы вытащить сигареты. Не отрывая взгляда от дороги, Свендсен протянул их своей соседке. Он скорее почувствовал, чем увидел, как она отрицательно покачала головой, даже не взглянув на них. Тогда он вытащил зубами одну сигарету из пачки и медленно затянулся в темноте.

Все, что хочешь, моя девочка. Все, что хочешь... Но, папа, кукольный морячок — мой... Не жадничай, Дора. Она ведь еще маленькая... Но, папа, Киттен всегда держит Льюиса. Позволь мне хоть разок поддержать его... Не будь эгоисткой, Дора. Она еще маленькая... Но, папа, это желтое платье... Говорили, что оно будет моим. Это ведь я хотела его, папа... Не будь эгоисткой, Дора. Она ведь еще маленькая... Моя маленькая девочка... Ты получишь свое, маленькая девочка. Ты получишь свое...

Мимо них промчалась машина, идущая в том же направлении, звук смеха донесся до них по ветру, а потом они опять остались одни, быстро мчась сквозь ночь. Дора даже не шелохнулась. Словно окаменев, она смотрела прямо перед собой в темноту.

Лови, Кит, лови... Смотри на меня, Кит, смотри... Хочешь пойти на рыбалку, Лью?.. Нет, Дора, Киттен обещала показать мне, как управлять парусом... Хочешь посмотреть кукольное представление, Лью?.. Нет, Дора, Киттен идет со мной играть в мяч... Даже Льюис, Киттен, даже Льюис... Отец за это еще больше тебя любит, правда, Киттен?.. Ты, папа и Льюис, Киттен... Ты, папа и Льюис... Говорят, что дети любят только хороших людей. Но одурачить маленького мальчика так же просто, как и большого, правда, Киттен?.. Ты дурачишь их всех, Киттен... Ты совсем как ребенок, Киттен, так же беспомощна. Позволь мне заботиться о тебе... Видишь, ты поцарапалась, Киттен. Если бы я не заметил, ты бы наверняка так бы это и оста-

вила... Ты совсем не бережешь себя, дорогая. Тебе нужен кто-то, кто о тебе позаботится... Одурачила всех, Киттен, разве не так?.. Что ты сделала с моим дневником, Киттен?.. Не глупи, Дора. Киттен не стала бы красть твой дневник... Одурачила всех, Киттен, правда? Одурачила всех... Останови лошадь, Киттен, не жди. Останови скорее. Ради Бога, Киттен! Ведь я же погибну. Я погибну. О, Боже! Боже!.. Почему ты так долго ждала, Киттен?.. Почему ты почти дала ей убить меня? И ведь ты сама и испугала ее сначала. Хотела показать им, какая ты героиня, правда, Киттен?.. Ты просто чудо, Кит. Спасла Доре жизнь... Дора погибла бы, если бы не ты! Она обязана тебе жизнью, Кит... Ты должна быть благодарна, Дора. Киттен так быстро остановила твою лошадь!.. Одурачила всех, разве не так, Киттен? Одурачила всех... Прогнила насквозь... Ты получишь свое, Киттен... Ты получишь свое...

Когда они подъезжали к городу, Свендсен начал сбрасывать скорость. В его движениях была какая-то особая неуверенность, как будто он хотел оттянуть принятие решения. Кожа на скулах натянулась. Он проезжал мимо фонарных столбов, даже не замечая их.

Такая счастливая семья... Прекрасно ладят... Ты не могла бы сегодня куда-нибудь пойти, Киттен? Я жду гостей... Нет, Киттен. Не молодого человека. Девушку. Только один раз, Киттен... Ты сделала это опять, правда, Киттен? Очень просто, не так ли? Он пал к твоим ногам просто сразу же... Как и все остальные, Киттен... Все остальные... Я могу сделать тебя счастливой, Кит... Я буду любить тебя вечно, дорогая... Я могу дать тебе много денег, моя радость... Я готов умереть за тебя, милая... Очень просто, правда, Киттен?.. Мне кажется, что мы не подходим друг другу, Дора. Нет, не из-за твоей сестры. Просто потому, что...что... Послушай, Дора, что это за роскошная девица была с тобой вчера? Как, а я и не знал, что у тебя есть сестра... Надеюсь, ты не будешь возражать, Дора? Я пригласил твою сестру на танец... Очень просто, Киттен... Ты что, вообще не собираешься замуж, Киттен? Будешь порхать вот так вечно?.. Ты не возражаешь, Хильда? Ты никогда не возражаешь!.. Бедная Хильда. Почему у тебя всегда такой виноватый вид?.. Бедная Хильда... Ты получишь свое, Киттен... Ты получишь свое...

Через некоторое время Дора обернулась и посмотрела на Свендсена. Он сразу же опустил глаза под ее взглядом и, открывая дверцу машины, пробормотал:

— Пойду куплю сигарет.

Такая счастливая семья... Такая счастливая семья... Почему бы нам не пожениться, Дора? Моя мама ожидает этого... Хоро-

шо, Фрэнсис... Как ты думаешь, Бермуды подойдут для свадебного путешествия, Дора? Замечательно, Фрэнсис... Месяца два мы подождем после обручения, ладно, Дора?.. Хорошо, Фрэнсис, два месяца... Как тебе удалось выбрать мне такого красивого зятя, Дора?.. Ты играешь в теннис, Фрэнсис?.. А почему бы моему будущему зятю не прокатиться со мной верхом?.. Мы с Фрэнсисом едем сегодня на скачки, Дора. Ты ведь, конечно, не возражаешь?.. Фрэнсис и я поедем на станцию, чтобы дать объявление о помолвке, Дора... Сегодня Фрэнсис ведет меня в театр, Дора. Ты уже видела эту пьесу... Послушай, Дора, тебе не кажется, что мы спешим? Ну да, конечно, я знаю, что приглашения уже разосланы, но... Ты сделала это опять, правда, Киттен?.. Сделала опять... Только не сейчас, Киттен... Прогнила насквозь... Только не на этот раз, Киттен... Ты получишь свое... Ты получишь свое...

Дора невидящим взглядом следила, как он обошел машину и направился к дверям магазинчика. Ее пустые глаза отражали свет из кондитерской.

— Вам придется пойти со мной, — произнес он пересохшими губами.

Такая счастливая семья... Такая счастливая семья... "Все те же луна и воды, но нет дочери О'Рейли"... Луна и воды, но нет сына Шонеманов... Не на этот раз, Киттен... Прогнила насквозь... Нет, Хильда, я не могу прожить весь остаток жизни, гадая... Гадая, из-за чего он... Что происходило внутри него... Что он действительно думал... Что было подо всем этим тщеславием... Мне надо знать, Хильда... Нет, сон, хранимый в сердце, не для меня, Хильда... Люди женятся и кажутся счастливыми, но они всегда хранят память... Не для меня, Хильда... Образ первой любви. Услышать песню или увидеть поросший травой склон и вспомнить... Всю жизнь вспоминать... Не для меня, Хильда... Не для меня, Киттен... Не в этот раз... Не надо теней, преследующих меня до смертного часа... Смертного часа... Ты получишь свое, Киттен... Ты получишь свое...

— Что? Ах, да.

Машина была припаркована через улицу от обшарпанной кондитерской, и ее дверь находилась над сточной канавой. Двигаясь так, будто все у нее болело, Дора не задумываясь ступила прямо в грязь.

Моя маленькая девочка... Моя маленькая девочка... Двадцать четыре года, Киттен. Двадцать четыре года... Прогнила насквозь... Я планировала это двадцать четыре года... Ты отняла моего папу, Киттен... Ты отняла мою куклу, Киттен... Ты отняла моего братика, Киттен... Ты отняла мое желтое платье,

Киттен... Ты отняла все... Но ты не отнимешь Фрэнсиса, Киттен... Ты не отнимешь Фрэнсиса... Только не Фрэнсиса... Ты получишь свое, Киттен... Ты получишь свое...

Дора успела сделать только один шаг, когда Свендсен пробормотал:

— Подождите, я уронил мои ключи.

Он повернулся и склонился над сиденьем. С налившимся кровью лицом, начал рыться, ища пропавшие ключи: в боковом кармане, под подушками сиденья, в бардачке.

Такая счастливая семья... Такая счастливая семья... Может быть, мы сделали ошибку, Дора... Все зря... Выходи за Уилла, Дора... Отличный парень... Выходи за Уилла, Дора... Все зря... Ты ненавидишь чувства, правда, Дора?.. Из меня выйдет никудышный муж... Прогнила насквозь... Не могу долго останавливаться на одном... Все зря... Отличный парень, как Уилл... Все в целом было ошибкой... Он будет отличным мужем, Уилл... Все зря... Никудышный муж... Прогнила насквозь... Все было ошибкой... Все зря... Весь страх и боль... Я убила тебя, Киттен, ради солнечного света, ради шелеста листьев... А теперь нет ничего... Все зря... Ты получишь свое, Киттен... Ты получишь свое...

Она посмотрела вокруг взглядом проклятого и обреченного существа. Она ждала, ждала, что неизбежное явится из темноты, явится прямо на этой грязной улице. Она услышала шум мотора еще до того, как увидела ее. А потом машина выехала из-за угла. Два горящих глаза. Круги света, неумолимо надвигающиеся, всасывающие все в свой горящий ад. Две ослепительных сферы пламени, окруженные облаком света.

Свендсен почувствовал внезапный, вызывающий дурноту, запах паленой резины. На долю секунды он застыл, окаменевший, все еще наклонившийся над сиденьем, с влажным от пота лицом. Холодок, пробежавший по спине, заставил его задрожать, и он наконец выпрямился. Затем вяло тронулся с места, сжимая рукой маленькое кольцо с ключами.

Дора лежала лицом вниз. Не было ничего особенно отталкивающего в этом зрелище. Просто маленькая скорчившаяся фигурка в очень дорогой шубке, лежащая в сточной канаве Манхэттена. Богатая дочь богатого Ледьярда Корвита из "Анилиновой корпорации", убитая точно так же, как до этого была убитая ее сестра.

17

Четверг, 2 июня. Утро.

Коричневый кирпичный дом казался покинутым. Плющ покрывал уродливые стены, кипарисы стояли вокруг как на страже, новая трава росла повсюду совершенно беспрепятственно,

распространившись уже и на подъездную дорожку. Черные квадраты окон были унылыми и закрыты тяжелыми шторами, чтобы не пускать в дом свежий весенний воздух.

Машина остановилась у серых колонн входа. Свендсен подошел к парадной двери. Мгновение он прислушивался, будто ожидая, что кто-то заиграет "Это случилось в ясную полночь". Но внутри не было слышно ни звука. Он позвонил и стал ждать.

Секунды шли за секундами. Наконец дверь открылась, и из нее выглянул Уэймюллер.

Дворецкий, как и весь дом, носил на себе отпечаток запущенности. Прядь темных волос стояла дыбом на затылке, одежда была слегка помята. При виде посетителя его глаза враждебно сощурились.

— Значит, вы все еще здесь. — В голосе Свендсена прозвучало осуждение, как будто он был недоволен видом дворецкого.

— Ну... — произнес Уэймюллер, но Свендсен прошел мимо него в прихожую. Все было так, как он и помнил, только теперь промозглая мрачная темнота сменилась прохладным полумраком, даже приятным после палящего солнца снаружи. Какое-то время он стоял, привыкая к темноте, затем резко повернулся и увидел, что Уэймюллер пристально смотрит на него. Посмотрев вверх на темное пространство лестницы, дворецкий неожиданно улыбнулся.

— Вы тоже это чувствуете, правда?

Свендсен неохотно посмотрел ему в глаза.

— Что чувствую? — осторожно спросил он.

Дворецкий сделал неопределенный жест рукой.

— Атмосферу дома. Знаете, иногда у меня появляется очень странное чувство. Мне кажется, что в один прекрасный день откроется запертая дверь, и оттуда выйдет Киттен. Она спустится вниз по этим ступеням, такая же, как всегда — с развевающимися сзади волосами и высоко поднятой головой. И окликнет меня так, как всегда делала, глядя своими смеющимися синими глазами. "Уэймюллер, — скажет она, — когда они начнут трезвонить, ответьте им, что я вернусь в четыре". Вы не знали ее. А я знал. Она была не из тех, кто легко умирает. Только подумать, все это время, когда мы считали, что она там, в этой комнате, — там ничего не было!

— Где мисс Корвит? — резко перебил его Свендсен.

— Мисс Корвит? — рассеянно переспросил дворецкий.

— Да. — Голос Свендсена был язвительным. — Мисс Корвит. И будет довольно странно спрашивать меня, какая именно.

— Посидите в гостиной, — равнодушно произнес Уэймюллер. — Я посмотрю, дома ли она.

Фарфоровый котенок все еще сидел на каминной полке, с своими синими глазами, устремленными в никуда. Свендсен пощипал себя за губу и взял игрушку. Он повертел ее в своих больших огрубевших ладонях и потянул веревочку туда-сюда. Через неко-

торое время поставил котенка обратно и стал задумчиво постукивать пальцем по камину, поглядывая в полумрак соседней комнаты.

Шаги послышались с другой стороны. Свендсен быстро развернулся к двери, но сразу же расслабился.

В дверях стояла миссис Корвит.

Ее вид поразил его. Женщина, стоявшая в дверях, казалась старухой. Стройное тело стало болезненно худым, а седые волосы неухожены и причесаны кое-как. Лицо покрывала сеть морщинок. Единственным напоминанием о великолепной светской даме, которую он знал, были гордо расправленные плечи и глаза, никогда ничего не выдававшие.

— Я ждала вас, — заговорила она тихим безжизненным голосом.

— Ждали меня?

— Да.

— Но... как...

— Вы приехали за Хильдой.

— Вы... не возражаете?

Некоторое время они внимательно смотрели друг на друга, она со спокойствием сфинкса, он — напряженный и смущенный.

— Возражаю? Какое глупое слово. Возражаю ли я, что двое из моих детей умерли не своей смертью? Но к вам это не имеет отношения. Подождите.

Его часы тикали в тишине. Свендсен слышал это медленное, ровное тиканье, когда прятался в темноте шкафа, желая выяснить, кто же эта таинственная пациентка; он чувствовал его, когда стоял в коридоре, слушая, как Дора признается в убийстве; и вот теперь он опять слышал его в пустом старом кабинете. Казалось, этот звук специально предназначен для полного воспоминаний дома.

— Что вам угодно?

Вздвигнув, Свендсен поднял глаза.

В дверях стояла Хильда. Влажно блестящие волосы висели до плеч растрепанными прядями. Пудра уже не скрывала темных кругов вокруг покрасневших глаз, румяна больше не красили бледное лицо. Только ненависть горела в круглых темных глазах.

Посмотрев на нее, Свендсен почувствовал внезапный холодок в груди. Он увидел, что ее черты так же расплывчаты, а фигура так же сливается с темным пространством, как и у ее матери. Если не считать ненависти, в ней была такая же призрачная текучесть.

Неожиданно Свендсен бросился к окнам. Резко дернув за шнур, он раздвинул тяжелые занавески. Яркие желтые лучи прорезали воздух полосой света, в которой трепетали мириады пылинок. Темная комната, такая угнетающая всего минуту назад, стала вдруг всего лишь старой и потрепанной. А фигура в дверях уже не была бесплотным видением.

Он подошел и взял ее за руку. Хильда напряглась.

— Что вам надо? — повторила она.

— Когда вы в последний раз были на улице? — спросил Свендсен.

Хильда с недоумением посмотрела на него. Затем ее приоткрытые губы сжались, и она выдернула свою руку.

— Почему вы не уходите?

Вытащив из кармана сигареты, Свендсен закурил, не отрывая от девушки взгляда.

— Ваша мать сумела понять. Она знает, что это не моя вина.

— Вот и прекрасно. Вы исполнили свой долг. Можете смело смотреть в лицо создателю. А теперь, пожалуйста, идите. Разве вы не понимаете, что я испытываю? Не понимаете, как мне больно вас видеть? Вы хотели, чтобы я выглянула на улицу? И прекрасно, я выглянула. Хотите знать, что я увидела? Я увидела Киттен, сидящую в саду и смеющуюся. Увидела Фрэнсиса, нажимающего гудок своей машины, и Дору, выбегающую из дома, чтобы сесть рядом с ним. Они везде, куда бы я ни посмотрела. Киттен, спускающаяся вниз, одетая к вечеру. Дора, сидящая как всегда, подогнув под себя ногу. Они всегда здесь, но я не могу приблизиться к ним. У нас было так весело, так живо. А теперь здесь нет ничего. Нет ни Доры, ни Киттен. И это вы забрали Дору. Сначала я не понимала, но теперь поняла. Вы ее забрали. Пришли сюда со всей вашей ложью и перевернули нашу жизнь с ног на голову. Это вы довели ее до самоубийства. Вы сделали так, что моя мать никогда больше не сможет ходить с поднятой головой. Вы рассказали моему отцу, как умерла Киттен, и это чуть не убило его. Вы расставляли свои ловушки, шпионили за нами. А теперь вернулись и ждете, что я скажу: "Как хорошо вы поработали!" Так вот, я не тот человек, который забывает и прощает. Я ненавижу вас. И всегда буду ненавидеть. А теперь уходите. Я не хочу вас больше видеть.

— Ваша проблема, — устало произнес Свендсен, — в том, что вы не плачете.

Его голос был таким тихим, он говорил так мягко, без нажима, что это остановило ее. Хильда посмотрела на него, и ненависть в ее глазах сменилась удивлением.

Тогда Свендсен заговорил быстро, не давая ей передышки.

— Послушайте меня. И на этот раз постарайтесь понять. В вашей головке, видимо, все перемешалось, если вы готовы обвинить меня в своих бедах. Да, это я довел их до логического конца. Но я ничем не вызвал их. Ваш отец и так был конченным человеком, после того как Киттен умерла. А Дора все равно покончила бы с собой рано или поздно. И тогда ваша мать оказалась бы точно в таком же положении, как сейчас. Если бы вы не довели себя почти до сумасшествия непрерывными размышлениями о случившемся и одиночеством, вы бы знали, что от меня тут вообще ничего не зависело. Единственная моя вина в

том, что я появился здесь. Может быть, именно это вас и задевает. Если бы у вас была хоть капля здравого смысла, вы бы поняли, что все проблемы начались в тот момент, когда этот ребенок родился. Это был паразитический росток, который посадил ваш отец и который процветал в промозглом нездоровом доме целые годы, пуская корни во всех ваших душах. А потом, когда он наконец отравил всю вашу жизнь, очень удачно появился я, и теперь вам есть, на кого свалить всю вину. Не на вашего отца, не на Киттен и не на Дору. А именно на меня. Вы говорили о веселье в этом доме. Кого вы пытаетесь обмануть? Конечно, здесь было столпотворение, конечно, был шум. Но не говорите мне, что здесь было весело. Никто из вас не знал настоящего счастья. Вся основа вашей жизни прогнила. — В какой-то момент его взгляд упал на фарфорового котенка. Он подошел к камину и заговорил медленно, отдельными сердитыми фразами. — Киттен тоже была вашей сестрой. Для вас это ничего не значит? Мне казалось, что вы понимаете их обеих, пытаетесь быть связующим звеном между ними. Мне казалось, вы знаете, что скрывалось под холодной невозмутимостью Доры и что стояло за эгоизмом Киттен. Я пробыл в вашем доме всего шестнадцать дней, но даже мне стало понятно, что если и были недостатки у вашей сестры, это дело рук вашего отца. Дора не хотела жить, — Свендсен говорил с еще большей настойчивостью, — но Киттен-то хотела. Жизнь Доры все равно была кончена — из-за Фрэнсиса. Но ее жизнь только начиналась. Очень многие люди связывали с ней свое счастье. А вот о Доре жалеете только вы и ваша мать.

— Господи, разве справедливо говорить, что она должна была умереть, что ее жизнь была кончена? — На мгновение Хильда застыла с искаженным от душевной боли лицом, а потом первое рыдание сотрясло ее, и она отвернулась к окну.

Свендсен обнял ее и прижал к себе. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь звуками горьких рыданий. Хильда спрятала голову у него на груди и редела как ребенок. Когда девушка наконец подняла голову, ее маленькое красное личико было мокро от слез, глаза опухли. Она вытащила из кармана смятый платок, высморкалась и постаралась вытереть щеки. Наконец она успокоилась и села в кресло.

— Ну, вот, теперь я видел, как ты плачешь, — сказал Свендсен и улыбнулся. — И все равно я люблю тебя.

Слишком измученная, чтобы повернуться и посмотреть на него, Хильда продолжала бессмысленно глядеть в пространство. Казалось, она даже не слышала слов Свендсена.

— Ты уедешь со мной сегодня же. Можешь пожить в гостинице, пока мы не поженимся. Давай позовем твою мать и скажем ей, в какой гостинице ты остановишься, чтобы она могла послать тебе вещи. — Взяв Хильду за руку, Свендсен повел ее к стеклянным дверям на террасу. Хильда шла за ним тихо, не задавая вопросов.

В ее глазах была глубокая безмятежность человека, которому больше не о чем беспокоиться.

Через некоторое время на лестнице послышался тихий шорох. Бледная и полностью владеющая собой, спускалась вниз миссис Корвит. Ее туфли едва касались ковра, и Свендсен опять испытал странное чувство, как будто видит существо, наполовину принадлежащее иному миру.

— Мы уезжаем, — проговорил он.

Миссис Корвит посмотрела на Хильду, а Хильда на нее. Мать первая вышла из забытья. Она просто кивнула, не выказав удивления, и ничего не сказала.

— Мы позвоним вам, когда решим, где она остановится, — не решительно продолжал Свендсен.

Миссис Корвит протянула ему свою маленькую руку в голубых жилках. Он сжал ее, заглянул ей в глаза и смущенно попрощался.

Потом взял Хильду под руку и подтолкнул к двери. Не обернувшись, они вышли на солнце. Он повел ее по дорожке к черному "крайслеру", припаркованному перед домом, и открыл для нее дверцу. Послушно сев в машину, Хильда стала ждать, сложив руки на коленях.

На лице Свендсена появилась широкая ухмылка. Сев за руль, он завел мотор.

— Великолепная мисс Корвит едет на прогулку. Интересно, что сказали бы твои друзья, если бы увидели тебя сейчас — в таком наряде и в такой машине?

Хильда опустила глаза на свою одежду, затем робко посмотрела на него. Она немного улыбнулась в ответ, не очень уверенная в смысле его шутки, но стараясь быть вежливой.

Посмотрев на нее, Свендсен закинул голову и разразился хохотом.

— С тобой все будет хорошо. — С этими словами он отпустил сцепление, и машина покатила вниз по дороге.

Сидя у окна гостиной, миссис Корвит наблюдала за ними. Она видела, как Свендсен усадил ее дочь в машину, как погладил по щеке. Видела, как солнечный свет льется на запыленную машину и как блестит хром деталей, хотя машина и не была новой. И еще она заметила, как солнце превратило волосы Хильды в тысячу рыжих и золотых искр. И это было последнее, что она видела, прежде чем машина скрылась за поворотом.

Занавески упали на место, и миссис Корвит опять отвернулась от окна. Какое-то время ее глаза не могли привыкнуть к полумраку комнаты. Потом она увидела согнутую фигуру своего мужа, поднимающегося по ступенькам. Медленно, болезненно, он возвращался, как и всегда теперь, в комнату наверху. ■

Перевод с английского
Ольги СЕРЕБРОВСКОЙ.

Два года назад американский журнал "Уинли уорлд ньюс" сообщил, что поблизости от города Хартфорда (штат Коннектикут), в двенадцати милях от него, существует "нехорошая" аллея. Собственно, на первый взгляд, это аллея как аллея — два ряда деревьев, густой кустарник, множество цветов. Она не длинна, всего 52 ярда (около 47 метров), и чисто внешне необычайность ее заключается в том, что ветки деревьев в начале и в конце аллеи смыкаются аркой, и когда смотришь на нее с некоторого расстояния, то кажется, что перед тобой — зеленый туннель.

Однако в этом "туннеле" с завидной регулярностью пропадают люди. Они входят в него с одного конца — и уже никогда не появляются с другого. Так что в округе эта очаровательная аллея даже получила название "Дьявольского треугольника" (по аналогии с Бермудским треугольником).

В принципе, сотни и сотни, вернее, многие тысячи людей проходят этой аллеей — и с ними ничего не случается. Они могут находиться там часами — и хоть бы что. А вот что случилось с теми одиннадцатью несчастными, что исчезли в ней только за последнее время, задаются вопросом семьи пропавших, судмедэксперты и частные детективы.

Детектив Марлон Лэмбин из нью-йоркского детективного агентства представляет интересы семей сразу трех пропавших без вести в "коннектикутском туннеле". Обратиться в агентство родственников этих без следа исчезнувших людей заставило отчаяние. Полиция, власти не желают заниматься их заявлениями. Более то-

Николай АЛЕКСАНДРОВ

ЛОВУШКА

го, власти вообще отрицают сам факт исчезновения людей в этой аллее, предлагая родственникам искать пропавших где-нибудь в другом краю страны.

Но М.Лэмбин располагает документальным свидетельством очевидцев того, как происходили исчезновения. Например, у одного мужчины жена исчезла прямо на

НА ВРЕМЕНИ

глазах — когда он с фотоаппаратом в руках отошел в сторону, чтобы сфотографировать ее. "Мэри стояла под деревом, — рассказал мужчина. — Вдруг она оказалась в центре некоего вихря, на мгновение краски цветов и зелень поблели, а когда им вернулась прежняя яркость и все успокоилось, жены уже не было".

Подобное рассказывают и другие свидетели. Детектив привлечен для расследования феномена исчезновения различных специалистов и в конце концов пришел к заключению, что в "коннектикутском туннеле" находится точка перехода из одного времени в другое, которая в какой-то неожиданный момент вдруг "срабатывает". И все

пропавшие в "туннеле" просто проваливались то ли в прошлое, то ли в будущее.

Исчезновения людей, подобные коннектинутскому, — отнюдь не привилегия одних Соединенных Штатов. История аномальных явлений этого рода географически весьма разнообразна. Существенно также и то обстоятельство, что имеют место не только "исчезновения", но и "появления" — когда в наше, сегодняшнее время, попадают люди из другого времени.

Так, недавно в Париже произошел случай, о котором много писала французская пресса. Совершая ночной обход туннелей на одной из веток парижского метро, ремонтники наткнулись на бредущего по путям человека, облаченного в одежду шестнадцатого века. Он был явно не в себе, не владел речью, с трудом издавая только отдельные нечленораздельные звуки, волосы всклокочены, блуждающий взгляд.

Найденного в туннеле человека доставили в клинику. Физические врачи признали его вполне здоровым, но психическое состояние неизвестного квалифицировали как стойкую амнезию. Он не помнил ни своего имени, ни своего прошлого, утратил простейшие бытовые навыки — так что даже не мог пользоваться ложкой. По сути, он представлял собой младенца в облике взрослого человека. Психиатры предположили, что личность их пациента "стерлась" в результате жесточайшего психологического шока.

Известный исследователь аномальных явлений Энен Филипп уверен, что человек, обнаруженный в туннеле метро, попал к нам прямо из XVI века. Что и обусловило тот самый шок, результатом ко-

торого неизвестный психически превратился в младенца. Историк Марсель Т. отнесся к произошедшему скептически. Что из того, дал он заключение, что одежда найденного в метро по фасону, материалам, технологии изготовления, а также обувь и оружие — все тождественно вещам конца XVI века? Может быть, человек просто помешался на почве любви к той далекой от нас эпохе. Достал где-то соответствующий наряд — и облачился в него.

Однако это скептически-рациональное объяснение само порождает новые вопросы. Во-первых, история медицины не знает случаев подобного помешательства — до полной амнезии — из любви к прошлому. Во-вторых, у человека из туннеля не обнаружилось никаких родственных, знакомых — никто его (из тех, кто разыскивал пропавших близких) не опознал. В-третьих, ни один музей, ни один владелец частной коллекции не заявляли о пропаже экспонатов из своих собраний. И, наконец, в-четвертых, вся одежда, все вещи, что имелись при человеке из туннеля, выглядели как новенькие. Будто лишь вчера вышли из рук мастеров, живших четыреста лет назад!

В той же Франции существует аналогия "коннектинутскому туннелю" — "марсельская дыра", как прозвали это место исследователи аномальных явлений. Она была обнаружена в 1951 году бельгийной Бернадеттой Лорель.

Гуляя по Марселю и устав, девушка присела отдохнуть на скамейку в старинном парке на окраине города. Посидев немного, она с удивлением увидела, что прямо перед ней за деревьями краснеет черепичная крыша небольшой церк-

ви. Между тем Бернадетта только что была там и не заметила ниняного строения! Потрясенная собственной невнимательностью, девушка поднялась, переступила через бордюр дорожки и прямою, между деревьями направилась к церкви. Несколькими мгновениями спустя она обнаружила, что находится на бедном, неухоженном кладбище, буйно заросшем травой, с поносившимися крестами. Двери церкви, стоявшей посередине кладбища, открылись, изнутри вырвались звуки заубойной молитвы, читавшейся на латыни, а затем появилась процессия с гробом. Люди, несшие гроб и следовавшие за ним, были одеты поразительно бедно, в какие-то рубища, она никогда в своей жизни не видела, чтобы кто-то так одевался, даже в бедных кварталах.

Охваченная безотчетным страхом, девушка развернулась и со всех ног бросилась обратно. Когда и как закончилось кладбище, она не поняла. Огляделась — она вновь на акиуратных, посыпанных песком дорожках парна, а кладбище, церковь, процессия с гробом — все исчезло!

Потрясенная Бернадетта обратилась в городской архив. Там ей довольно легко удалось выяснить, что на месте парна еще в конце прошлого века действительно находилось кладбище. Документы свидетельствовали, что это было кладбище для бедняков. Но хоронить на нем перестали за сто лет до того, как разбили парк, незадолго перед Французской революцией. Значит, сцена, которую она наблюдала, не могла происходить позже той поры.

Ассистент кафедры неврологии и психиатрии Марсельского университета Поль Дешан, заинтересо-

вавшись сообщением Бернадетты, предпринял собственное исследование. Он нашел скамейку, на которой сидела бельгийка, повторил ее путь через бордюр дорожки и между деревьями. Но ничего не получилось. Ни в первый раз, ни во второй, ни в десятый. Тогда упорный молодой человек решил "пошарить" по психиатрическим лечебницам. Логики его была такова: если в парне существует "лаз", через который можно проинкнуть в прошлое, то наверняка этим же "лазом" из прошлого можно попасть в будущее. А куда попадает человек, заявляющий о себе, что он не из этого века?

Полю Дешану не пришлось искать слишком долго. В первой же лечебнице, куда обратился, он нашел человека, называвшего себя Жаном Тарвесом и утверждавшего, что родился в 1741 году. На вид ему было между сорона и пятьюдесятью годами, он говорил, что работал грузчином в порту, был женат, но детей не имел, однажды выпил с приятелями, пошел домой — и вдруг очутился тут, "на том свете". В психушку его доставили из полиции, куда он попал за кражу хлеба.

Ассистенту кафедры неврологии и психиатрии удалось найти в местных лечебницах еще пять человек, которые заявляли, что попали в двадцатый век из восемнадцатого. Все это были простые, неграмотные люди, но рассказывали о восемнадцатом веке такие вещи, которые они, не живи в нем реально, могли бы знать лишь в случае, если б являлись специалистами-историками. Даты их перехода укладывались во временной промежутке между 1765 и 1790 годами.

Власти Марсея, не желавшие шума, который поднялся вокруг исследования Дешана, наложили запрет на его дальнейшие изыскания. Пригрозив даже лишением диплома врача. Поль, однако, не желал успоаиваться. Он возобновил свои парковые опыты — в надежде, что ему, наконец, повезет. И однажды повезло. Приятель, с которым Поль пришел на то место, откуда Бернадетта попала в прошлое, видел, как он перешагнул через бордюр, вошел в деревья... и исчез! Приятель, не решившись последовать за ним, прождал Поля до вечера, а потом пошел в полицию сообщать о происшедшем. Полиция, разумеется, помочь ничем не смогла. А Поль Дешан так никогда больше и не появился в нашем времени.

Уже позднее, исследуя полицейские архивы Марсея, парапсихологи установили, что в районе парка за пять лет, предшествовавших случаю Бернадетты, исчезли бесследно (в большинстве случаев среди бела дня) двадцать восемь человек. Потом, включая и случай Поля Дешана, еще трое. Затем исчезновения прекратились.

Широко известна также история школьных учительниц из Англи Энни Моберли и Элеонор Дьюрден. В пасхальные каникулы 1901 года они путешествовали по Франции и в один из дней отправились с экскурсией в Версаль. Отбившись от своей группы, Энни и Элеонор решили самостоятельно добраться до дворца Малый Трианон в пейзажном парке и по пути заблудились.

Встреченные ими некоторое время спустя двое мужчин, уназавших дорогу, были одеты в костюмы восемнадцатого века и со шпагами

на бону. Учительницы приняли их за слугителей парка, переодетых в старинные одежды для интереса экскурсантов. Добравшись до павильона Тамиль д'Амур (Храм любви), Энни с Элеонор еще раз уточнили дорогу — у группы сидевших там мужчин и женщин. Те также были одеты по старинной моде. На этот раз англичанки с недоумением отметили, что их собственный вид вызывает у сидевшей в павильоне группы удивление. Перейдя деревянный мостик, перенинутый через небольшой овраг, учительницы вышли к дворцу. Там они увидели красивую даму в высоком напудренном парике, длинном богатом платье, занимавшуюся рисованием. Во взгляде дамы, когда она заметила их, выразились ужас и потрясение.

До учительниц, наконец, дошло, что творится нечто странное. Они испугались. И только испугались, — дама исчезла, а мимо них, оживленно гомоня, прошла чужая экскурсионная группа, ведомая экскурсоводом.

Десять лет спустя, став преподавательницами Оксфордского университета, Энни и Элеонор составили отчет о том происшествии. По их вычислениям, они попали в 1789 год, встреченные ими "садовники" со шпагами были швейцарской стражей, а дама за рисованием — самой Марией Антуанеттой. Всерьез их отчет никто не принял. Но в двадцатые годы в архивах обнаружилась копия старого плана дворца. И на этом плане был отмечен деревянный мостик над оврагом, которого к той поре не существовало уже целый век.

В музее Королевского метаспсихического общества Британии вам могут рассказать о событии, имевшем место летом 1912 года в экс-

прессе, следовавшем из Лондона в Глазго.

В купе, где находились двое пассажиров — инспектор Скотланд-Ярда и молодая медсестра, — на сиденье у окна со страшным криком вдруг материализовался мужчина в годах, с длинным бичом в одной руке и наддушенным куском хлеба в другой. На голове у него была старинная треуголка, длинные волосы заплетены в косичку, на ногах — туфли с большими пряжками. "Где я? Кто вы? Я — Пимп Дрейк, возница из Четнема!" — ходя ходуном от страха, завопил он. Инспектор, оставив с ним медсестру, бросился за кондуктором. Когда через пару минут они прибежали обратно, мужчины в купе не было, а медсестра находилась без сознания. О пребывании мужчины здесь напоминали только его треуголка и бич на сиденье.

Инспектор решил провести расследование. Этнографы, к которым он обратился, датировали кнут и шляпу второй половиной восемнадцатого века. После этого, выяснив, что в местности, где они проезжали, еще в начале XIX века действительно была деревушка Четнем, инспектор пришел к пастору прихода, к которому когда-то относилась деревушка. В церковных книгах столятидесятилетней давности священник не только нашел это имя — Пимп Дрейк — с датами рождения и смерти, но и приписку на полях напротив его имени, сделанную рукой своего дальнего предшественника. Из приписки явствовало, что Пимп Дрейк, будучи уже человеком в возрасте, вдруг стал рассказывать, как однажды, возвращаясь на повозке домой, вдруг увидел перед собой огромный, длинный, как змей, "дьявольский

экипаж", изрыгающий огонь и пылущий паром. Затем, непонятным образом, он оказался внутри, где находились "слуги дьявола" — мужчина и женщина. Дрейк взмолился перед Господом о спасении — и еще мгновение спустя обнаружил себя лежащим в придорожной канаве, только без бича и головного убора.

Треуголка Дрейна, переданная инспектором Скотланд-Ярда вместе с бичом в метапсихическое общество, до сих пор хранится в его музее. Бич с годами был утрачен.

Подобные перемещения людей во времени бывают обычно задокументированы, когда человек, удививший в "ловушку времени", попадает еще и в каную-либо криминальную или иную подобного же рода историю.

В Нью-Йорке в ноябре 1952 года на Бродвее автомобиль сбил на смерть молодого мужчину. И водитель, и свидетель заявили, что мужчина появился перед автомобилем внезапно, "будто из воздуха", одет был в костюм старинного покроя. При обыске у него обнаружили удостоверение личности восьмидесятилетней давности, а также визитные карточки с указанием профессии — коммивояжер — и адреса. Детективы проверили адрес, — улица с таким названием перестала существовать полвека назад. Изыскания в полицейском архиве позволили, однако, установить, что человек данной профессии и с данной фамилией действительно жил по адресу, означенному на визитке. Были опрошены все люди с этой фамилией, проживающие в Нью-Йорке. И одна древняя старушка сообщила, что ее отец семьдесят лет назад пропал при странных обстоятельствах: пошел

погулять по Бродвею и исчез. У нее сохранилась фотография отца. Человек на снимке как две капли воды был похож на погибшего под колесами автомобиля. На обороте карточки была проставлена дата: "1884 год".

О случае с рядовым Красной армии Тереховым стало известно благодаря бдительности и дотошности советских чекистов. В июле 1941 года во время разведки боем под Оршей его оглушило взрывом волны. В себя Терехов пришел уже в немецком доте. Там, увидев, как вранеский пулеметчик строчит по нашим, он в ярости набросился на него, за что тут же был скручен и поведен тремя немцами в ближайший лесок на расстрел. Терехову запомнилось, что все вокруг внезапно озарилось ярким светом, раздался пронзительный свист — будто от падающего прямо на голову тяжелого снаряда.

Второй раз за короткое время вернувшись из беспамьтства, Терехов обнаружил, что абсолютно цел, рядом — никакой воронки от взрыва, целы и немцы, но только в отличие от него, еще не пришли в себя. Забрав у них автоматы, доблестный солдат привел немцев тычками в чувство и повел их в плен — в том направлении, где, по его представлению, находились наши позиции. Местность, однако, странным образом была какой-то незнакомой. Неожиданно из-за поворота на дороге появилась вполне мирного вида телега со стариком-возницей и девочкой рядом. Терехов остановил их и попросил помочь сориентироваться, чтобы побыстрее доставить пленных куда надо. Старик вместо того, чтобы ответить ему, вытаращил в страхе глаза, замычал что-то невнятное, и судорожно стал кре-

ститься. Терехову помогла девочка. Оказывается, он вместе с немцами находился не под Оршей, а на Дальнем Востоке! Но и это было не все. Как сообщила ему девочка, война закончилась три года назад и сейчас на дворе стояло лето 1948 года!

И сам Терехов, и немцы были строжайше допрошены в НКВД. Следствие по этому делу длилось несколько месяцев. Чекисты нашли оставшихся в живых сослуживцев Терехова, а танке — в одном из лагерей военнопленных — офицера той роты, где числились пленные немцы. Все подтвердили, что и Терехов, и "его" немцы бесследно исчезли в июле 1941 года, а вызванные на очную ставку сослуживцы Терехова по 41-му году нашли, что за минувшие семь лет он ни капли не изменился — "ну, будто заспиртованный!"

"Будто заспиртованной" оказалась и известная летчица 30-х годов Амелия Зархарт, пропавшая в 1937 году во время кругосветного перелета. Спустя шестьдесят лет ее самолет вдруг возник в небе над одним из аэропортов Америки и совершил посадку. Сейчас Амелии должно бы быть под сто лет, но выглядит она так же, как тогда, когда взлетала. По ее уверениям, она находилась в полете запланированное время, и сам полет протек совершенно нормально, без всяких приключений.

Необходимо отметить, что истории бойца Красной армии Терехова и Амелии Зархарт характерны тем, что их герои, исчезнув из своего времени и попав в будущее (неизмененными!), не могут ровным счетом ничего объяснить, где они пропадали. По их ощущениям, время текло нормальным образом, но

вдруг, непонятно как, они оказались в другой эпохе.

Такие "снэчки" во времени могут происходить не только с людьми, но и с неодушевленными предметами. Наиболее известен случай, происшедший в конце 70-х годов в США. Ясным солнечным днем на террасу дома Фреда Саймона, жителя калифорнийского городка Лейнвуд, неожиданно обрушилась девятикилограммовая граната образца второй мировой войны, пробила дыру в бетонном полу и прочертила на нем 120-сантиметровую борозду. Прибывшие саперы обнаружили при осмотре гранаты, что она холостая и взорваться не могла. Но откуда она взялась? Расследование показало, что в это время над городом не пролетали никакие самолеты и, судя по траектории падения, граната танке не могла быть выпущена из пушки или какого-либо другого метательного устройства. В конце концов пришлось остановиться на версии специалистов по аномальным явлениям: граната залетела из времен второй мировой войны. Но где она бродила тридцать с лишним лет, осталось загадкой.

Как осталось загадкой и то, где отсутствовали сорок минут часовые, охранявшие радиолокационную станцию космического слежения неподалеку от Самары. Тогда станцией был зафиксирован треугольный летающий объект огромных размеров. Объект шел на снижение и сел неподалеку от военного городка. Был поднят по тревоге караул, и часовые отдыхающей смены побегали на посты для усиления охраны. Однако на двух постах часовых не оказалось. Было высказано предположение, что они где-нибудь спят. Поиски их продол-

жались без всякого результата те самые сорок минут. И вдруг исчезнувшие часовые буквально на глазах своих товарищей материализовались из воздуха. На все расспросы, где они находились эти сорок минут, солдаты отвечали одно: они не понимали своих постов, несли службу и не понимают, откуда вдруг взялось столько народу на охраняемых ими объектах. При проверке их автоматов обнаружилось, что на них отсутствуют заводские номера.

В случае с английским транспортным кораблем (дело происходило в середине 80-х годов) никаких летающих объектов не наблюдалось. Был пиратский корабль. Англичане пересекли Атлантику, попали в жестокий шторм, после которого наступила замечательная солнечная погода. Неожиданно (будто материализовавшись из воздуха) прямо по курсу у них возник средневековый парусник под черным пиратским флагом и ринулся на бордаж. Команде пришлось обороняться. Атаку отбили. В качестве трофеев захватили несколько сабель, кинжалов, части одежды, в которую были одеты нападавшие. Эти трофеи сослужили добрую службу, когда судно пришло в порт назначения. Оказывается, между радиограммами, которые посылались перед началом шторма и вскоре после налета пиратов, прошло два с половиной месяца. Если бы не средневековое оружие и средневековая материя, капитану судна не удалось бы убедить суд, что они никуда не сворачивали и не выполняли "левых" рейсов. У них на корабле за эти два с половиной месяца, которые были прожиты всем остальным человечеством, минуло всего лишь несколько часов.

Тут стоит обратить внимание на еще одну загадочную вещь. Время может не только "сниматься", но и буквально замедляться. Причем, как показывают многочисленные свидетельства, полученные специалистами по аномальным явлениям, время в экстремальных ситуациях может течь с разной скоростью для разных людей.

О любопытном случае из своей жизни поведал несколько лет назад в газете "Труд" геолог Алексей С. Он работал на одном из угольных карьеров Кузбасса, изучая трещины горных пород. Однажды, нарушив технику безопасности, он попал на участок, где велись взрывные работы. Взрыв раздался за его спиной в каном-нибудь десятке метров, Алексей судорожно оглянулся — и все дальнейшее запомнилось ему как замедленное кино. Медленно, напоминая черный салют, поднимались в воздух куски взорванной породы, расплываясь вверх подобием шапки. Он видел, как камни расщеплялись в воздухе, как крупные обгоняли в своем движении те, что мельче. Все происходило до того неторопливо, что, казалось, можно было убеждать от взрыва десять раз. Но едва он — привычно — оказался под прикрытием большого камня, с неба обрушился грохот стремительно падающих глыб. Время вернулось в свое обычное течение.

Подобные случаи в жизни Алексея С. — в экстремальных ситуациях — происходили еще дважды. Люди, бывшие с ним при этом, никакого замедления времени не замечали.

И наконец еще одна история, свидетельствующая, что перемещения во времени могут быть как в будущее (и тогда для современни-

ков человек исчезает), так и в прошлое (и тогда, случается, его обнаруживают).

4 февраля 1994 года профессор Канзасского университета Генри Ларани проводил со своей пациенткой 36-летней Лидией Кимфилд очередной сеанс гипноза, чтобы снять у нее панический страх перед летающими птицами. Через полчаса после начала сеанса, когда Лидия находилась уже в глубоком трансе, она перестала отвечать на вопросы профессора. Он заглянул за ширму, где она лежала, и увидел, что ее там нет. Час спустя его пациентка была обнаружена (другими людьми) в открытом поле за тысячу с лишним километров от того города, где проводились лечебные сеансы. Точнее, обнаружен был ее скелет, — тело расклевали птицы. Более того, экспертиза показала, что смерть Лидии наступила уже два месяца назад. Специальное исследование подтвердило, что это именно скелет Лидии, не чей другой. Что произошло с нею, как она исчезла из кабинета профессора и вернулась во времени на два месяца назад?

Перемещения во времени, его сжатие и растягивание — одно из наиболее таинственных и труднообъяснимых явлений, относящихся к числу аномальных. Снаем, сорокаминутное исчезновение часовых под Самарой так или иначе можно связать с появлением некоего треугольного НЛО. И в случае рядового Терехова с шедшими расстреливать его немцами тоже, оказывается, имел место НЛО. Как установила недавно путем опроса старониллов минская группа по изучению аномальных явлений под руководством А.Шаммы, летом 1941 года в районе Орши наблюдался НЛО,

чье движение по небу сопровождалось вспышками света и пронзительным свистом. Другими словами, можно предположить, что и часовые, охранявшие РЛС, и Терехов с немцами были оглушены обитателями НЛО, взяты на корабль, изучены, а спустя некоторый срок — в каждом случае свой — возвращены в прежнюю жизнь со стертой памятью о времени пребывания вне ее.

Но как объяснить появление в парижском метро пришельца из XVI века, случай Бернадетты в марсельском парке, исчезновение исследователя Поля Дешана, двухсполовинимесячную задержку с прибытием в порт назначения английского транспортника?

Доктор философских наук, Президент отделения уфологии и биоэнергоинформации Международной академии информатизации Владимир Ананжа говорит: "В свое время мой интерес к проблемам перемещения во времени и его сжимания-растягивания был инициирован наблюдениями за НЛО. Очень часто в местах, где появлялись НЛО, происходило исчезновение людей. Они могли отсутствовать очень недолгое время или достаточно продолжительное, но всякий раз одинаковым было их ощущение, что с ними ничего не произошло, как они занимались своими делами, так и продолжают заниматься. Тут мы можем твердо говорить, что имеем дело со случаями похищения людей НЛО.

Однако есть другая категория фактов, которые никакими НЛО не объяснишь. Я полагаю, что тут мы имеем дело с одним из основных свойств времени — сворачиваться "рулоном". События могут накладываться, соединяясь через вена. В

тех местах, где витки "рулона" как бы прилипают друг к другу, образуются точки перехода из одного времени в другое. У нас в стране таких точек много в сибирской тайге, на Памире, известно одно подобное место на Кавказе неподалеку от знаменитого озера Рица. Часто подобные точки "прокола" времени обнаруживаются в разветвленной системе подземных пустот. Так что появление в парижском метро чело-вечена из XVI века не случайно. Проблема "слипания" времени тесно связана с проблемой прониновения в четвертое измерение, в обычной жизни не доступное человеку. В нем, как свидетельствуют те, кто попадал во временные переделки в Бермудском треугольнике, оранжевое небо, а обычные, земные приборы перестают работать. Прониновение в это четвертое измерение чревато для человека тяжелыми психическими расстройствами, долгое пребывание в нем — смертью. Известно, что способностью входить и выходить из четвертого измерения обладали (и обладают!) некоторые шаманы".

Во всем мире, в том числе и в России, существуют энтузиастские и научные группы, которые занимаются исследованиями тех мест, где возникают эффекты перехода из одного времени в другое. Но уточна информации оттуда крайне скудна. Во-первых, все эти группы находят-ся под "колпаном" спецслужб, а во-вторых, под "колпаном" собственного страха: многие, кто соприна-сался с этой проблемой, заболевали, калечились, попадали в другие подобные неприятности. Однако материал первичного знания накапливается и, надо надеяться, что количество когда-то перейдет в качество. ■

Белые

Действуя без оглядки, люди на Земле уже потеряли, и безвозвратно, многих животных. В лучшем случае рисунок в книжке и музейные чучела напоминают: были...

Сегодня на грани исчезновения

находятся сотни птиц, зверей, змей, ящериц, насекомых. Земля беднеет на глазах нынешних поколений. Осознавая трагичность потерь, люди стали тратить немало средств, усилий, изобретательности, чтобы отвести от роковой черты хотя бы то, то особенно дорого. В этом ряду поучительны усилия американцев по спасению журавлей.

Когда-то белые журавли были в Америке обычной, хотя, быть

журавли

может, и не слишком многочисленной птицей. Плуг в прериях, пастба скота и неумеренная охота оказались для журавлей роковыми.

Их видели реже и реже. И наконец птица совсем исчезла. Ее оплакали как очередную потерю.

Но в 1938 году на зимовке в Техасе обнаружили журавлей — десять старых и четырех молодых. Известие это было подобно известию о воскрешении из мертвых. Гудящая машина Американа вдруг почувствовала прилив любви и заботы к уцелевшим абориге-

нам своей земли. Но всего лишь четырнадцать! Как им помочь?

В конце марта журавли полетели куда-то на север. И орнитологи с замиранием сердца ждали: вернуться ли? Вернулись! И было их двадцать два. Еще один год — двадцать шесть! Но в 1945 году насчитали семнадцать птиц. "Назалось, еще порыв ветра, и свечка погаснет". Однако стая держалась, теряя на перелетах несколько старинов и пополняясь молодыняком. В 1964 году насчитали сорок две птицы. Американцы с волнением следили за борьбой на

выживание горстни живых существ.

Путь журавлей теперь был прослежен. Из Аранзаса в Техасе (тут сразу же был учрежден заповедник) через всю Америку журавли летели на дальний север Канады — около пяти тысяч километров, столько же — обратно осенью до Техаса. Летят журавли высоко. Без бинокля их не увидишь. Но кормиться они опускались. Из разных мест к орнитологам в центр по спасению журавлей поступали взволнованные телеграммы: "Мы их видели в Оклахоме!", "Пролетали у нас в Южной Даноте!".

Лето белые журавли проводили где-то в глуши канадского заповедника "Вуд-Буффало". Стали искать их гнезда. Но лишь после большого пожара лесник Уилсон увидел на болотной прогалине белых птиц. В эти места снарядили специальную экспедицию. После необычайно тяжелых поисков (вертолет — лодка — пешее продвижение по болотам) орнитологи наконец нашли, что искали. На карту гнезда нанесли как величайшую ценность.

Совместными усилиями американские и канадские орнитологи постарались узнать все, что можно о птицах, не причиняя им особого беспокойства. Важные выводы... Белые журавли — необычайно добросовестные родители. Одиннадцать месяцев они опекают потомство, кормят, учат летать. На пути к югу (и обратно весной на север) молодой журавлик летит в середине между матерью и отцом. И только вернувшись на родину, он ищет пару и покидает родителей (они занимают родовое гнездо).

Но важнее всего другое. Из двух яиц, отложенных журавлями, одно является как бы страховочным — жить остается один, наиболее сильный птенец. Сопоставляя число яиц в гнездах и число молодых журавлей, прилетающих в Аранзас, ученые делают вывод: одно яйцо без ущерба для журавлей можно брать из гнезда и пытаться "высиживать" в инкубаторе для страховки. Слишком уж малочисленна, уязвима, зависима от случайностей горстка сохранившихся птиц. Но как забрать яйцо из гнезда? Верны ли расчеты, что одно яйцо лишнее? Как поведут себя журавли, не снизит ли это прирост и без того маленькой стаи? И даст ли что-нибудь инкубация? Решили трижды проверить на птицах другого вида. (Есть в Америке серые "журавли песчаных холмов".) Все получилось! Три года подряд получалось! Поработанной методике ученые решаются подступиться к гнездам, упрятым в северной части Канады.

Эта история чем-то напоминает сказку с хорошим концом. В глуши, какую только способны рассмотреть осторожные птицы, опускается вертолет. В нем два человека. Один остается в машине, другой пробирается к гнездам. Возвращается он с драгоценной добычей — в шерстяном носке осторожно несет яйцо. Еще одно. Еще... Яйца кладут в приготовленный термостат. В местечке Форт-Смит из вертолета биологи пересаживаются в самолет... Девять часов путешествовали журавлиные яйца из приполярной Канады до инкубатора биостанции.

Проклевывая оливково-коричневую скорлупу, мокрые журавля-

та видели тут же не белоснежную мать, стоящую над гнездом, а взволнованное лицо человека. Но заменить им родителей было не просто. Птенцы оказались заядлыми драчунами. (Точно так же они ведут себя и в гнезде.) Чтобы все остались живыми, к журавлям подсадили "мальчишек для битья" — индюшат. Пар агрессивности был истрачен, все журавлята остались живы и превратились в красивых птиц. Волновало теперь другое. Как стая? В Аранзасе ждали ее возвращения. Когда журавлей сосчитали, радость была всеобщей — молодых было столько же, сколько их прибавлялось в самый благополучный год: пятьдесят девять.

Пятьдесят девять!.. Все это мы узнали с другом Борисом Стрельниковым, путешествуя по Америке в 1972 году. И с тех пор я с большим интересом ждал "журавлиных вестей". В Америке создан специальный питомник для спасения журавлей. (Все они на Земле — пятнадцать видов — в опасности.) По образцу американского создан "журавлятник" и у нас в заповеднике на Оке. Объектом изучения и спасения стал также и наш сибирский белый журавль стерх.

Люди, связавшие судьбу свою с судьбою прекрасных птиц, сегодня известны и уважаемы. Первым надо назвать американского орнитолога Джорджа Арчибалда. Я встречался с ним не единожды в Америке и в Москве — из первых рук получал вести с "журавлиного фронта". А недавно услышал новости, к которым причастен наш соотечественник, художник Виктор Бахтин. Программа спасения журавлей так его увлек-

ла, что Джордж Арчибалд пригласил Виктора на постоянное жительство в штат Висконсин, где находится головной "журавлятник" и где Виктор Бахтин уже четыре года плодотворно работает. Я написал ему с просьбой ответить, что там и как с белыми журавлями. И недавно получил папку с рисунками, снимками, вырезками из газет и журналов и с большим интересным письмом.

Главная новость: сейчас белых журавлей уже 254. Из них диких, вольных — 158, а 96 рассредоточены по разным питомникам. Часть птиц была выведена в инкубаторах из яиц, взятых в природе. Но с немалым трудом при искусственном оплодотворении стали получать яйца и от птиц, живущих в неволе. Как распорядиться этим богатством? Можно было в инкубаторе продолжать получать птенцов, пополняя ими число "невольников". Но куда заманчивей и важней увеличить численность диких птиц.

Идея, возникшая в 1975 году, казалась многообещающей и простой. В гнезда журавлей серых (нередких!) тайком положили 289 драгоценных яиц белых журавлей. Расчет был простой: выведут журавлят, воспитают и улетят на зимовку. Так и вышло: вывели, воспитали, улетели с "неродными" детьми. Орнитологи торжествовали победу, увы, преждевременно. Неприятный сюрприз проявился в момент, когда птицы созрели для размножения. Оказалось, белые журавли не признавали друг в друге сексуальных партнеров. Вылупившись из яиц, они видели журавлей серых — произошло так называемое "половое запечатление". Красавцы белые журавли

иснали себе пару только среди серых, вызывая у тех, наверное, изумление и протест. Так нулевым результатом закончился, казалось бы, хорошо продуманный эксперимент — природа не дала себя обмануть.

Стали исследовать "эффент запечатления". Оказалось, в определенный момент не только журавль другого вида, но также и человек, "детская коляска и даже трактор", пишет Виктор Бахтин, могут быть запечатлены как половой партнер. А надо, чтобы у молодняка запечатлелся именно белый журавль, причем этот журавль должен воспитывать журавленка, учить житейским премудростям. Тогда и возникла идея "маскировки под журавля". Орнитолог надевал белый балахон, одна рука у него оканчивалась искусно сделанным клювом белого журавля. Человек же в обычном облике у вольеры молодняка не должен появляться ни в коем случае. А человек-журавль кормил малышей из пластинового клюва, ходил с ними по болоту, помогая разыскивать норм, и все шло как будто по природным законам.

Но как заставить молодых журавлей мигрировать — тучело с клювом, за которым потянулись бы журавли, летать не могло... Решили отвезти в автомобиле сотню птиц на зимовку во Флориду. Но там обнаружился новый пробел воспитания — журавли не обучены были остерегаться хищников и стали жертвами рысей. Оставшихся птиц пришлось переместить в более безопасное место. Теперь в процесс обучения-воспитания молодняка в питомнике на определенном этапе включается еще и "нормальный человек" с собаной.

Так вырабатывается стойкое чувство опасности, неизбежной в природе.

Но осталась проблема: как заставить молодь мигрировать к месту зимовки и возвращаться зимой обратно? Перевозка машиной не позволяет молодым птицам запомнить дорогу к месту, где они родились.

Но вот обнадеживающая новость. Два года назад канадский художник-изобретатель-пилот и натуралист Билл Лишман научил гусей (канадских казарок) летать за его мотодельтапланом. Восемнадцать гусей Билл провел из Квебека (Канада) в Южную Каролину (США). А весной (о, радость!) тринадцать птиц тем же путем вернулись на родину. На следующий год Билл лидировал на легком своем аппарате при стае в тридцать восемь гусей. Тридцать четыре из них весной уже самостоятельно вернулись на родину. Эксперимент этот сделал Лишман знаменитым и, конечно, взбудоражил всех журавлятников: "Надо немедленно пробовать!"

С большими усилиями отыскали место, куда из Техаса улетала небольшая стая прекрасных птиц. Прослежены были пути их миграции осенью и весной. Забирая "резервные" яйца из гнезд журавлей, создали запасную "зоопарковую" популяцию птиц. Но, терпеливо преодолев множество разных препятствий, орнитологи оказались перед новой проблемой: как заставить журавлей, выращенных в неволе, вливаться в стаи диких сородичей, как заставить их совершать сезонные миграции, строить гнезда и размножаться? Надежда появилась, когда Билл Лишман заставил следовать на

зимовку караван гусей за своим дельтапланом. Журавлятники востепенулись: есть шанс!

Попробовать решили, как и прежде, на журавлях серых. Снотовод и биолог из штата Айдахо (США) Кент Клягг в 1994 году научил шестерку канадских журавлей следовать за его дельтапланом. Еще через год уже одиннадцать "канадцев" пролетали с Кентом более тысячи километров из Айдахо до штата Нью-Мексико. Итог: две птицы не выдержали путешествия (их транспортировали в автобусе), одна вернулась домой, две, несмотря на бдительность лидера, стали жертвами беркутов. Планерист, стараясь выручить журавлей, разворотами пугал хищников, но орлы не шибко боялись. Что касается всей стаи, то журавли, сломав клин, старались укрыться под широкими крыльями дельтаплана.

Полет с посадками на отдых и при северной погоде длился двенадцать дней. Из одиннадцати птиц назначенных мест достигли шесть. На зимовке одну из них убил охотник, другую поймал койот. (Все птицы были снабжены миниатюрными радиопередатчиками.) А четыре крепкие здоровые птицы весной уже самостоятельно по маршруту, каким двигались с лидером, полетели на север. Два журавля присоединились к стае диких сорочихей, а два вернулись на родину.

Напомним: пока еще речь не идет о журавлях белых — подопытными птицами служат, к счастью, еще нередкие серые журавли. При работе с ними выяснилось: с гусями все обстоит проще, они послушней, большой дельтаплан для них — признанный

лидер, и гуси устойчиво за ним следуют. У журавлей социальные отношения более сложные. Стоит им dorasti до летного возраста, как возникает проблема: кому быть первым? "Все хотят стать президентом, — улыбается в письме Виктор Бахтин. — Иногда во время полета какой-нибудь честолюбец начинает рваться вперед. Строй нарушается. Тогда дельтаплан меняет маршрут, а человек с него призывает спутников характерным для этого случая криком, заглушающим шум мотора, и "статус-кво" восстанавливается.

Через год после удачного эксперимента Кенту Кляггу доверили самую важную часть программы. Парень вырастил шесть журавлей серых и столько же белых. И осенью, вновь лидируя на своем дельтаплане, пустился в долгое путешествие. Опять косяк атаковали орлы. Одну птицу ранили, другая, пытаясь спрятаться от орла, попала ногой в пропеллер. Остальные благополучно достигли зимовки.

В это же время пионер вождения птиц Билл Лишман продолжал исследовать тонкости поведения журавлей в полете за обычным лидером. Экспериментируя с серыми журавлями, он выяснил, кто выносливей и послушней в полете: журавли-новички или более зрелые птицы? Оказалось, послушней молодые, а выносливей — "старинки".

Итог исследований: с помощью дельтаплана журавлей можно научить пользоваться нужным маршрутом. Но выявились и недостатки необычного лидера. Лететь он должен достаточно быстро, чтобы не потерять устойчи-

вость, у журавлей же скорость полета сорок километров в час, при большей скорости они выбиваются из сил и теряют доверие к лидеру. Еще одна сложность — большой пропеллер. Есть постоянный риск повредить слишком близко подлетающих птиц. Однажды напарнику Билла Джо Даффу пришлось вырубить мотор, чтобы уберечь птицу. Сам он вынужден был приземлиться на верхушки деревьев и вывихнул руку. Я в России дельтапланами увлекался, и мои кости помнят прелести этих занятий", — пишет Бахтин.

Выходит, надо поставить точку в обучении журавлей сверхдальним полетам? Нет, точку не ставят. Последние годы Америка переживает очередное из своих увлечений — все, кто может, строят летательные аппараты величиною с тетрадку и даже с ладонь. Все чин чинком: мотор, крылья, равномерный полет по программе, либо управление по радио. И это совсем не игрушка. Серьезные фирмы проектируют подобных "птичек" для военной разведки, для спасательных служб и разных других назначений. Виктор Бахтин в этих конструкциях обошел многих, и поскольку он "изнутри" знает заботы журавлиного центра, то предложил для вождения птиц лидера размером их мало превосходящим. И не просто предложил, а сконструировал "журавль-самолетик". Мы видим его на снимке в руках конструктора. Материал: легкая древесина бальзы (стволы этих деревьев были использованы для плота "Нон-Тини"), углеродные нити и пластик. Вес журавля-самолета — восемь килограммов, размах крыльев — без малого четыре метра, мотор дизельный, по-

зволяющий лететь с каждой заправкой сто километров. Управление — по радио с автомобиля, катера, моторного дельтаплана. Крошечные телекамеры будут служить самолету глазами — при опасном приближении птицы он может от нее увернуться. Рисунок на крыльях огромных и устрашающих глаз для устрашения и предназначен. Животных прямой выразительный взгляд пугает. Полагают, этот рисунок остановит орлов...

Недавно ночью я разбужен был телефонным звонком. Далекий голос сказал:

— Это Виктор Бахтин. Звоню вам из Барабу.

— Это что, Африка?

— Да нет, Америка. Маленький городок в Висконсине, где проживаю, — милая, чистенькая дыра. Даже стихи о нем сочинил: "На великом континенте, что Колумб открыл случайно, затерялся в бездне прерий городок провинциальный. Написать его название я без смеха не могу. Называют город этот почему-то Барабу".

Мы посмеялись. Виктор интересовался, получил ли я его папку с бумагами, а я кое о чем его спросил.

Выяснилось, в детстве, живя в Красноярске, Виктор мастерил летающие модели самолетов и вертолетов и теперь смастерил "Журавля". Его идею приняли очень серьезно и поставили условие: "Скорость не должна быть больше сорока километров в час. "Журавль" должен уметь садиться на любое место и с любого взлетать. Он должен иметь громкий "магнитофонный" голос с характерным для журавлей призывом "лететь". Модель должна быть

значительно больше настоящего журавля — иначе за лидера его не признают". Я уже получил средства на доработку модели и осенью ее испытаю в полете к Флориде, но пока без журавлей. Очень хочется помочь сохранить белых американских и моих земляков — белых журавлей стерхов. Одна из моих картин об этих птицах называется "Последняя надежда".

Время сказать: Виктор Бахтин — художник. Учился в полиграфическом институте Москвы. На хлеб зарабатывал оформлением книг, предпочитая всему рисовать птиц и зверей. Дотошность и точность изображений произвели сильное впечатление на Джорджа Арчибалда — президента фонда по спасению журавлей. "Переезжай в Америку — хлеб себе обеспечишь писаньем картин. Американцы любят природу, увидишь, сразу оценят твою работу".

И вот Виктор четыре года уже живет в Барабу, вблизи которого расположен известный теперь на весь мир журавлятник. Виктор в нем — человек не последний. Но на жизнь зарабатывает он живописью. Его художественная манера — "сюрреализм" — великолепно передает живую природу. В штате Висконсин он получил титул "первого художника". Картины Виктора имеют успех на выставках, хорошо продаются. "Недавно получил я почетный заказ написать панно для большого железнодорожного вокзала. Какой бы вы думали сюжет у меня попросили?... "Пролет журавлей над Чикаго".

Читатель скажет: ну а модель "Журавля"? Откуда конструкторские способности? Я Виктора то-

же об этом спросил. Его ответ: "Вы знаете, мой дядя Владимир Петрович Ветчинкин был известным ученым-авиатором, окончил МВТУ вместе с Туполевым и Сикорским. С Туполевым были они большими друзьями. Я, конечно, их мира не знал, но, будучи школьником, почему-то любил мастерить летающие модели аэропланов, прыгал с самодельным парашютом, увлекался дельтапланизмом, зимовал на станции СП-22 (Северный полюс-22) и много чем еще увлекался. Словом, по натуре — непоседа-авантюрист. Недаром меня недавно арестовали. Я как две капли воды оказался похожим на известного в Америке террориста... Интересно было видеть, как со мной обращаются, и ждать немую сцену, как в "Ревизоре"... Случаю ли по России? Мне кажется, все русские обязательно по России случают, хотя жизнь моя в смешном маленьком Барабу сложилась вполне хорошо".

Вот такая история с белыми журавлями... С каким небреженьем и легкостью мы теряем природные ценности! И как трудно (часто совсем невозможно!) вернуть потерянное. Иные усилия порою наносят лишь бесплодный азарт "за хвост удерживать уходящее" — сколько сил, средств, выдумки, вовлеченности в дело человеческих судеб потребовала, например, эпопея с белыми журавлями! Но ведь есть результат. Было четырнадцать, стало почти три сотни! Это большая награда всем, кто причастен к спасению птиц, и очень большая радость для тех, кто хоть раз их увидел и прошептал: "Боже, летят журавли...". ■

Нет ничего более безнадежного, чем попытки предсказать развитие спортивных событий. Можно, ткнув пальцем в небо, угадать результат какой-нибудь матчевой встречи в футболе или хоккее, и практически безнадежно это сделать в баскетболе. Но, используя знания, накопленные историей, биологией, антропологией, статистикой и математикой, наконец, можно попытаться заглянуть в недалекое будущее.

Этого не сделать, отвернувшись от прошлого.

Загадки Олимпиад античного мира

Нежные, чарующие звуки доносятся до нас через бездну времени глубиной в две с половиной тысячи лет. На стадионе, трибуны которого заполнены людьми в белых одеждах, под музыку флейт соревнуются прыгуны в длину. В руках каждый из них держит нечто вроде гантелей — гальтеры. Сначала их делали из камня, потом — из бронзы, из железа. Считалось, что дополнительный груз как бы тянет прыгуна за собой. Но самое для нас интересное то, что атлеты прыгали с места. И результаты, достигнутые олимпийцами античности, ошеломляют, озадачивают и по сию пору остаются неразгаданными.

Самым знаменитым из прыгунов того времени был Фаилл. Его результат в пересчете на наши меры составил... шестнадцать с половиной метров. Это практически невозможно! Но если это был пятерной, семерной прыжок? Ответа нет. Фаилл унес свою тайну с собой. А Хион из Ланонии на играх в 664 году до нашей эры прыгнул дальше

Чело побе

еще на 20 см. Сейчас никто и под звуки оркестра не прыгнет так.

А вот еще головоломка из эпохи первых Олимпиад: в музее Олимпии есть камень, на котором высечена надпись: "Бибон поднял меня над головой одной рукой". Поднял — ну и ладно. Только несколько смущает одно обстоятельство: весит сей камушек аж 143 кг. Как Бибон это сделал? Быть может, атлет поднял камень двумя руками, а потом удерживал одной рукой? Тайна. А как Евмаст поднял обеими руками каменный блок весом в 480 кг? Нынешний рекордсмен мира Андрей Чемеркин в двух движениях может поднять такой вес, в одном — никогда.

Сохранились хроники, где говорится, что Фаилл метнул бронзовый диск на 28 метров. Только мы не знаем, далеко ли это, потому что не знаем, сколько весил тот диск. Зато достоверно известно, что метание диска было любимейшим видом спорта в те времена. Написал же Цицерон в одном из своих сочинений, что молодые люди в гимназиях с большим удовольствием при-

век
ждающий

RUSSIA

USA

слушивались и жужжанию летящего диска, чем и назидательным речам седовласых философов.

Много загадок то время оставило. Узнаем ли мы когда-нибудь ответ на них? А какими станут рекорды в грядущем веке — загадка еще большая. Только ответы на нее — за близким порогом.

Спорт пигмеев и спорт гигантов

В историческом музее Ла-Валлеты на Мальте собрана крупнейшая в мире коллекция средневековых доспехов. Зрелище впечатляющее. Семьсот рыцарей, облаченных в эти латы, отразили и поделили сорокатысячное турецкое войско в XVI веке. Не удержался я, примерился к одному из доспехов. И поразился: манушка его шлема чуть превышала мое плечо! Выходит, рыцарь был роста всего-то 160 см с небольшим! Значит, всего за 350 лет европейцы подросли сантиметров этак на 17-20. Для спорта этот факт имеет колоссальное значение. Наверное, стрельба — единственный вид спорта, где рост человека не важен. Игровые виды уже давно стали соревнованиями высоких людей. Пожалуй, только футбол и хоккей оставляют пока возможность для атлетов невысокого и среднего роста. В волейболе и баскетболе невысоким ребятам делать нечего. Легкая атлетика с неопровержимой наглядностью вербует под свои знамена атлетов высокого и очень высокого роста.

А знаете, как менялся рост рекордсменов по прыжкам в высоту? Самый первый официальный рекордсмен мира, американец Уилл Пейдж, показавший в 1887 году потрясающий результат в 193 см, был буквально "карманным мужчи-

ной" — всего 169 см. Следующий рекордсмен — М.Оуни — был выше Пейджа на 4 см, и ровно на столько же он поднял планку нового мирового рекорда. Д. Хорайн, именем которого назвали новый стиль прыжка в высоту, имел рост 180 см.

А далее произошла некоторая стабилизация роста прыгунов: все последующие рекордсмены были от 181 до 186 см. Наибольшего успеха среди них добился Д.Матцдорф, прыгнувший в 1971 году на 229 см и побивший рекорд нашего Брумеля, рост которого 188 см. И все. Теперь в секторе для прыжков в высоту можно увидеть лишь гигантов под два и за два метра ростом.

Только бег пока что удерживает свои позиции от вторжения высокорослых атлетов. Но и это, думается, ненадолго. У двухметрового бегуна шаг намного длиннее и, если при этом он будет обладать выносливостью, скоростью, конечно же, он станет недостижимым.

Представим старт на классической стометровке. Среди готовящихся к бегу бросается в глаза мощный атлет ростом 210. После выстрела он сразу оказывается впереди и, с каждым шагом наращивая скорость, устремляется к финишу. Зрелище потрясающее, но ничего сверхъестественного: длина шага бегущего впереди — 4 метра, в то время как у всех остальных чуть более трех. Именно перед такими спринтерами открываются новые горизонты достижений. В XXI веке, где-то в самом конце его, мировой рекорд бегуна на стометровке достигнет 9,5 или даже 9,4 секунды.

Рекорды в грядущем веке неулонно будут расти, хотя, возможно,

и чуть медленнее, чем раньше. И не только потому, что все мы подрастем, а еще и потому, что наука поможет открыть скрытые пона, неисследованные возможности человека.

Наука, которой еще недавно не было

Это — антропомаксималогия. Ее создал замечательный атлет, в прошлом рекордсмен СССР в метании копья, заслуженный мастер спорта, доктор педагогических наук Владимир Васильевич Кузнецов. Появление новой науки поначалу было встречено в штыки и лишь постепенно, набрав силу, она добилась признания. На конгрессах, традиционно сопутствующих Олимпийским играм, работала секция антропомаксималогии, возглавляемая Кузнецовым, и зал заседаний всегда был полон. Собрав в себе достижения антропологии, биомеханики, физиологии, медицины, психологии, новая наука наметила новые пути к познанию человека.

Кузнецов поначалу задумался вот над чем. Тысячелетия наука накапливала знания о человеке. Но — о больном человеке. Здоровый же оставался вне сферы внимания эскулапов всех времен и народов. Кузнецов убедился в том, что наука в наше атомно-космическое время имеет самые поверхностные знания о законах активной работы всех систем организма здорового человека. Потому что всегда изучали то, что у нас болит. А здоровый человек время от времени творил и продолжает творить такие чудеса, что и сам цепенеет от неожиданности.

Летчик-испытатель, Герой Советского Союза Ю.А. Антипов рас-

сказал такой случай. Самолет вошел в штопор, и спасти его возможности не было. Оставалось, не теряя секунд, спастись самому. А катапульта не срабатывала, потому что не отстреливался фонарь кабины пилота. Антипов вручную отстегнул замки, но поток воздуха намертво прижимал фонарь... Собрав все силы, летчик поднял его руками. Катапульта сработала. Потом на тренажере имитировали ситуацию, и оказалось: Антипов, человек далеко не атлетического сложения, обеими руками приложил усилие в 220 кг! Сделать это его заставила жанда жизни. Сработал таившийся в недрах организма резерв. Другой случай. На заре нашего века в американских газетах промелькнуло сообщение о том, что некий негр, спасаясь от преследовавших его собак, перепрыгнул глубокий ров шириной чуть ли не восемь метров! Сработал тот же резерв.

И вот здесь, именно здесь антропомаксималогия ведет свои изыскания. А при чем здесь спорт? Кузнецов отвечает: "Спорт высших достижений создает идеальные возможности для научного познания наших возможностей. С каждым новым рекордом мира расширяются наши представления о потенциале возможностей человека". Значит, знания, полученные с помощью спорта, станут применяться и в повседневной жизни. Наука, познав возможности атлетов, откроет новые пути к рекордам. Ожидается, что произойдет это в первые 10-15 лет нового тысячелетия.

А что скажут технари?

С большой точностью это предсказать невозможно. Однако с уверенностью можно предположить,

что и они в будущем выснажут нечто весьма значительное, и их слово будет веским и неожиданным.

Вспомним историю прыжков с шестом. Первый олимпийский чемпион нового времени Уилл Хойт показал убийный результат по тем временам — 330 см! Прыгал он с деревянным шестом — по существу с палкой с гвоздем на конце. Вскоре появился бамбуковый шест — и рекорд сразу подскочил до 447 см. Это сделал американец К. Уормердам в 1942 году, его рекорд продержался 15 лет.

А шесты из стали и алюминия позволили поднять планку высшего мирового достижения всего на один сантиметр, и все стали ждать, что же будет теперь? В воздухе витало ощущение, что вот-вот свершится революция, появится чудо-шест и падет, наконец, и этот заматеревший рекорд.

И вот, свершилось! Наука и техника подарили спортсменам принципиально новый, катапультный тип шестов. Секрет изготовления фибергласового шеста охранялся как величайшая военная тайна. Двукратный олимпийский чемпион, "летающий пастор", как его называли, Боб Ричардс вздохнул: "Если в мое время шест заставлял прыгуна работать на него, то теперь все наоборот..." А его соотечественник Джон Юлсес быстроенько освоил новый шест, в 1960 году выиграл Олимпийские игры и установил новый мировой рекорд. Настала новая эпоха в этом виде спорта.

Предыдущий рекордсмен мира в сердцах кинулся в банк, положил на имя Юлсеса тысячу долларов с распоряжением выдать их вышеназванному Юлсесу, если тот возьмет 16 футов (487 см) с металлическим шестом. Понятно, что эти

деньги Юлсесу не достались. Да и не нужны они были ему, поскольку спортсмен прилично заработал на рекламе фибергласового шеста.

Так что можно ждать, когда под покровом тайны, за глухой оградой какой-нибудь секретной лаборатории появится новый шест, и прыгуны XXI-го века, взлетев на семиметровую высоту, заставят охнуть нынешнего рекордсмена мира Сергея Бубну. То, что это случится в ближайшие 10-15 лет, не вызывает сомнения. Наступит новый этап и в эволюции беговой дорожки. Еще в начале двадцатого века она была земляной, потом стала гаревой и наконец впервые — на Олимпиаде в Мехико — появилась синтетическая, тартановая дорожка — быстрая, как никакая другая прежде!

Какую дорожку выдумает XXI век, трудно предсказать, но она несомненно появится. И беговые рекорды посыплются как фрукты из рога изобилия.

Нынешним спортсменам придется здорово потесниться

Рекорды XXI века "пожелтеют" и "почернеют", потому что придет цунами из стран третьего мира. Уже сейчас нет равных бегунам из Африки, одну за другой выплескивают сенсации китайские бегуны. Обратите внимание, последним белем бегуном, победившим на Олимпийских играх на классической стометровке, стал Валерий Борзов. Трудные условия жизни как бы закалили генетику африканцев, сделали их более выносливыми и быстрыми, чем европейцы. Как только в странах Африки появятся современные условия для занятий спортом, вот тогда и на-

грянет то самое цунами. Дыхание этой волны уже донатилось до нас.

Когда никому не известный пловец из Суринама Энтони Нести выиграл в олимпийском Сеуле у рекордсмена мира американца Нэта Бионди его коронную дистанцию стилем баттерфляй, да еще с потрясающим результатом, стены олимпийского бассейна содрогнулись от выдоха изумления, вырвавшегося у зрителей. А секрет с сюрпризом, меж тем, давно назревал: талантливый Нести лет с двенадцати жил и тренировался в США под бдительным оком лучших тренеров. Как и нынешний рекордсмен мира в беге на 800 м Нельсон Нипквтер, ставший гражданином Дании. Про него иногда говорят: "темнокожий датчанин". Это действительно так, только не надо забывать, что датчанин он — по паспорту, а рекордсменом его сделала генетика африканца. Так что грядущий век встретит аплодисментами новых рекордсменов с Черного и Желтого континентов. Идет их время.

Прекрасный, сильный пол!

В Российской Государственной Академии физической культуры есть кафедра с несколько неониданным названием: кафедра истории цивилизации и спорта. Ею уже пять лет руководит доцент Наталья Мельникова. Под неумолкаемый гомон будущих великих тренеров, строителей неподражаемых спортивных шоу, неподкупных менеджеров и талантливых спортивных журналистов мы беседуем с ней о спорте в грядущем веке.

— Наталья Юрьевна, а что нам ждать от женщин в новом веке? Поставят ли они все-таки на место сильный пол?

— Обратите внимание, осталось только два олимпийских вида спорта, пока еще чисто мужских — бокс и греко-римская борьба. Во многих видах женщины давно уже выступают наравне с мужчинами, например, в выездке.

— А можно ли сравнить как-то рост рекордов у мужчин и женщин?

— В женских видах спорта рекорды растут намного быстрее, чем в мужских. Особенно это бросается в глаза в последние 10 лет. Женщины догоняют мужчин.

— Вы хотите сказать, что когда-нибудь на старте стометровки женщины и мужчины встанут рядом? Или, во всяком случае, покажут очень близкие результаты?

— Нет, этого никогда не случится, просто в силу физиологических различий. Но уровень высших мировых достижений женщины поднимают гораздо быстрее мужчин. Расстояние между ними сокращается. Могу добавить, что женщины расширяют сферу своих владений: сейчас олимпийская программа сделалась объемнее именно за счет усилий спортсменок. Теперь это кажется странным, но только в 1984 году в Лос-Анджелесе художественная гимнастика и велоспорт стали олимпийскими видами. В этом году в Сиднее женщины впервые станут соревноваться в тяжелой атлетике.

— Вот тебе и слабый пол... Пожалуй, пора взглянуть на женщину другими глазами. Наталья Юрьевна, как вы думаете, а изменится ли отношение к анаболикам в XXI веке?

— Сложный вопрос. Уже сейчас в спорте наблюдается откровенное соревнование фармакологических фирм. Думаю, это сохранится и в ближайшем будущем.

Без препаратов быстрого восстановления организма после колоссальных спортивных нагрузок действительно не обойтись: одни травы и витамины не помогут. Но, с другой стороны, давать женщинам мужские гормоны — преступление.

— Но ведь это делается всегда с согласия спортсменов. Значит, они просто не понимают опасности? Сколько бывало случаев гибели спортсменов во время соревнований... Что же, и впредь так будет?

— Дело в том, что существуют препараты, подавляющие естественную реакцию организма, сопротивляющегося запредельным нагрузкам — так убивают инстинкт самосохранения. Представьте, идет по пустыне изнемогающий от жажды человек. Вот он без сил падает на песок. Не может и пальцем шевельнуть. И вдруг он видит тарантула возле себя. Человек в страхе отпрянет. Жажда жизни, инстинкт самосохранения заставят его сделать это. А спортсмен, принявший препарат, как бы повышающий выносливость, не падает в изнеможении, как тот человек в пустыне, бежит дальше. И погибает в конце концов. Я уверена, подобные препараты будут категорически запрещены и в будущем веке.

— Но анаболики-то останутся? Безвредные.

— Какие бы анаболики, стимуляторы ни придумали в будущем, решающее слово в спорте всегда останется за талантливыми спортсменами — такими самородками, как Владимир Куц, Валерий Борзов, Наталья Петрусева. Таким, как они, править бал в XXI веке.

— Советская, российская школа спортивной науки всегда занимала передовые позиции в мире.

Школы Коробнова, Озолина, Алексеева в легкой атлетике, Воробьева — в тяжелой остались непревзойденными. Как вы считаете, сохраним мы в будущем эти позиции?

— Надеюсь, да. Наши методики подготовки спортсменов высочайшего класса по-прежнему уважаемы в мире. И поэтому наши тренеры сейчас буквально нарастают. Дошло до того даже, что они, работая по контракту в других странах, подготовили таких спортсменов, которые потеснили наших, отечественных. Я думаю, мы не должны утратить позиции передовой спортивной школы в мире и в будущем.

— Изменятся ли, на ваш взгляд, в XXI веке традиционные правила соревнований?

— Не думаю. Иначе спорт утратит многих зрителей. Спортивные шоу — да. Тут даже представить себе трудно, что может вскоре появиться. Но спорт — это не шоу, он не должен превращаться в цирковое представление, в демонстрацию всяких фокусов.

— А как вы думаете, в будущем вообще сохранится значение спорта в жизни? Или человек найдет для себя какие-нибудь иные радости? Изобретут другие зрелища, будоражащие сильнее, чем спорт? Смотрите, ведь спорт уже и сейчас стал не только более жестким, но и жестоким...

— Думаю, он не только сохранит свои позиции, но и станет играть даже более важную роль. Очень точно сказал в свое время президент США Джон Кеннеди: "Если в стране будут ракеты и золотые олимпийские медали, она станет великой державой".

У нас все это было. И пока что осталось. ■

Дорогие читатели "Смены"!

До главного спортивного события 2000 года — Олимпийских игр в Австралии — остается всего три месяца. Российские спортсмены уже давно готовятся к захватывающим сражениям на сиднейских аренах и стадионах, надеясь, как и всегда, не ударить в грязь лицом и собрать неплохой урожай медалей разного достоинства. Тем более что соревноваться придется на этот раз почти в 300 дисциплинах.

Прекрасно понимая, что прогнозы вообще, а в спорте особенно, вещь неблагоприятная, мы, тем не менее, надеемся, что среди наших читателей достаточно много болельщиков и знатоков спорта. Вот именно для них мы и объявляем наш спортивный конкурс "Сидней-2000". Всем, кто хочет принять участие в нем и побороться за призы, надо правильно ответить на пятнадцать следующих вопросов.

1 Назовите количество золотых медалей, которое получат спортсмены России в Сиднее.

2 Сколько золотых, серебряных и бронзовых медалей завоюет в восьми весовых категориях сборная России по греко-римской борьбе?

3 Сумеет ли трехкратный олимпийский чемпион Александр Карелин завоевать четвертую золотую награду Олимпиады?

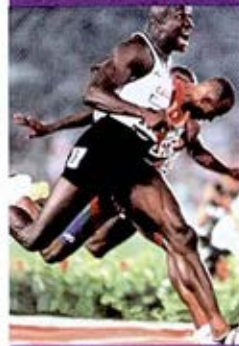
4 Кто из российских боксеров имеет шансы стать олимпийским чемпионом?

5 Медаль какого достоинства получит женская сборная России по баскетболу?

6 Сколько всего медалей внесут в копилку российской сборной легкоатлеты?

7 Медаль какого достоинства может выиграть юный феномен нашей легкоатлетической команды — бегун на 800 метров Юрий Борзановский?

8 Спортивная гимнастика — традиционно наш вид спорта. Кто из российских спортсменов станет абсолютным олимпийским чемпионом в личном многоборье?

9 Оправдает ли наши надежды на золотую медаль абсолютная чемпионка мира и Европы по художественной гимнастике Алина Набаева?

10 Сколько медалей и какого достоинства способен выиграть в соревнованиях по гребле на байдарках и каноэ Михаил Опалев?

11 Сумеет ли Евгений Нафельников завоевать в одиночном разряде золото Олимпиады-2000?

12 Назовите количество медалей, которое могут выиграть общими усилиями российские пловцы.

13 Сможет ли Зульфия Забирова повторить в Сиднее свой золотой триумф в Атланте в велогонках на шоссе?

14 Кто из российских тяжелоатлетов-мужчин станет олимпийским чемпионом?

15 На медали какого достоинства могут рассчитывать женская и мужская сборные России по волейболу?

Подвести итоги нашего конкурса "Сидней-2000" мы сможем, естественно, сразу после окончания Игр, то есть в конце сентября.

Призы для победителей

Первое место — музыкальный центр.

Два вторых места — игра "Дартс".

Три третьих места — футбольные мячи с олимпийской символикой.

А назвать победителей и призеров мы планируем в декабрьском номере "Смены", как раз перед Новым, 2001 годом.

Ваши письма с ответами на конкурс просим присылать с пометкой "Сидней-2000" до 15 сентября.

Крутая Музыка крутого

Его песни поют все без исключения "звезды". Сам же "звездой" Игорь стал еще тридцать с лишним лет назад, когда, сидя на завалинке, лихо выводил рулады на своем баяне и сводил с ума соседских девчонок в районном центре Гайворон на Кировоградчине, откуда самый "крутой" композитор родом.

— Вообще, я долго к этому признанию пробивался. А музыка для меня началась действительно с увлечения баяном. Тогда пошла мода на этот инструмент, и в редком доме на нашей улице не было баяна. И каждый пацан выходил с ним вечером, садился на лавочку и играл. Причем считалось: тот лучше играл, у кого получалось громче. Через некоторое время для меня уже не составляло большого труда мгновенно подобрать любую понравившуюся мелодию из только что вышедшего фильма.

Так что вопрос творческой конкуренции для меня решен еще в раннем детстве.

— Но ведь игре надо обучиться... В семье кто-нибудь еще занимался музыкой?

— Я осваивал инструмент самостоятельно. Отец играл на баяне, но уроков никаких мне не давал, некогда было. Трудился на заводе экспедитором. Кстати, мама работала лаборантом санэпидемстанции. И еще есть сестра Алла, на шесть лет младше меня. Так вот, я оказался самостоятельным парнем

фото Андрей Северного

и сам решил учиться в музыкальной школе, потому что в какой-то момент понял, что у меня абсолютный слух и я слышу все ноты. Окончив музыкальную школу по классу баяна, отправился в Кировоградское музыкальное училище на теоретический факультет. Экзамены сдал с тройками, но прошел по конкурсу, поскольку поступающие из сельской местности получали преимущество. Правда, меня взяли с жестким условием: в течение первого курса я должен овладеть фортепиано и наверстать прорехи в образовании.

— И как вы эти условия выполняли? Брели педагогов?

— Нет, самостоятельно. И со всеми задачами справился. Больше того — закончил училище с отличием. Решил учиться дальше, рванул в Киев в консерваторию, но завалился на истории КПСС. Вернулся в Гайворон, чтобы по распределению преподавать в музыкальной школе теоретические предметы: сольфеджио, историю музыки... Но так как их вел завуч, то он меня, конкурента, подальше сплавил в филиал, в деревню. И я год с удовольствием преподавал детишкам то, чем увлекался в своем детстве — игру на баяне. Потом все же поступил в Николаевский музыкально-педагогический институт на дирижерско-хоровое отделение. Программа, естественно, не соответствовала консерваторской, а носила преподавательский уклон. Параллельно подрабатывал в ресторане, в котором, кстати, и познакомился с Сашей Серовым. И тогда же начал писать для него песни. Они стали пользоваться популярностью, а мы мечтали, как вырвемся вместе на большую сцену, как

пойдем завоевывать новые горизонты...

— Насколько я понимаю, гармонист всегда считался первым парнем на деревне и любимцем у всех местных красавиц?

— Да уж, на популярность у девушек мне грех было жаловаться! Еще в классе шестом мы с ребятами организовали вокально-инструментальный ансамбль и играли на "взрослых" танцах. Меня даже старшенклассницы провозжали домой, ну и все такое... А настоящая первая любовь случилась уже в школе. Хорошо помню эту девочку. А недавно у меня проходили концерты в Днепропетровске, и она заходила ко мне в гримборную. Конечно, сегодня эта наша встреча выглядела несколько смешно. Но удивительно, что память сохранила те чувства, хотя их не оживила. Да и не мудрено — прошло столько времени.

— Вы, наверное, рано женились?

— Не рано — в 25 лет. Но первый брак оказался недолгим.

— Расставаясь с женщиной, чувства к которой остыли, вы переводите отношения на дружеские рельсы или разрываете их навсегда?

— Нет, у меня практически со всеми остались нормальные отношения.

— Дети есть?

— Да, конечно. Сын уже совершеннолетний. И дочь, которую Господь подарил мне вместе с женою. Они живут в Штатах, в Нью-Йорке.

— А чем занимается сын?

— Он поступил в американский университет в Москве. Ехать учиться в Америку не хочет.

— Как сын воспринял вашу новую семью?

фото Анатолия Мелихова

— К счастью, хорошо. В отличие от моего предыдущего браня.

— Вы занимались воспитанием сына или он рос со своей матерью?

— В детстве он находился в основном со мной. А потом, когда я стал много ездить, Коля больше жил с матерью. К тому же, у него не сложились отношения с моей предыдущей женой. Но должен сказать, меня он всегда слушался беспрекословно. У нас с ним очень доверительные отношения.

— Чем занимается супруга?

— Она экономист по образованию. Работает в одной местной фирме.

— И давно она живет в Штатах?

— Уже больше десяти лет.

— Так вы были знакомы еще здесь?!

— Мы познакомились, когда я впервые привез в Нью-Йорк "Песню года". Она была замужем, я тоже был не один. И эта встреча стала для нас обоих судьбоносной.

— Вас устраивает такая семейная жизнь на расстоянии?

— Почему на расстоянии, мы расстаемся максимум на месяц. Хотя... было бы лучше, если бы расставались пореже. Но мы используем каждый шанс, чтобы быть вместе. Я не кот, который гуляет сам по себе, наоборот, считаю, что мужчина — это лишь половина нормального человека. И для полноценной жизни он должен найти свою вторую половинку — женщину. И наконец-то я такую женщину нашел. Хотя и бывают моменты в жизни, когда мне нужно побыть одному.

— И кто же занимается домашним хозяйством, когда супруги нет рядом? Неужели делаете все сами?

— Ну, не все! У меня еще жива мама, которая живет со мною рядом, в Москве. Так что помощниц хватает...

— Разве вы живете не в загородной вилле?

— Буквально до последнего времени жил в очень скромной квартирке. Но после того, как женился, почувствовал, что нам обоим хочется, чтобы в гости приходили друзья. А для этого необходим простор и уют. И я обратился с письмом к Юрию Михайловичу Лужнову. После чего мне дали очень хорошую квартиру, в которой мы сразу же сделали ремонт по своему вкусу.

— У вас много друзей среди женщин?

— Я бы сказал, что у меня со многими женщинами теплые, приятельские отношения.

— При всей вашей нынешней загруженности отдыхать-то удается?

— В последнее время получалось. Во-первых, это связано с тем, что я уезжаю к жене в Штаты.

— И вы там совсем не работаете?

— Работаю, конечно, в студии. Но иногда мы вырываемся в Майами. И на острове в океане мы уже спрятаны ото всех. Даже от телефонных звонков. Я люблю отдыхать пассивно. А если еще учесть, что жена — сова, а я жаворонок, то я уже в 7 утра на берегу с нотами, со стихами... И у меня есть возможность часа три побыть одному.

— У вас нет желания совсем перебраться в Штаты?

— А зачем? Я востребован здесь как композитор и как продюсер.

— Ходили слухи, что в Штатах вы попали в какую-то финансовую пирамиду, и вас сильно "кинули" на большие деньги. И чуть ли не все эстрадные звезды пошли вам навстречу, дали возможность заработать, чтобы расплатиться с огромным долгом...

— Ну, не совсем точно. Дело было так: одни мои знакомые, используя мое имя, заняли очень большие деньги. И не вернули их. А поскольку я гарантировал, что люди долг вернут, мне пришлось отдавать эти деньги. Естественно, такой суммы у меня и в помине не было, больше того, даже не предполагал заработать что-то близкое в ближайšie десять лет. Немногие знали, что я попал в такую ситуацию, и никто мне не помогал. Хотя, наверное, если бы я обратился за помощью и попросил несколько концертов отработать бесплатно, думаю, никто бы не отказался. Но в своих глазах я бы перестал быть нормальным мужчиной. Я, образно говоря, закусил удила, собрал нервы в кулак и начал внальывать. И за четыре года сумел расплатиться.

Экстремальная ситуация помогла мне сконцентрироваться, в обычных условиях я бы вряд ли стал так упираться.

— А как удалось провести грандиозные по размаху гастроли наших "звезд" в Соединенных Штатах, в таких престижных и огромных залах, как Тадж-Махал в Атлантик-Сити, в Радио-Сити и Мюзик-холле в Нью-Йорке? И принесло ли это ожидаемые дивиденды в материальном и духовном плане?

— В духовном — безусловно. Потому что выступать в центре Манхэттена — в самых престижных точках для любой мировой звезды, где за честь выступать и Элтону Джону, и Уитни Хьюстон, в зале, который в состоянии разместить шесть тысяч зрителей и собрать там аншлаг, и чтобы еще человек триста стояло у входных дверей, не достав билетов, приятно для всех. Но публика, конечно, в основной своей массе была русскоязычная.

В материальном плане... Это очень дорогие площадки. Аренда, звук и свет там стоят порядка 150 тысяч долларов. А если еще учесть, что нужно привезти, разместить, кормить и оплачивать гонорары группе из 70 человек, то материальный результат оказался достаточно скромным.

— А "звезды" получали символический гонорар?

— Нет, они получали за сольный концерт так, как и дома. Такого же уровня площадки мы задействовали и в моей следующей сольной программе. По традиции, она сначала прошла в зале "Россия" — со всеми звездами, с которыми я в последнее время сотрудничаю (Лайма Вайкуле, Валерий Леонтьев, Александр Буйнов, Михаил Шуфутинский, Ирина Аллегрова и другие), потом состоялся тур по странам СНГ. Причем, у всех было по несколько премьерных песен.

— И кто для вас сейчас исполнитель номер один?

— Такого нет. С Сашей Серовым мы уже не работаем. Я сделал альбом с Валерой Леонтьевым, с Лаймой, с Шуфутинским, с сестрами Роуз, несколько альбомов с Буйновым и с Аллегровой и еще записал в Нью-Йорке альбом инструментальной фортепианной музыки, который называется "Без слов". И в таком "конвейере" я живу уже несколько лет. Да по-другому уже себя и не мыслю. К тому же, на мой взгляд, мужчина не может, да и не должен жить иначе. ■

Беседу вела
Татьяна СЕКРИДОВА.

Юрий АКОПЯН

Когда закончится

фото Александра Басалаева

СПРАВКА

Гагик

Микаэлович

НАЗЛОЯН

родился в 1947

году в Ереване.

Окончил 1-й

Московский

медицинский

институт, в 1978

году защитил

кандидатскую

диссертацию на

факультете

психологии МГУ.

Работал в

психиатрических

клиниках

Франции,

Еревана,

Москвы и

Подмосковья.

Член Союза

художников

Армении.

В 1990 году

основал

Московский

институт

маскотерапии

(МИМ).

портрет...

Первый сеанс начинается с обработки овальной пластилиновой заготовки. По форме это полуяйцо, отлитое на доске, которая установлена на мольберте. Скульптор-врач слой за слоем наращивает объем, корректирует форму. Его руки размазывают липкие кусочки пластилина по поверхности, разглаживают и полируют ее до блеска. Этот, по сути, технологический процесс не требует присутствия ни позирующего больного, ни зрителей. Однако они здесь. Мастер при этом неспешен и сосредоточен. Он никому ничего не объясняет. Но сам процесс превращения грубой массы в совершенный овал, в идеальное полуяйцо исподволь захватывает и завораживает присутствующих. Техническая операция оборачивается чем-то, что сродни пластической медитации.

В момент кульминации этого неосязаемого напряжения доктор Назлоян неожиданно резко прерывает сеанс словами: "Вот из этого и начнет выходить *все*".

Конец насилия

История психиатрии — это история призрания душевнобольных. В ней нет описания истории лечения. В действительности это лишь рассказ о том, как общество относилось к умалишенным. Когда-то их просто убивали, потом, уже в другие века, бросали в темницу. Снятие цепей или разрешение прогулок считалось выдающимся достижением — врачи со всего света приезжали в такую лечебницу за опытом. Кстати, Екатерина II посылала какого-то лекаря-немца в Европу посмотреть, как это можно дуракам такую свободу давать.

Успех психиатра был не в том, как успешно он лечил, а в том, какой шаг сделал к освобождению душевнобольных. Цепи сменялись смиренными рубашками, побои разрешались, но ограничивались. Наконец исчезают надзорные палаты и одиночки (карцеры).

Когда, казалось бы, оставалось сделать последний шаг, дарующий полную свободу психическим больным, появились нейрорепетины. Тогда в Италии и Швеции вообще отказались от психиатрических больниц, поскольку стала практиковаться так называемая лекарственная смиренная рубашка. И вот уже старые профессора, когда-то видевшие настоящие смиренные рубашки, зароптали, считая новые средства гораздо более жестокими и вредными для пациента, чем прежние. Буйному пациенту достаточно одной внутривенной инъекции зверского лекарства, чтобы усмирить, но побочное действие так сильно, что он может умереть.

Позже появились поразительные депо-препараты — психотропные средства пролонгированного действия. Одного укола такого лекарства достаточно, чтобы больной целый месяц носил в себе "смирительную рубашку". Самое страшное, что готовится к производству препарат, способный "держаться" человека целый год. А если врач при этом ошибется, что нередко случается? Увы, изменить что-либо будет уже невозможно.

Взрыв увлечения психофармакотерапией породил массу проблем, в частности, спровоцировал бурный рост болезней, вызванных лекарствами. Сначала были опи-

саны нейролептические шизофрени, потом болезни посыпались, как из рога изобилия.

Г.Назлов: Моя реакция на это была радикальной — с 1985 по 1989 год я вообще не давал пациентам лекарств. Из принципа. Правда, впоследствии меня все-таки смог переубедить Манфред Миллер, один из столпов психиатрии, знаменитый главврач Цюрихской университетской больницы, где работал Н.Г.Юнг и многие другие известные психотерапевты. Миллер пригласил меня в гости и показал удивительный альбом, отпечатанный в нескольких экземплярах. В нем я увидел портреты больных, нарисованные в начале XX века группой известных тогда светил психиатрии. Это был опыт терапии, сходный с тем, который я назвал скульптурной маскотерапией. Опыт начала века почему-то так и не был обнародован, а сам альбом остался семейной реликвией. Тогда в беседе Миллер сумел доказать мне возможность использования, хотя и осторожно, некоторых лекарств.

Но до этого у меня был блестящий опыт. Ведь я один принимал столько больных, сколько пропускала больница в 600 коек. В месяц — тысячу пациентов. Я никогда не выбирал и никому никогда не отказывал. И у всех снимал лекарственные назначения. Никто у меня не получал нейролептики. Лечение происходило при открытых дверях. Родители шли сюда не с передачами, а для участия в работе. Ведь они сами — часть этой болезни.

Что стояло за отказом от применения лекарств? Рискованная игра наудачу, в которой я не щадил ни себя, ни свою семью? Ведь

весь период лечения я как бы находился в подвешенном состоянии. Любой промах мог поставить крест на всей моей работе.

Нет, это не была авантюра. Я опирался на идеи, позволившие принципиально иначе интерпретировать привычные феномены. Что такое агрессия? Ответ очевиден — чрезмерная активность. Поэтому впадшему в буйство больному назначают сдерживающее лекарство, которое подавляет активность. Врач, сделавший такое назначение, считает, что больной чересчур свободен. А вот я вижу в нем человека несвободного, и моя задача не подавить еще больше, а освободить. Эту возможность и дает разработанный мною метод портретирования.

Что значит — болезнь неизлечима? А ведь такое представление по отношению к самым тяжелым психическим расстройствам является традиционным в психиатрии. Врач должен бороться с болезнью и должен чувствовать, как она отступает. В этом его нравственный ориентир. У нас на сеансы маскотерапии собирается разношерстная группа, то, что этнограф Левон Абрамян назвал "людьми у костра". Здесь и здоровые, и пациенты психбольниц со стажем. После сеанса здоровые, так и не вычислив, кто из присутствующих болен, пытаются выяснить это у меня.

Пусть на час больной перестанет бредить — это наша победа, это та экзистенциальная точка, которая перевернет болезнь, в ней ее конец.

Человек дождя

Лекарственная революция разрушила привычные классифи-

нации. Болезней стало столько, сколько больных. В очередной раз были размыты критерии как нормы, так и патологии. А ведь психических расстройств и без этого было немало. Как может врач учитывать в своей практике все множасьщиеся их виды? И не будет ли плодотворней найти нечто общее, что присуще любому психическому расстройству, и именно его определить как главную мишень терапии? Отвечая на этот, им самим сформулированный вопрос, Гагик Назлоян в качестве ядерного, главного расстройства предложил выделить феномен отчуждения, иначе — аутизм.

Многие, наверное, помнят американский фильм "Человек дождя", где героем был человек, страдающий аутизмом. Исполнитель главной роли Дастин Хоффман мастерски передает механическое, бездушное мироощущение человека, загнанного болезнью в скорлупу тотального одиночества. Любящему младшему брату главного героя так и не удалось растопить лед отчуждения, и в последних кадрах картины человек дождя уходит, не оборачиваясь — надежды на выздоровление нет. Признавая болезнь неизлечимой, авторы фильма парадоксальным образом видят в любви к обреченным залог морального преобразования здоровых.

Именно аутизм избрал Назлоян главной мишенью своей терапевтической стратегии, преодоление его должно привести к исчезновению и иных симптомов психического и психосоматического заболевания. Именно на "человена дождя", который есть и в страдающем маниакально-депрессивным психозом, и шизофренией,

направлены энергия, знания, любовь и талант доктора. Вывести из закольцованного диалога с самим собой и через скульптурного двойника вовлечь в живой диалог с окружающим миром.

Увидеть себя со стороны хотя бы на мгновение для больного подчас непосильная задача. Он этого просто не хочет. Он как раз поэтому и спрятался в свою скорлупу. ("Зачем вы вытаскили меня оттуда? Кто вас просил? Мне было хорошо". — Это реальное обвинение Назлояну, к счастью, редное, которое ему предъявил один из тех, кто вновь встретился с жизнью.) Но как больного выманить из скорлупы? Как заручиться его сотрудничеством? Больного подводят к зеркалу, но он остается равнодушным — он не видит забытого, чужого себя.

Тогда врач лепит яйцо и произносит магические слова: "Отсюда выйдет все!" И это не только магические, но и революционные слова, обрывающие дурную бесконечность традиционной психиатрии, где есть начало лечебного процесса, но никогда нет конца. Сколько бы ни тянулась работа в студии — месяц, год или несколько лет, логика завершения задана изначально.

— А ведь это главный вопрос для больного и его родных — когда закончится лечение? И я отвечаю: "Когда закончится портрет".

Врач-скульптор и пациент. Перед больным — заготовка, его будущий портрет, нечто вроде нового персонажа разворачивающейся в студии драмы. Здесь возникает то, что Назлоян называет "структурой трех". Структура, которая разрушает неодолимую дистанцию между властным, всезна-

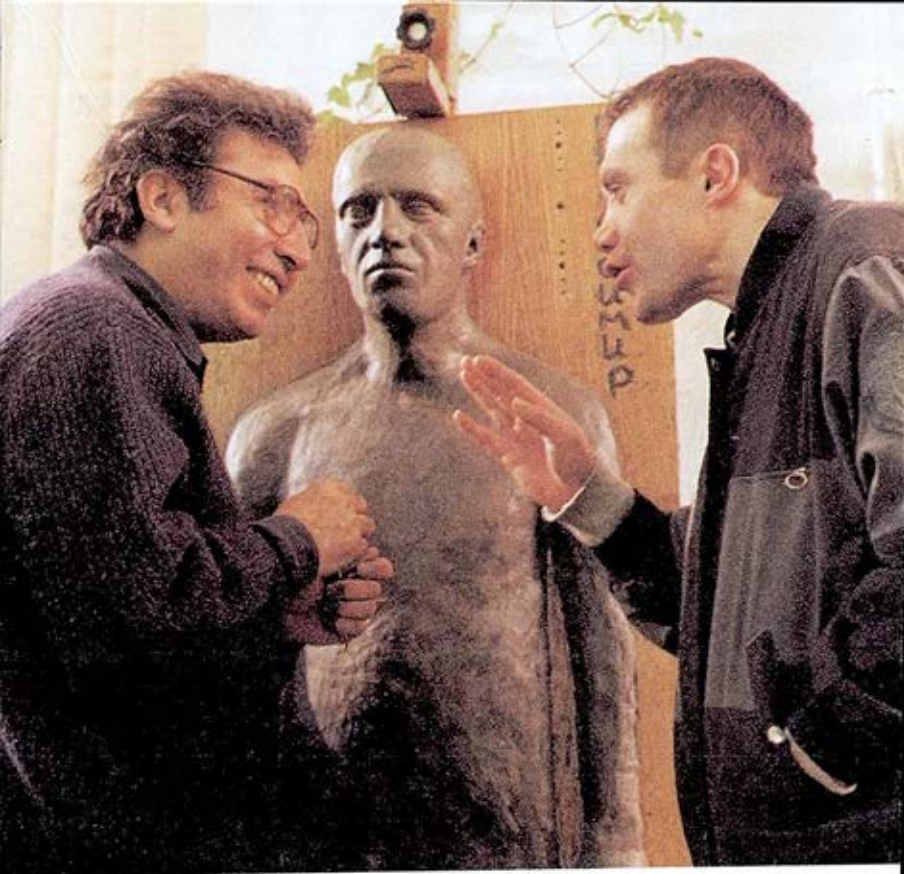
ющим врачом и ничтожным больным.

— Появляется ощущение свободы и раскованности. Пациент удивительно преображается — в движениях, речи, мыслях. Обсуждает работу. Иногда пытается стать соавтором портрета. Спорит, не соглашается. Бывает, даже позволяет себе интересоваться здоровьем врача: советует поменьше курить.

Другое принципиальное новшество касается времени. В студии нет обхода врачей, графика приема лекаров и прохождения

процедур, нет распорядка дня. Время общения с врачом здесь не ограничено, почти бесконечно. Можно говорить о чем угодно и можно не говорить о болезни.

— О болезни с моим пациентом говорили долгие годы. Незаметно вытесняется основной мотив его переживаний, становится неактуальной сама болезнь. Здесь он не шизофреник. Здесь идет наращивание здорового начала. Иногда я просто пресекаю разговоры о болезни, мол, надоело, мешает работать, и даже ос-

корблю саму болезнь — что-то вроде магии изгнания.

Во время маснотерапии происходит вовлечение в лечебный процесс всей личности и всего организма нашего пациента, каждой его клетки, всей его сути. Происходит истинный переворот в его жизни, второе рождение.

Форма уничтожает содержание

Первый скульптурный портрет Гагин Назлоян сделал в 1978 году. Он не был художником и никогда этому не учился. Он был начи-

нающим врачом-психиатром в одной из стационарных клиник Подмосковья, где работал после аспирантуры. Приехали родители помочь обустроиться. Однако с отцом отношения не заладились. Мучительные ссоры казались непреодолимыми, и в отчаянии Гагин... решил сделать портрет отца.

Незадолго до этого, еще в аспирантуре, тоскуя по дому, Назлоян впервые взял в руки пластилин, чтобы спрятаться от ностальгии. Вскоре он заставил полни сотнями стилизованных головок.

Хотелось лепить реальных людей, но останавливал страх перед живой моделью. И вот теперь отец...

— Кто, кроме отца, мог поддержать меня в трудную минуту, поверить в то, во что я сам еще не смел верить? Мы работали по ночам, пили вино и много говорили — чаще о его фронтовых годах. Я так увлекся этими рассказами, будто слышал их впервые. Наверное, тогда отцу удалось поделиться тем сокровенным опытом, который Бертран Рассел назвал "непередаваемым". Портрет состоялся. Это была скульптура в натуральную величину. Скрытый конфликт между нами был исчерпан и, к слову, никогда больше не возникал. Возвращаясь в дом, отец снимал шляпу, надевал на своего двойника и был этим очень доволен.

Работа над портретом отца породила у Назлояна смутные идеи, которые хотелось проверить на практике. Первой моделью для лечебного портрета стал пятидесятидвухлетний глухонемой больной с чертами глубокой умственной отсталости на лице, который провел 15 лет в психиатрической клинике. Опыт этот ни к чему особенно не обязывал, ибо слабое предпологает деградацию на физиологическом уровне. Но изменения были. Заметно улучшилось общее состояние больного, к тому же он заговорил — оказалось, что он все слышит. Затем были другие опыты с гораздо более удивительными результатами, опровергавшими представления, веками устоявшиеся в клинической психиатрии.

Портретная терапия отказывается от любых схем, ее объект — психика в органической цельно-

сти. Этим она принципиально отличается от предшествующих школ, ставящих во главу угла аналитические процедуры. Психоанализ, например, ищет детскую травму, скрытый источник невроза пациента. Но, во-первых, жизнь сама по себе травматична. И много ли на свете людей, психика которых без шрамов? Строго говоря, таких и нет. Во-вторых, где гарантия того, что психоаналитик верно "размотал" травматическую цепочку? И здесь нет никаких гарантий. Подтверждение тому — довольно скромные терапевтические успехи фрейдистов, не говоря уже о том, что они никогда не брались за тяжелых психиатрических больных.

Общим для пациента с терапевтом-скульптором языком становится живое лицо человека с его чертами и физиономической пластиной. То, что можно назвать зеркалом души, во всяком случае, той ее стороны, что обращена к миру. Задача врача в том, чтобы воссоздать в сотрудничестве с больным его истинное, здоровое лицо и уничтожить патологический образ, созданный болезнью. По мере построения портрета болезнь все больше теряет почву под собой, ее гибель — в измене ей хозяина, в признании им истинности образа, создаваемого при его участии. Происходит то, что Лев Выготский в своей "Психологии искусства" определил как процесс катарсиса, при котором форма уничтожает содержание. Портрет — как некий антиящик Пандоры, который собирает беды и уничтожает их.

Все происходит не постепенно, а на заключительном этапе лечения, как неконтролируемый

бурный процесс, который Назлоян определяет аристотелевским термином "катарсис", то есть очищение, когда болезнь полностью сгорает в топке преобразования.

Что невыразимо в словах, неистоцимо в действии

— Мы видим в конце работы некое чудесное, удивительное явление — бурный выплеск патологических переживаний. Мы не ищем катарсиса специально. Гораздо важнее проследить, как непрерывная форма болезни становится приступообразной, как она локализуется, как обедняется ее содержание. Вот что важно, хотя и не менее важно завершение.

Помню, однажды я заканчивал портрет, то есть подходил к логическому концу, когда у моего пациента В. произошел рецидив болезни и всех ее симптомов. Интерпретируя это как катарсис, я ничего не предпринимал, хотя и пребывал в недоумении. И вообще, это было тягостное зрелище — в этот день В. четыре часа подряд плакал.

Но все же мы простились. Мой пациент пребывал в болез-

ненном состоянии всю долгую дорогу до Днепропетровска. Сопровождавших его родителей, которых не раз посещали мысли о возвращении в Москву, поддерживала только вера в меня. Болезненное состояние продолжалось неделю, а потом все закончилось, и мой пациент вернулся к нормальной жизни.

Новое состояние после всплеска — это не временное явление, а основательный капитал, который можно тратить и с помощью которого строить жизнь. В. возвратился в институт, закончил его, поступил мастером в литейный цех, потом стал начальником этого цеха. Раньше он считал себя женщиной, у него и телосложение было женоподобным, причем ситуация была настолько серьезной, что родители договорились в Институте эндокринологии об операции по смене пола. А теперь ко мне приезжает в гости красивый парень с атлетической фигурой. В Днепропетровске он познакомился с девушкой, и оказалось, что он не только гетеро-, но и гиперсексуален. Изменилась не только его психика, но и вся химия организма, все обменные процессы. Он изменился весь... ■

Гуляй

Олег ПОЛОНСКИЙ

Июнь — первый летний месяц. В старину июнь называли изоком и червем. Когда-то изоком звали кузнечина, его стрекотание было слышно в первые июньские дни. Слагают зеленые кузнечики трепетные мелодии, славят матушку-Землю. А победоносным цветом на Руси издавна считался красный, червлень. От него пошло и название месяца.

1 июня. Оберег нивы

В этот день в полдень крестьяне из веток ивы или березы плели колеса и катали их вокруг нивы. Считалось, что так и солнце самосветное будет что ни день катиться к ниве, давая проросшему зерну силу. По древним представлениям, этот обряд защищал хле-

борост и не давал пустоколосице губить озимые хлеба.

3 июня. Олена — длинные льны

В это время обычно сеяли лен. "Зародися, мой льнице, и долог и тонок!", — просят крестьяне, сея лен. По приметам лен, посеянный на поле, где прошлым летом родился ячмень, растет крепким и тонким. Когда сеяли лен, просили дождик поплясать на пашне.

4 июня. Праздник Ярилы

Древний языческий праздник славянского бога мужской силы и мужского плодородия в разных областях на Руси отмечался в разное время. Обычно это было начало июня. Раздольно, с песнями и хороводами встречали славяне Ярилин день. Часто праздник со-

— не хочу?

ИЮНЬ

проводился буйным весельем и забавными и до неприличия шутивными обрядами. Так, в Костромской области существовал обычай хоронить Ярилу. Для этого мастерили гробик и клали в него деревянную куклу, олицетворяющую Ярилу, с непомерно большими половыми органами. Вокруг собирались подвыпившие женщины, и под их неліцемерные причитания процессия ходила по деревне, вызывая смех и улюлюканье. В других местах веселились не меньше: находили какого-нибудь пьяного мужичка и обвешивали его лентами, цветами, колокольчиками, разукрашивали лицо, руки, ноги, надевали на голову колпак, а в руки давали погремушки. В таком виде ряженный изображал

Ярилу, ходил по селению и пристаивал к женщинам под общий хохот и веселье. Праздник бога Ярилы всегда сопровождался играми, буйным пьянством, разгулом и особенно кулачными боями.

Христианская церковь видела в том празднике бесовские разгулы и всеми силами старалась вытравить из народной памяти бога Ярилу. Но в первые годы после принятия христианства языческие традиции были еще сильны, особенно в отдаленных районах. Поэтому разгульный праздник Ярилы продолжал пользоваться популярностью вплоть до XVI века.

7 июня. Ферапонт — худые росы

Считалось, что в этот день выпадает роса, которая пагубно дей-

рисунки Виктора Ковалева

ствует на здоровье. Клонит к земле, неволит душу, если ступить на такую росу и омочить в ней ноги. Остерегались крестьяне в этот день на ранней заре на пастбища выгонять скотину. Взойдет солнце, осушит травы и цветы, тогда и наступит срок для хлопот по хозяйству.

12 июня. Царь змей Василиск ведет змеиные свадьбы

По поверью в этот день нельзя было ходить в лесные чащи. Можно было забрести на змеиную свадьбу, где собираются тучи змей. А если такое случилось и кто-то попадал в самое змеиное логово, то могли помочь ему трава череда и цветон петров-бадог.

14 июня. Харитон

В очередной раз всей семьей ходили в поле смотреть на колосющиеся хлеба. Но в своих оценках были осторожны. Говорили: "Радуйся хлебу не на корню, а в амбаре", "Хлеб на току — про урожай толкуй". В некоторых местах подобный обряд был не столько семейным, сколько молодежным. Как только заколосятся хлеба, отправлялись в поле величать рожь. Натались, обнявшись друг с другом, по всходам ржи, приговаривая: "Расти, расти, трава, к лесу, а рожь — к овину!" В этот же день всей скотине давали немного ржаного хлеба, чтобы была довольна, чтобы плодилась и размножалась. Красное утро на Харитона — к красному наливу ржи. Дождливый и пасмурный харитонов день — к урожаю на коноплю.

15 июня. Ульяна

Календарная середина июня в старину считалась наиболее благоприятной для того, чтобы обратиться за помощью к обаяницам. Так называли женщин-колдуний,

которые по вашему желанию могли зачаровать, вызвать расположение и любовь, точнее не любовь, а "присуху". Могли, напротив, сделать вечно влюбляющегося женатого мужчину верным мужем-однолюбом, восстановив семейное благополучие.

14-18 июня. Семик. Русальная неделя

В русском языческом календаре выделяется группа праздников под общим названием "русалки". К их числу относится и семик, получивший свое название от того, что он отмечался в четверг седьмой недели после Пасхи в тот период, когда повсеместно на полях решалась судьба урожая. Празднование проходило на так называемой русальной неделе. Ритуалы семина у славян были связаны с верой в растительных духов, от которых, по бытовавшим верованиям, зависело плодородие земли, а значит и урожай.

Само слово "русалка" происходит от русла реки, где по народным представлениям, обитают сказочные существа, представляющие собой девушек с рыбьими хвостами, распушенными волосами и сладким манящим голосом. Издавна языческие народы Древней Руси испытывали к воде, как одному из удобных и зимой, и летом путей, великое благоговение и уважение. К тому же вода, как природная стихия, питала почву, растительность и давала жизнь всему на земле. Отсюда пошло поверье, что реки, озера, вообще водоемы населены разными существами и имеют свое божество.

16 июня. Лукьян-ветреник

В этот день по ветрам примечали об урожае. Ветер с полудня

поднимается — яровое за рост принимается. Сиверок на Лукьяна — зальет рожь по осени дождями.

18 июня. Троица

День Святой Троицы — один из праздников православной церкви отмечался через семь недель после Пасхи. Семь недель — это 50 дней, отсюда и другое название праздника — Пятидесятница. На следующий день после Троицы наступает Духов день: в этот день, по преданию, на апостолов снизошел Святой Дух. Таков богословский смысл праздника.

Обряды Троицына дня уходят корнями в древние народные обычаи. Здесь повсюду прослеживаются старинные обряды, связанные с празднованием расцвета природы, прихода на землю тепла и света. Совершаются обряды и ритуалы, главная цель которых — обеспечить будущий урожай, здоровье и благополучие людей. Троица — всегда и везде зеленый праздник. Жилые дома и церкви украшают зелеными ветками (в основном березовыми). Прихожане идут к обедне с бунетами луговых цветов и ветками березы. Потом их высушивают и хранят за иконами или за печкой — для избавления от всевозможных бед. На Троицу устраиваются праздничные шествия, танцы и хороводы, обряды благословения полей и скота. В деревнях в старину всегда гадали на вен-

ках из березовых веток, бросая их в воду. Если веночек поплыл — это благоприятный знак, если же утонул — остерегайся неприятностей.

Праздник Троицы отмечает весь христианский мир. И почти везде это не столько церковный, сколько народный праздник.

21 июня. Колодезник

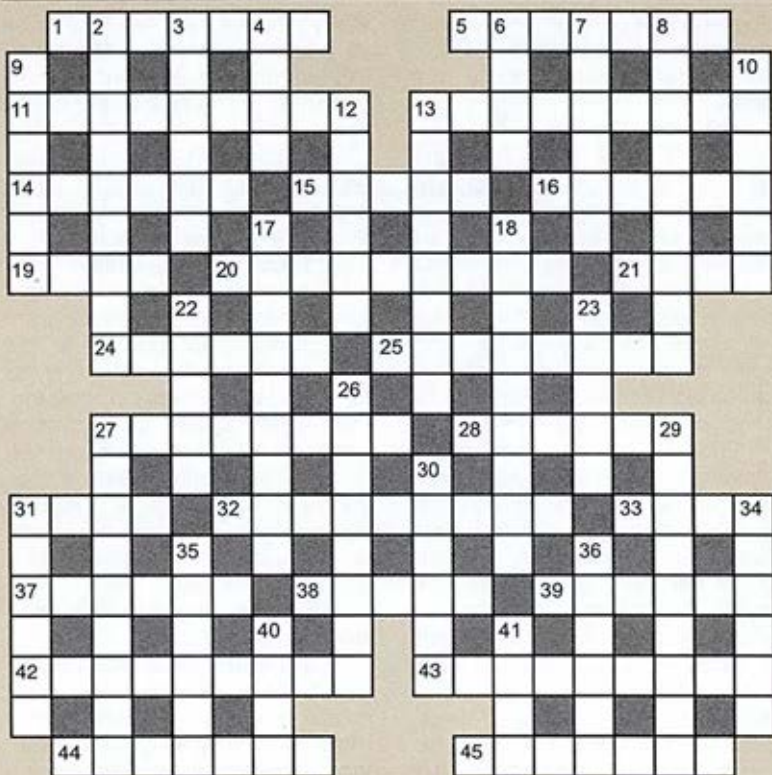
В стародавние времена в этот день копали колодцы. Делали это особые люди, которые знали, где воду искать, чтобы чистая она была и от всякого сглаза спасала. Рано утром в этот день ставили копатели сковороды в тех местах, где пар от земли сильно поднимался. Та сковорода, что на солнечном жару влагу не отдавала, не высыхала, и указывала место, где делать колодец.

26 июня. Акулина — задери хвосты

В это время появляется масса комаров, мошек, оводов, которые кусают лошадей и прочий скот. Животные, спасаясь от насекомых, отгоняют их от себя хвостами.

30 июня. Мануил-туманник

По народным приметам в этот день преобладают сильные туманы. Согласно поверью, ходит по берегу реки старуха с клюшкой по прозвищу Маниха, а с нею ее дочь — белая русалка Манья. Остерегались в это время близко подходить к реке, пережидали туман. ■

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Человек, самовольно севший за руль чужого автомобиля. 5. Прием в игре хоккеевиста. 11. Линейка на портновской должности. 13. Лестница для езды. 14. Старинная рукопись. 15. Место в парке для ходьбы парочками. 16. "Московский ..." — одна из лучших картин В.Поленова. 19. Учреждение, посетители которого пешком под стол ходят. 20. Советский композитор, увлекавшийся поэзией А.Ахматовой и Н. Бальмонта, на чьи стихи писал романсы. 21. Изнурительная жара. 24. Пивное зерно. 25. Персонаж песни А.Галича, сказавший ее герою, что "Столичная" очень хороша от стронция". 27. Эталон медлительности. 28. Французский естествоиспытатель, основоположник зоопсихологии. 31. "Свадебный ..." — произведение, которого нет среди сочинений Ф.Мендельсона, поскольку, вопреки заблуждению, написал его не он. 32. Ноябрь как пора. 33. Пернатый санитар, падкий на па-

даль. 37. Житель азиатской столицы, чье первоначальное название было Эдо. 38. Буря в царстве Нептуна. 39. Жительница страны на Балканском полуострове. 42. Венецианский архитектор эпохи Возрождения. 43. Полевая птица, чью песню поэт назвал хрустальным чудом. 44. Английский адмирал, известный победами не только на море, но и в любовной стихии. 45. Лучший сорт хрусталя.

По вертикали. 2. Самая коварная дочь короля Лира. 3. "Шестое чувство". 4. Заглавный герой романа Д. Лондона. 6. Спорт, где любому приходится онолачивать груши. 7. Способ охоты на волков и преступников. 8. Положение Жана Вальжана в начале романа В. Гюго "Отверженные". 9. Олицетворение души в греческой мифологии. 10. Актер, сыгравший Остапа Бендера в фильме "Золотой теленок". 12. Австрийский поэт, которого М. Цветаева назвала "равнодушным" себе. 13. Австрийский физик-теоретик, в молодости работавший в Петербурге. 17. Средства доставки. 18. В стихотворении "Расцветает сад" М. Цветаева говорит: "Из законов всех — что один закон: ... уст". 22. Воздушный коловорот. 23. Стихотворение А. Пушкина о ядовитом дереве. 26. Злобность, язвительность. 27. Воробьиный хор. 29. Итальянский омоновец. 30. Цветная декорация на стекле. 31. Французский художник, говоря о котором О. Мандельштам заметил, что "красная красна его холстов шипит содой". 34. Любимый цветок Сары Бернар. 35. Толика сыпучего вещества, наное можно взять тремя пальцами. 36. Советская гимнастка, чемпионна Олимпиады-1968. 40. Для не умеющего пить — яд, для умеющего — противоядие. 41. Заблудшая ... (о человеке, сбившемся с правильного жизненного пути в жизни). ■

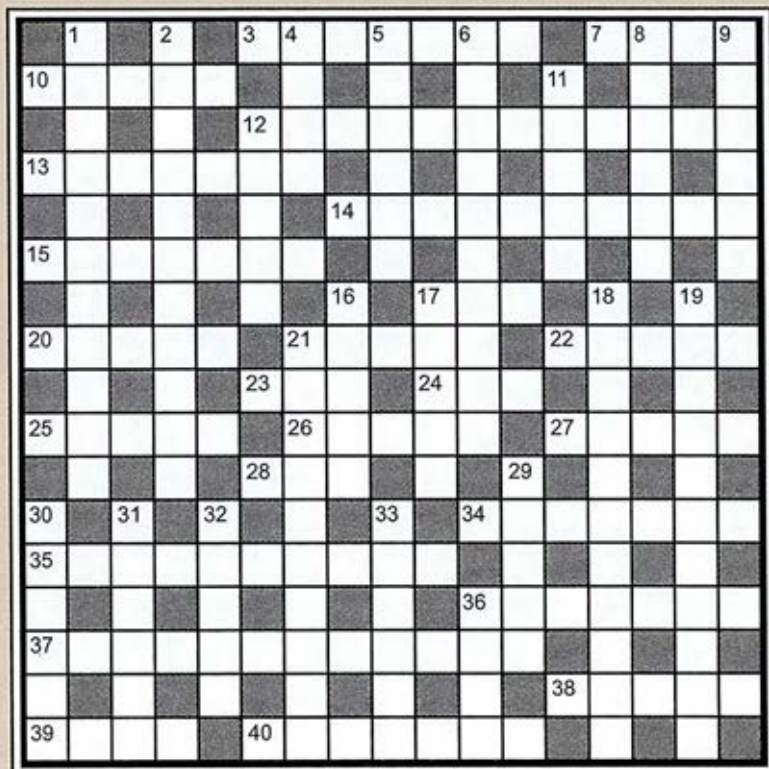
Составил **О. ЕФИМОВ**,

Калуга

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали. 7. Телекс. 10. Уцепна. 13. Леток. 14. Нивоз. 15. Аввакум. 16. Ланолин. 17. Ансал. 18. Танин. 19. Оки. 20. Наг. 23. Маш. 24. Вал. 25. Подпоручик. 28. Рубин. 29. Успение. 31. ...конус. 33. Директриса. 36. Хен. 38. Вий. 39. ...Рус... 40. ...ять. 42. "Лонус". 44. Бастр. 46. Ромашна. 47. Банинец. 48. Война. 49. Шонин. 50. Термин. 51. Кванер.

По вертикали. 1. Желвак. 2. Петас. 3. Эскулап. 4. Нунатак. 5. Зевон. 6. Энзина. 8. Левнипп. 9. Коканд. 11. Цинаш. 12. Поливка. 21. Горский. 22. Бубенец. 23. Министр. 26. Рупор. 27. Чинук. 30. Синомор. 32. Маятник. 33. Диснант. 34. Рубашна. 35. Исаков. 37. Еловец. 38. ...вишни... 41. Тренер. 43. Найма. 45. Синап.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 3. Чемпион мира Юрий Вострелов как музыкант. 7. Древнеримская мера поля, которую можно было вспахать за день парой волов. 10. Бранный эпитет ключницы Фоминишны по отношению к себе за то, что ей показалось, будто Большов приехал пьяным (А.Островский. "Свои люди — сочтемся"). 12. Микрофон на огороде (по Э.Межелайтису). 13. Русский композитор, подготовивший с М. Балакиревым первое полное издание сочинений М.Глинки. 14. Монахиня, давшая обет не понидать нелю. 15. Итальянское блюдо из риса, мелко нарезанного мяса, масла, овощей и пряностей. 17. "Отец"尼亚гары. 20. Составная часть нотильона. 21. Спортивное бросание дротинов в мишень. 22. Антер, сыгравший О'Рейли в фильме "Мертвый сезон". 23. Инструмент вздымщика — заготовителя живицы. 24. Ампула человека, постороннего для семьи главного героя, в китайском спектакле.

25. Жена Хосрова Парвиза, ставшая героиней многих восточных эпических поэм. 26. Художник-постимпрессионист, названный М. Волошиным "великолепным варваром латинской расы". 27. "Долина созидания души" (Д.Нитс). 28. Зверь, которого особо почитали хетты. 34. Связующее звено между копытами и колесами. 35. Итальянский поэт и медик, написавший знаменитую поэму о сифилисе. 36. И холудина (дубинка), и высоний бестолковый человек. 37. Кратковременность, олицетворяемая в икебанае вьюнком. 38. Инструмент, которым берут, держат, отрезают, прищепляют, тянут, хватают. 39. Горбатая рыба, способная набрать до тридцати килограммов веса. 40. Таня Демьянова из ресторана "Яр", любимица А.Пушкина, по национальности.

По вертикали. 1. Трансформация носа как наказание в китайских сказках. 2. Фигура, символ плодородия у многих народов Востока и Кавказа. 4. Большой, Брусов, Торцов, Динкой, ... — купцы-самодуры в пьесах А.Островского. 5. Существо в арабской мифологии с одним глазом, одной рукой и одной ногой. 6. Лекарство от заразных болезней, которое в Ламбарене широко применял А.Швейцер. 8. Английский король, женившийся шесть раз, при этом двух жен назвавший за неверность. 9. Спутник любителя походов. 11. Героиня греческих мифов, сильно занимавшая воображение М.Цветаевой. 12. Итальянский архитектор, построивший в Милане знаменитый небоскреб Пирелли. 16. Апостол, чью книгу в Библии Лютер иронически называл "Соломенным посланием". 17. Физик, чье имя носит Будапештский университет. 18. Руководитель экспедиции, нашедший в июле 1951 года первую берестяную грамоту в Новгороде. 19. "Стеклянный колодец" в средневековой арабской поэзии. 21. Население кавказской "страны гор". 29. Рыба, которую хотел поймать герой в басне И.Крылова "Мальчик и Змея". 30. Ходившая на Руси "крыжовая", "левная" или "любская" монета. 31. Композитор, которому Ф.Лист от имени герцога Сансен-Веймарского вручил в 1861 году орден Сокола. 32. Переметная сума для овса в русской кавалерии. 33. Ходовая единица веса в странах Латинской Америки. 36. Мешок под глазом по своей суги. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали. 1. Холм. 7. Черт. 10. Посидоний. 11. Юннерс. 12. Босх. 13. Гибралтар. 14. Крокодил. 17. Зеркало. 20. Запад. 21. Ферзь. 23. Штамп. 24. Кабарга. 25. Озеро. 26. Норна. 28. Жунов. 29. Пронс. 34. Флиндерс. 36. Мифология. 37. Ишан. 38. Ролнер. 39. Травертин. 40. "Шахс". 41. Сноб.

Во вертикали. 1. Хрюшна. 2. Лентор. 3. ...Эос. 4. Низил. 5. Дойра. 6. Вифлеем. 8. Ёхор. 9. Тюха. 10. Приор. 12. Баскетбол. 13. Гималаи. 15. ...пламень... 16. Баламут. 18. Цензура. 19. Избранник. 22. Оглобля. 27. Андора. 30. Унион. 31. Щелкун. 32. Ястреб. 33. Мойва. 34. Фибра. 35. Чинш. 36. Маух. 38. Рис...

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
IX международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

58. А. КОШЕЛЬКОВ

Пеков

2

59. В. МАТЗУШ

Старая Русса

2

60. А. СПЕСАРЕНКО

Дубна Московской обл.

2

61. Е. ФОМИЧЕВ

Нижегородская обл.

2

62. Б. ЖЕЖЕРУН

Полтава, Украина

2

63. В. ШУМАРИН

Москва

2

64. Л. ЛЕБЕДЕВ

Бобруйск, Беларусь

б) n.g7-g6

3

65. В. СУРКОВ

Рязань

3

66. Л. ПРОНИН

Москва

3

67. В. ЖЕЛТОНОЖКО*Екатеринбург*

4

68. В. ИВАНОВ,**Н. ВЛАСЕНКО***Россия*

4

69. Ф. КАКАБАДЗЕ,**М. МАРАНДЮК***Грузия, Украина*

б) n.d6-f6 в) Ke4-d1 # 5

70. В. БАРСУКОВ*Санкт-Петербург*

5

71. Ю. СУШКОВ*Санкт-Петербург*

5

72. Н. ЗИНОВЬЕВ*Усть-Каменогорск,
Казахстан*

12

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ,**опубликованных в "Смене" № 12, 1999**

142. Л. ЛЕБЕДЕВ 1. Фd5? Крс3!, 1.Фe4!
 143. С. РАДЧЕНКО. 1.О-О-О
 144. Ф. КАПУСТИН. а) 1.с8Ф, б) 1.д8Ф, в) 1. f8Ф
 145. Б. ЖЕНЖЕРУН. 1.Фg7
 146. М. ЧЕРНУШИНО. 1.Кed4? e2!, 1.Кbd4
 147. А. ЧЕРНЕНКО. 1.Фd3? Крh4!, 1.Фd2(d7)? Крh6!, 1. Фd8!
 148. Л. ЛЕБЕДЕВ. а) 1. Крh6 Крg8 2.Лf6, 1... Крf8 2.Крg6, б) 1. h8Л Крg7 2.Лe6
 149. Л. ПРОНИН. а) 1. Крf6 Крe4 2. Фе3, 1... Крд6 2.Фс8. б) 1. Фс3 Крe4 2.Крe6
 150. В. ШИЛЬНИНОВ. а) 1. Крf4 e2 2.Крg3. б) 1. Крe3 h5 2.Крf2
 151. Н. ЧИСТЯНОВ. 1. Лf1 Крh5 2.Лf6, 1...f5 2.Лf5, 1...h5 2.Сh6
 152. В. АНТИПОВ. 1.б6 Крb3 2.Сс4, 1...Крa5 2.Фс4, 1...b3 2.Фс5; 1.Сс4? b3!

153. В. КОНОВАЛОВ. 1. Сb5! Крд5 2.Сс4, 1...Крf5 2.Сd3, 1...с6 2.Фf4, 1...с5 2.Фf4
 154. В. КОЗЫРЕВ. 1. Крf6 d6 2.Крf5 d5 3.сd, 1...d5 2.Крe6 dc 3.Лс3
 155. Д. ПАНИЧНИН. 1.д4 Крh8 2.д5 Крg7 3.д6 Крh8 4.д7 Крg7 5.д8С
 156. В. МАТЭУШ. 1.Сb2 Крд5 2.Сa3 Крд4 3.Сb4 Крд5 4.Се7 Крд4 5.Сf6 Крд5 6.Лс7 Крд6 7.Се5 Крд5 8.с4х

Победителями конкурса решения шахматных задач «Смена-99» по сумме результатов стали: **Ю. КАРТАШОВ** (Санкт-Петербург), **В. КОЖАКИН** (Магадан), **Г. ПОПОВ** (Якутск), **В. СИМОНОВ** (Самара), **А. МОТОВИЧЕВ** (Архангельск) и **В. ШУМАРИН** (Москва). Они награждаются дипломами журнала «Смена» и ценными призами.

Редакция поздравляет победителей и желает им новых успехов!

Источник красоты

Мы всегда так ждем тепла и солнца. Но, пожалуйста, не забывайте о том, что в это время года наша кожа требует особого ухода. Именно летом под воздействием высоких температур и ультрафиолета активизируются процессы старения кожи. В связи с потерей влаги ткани кожного покрова иссушаются, резко проявляются мелкие "паутинки" и более глубокие морщины. Поэтому именно сейчас кожа нуждается в увлажняющих и восстанавливающих средствах, которые в идеальном соотношении предлагает косметическая серия "Лита-Цвет".

Увлажняющий крем-гель для кожи любого типа, содержащий витамины Е и F, масло какао, жожоба, тыквеол и, конечно, незаменимый эксалин обеспечивает оптимальное увлажнение кожи, восстанавливает упругость и здоровый цвет. Крем-гель тонизирует кожу, предохраняет от обезвоживания в течение дня, замедляет старение, укрепляет коллагеновые волокна.

Гель для сухой и нормальной кожи содержит эксалин, экстракты розы и солодки, масло жожоба и масло виноградной косточки. Это идеальное средство для длительного увлажнения кожи лица, шеи и декольте. Повышает защитные свойства кожи, возвращает свежесть, гладкость, предохраняет от потери влаги.

Супер-активный регенерирующий крем-гель двойного действия, содержащий эксалин, естественный увлажнитель — гиалуроновую кислоту, масляный экстракт крапивы, масло какао и виноградной косточки, витаминный комплекс — великолепное средство с активным увлажняющим лифтинг-эффектом. Идеально подтягивает и укрепляет кожу, стимулирует обновление клеток, предотвращает образование морщин, снимает следы усталости. Уже через 2-3 недели вы получите замечательный омолаживающий результат и поймете, что с косметикой "Лита-Цвет" можете не зависеть от времени.

Приглашаем оптовиков:

Москва,
ул. 9-я Парковая, дом 37, корп. 1.

Телефоны:

(095) 965-20-38, (095) 467-18-80,
(095) 466-68-44, (095) 164-56-68,
(095) 165-90-01.

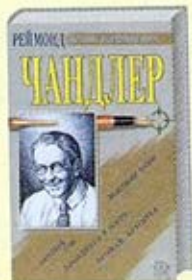
В. Горшков. Цикл романов «ПО ПРОЗВИЩУ «ВОРОН»
Россия 90-х... Бандитское группировки безнаказанно вершат черные дела. Бывший спецназовец майор Северов превращается в мистификатора, объявившего преступному миру непримиримую войну...

Формат 130x205, переплет, 450-464 с.

Цена одной книги 55 руб.

- Хищники
- Закон места
- Двойник

При подписке на серию высылается по 2 книги в месяц.

Серия «ЛУЧШИЕ ДЕТЕКТИВЫ МИРА»

В серию включены великолепно оформленные коллекционные издания признанных мастеров жанра: **Д. Гамильтон, Р. Стаут, Р. Макдональд, Д. Френсис, Р. Чандлер, Э. Макбейн.**

Формат 135x205, переплет, суперобложка золотое тиснение, 700-800 с.

Цена одной книги 78 руб.

Подписка на серию. Высылается по 2 книги в месяц.

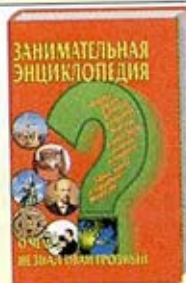

Собрание сочинений Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА в 2-х томах

В собрание сочинений Ф. С. Фицджеральда вошли самые известные произведения: романы «Великий Гэтсби», «Ночь нежна», «По ту сторону рая», «Последний магнат», посвященные темам любви, «великой американской мечты», творческих исканий и божественной жизни, а также лучшие новеллы.

Формат 135x200, переплет, по 512 с. Цена комплекта 78 руб.

Высылается комплектом.

«О ЧЕМ НЕ ЗНАЛ ... ?»

Занимательная энциклопедия

А действительно, о чем не знал Дмитрий Менделеев и даже не подозревали во времена Ивана Грозного? Поверьте, о многом. Например, когда была построена Великая китайская стена, а в России вышла первая газета? Бесконечные «когда» и «почему»? Построенные в форме вопросов и ответов книги серии не только увлекательны и интересны, но и поистине незаменимы для расширения кругозора, как взрослых, так и детей.

- О чем не знал Иван Грозный?
- О чем не знал Менделеев?

Формат 135x205, переплет, по 288 с. Цена одной книги 49 руб.

ГОСТИ НА ПОРОГЕ

Практические советы по сервировке и украшению стола, застольному этикету помогут вам всегда быть на высоте. А оригинальные рецепты разнообразных блюд приятно удивят гостей. И если дом ваш всегда открыт для друзей, значит, это издание специально для вас! Купите его, и гости на пороге никогда больше не застанут вас врасплох.

Формат 130x200, переплет, 320 с., ч/б илл.

Цена 55 руб.

Оформление может быть изменено.

СОВЕТ ДА ЛЮБОВЬ!
Энциклопедия супружества

Увы, нет формулы счастливой семейной жизни, но есть книги, которые помогут раскрыть его секреты и дать советы по самым «коварным» вопросам. А если вы только собираетесь вступить в брак, и у вас возникли сомнения, книга предлагает «посоветоваться» с гороскопом. Но главное, верьте своему сердцу.

Формат 135x205, переплет, 384 с., илл. Цена 59 руб.

Оформление может быть изменено.

Энциклопедический иллюстрированный атлас мира

Великолепно иллюстрированная энциклопедия содержит разнообразный материал о знаменательных датах, исторических фактах и государственной символике, флоре и фауне, климатических особенностях стран мира. Кроме того, в большом объеме приведены физические, политическая и тематические карты мира во всем их многообразии. Формат 234x297, переплет, 160 с., многочисл. цв. илл. Цена 350 руб.

Серия «ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ»

Дела житейские волнуют всех, независимо от пола, возраста или образования. Поэтому книги серии наверняка заинтересуют многих. Названия книг говорят сами за себя. В какой семье нет любителя рыбалки, грибочка, а уж полезные советы пригодятся каждому.

- Большая книга полезных советов
- Грибная охота. Собираем и готовим
- 1000 рецептов консервирования
- На рыбалку! Секреты хорошего улова

Формат 130x205, переплет, 512-672 с., ч/б илл.

Цена одной книги 55 руб.

При подписке на серию высылается по 2 книги в месяц.

Книги вы можете заказать по адресу:

111116, г. Москва, а/я 30 «Смена»

—ены указаны с учетом пересылки за исключением почтового сбора за пересылку перевода наложенного платежа (8Р20% от цены в зависимости от региона) и авиатарифа.

Плата при получении книг на почте.

Книги рассылаются только по территории России.

Представленные книги, а также множество других интересных изданий вы можете приобрести в книжном магазине

«Планета БЕТА»

по адресу:
г. Москва,

ул. Бвиамоторная, д. 18
(м. Збвиамоторная)

☎ (095) 362-1216

Б Л А Н К — З А К А З

код 2608002	О ЧЕМ НЕ ЗНАЛ ИВАН ГРОЗНЫЙ?	☐
код 2608004	О ЧЕМ НЕ ЗНАЛ МЕНДЕЛЕЕВ?	☐
код 2800127	ГОСТИ НА ПОРОГЕ	☐
код 850228	СОВЕТ ДА ЛЮБОВЬ	☐
код 2883	Серия «ЛУЧШИЕ ДЕТЕКТИВЫ МИРА»	☐
код 150076	С/с Ф.С. ФИЦДЖЕРАЛДА в 2-х томах	☐
код 2300	Цикл романов «ПО ПРОЗВИЩУ ВОРОН»	☐
код 2300002	ХИЩНИКИ	☐
код 2300003	ЗАКОН МЕСТИ	☐
код 2300004	ДВОЙНИК	☐
код 2792	Серия «ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ»	☐
код 2792001	БОЛЬШАЯ КНИГА ПОЛЕЗНЫХ СОВЕТОВ	☐
код 2792002	ГРИБНАЯ ОХОТА. Собираем и готовим	☐
код 2792003	1000 РЕЦЕПТОВ КОНСЕРВИРОВАНИЯ	☐
код 2792004	НА РЫБАЛКУ! Секреты хорошего улова	☐
код 650158	Энциклопедический иллюстрированный атлас мира	☐

укажите количество экземпляров

Адрес: _____

ИНДЕКС

Ф.И.О. _____

205

Аудиотеатр "Чистые пруды" предлагает записи литературных и литературно-музыкальных произведений:

"ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН".

Музыкально-поэтическая композиция по роману в стихах А. С. Пушкина и одноименной опере П. И. Чайковского.

Читает **Яков Смоленский**, участвуют солисты, хор и оркестр ГАБТ СССР.

Дирижер **Марк Эрмлер**.
Продолж. зв. 1 час 56 мин. 36 сек. В 2-х кассетах.

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО.

Рассказы.

Читает **Александр Котов**.
В сборник включены рассказы: "День человеческий", "Под столом", "Костя", "Страшный мальчик".

Продолж. зв. 1 час 07 мин. 1 кассета.

"СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА".

Литературная композиция по произведениям А. К. Толстого.

Читает народный артист России **Рафаэль Клейнер**.

"Средь шумного бала", "То было раннею весной", "Колокольчики мои" и другие стихи, отрывки из романов "Князь Серебряный", "Царь Борис", "Смерть Иоанна Грозного".

Продолж. зв. 1 час 29 мин. 40 сек. 1 кассета.

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО.

Рассказы о любви.

Читает **Александр Котов**.
"Рассказ о старом дураке",

"Жениться — не напасть, как бы не пропасть", "Мелкий случай из личной жизни", "Свадебное происшествие", "Забавное приключение". Послесловие.

Продолж. зв. 57 мин. 1 кассета.

"НИОТКУДА С ЛЮБОВЬЮ".

Стихи Лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского.

Автор композиции и исполнитель народный артист России **Рафаэль Клейнер**. В сборник включено 21 стихотворение.

Продолж. зв. 1 час 21 мин. 56 сек. 1 кассета.

САША ЧЕРНЫЙ.

Солдатские сказки.

"Штабс-капитанская сласть", "Солдат и русалка".

Читает **Виктор Шимановский**.
Продолж. зв. 55 мин. 48 сек. 1 кассета.

"РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА"

(на русском языке).

Аудиоспектакль по трагедии Вильяма Шекспира

в переводах **Александра Соколовского** и **Бориса Пастернака**

Продолж. зв. 2 часа 10 мин. 37 сек. В 2-х кассетах.

По вопросам приобретения обращайтесь письменно по адресу: 117218, г. Москва, а/я 95 или по телефону: (095) 125-03-08.

НАШИ ЦЕНЫ ДОСТУПНЫ!

М. Зощенко
РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ

М. Зощенко
РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ
Читает Александр Котов

Рассказ о старом друге
Желетье на валость
Малый случай из личной жизни
Забавное происшествие
Послесловие
Свадебное происшествие

Режиссер
Юрий Лузинкин
Музыкальное оформление
Пола Райгородская

Художник
Юлия Зубова

Аркадий Аверченко

РАССКАЗЫ

Аркадий Аверченко
РАССКАЗЫ

Режиссер - Ю. Лузинкин
Читает - А. Котов

Музыкальное оформление -
Пола Райгородская

День человеческий
Под столом
Костя
Страшный мальчик

Саша Черный
из цикла "Солдатские сказки"

Саша Черный

из цикла "Солдатские сказки"

Штабс-капитанская сласть
Солдат и русалка

Монументальная
Читает
В. Шомоновский

Режиссер
Юрий Лузинкин
Музыкальное
оформление
Пола Райгородская
Художник
Юлия Зубова

ЗАО "ВасКо"

Мебель
для теле-, видео-,
аудиоаппаратуры,
компьютерные
и письменные
столы.

*ЗАО "ВасКо" —
крупносерийное
производство мебели
для теле-, видео-,
аудиоаппаратуры,
компьютерных
и письменных столов,
тумб для обуви.
Поточная технология
в сочетании
с применением
высокопроизводительного
оборудования
ведущих фирм мира
позволяет выпускать
качественные
изделия по
конкурентоспособным
ценам.*

Москва,
ул. Академика Янгеля,
дом 1, строение 17.
Телефон (095) 388-4525,
факс: (095) 388-2096
E-mail: vasko_mebel@mtu-net.ru

Все товары со склада в Москве. Оптовикам скидки

ЗАО
ВасКо®
МЕБЕЛЬ